

Экономические и социально-гуманитарные исследования

№ 2(18)

Апрель — июнь 2018 г.

Научный журнал

Издаётся с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.

Учредитель:

Национальный исследовательский
университет «МИЭТ»

Главный редактор

Пирогов А. И., д. филос. н., проф.

Зам. главного редактора

Растимешина Т. В., д. полит. н., доцент

Редакционный совет:

Чаплыгин Ю. А., академик РАН,
д. т. н., проф. (председатель)

Чумаков А. Н., д. филос. н., проф.,
вед. науч. сотр. ИФ РАН (сопредседатель)

Анискин Ю. П., д. э. н., проф.

Гаврилов С. А., д. т. н., проф.

Гикусов Э. В., д. филос. н., проф.

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. пс. н., проф.

Инфанте Д., PhD, проф.

Университета Калабрии (Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф. (Азербайджан)

Князев В. Н., д. филос. н., проф.

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф.

Рижского университета (Латвия)

Моисеева Н. К., д. э. н., проф.

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф.

Ницевич В. Ф., д. полит. н., проф.

Пирогов А. И., д. филос. н., проф.

Растимешина Т. В., д. полит. н., доцент

Редакционная коллегия:

Анискин Ю. П., д. э. н., проф.

Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф.

Грищенко Н. Ф., д. ист. н., проф.

Гуськова Н. Д., д. э. н., проф.

Даниелян Н. В., д. филос. н., доцент

Евдокимова М. Г., д. н., доцент

Емец В. С., д. полит. н., проф.

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. пс. н., проф.

Ильин В. В., д. филос. н., проф.

Инфанте Д., PhD, проф.

Университета Калабрии (Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф. (Азербайджан)

Кальней В. А., д. н., проф.

Лоза Г. Г., д. полит. н., проф.

Лукичева Л. И., д. э. н., проф.

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф.

Моисеева Н. К., д. э. н., проф.

Мушта А. А., к. филос. н., доцент

(Республика Беларусь)

Ницевич В. Ф., д. полит. н., проф.

Панов А. И., д. полит. н., проф.

Прокофьев А. А., д. н., к. ф.-м. н., доцент

Салимова Т. А., д. э. н., проф.

Смирнова Ж. Вен., к. н., доцент

Смирнова Ж. Вяч., Dr. Sci. (Econ.), проф.

Университета Калабрии (Италия)

Адрес редакции: 124498, Москва,

Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ

Тел.: 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

http://esgi-miet.ru

© «Экономические и социально-
гуманитарные исследования», 2018

© МИЭТ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

Азимов П. Х. Сеть транспортно-логистических центров в Республике Таджикистан как фактор развития национального и международного предпринимательства	5
Анискин Ю. П. Факторы стратегического развития экономики в условиях роста инновационной активности	12
Жимантас Д. К. Особенности классификации методов менеджмента качества в инновационном территориальном кластере	17
Зигаева И. А. Эффективность производства продукции животноводства (на примере Белгородской области)	24
Карпович Ю. В., Лепихин В. В. Урбанизация и развитие сельских территорий: взаимодействие городских и сельских континуумов	31
Костина Г. Д., Торгашова А. В., Акульчева М. В. Концепция расширения горизонтальных взаимодействий предприятий...	35
Лебедев А. С. Методика реструктуризации бизнес-модели на основе маркетинга инноваций	42
Прима Я. Г. Тенденции развития проектного управления в России	49
Рыгалин Д. Б., Седова О. В., Ларчиков А. В. Организационно-финансовое сопровождение программы развития	58
Франк Е. В. Методологические подходы к изучению категории «инновационный потенциал»	64
Шааб А. Оценка менеджмента с точки зрения обеспечения устойчивого развития компаний	73
Щебарова Н. Н., Говор М. А. Кластерная стратегия развития экономики Кольской опорной зоны в pilotном регионе	80
Философия: мир в человеке и человек в мире	
Горбачева И. М., Гришанова Е. В. Роль смеховой коммуникации в социокультурном развитии общества в кризисные периоды	85
Даниелян Н. В. От теории относительности к теории струн	91
Жебит В. А. Матрица: смыслы иерархизма социальной стратификации	99
Клепикова Л. В., Климов С. Н. Стратегия мультикультурализма: вызовы и противоречия	108
Комаров А. И. Марксизм и проблема деятельности	114
Панкина С. Н. Особенности современного этапа развития негосударственного высшего образования	123

Заведующая редакцией
T. B. Растимешина

Ведущий редактор
Ю. В. Лункина

Научный редактор
T. B. Растимешина

Редактор
E. B. Малинкина

Компьютерная верстка
A. B. Бойцовой

Дизайнер обложки
C. Ю. Рыжков

Подписано в печать 20.06.2018.

Формат бумаги 60×84 1/8.

Цифровая печать.

Объем 24,0 усл. печ. л.,

18,2 уч.-изд. л.

Заказ № 20.

Отпечатано

в типографии ИПК МИЭТ

124498, Москва, Зеленоград,

пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Зарегистрирован

Федеральной службой по надзору

в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации

ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.

Включен в Перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой сте-
пени доктора наук (группы специальностей:
08.00.00 — экономические науки,
09.00.00 — философские науки).

Включен в Российский индекс
научного цитирования.

<i>Песоцкий В. А., Жебит В. А.</i> Дао коммуникологии, или Долгий путь к метапарадигме социальной коммуникации.....	132
<i>Попова Т. В.</i> Информационная культура в контексте социокуль- турной динамики.....	141

**Педагогическая система координат:
образование, воспитание, развитие человека**

<i>Мрочко Л. В., Мрочко О. Г., Яковчук Т. Г.</i> Глобализация: интегра- ция средств массовой информации и коммуникации и потреб- ности студентов	147
<i>Литвинов А. И.</i> Развитие понятия <i>вектор</i> в задачах физики и его формализация в математике.....	154
<i>Резник С. Д., Чемезов И. С.</i> Технологии самоконтроля качества личной работы менеджера	163
<i>Шангина О. В., Романов Ф. К.</i> О подмене нравственных норм интеллектуальными в современном образовательном простран- стве	168

Личность. Общество. Государство

<i>Антонов Ф. С.</i> Институциональное воспроизведение парадемо- кратического авторитаризма: причины и последствия	174
<i>Загыртдинов Р. Б.</i> Проблема патриотизма в современном рос- сийском обществе	185
<i>Пирогов А. И., Растимешина Т. В.</i> Оборотная сторона политиче- ского лидерства в системе власти.....	191

Информация

V Декартовские чтения — Международная научно-практиче- ская конференция «Декартовский дуализм и современная кар- тина мира» (информационное письмо)	198
Книжные новинки	201
Памятные и знаменательные даты в апреле — июне 2018 г.	202
К сведению авторов.....	203

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно
по каталогу «Газеты. Журналы»
агентства «Роспечать»
в любом отделении
Почты России

Economic and Social Research

No. 2(18)

2018 April — June

Founder:

National Research University
of Electronic Technology (MIET)

Editor-in-Chief

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.),
Assoc. Prof.

Editorial Council:

Chaplygin Yu. A., Dr. Sci. (Tech.),
Prof., Acad. RAS (Chairman)

Chumakov A. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof.
RAS Institute of Philosophy (Co-Chairman)

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Gavrilov S. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof.

Girusov E. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Zazykin V. F., Dr. Sci. (Psych.), Prof.

Corr. Mem. RAE

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.),
Prof. of University of Calabria

Ismailov V. I. (Azerbaijan), Dr. Sci. (Philos.),
Dir. of Baku College of Management and Technology

Knyazev V. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Lace N. (Latvia), Dr. OEc.,

Prof. of Riga Technical University

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Mrochko L. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Nitsevich V. F., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

Editorial Board:

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Alekseeva I. Yu., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Gritsenko N. F., Dr. Sci. (Hist.), Prof.

Guskova N. D., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Danielyan N. V., Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.

Emets V. S., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Evdokimova M. G., Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof.

Zazykin V. F., Dr. Sci. (Psych.), Prof.

Corr. Mem. RAE

Ilyin V. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.),

Prof. of University of Calabria

Ismailov V. I. (Azerbaijan), Dr. Sci. (Philos.),

Dir. of Baku College of Management and Technology

Kalney V. A., Dr. Sci. (Ped.), Prof.

Loza G. G., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Lukicheva L. I., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Mamedov N. M., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Mushta A. A. (Republic of Belarus),

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.

Nitsevich V. F., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Panov A. I., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Prokofiev A. A., Dr. Sci. (Ped.),

Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof.

Salimova T. A., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Smirnova Zh. V., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof.

Smirnova J. V. (Italy), Dr. Sci. (Econ.),

Prof. of University of Calabria

© "Economic and Social Research", 2018

© MIET, 2018

Scientific Journal

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year).

Certificate of the journal registration

PI No. FS77-69191 was issued 24.03.2017 by the
Federal Agency on Press and Mass Communications
of the Russian Federation

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Azimov P. H.</i> The Network of Transport and Logistics Centers in the Republic of Tajikistan as Factor of National and International Entrepreneurship Development	5
<i>Aniskin Yu. P.</i> Factors of Strategic Development of the Economy under Conditions of Innovative Activity Growth	12
<i>Zhimantas D. K.</i> Features of Quality Management Methods Classification in a Regional Innovation Cluster	17
<i>Sigaeva I. A.</i> Livestock Production Efficiency (Evidence from the Belgorod Region)	24
<i>Karpovich Yu. V.</i> , <i>Lepikhin V. V.</i> Urbanization and Development of Rural Territories: Urban and Rural Continua Interaction	31
<i>Kostina G. D.</i> , <i>Torgashova A. V.</i> , <i>Akulcheva M. V.</i> Concept of the Enterprises' Horizontal Interactions Expansion	35
<i>Lebedev A. S.</i> Business Model Restructuring Methodology Based on Innovations Marketing	42
<i>Prima Y. G.</i> Project Management Development Trends in Russia	49
<i>Rygalin D. B.</i> , <i>Sedova O. V.</i> , <i>Larchikov A. V.</i> Development Program's Organizational and Financial Support	58
<i>Frank E. V.</i> Methodological Approaches to the Study of the "Innovative Potential" Category	64
<i>Schaab A.</i> Assessment of Management in Regards to Ensure Sustainable Development of the Company	73
<i>Shchebarova N. N.</i> , <i>Gowor M. A.</i> Cluster Strategy of Kola Reference Zone Economic Development in the Pilot Region	80

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

<i>Gorbacheva I. M.</i> , <i>Grishanova Ye. V.</i> Laughing Communication Role in Socio-Cultural Development of Society during Crisis Periods	85
<i>Danielyan N. V.</i> From the Theory of Relativity to the Theory of Strings	91
<i>Zhebit V. A.</i> Matrix: the Meanings of Social Stratification Hierarchism	99
<i>Klepikova L. V.</i> , <i>Klimov S. N.</i> Strategy of Multiculturalism: Challenges and Contradictions	108
<i>Komarov A. I.</i> Marxism and Problem of Activity	114
<i>Pankina S. N.</i> Peculiar Features of Non-State Higher Education's Modern Stage of Development	123

Managing editor
T. V. Rastimeshina

Senior editor
Yu. V. Lunkina

Science editor
T. V. Rastimeshina

Editor
E. V. Malinkina

Digital page makeup
A. V. Boytsova

Cover designer
S. Yu. Ryzhkov

Address: Russia, 124498, Moscow,
Zelenograd, Shokin square, Bld. 1,
MIET, editorial office of ESGI journal
Tel.: +7-499-729-76-02
E-mail: esgi.miet@yandex.ru
http://esgi-miet.ru

Signed to print 20.06.2018.
Sheet size 60×84 1/8.
Digital printing.
Conventional printed sheets: 24,0.
Published sheets: 18,2.
Order No. 20.

Printed
at MIET printing workshop
124498, Moscow, Zelenograd,
Shokin square, Bld. 1, MIET.

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued by the Federal
Agency on Press and Mass Communications of the
Russian Federation 24.03.2017.

ESGI journal is included into the List of
reviewed scientific publications, in which the main
scientific results of thesis for candidate of science
and doctor degrees must be published (speciality
groups: 08.00.00 — Economics, 09.00.00 —
Philosophical Sciences).

ESGI journal is included in Russian Science
Citation Index.

Pesotsky V. A., Zhebit V. A. DAO of Communicology, or Long Way
to the Metaparadigm of Social Communication 132
Popova T. V. Information Culture in the Light of Socio-Cultural
Dynamics 141

Pedagogical Reference System: Education, Upbringing, Personal Growth

Mrochko L. V., Mrochko O. G., Yakovchuk T. G. Globalization:
Mass-Media Communications and Students' Needs 147
Litvinov A. I. Development of *Vector* Concept in Problems of Physics
and its Formalization in Mathematics 154
Reznik S. D., Chemezov I. S. Technologies of Self-Checking of
Manager's Personal Work Quality 163
Shangina O. V., Romanov F. K. About Substitution of Intellectual
Standards for Ethical Norms in Modern Education Space 168

Personality. Society. State

Antonov F. S. Institutional Reproduction of Parademocratic Authoritarianism:
Causes and Consequences 174
Zagirtdinov R. B. Problem of Patriotism in Modern Russian Society 185
Pirogov A. I., Rastimeshina T. V. Reverse Side of Political Leadership
in the System of Power 191

Information

5th Readings from Descartes — International Research and Practice
Conference “Descartes’ Dualism and Contemporary World View”
(invitation letter) 198
New Books 201
Memorable and Remarkable Dates, April to June 2018 202

**ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**
**ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH:
THEORY AND PRACTICE**

УДК 338.47(575.3)

DOI: 10.24151/2409-1073-2018-2-5-11

**Сеть транспортно-логистических центров в Республике Таджикистан
как фактор развития национального и международного предпринимательства**

П. Х. Азимов

*Таджикский технический университет имени академика М. С. Осими, г. Душанбе,
Республика Таджикистан*

pulaz@mail.ru

Исследуются современные проблемы развития транспортно-логистической системы Республики Таджикистан. Поскольку недостаточный транзитный потенциал коррелирует с низким уровнем развития предпринимательства в стране, обосновывается необходимость создания сети транспортно-логистических центров и предлагаются критерии отбора их месторасположения. Выдвигаются предложения по повышению степени интеграции Республики Таджикистан в международные торгово-экономические потоки.

Ключевые слова: Республика Таджикистан; транспортно-логистическая система; транспортно-логистические центры; предпринимательство; Евразийский экономический союз.

**The Network of Transport and Logistics Centers in the Republic of Tajikistan
as Factor of National and International Entrepreneurship Development**

P. H. Azimov

*Tajik Technical University named after academician M. S. Osimi, Dushanbe, Republic
of Tajikistan*

pulaz@mail.ru

The author studies modern problems of the transport and logistics system development in the Republic of Tajikistan. Since unsufficient transit potential is closely interrelated with low degree of entrepreneurship development in the country, the author has substantiated the necessity to develop a network of transport and logistics centers and has proposed criteria for selecting their location. He did put forward proposals for increasing level of the Republic of Tajikistan's integration into international cargo flows.

Keywords: Republic of Tajikistan; transport and logistics system; transport and logistics centers; entrepreneurship; Eurasian Economic Area.

© Азимов П. Х.

Состояние института предпринимательства в стране тесно взаимосвязано со степенью ее интеграции в международные экономические потоки. Сегодня транзитный потенциал Республики Таджикистан практически не реализован, а страна по степени интеграции в международные грузовые потоки близка к коммуникационному тупику. Такое состояние связано не только с географическими и природно-климатическими особенностями, сколько с факторами управления развитием транспортно-логистической системы. В частности, остается нерешенной крупная проблема создания сети объектов транспортно-логистической инфраструктуры.

Повышение степени интенсивности интеграции Республики Таджикистан в международное торгово-экономическое пространство становится важнейшей задачей обеспечения устойчивого социально-экономического развития территории страны. Однако объективные данные международных организаций и органов государственной власти свидетельствуют о низком уровне интеграции в международные экономические потоки. К примеру, доля международного транзита в общем объеме перевозки грузов составляет всего 1,5 % [1], что является наглядным количественным показателем по стране. Кроме того, наблюдается явный дисбаланс в использовании различных видов транспорта: 93,5 % грузов перевозится автомобильным транспортом, 6,4 % грузов — железнодорожным [2]. Безусловно, на это влияют и географические особенности, сложный рельеф, однако такое распределение потоков грузов по видам транспорта превышает критические значения отклонения от сбалансированности.

Интеграция национальной экономической системы в международную, вступление Республики Таджикистан в Евразийский экономический союз требует решения проблем транспортного комплекса. Первочередные задачи обозначены в Государственной программе развития транспортного комплекса Республики Таджикистан [3],

а также отчасти раскрыты в Концепции государственной политики по привлечению инвестиций [4], в Программе среднесрочного развития республики на 2016—2020 гг. [5] и в Национальной стратегии развития до 2030 г. [6].

Стратегия развития транспортной системы Республики Таджикистан раскрывается и в работах таких научных деятелей, как Х. Х. Хабибуллоев, Ш. О. Сайдмуродова, Р. Д. Худоербекова, которые в целях повышения степени интеграции экономики страны в международное экономическое пространство предлагают решить стратегические задачи: согласование принципов тарифной, налоговой и таможенной политики с государствами-партнерами, развитие сети международных транспортных коридоров, совершенствование транспортной инфраструктуры [7].

На основе анализа состояния транспортно-логистической системы (ТЛС) Республики Таджикистан А. Д. Молокович и В. А. Лукша предлагают комплекс мероприятий для развития ТЛС:

1) *организационные мероприятия*: внедрение технологии «одного окна», организация перевозок грузов в контейнерах, развитие инфраструктуры региональных пунктов таможенного оформления и др.;

2) *технические мероприятия*: внедрение мобильных инспекционно-досмотровых комплексов, внедрение автоматизированной системы электронного предварительного информирования о товарах и др.;

3) *правовые мероприятия*: закрепление упрощенной процедуры таможенного оформления товаров, совершенствование законодательства с целью привести его в соответствие с законодательством стран-партнеров [8].

Взаимосвязь направлений модели формирования и развития ТЛС Республики Таджикистан с развитием международного предпринимательства рассматривалась нами в исследовании национальной экономики [9]. Эффективное функционирование национальной ТЛС становится условием интеграции Республики

Таджикистан в международное экономическое пространство, в том числе за счет привлечения к участию в экономике страны предпринимательских структур — резидентов и зарубежных компаний и организаций, и оказывает прямое и косвенное влияние на развитие внутренней и внешней предпринимательской среды. Прямое влияние предполагает создание новых предприятий, диверсификацию предпринимательской деятельности уже существующих юридических лиц — компаний, непосредственно оказывающих транспортные,

логистические услуги, услуги таможенного сопровождения и др. Кроме того, можно говорить о косвенном влиянии, которое распространяется на смежные отрасли, обеспечивающие развитие предпринимательства, и проявляется в повышении показателей экономической деятельности и образовании новых видов деятельности, новых предпринимательских структур.

На необходимость развития бизнеса в Республике Таджикистан указывают и низкие позиции страны в международных рейтингах (см. рисунок).

Реализация транзитного потенциала Республики Таджикистан требует системного подхода, гарантирующего взаимосвязь, скоординированность и согласованность функций всех элементов транспортно-логистической инфраструктуры. Как показывает опыт зарубежных стран, в основе эффективных национальных ТЛС лежит сеть региональных транспортно-логистических центров (ТЛЦ). Методологическое и научно-прикладное обоснование потребности транспортно-логистического комплекса Республики Таджикистан

в такой сети можно найти в трудах многих исследователей: В. И. Жмачинского и соавторов [10], А. В. Ковтунова [11], В. Н. Морозова [12], А. В. Рябченковой [13], Ж. Темирбекова [14], Е. Е. Тулениева [15] и других.

Понятие «транспортно-логистический центр» классифицируется по территориальному, системному и сервисному признакам. Европейская экономическая комиссия ООН (www.unesc.org/info/ece-homepage.html) дает определение ТЛЦ по территориальному признаку: объединение в пределах территории коммерческих организаций, осуществляющих грузоперевозки и сопутствующие услуги. В таблице собраны определения ТЛЦ из различных источников.

¹ Doing Business Data // Doing Business [Электронный ресурс] / The World Bank. Cop. 2017. URL: <http://www.doingbusiness.org/data> (дата обращения: 19.08.2017).

Трактовка понятия «транспортно-логистический центр»

Автор	Определение
1. М. М. Ковалев, А. А. Королева, А. А. Дутина [16]	Логистический центр, назначение которого состоит в оказании комплекса транспортно-экспедиционных услуг по перевозке грузов и сопутствующих услуг участникам ТЛС
2. Е. В. Мысник [17, с. 23]	Структура, включающая несколько компаний-операторов, осуществляющих на коммерческой основе комплексную логистическую деятельность на международном и внутреннем направлениях. Назначение ТЛЦ состоит в координации деятельности различных видов транспорта, обеспечении погрузки-выгрузки транспортных средств, складирования и грузопереработки, коммерческого обслуживания клиентов, дистрибуции товаров, предоставлении прочих услуг (финансовых, информационных, консалтинговых)
3. С. В. Калентеев, Ю. Г. Кузменко [18]	Объединение связанных или независимых логистических посреднических организаций в рамках единой локации для формирования полного перечня услуг логистического сервиса и предоставления их клиентам. Включает функциональные комплексы логистики: снабжение, распределение, складирование, управление запасами, транспортировку
4. Т. В. Коновалова, И. Н. Котенкова [19]	Многофункциональный терминальный комплекс, размещаемый в общественных транспортных узлах

Создание сети ТЛЦ в Республике Таджикистан требует решения следующих задач:

- 1) обоснование и утверждение критериев выбора месторасположения ТЛЦ;
- 2) выбор формата функционирования ТЛЦ;
- 3) определение перечня транспортно-логистических услуг, оказываемых ТЛЦ;
- 4) финансово-экономическое обоснование создания сети ТЛЦ;
- 5) выбор модели финансирования строительства ТЛЦ, распределение ответственности между сторонами строительства, управления и эксплуатации ТЛЦ (при выборе модели государственно-частного партнерства);
- 6) управление эффективностью функционирования ТЛЦ, в том числе оценка социально-экономической эффективности, оценка влияния на развитие предпринимательства.

Учитывая опыт зарубежных стран, можно выделить наиболее значимые критерии выбора месторасположения ТЛЦ, а именно наличие:

- 1) пересечения транспортных линий двух и более видов транспорта;
- 2) базовых объектов транспортной инфраструктуры;
- 3) базовых объектов логистической инфраструктуры;
- 4) объектов таможенной инфраструктуры;
- 5) организаций финансовой инфраструктуры (кредитных, страховых);
- 6) потенциала использования информационно-коммуникационных технологий.

Наиболее соответствуют этим критериям населенные пункты: Душанбе, Канибадам, Вахдат, Куляб, Хошади, Нижний Пяндж, Турсунзаде, Хорог. Дальнейшее развитие методологических и научно-прикладных основ создания сети транспортно-логистических центров требует обоснования социально-экономической эффективности их строительства и возможности бюджетного финансирования, а также выбора перечня услуг, которые обеспечивают транспортно-логистическим центрам конкурентные преимущества на международном рынке транспортно-логистических услуг.

Литература

1. Статистический ежегодник — 2016. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2016. 329 с.
2. Транспорт и связь Республики Таджикистан: статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2017. 34 с.
3. Государственная целевая программа развития транспортного комплекса Республики Таджикистан до 2025 года: утв. постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 апреля 2011 г. № 165 // Mintrans.Tj: [Электронный ресурс] / Министерство транспорта Республики Таджикистан. Сор. 2013. URL: http://www.mintrans.tj/sites/default/files/2017/gosudarstvennaya_celevaya_programma_razvitiya.pdf (дата обращения: 29.08.2017).
4. О Концепции государственной политики привлечения и защиты инвестиций Республики Таджикистан: постановление Правительства Республики Таджикистан от 29 декабря 2012 г. № 755 // Государственный комитет по инвестициям и управлению государственным имуществом: [Электронный ресурс] / Сайт разработан при содействии Проекта ПРООН/DFID «Поддержка эффективной национальной координации и мониторинга внешней помощи». Сор. 2014. URL: <http://www.gki.tj/files/zakon/121b94cff5d0f210540e59c0fba98884.pdf> (дата обращения: 29.08.2017).
5. Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2016—2020 годы: утв. постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 28 декабря 2016 г. № 678 // Агентство социального страхования и пенсий при Правительстве Республики Таджикистан: [Электронный ресурс] / Разраб. в DarAmal. Сор. 2014—2018. URL: http://nafaka.tj/images/zakoni/new/programm_2016-2020_ru.pdf (дата обращения: 15.05.2018).
6. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года: утв. постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 г. № 636 // Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан: [Электронный ресурс]. Сор. 2016. URL: http://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/strategic_national_prog_ru.pdf (дата обращения: 21.08.2017).
7. Хабибуллоев Х.Х., Сайдмуродова Ш.О., Худоербекова Р.Д. Основные направления интеграции транспортной отрасли Республики Таджикистан в международную транспортную систему // Вестник Таджикского технического университета. 2010. Т. 1-1 № 1. С. 86—90.
8. Молокович А.Д., Лукша В.А. Развитие транспортно-логистической системы Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // Логистические системы и процессы в условиях экономической нестабильности: Мат-лы IV Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Минск, 6—7 дек. 2016 г.) / Ин-т бизнеса и менеджмента технологий БГУ; отв. ред. В. В. Апанасович. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. Доступно: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/189055> (дата обращения 14.01.2018 г.).
9. Азимов П.Х. Модели формирования и развития транспортно-логистической системы Республики Таджикистан // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). 2017. Т. 1 № 2 (58). С. 108—114.
10. Жмачинский В.И., Веселов С.В., Карташов М.В. Формирование и развитие транспортно-логистических центров в Поволжском макрорегионе: монография. Астрахань: Сорокин Р.В., 2016. 152 с.: граф.
11. Ковтунов А.В. Основы теории формирования транспортно-логистических центров региона: монография. Самара: СамГАПС, 2004. 106 с.: ил.
12. Морозов В.Н. Кластерная организация международных транспортных коридоров на основе логистических центров = Cluster organization of international transportation corridors on the basis of logistic centers: монография. М.: ВИНИТИ, 2009. 449 с.: ил.
13. Рябченкова А.В. Анализ и обобщение опыта деятельности по созданию транспортно-логистических центров в России: монография. Иркутск: ИГИУВ, 2010. 135 с.: ил.
14. Темирбеков Ж. Разработка рекомендаций по формированию и технологии функционирования транспортно-логистических центров // Вестник НГИЭИ. 2016. № 6 (61). С. 99—104.
15. Тулендиеев Е.Е. Научно-методические основы развития системы региональных транспортно-логистических центров (на примере Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2009. 23 с.
16. Ковалев М.М., Королева А.А., Дутина А.А. Транспортная логистика в Беларуси: состояние, перспективы: монография. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. 327 с.
17. Мысник Е.В. Мультимодальные транспортно-логистические центры. Иркутск: ИрГУПС, 2016. 88 с.
18. Калентеев С.В., Кузменко Ю.Г. О проблемах терминологии современной логистики в РФ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2012. № 30. С. 156—160.
19. Коновалова Т.В., Котенкова И.Н. Транспортно-логистические центры в региональной транспортно-логистической системе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2. С. 311—313.
20. Азимов П.Х. Проблемы и перспективы развития транспортно-логистической системы Республики Таджикистан // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2017. Т. 27 № 1. С. 7—12.
21. Таджикистан в цифрах. 2014: статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2014. 165 с.

Поступила после доработки 07.03.2018

Азимов Пулод Хакимович — кандидат экономических наук, доцент Таджикского технического университета имени академика М. С. Осими (Республика Таджикистан, 734042, г. Душанбе, пр-т академиков Раджабовых, д. 10), *pulaz@mail.ru*

References

1. Statisticheskii ezhegodnik — 2016 (2016 Statistical Yearbook), Dushanbe, Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadzhikistan, 2016, 329 p.
2. Transport i svyaz' Respubliki Tadzhikistan, statisticheskii sbornik (Transport and Communication Service in the Republic of Tajikistan, Statistical Book), Dushanbe, Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadzhikistan, 2017, 34 p.
3. "Gosudarstvennaya tselevaya programma razvitiya transportnogo kompleksa Respubliki Tadzhikistan do 2025 goda, utv. postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Tadzhikistan ot 1 aprelya 2011 g. No. 165" (State Targeted Program of Development of the Republic of Tajikistan's Transport Complex, Approved by Decision of Government of the Republic of Tajikistan from 1 Apr. 2011 No. 165). *Mintrans. Tj. Ministerstvo transporta Respubliki Tadzhikistan*, cop. 2013. Web. 29 Aug. 2017. <http://www.mintrans.tj/sites/default/files/2017/gosudarstvennaya_celevaya_programma_rазвития.pdf>.
4. "O Konseptsii gosudarstvennoi politiki privlecheniya i zashchity investitsii Respubliki Tadzhikistan: postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Tadzhikistan ot 29 dekabrya 2012 g. No. 755" (On Concept of State Policy for Attracting and Protecting Investments of the Republic of Tajikistan, Decision of Government of the Republic of Tajikistan of 29 Dec. 2012 No. 755). *Gosudarstvennyi komitet po investitsiyam i upravleniyu gosudarstvennym imushchestvom*. Sait razrabotan pri sodeistvii Proekta PROON/DFID "Podderzhka effektivnoi natsional'noi koordinatsii monitoringa vnesheini pomoshchi", cop. 2014. Web. 29 Aug. 2017. <<http://www.gki.tj/files/zakon/121b94cff5d0f210540e59c0fba98884.pdf>>.
5. "Programma srednesrochnogo razvitiya Respubliki Tadzhikistan na 2016—2020 gody, utv. postanovleniem Madzhlisi namoyandagon Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan ot 28 dekabrya 2016 g. No. 678" (Medium-Term Development Program of the Republic of Tajikistan for the Years 2016 to 2020, Approved by Decision of Majlis namoyandagon Majlis Oli of the Republic of Tajikistan of 28 Dec. 2016 No. 678). *Agentstvo sotsial'nogo strakhovaniya i pensii pri Pravitel'stve Respubliki Tadzhikistan*. Razrab. v DarAmal, cop. 2014—2018. Web. 15 May 2018. <http://nafaka.tj/images/zakoni/new/programm_2016-2020_ru.pdf>.
6. "Natsional'naya strategiya razvitiya Respubliki Tadzhikistan na period do 2030 goda, utv. postanovleniem Madzhlisi namoyandagon Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan ot 1 dekabrya 2016 g. No. 636" (National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the Period until 2030, Approved by Decision of Majlis namoyandagon Majlis Oli of the Republic of Tajikistan of 1 Dec. 2016 No. 636). *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya i torgovli Respubliki Tadzhikistan*. S. l., cop. 2016. Web. 21 Aug. 2018. <http://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/strategic_national_prog_ru.pdf>.
7. Khabibulloev Kh. Kh., Saidmurodova Sh. O., Khuodorbekova R. D. Osnovnye napravleniya integratsii transportnoi otrassli Respubliki Tadzhikistan v mezhdunarodnuyu transportnuyu sistemу (Main Directions of the Republic of Tajikistan's Transport Branch Integration into International Transport System), *Vestnik Tadzhikskogo tekhnicheskogo universiteta*, 2010, T. 1-1 No. 1, pp. 86—90.
8. Molokovich A. D., Luksha V. A. "Razvitiye transportno-logisticheskoi sistemy Respubliki Tadzhikistan". (Development of the Transport and Logistics System of the Republic of Tajikistan). *Logisticheskie sistemy i protsessy v usloviyakh ekonomicheskoi nestabil'nosti, Mat-ly IV Mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf.* (Minsk, 6—7 dek. 2016 g.). In-t biznesa i menedzhmenta tekhnologii BGU, otv. red. V. V. Apanasovich, Minsk, Izd. tsentr BGU, 2016. Web. 14 Jan. 2018. <<http://elib.bsu.by/handle/123456789/189055>>.
9. Azimov P. Kh. Modeli formirovaniya i razvitiya transportno-logisticheskoi sistemy Respubliki Tadzhikistan (Models for Formation and Development of Transport and Logistic System of the Republic of Tajikistan), *Vestnik universiteta (Rossiisko-Tadzhikskii (slavyanskiy) universitet)*, 2017, T. 1 No. 2 (58), pp. 108—114.
10. Zhmachinskii V. I., Veselov S. V., Kartashov M. V. Formirovaniye i razvitiye transportno-logisticheskikh tsentrov v Povolzhskom makroregione (Transport and Logistics Centres Formation and Development in Povolzhskiy Macroregion), monografiya, Astrakhan', Sorokin R. V., 2016, 152 p., graf.
11. Kovtunov A. V. Osnovy teorii formirovaniya transportno-logisticheskikh tsentrov regiona (Main Theories of the Territory's Transport and Logistics Centers Formation), monografiya, Samara, SamGAPS, 2004, 106 p., il.
12. Morozov V. N. Klasternaya organizatsiya mezdunarodnykh transportnykh koridorov na osnove logisticheskikh tsentrov (Cluster Organization of International Transportation Corridors on the Basis of Logistic Centers), monografiya, M., VINITI, 2009, 449 p., il.
13. Ryabchenkova A. V. Analiz i obobshchenie opyta deyatel'nosti po sozdaniyu transportno-logisticheskikh tsentrov v Rossii (Analysis and Experience Generalization of Transport and Logistics Centers Creation Activity in Russia), monografiya, Irkutsk, IGIUV, 2010, 135 p., il.
14. Temirbekov Zh. Razrabotka rekomendatsii po formirovaniyu i tekhnologii funktsionirovaniya transportno-logisticheskikh tsentrov (Development of Recommendations on the Development and Technology of Functioning of Transport-Logistic Centres), *Vestnik NGIEI*, 2016, No. 6 (61), pp. 99—104.
15. Tulendiev E. E. Nauchno-metodicheskie osnovy razvitiya sistemy regional'nykh transportno-logisticheskikh tsentrov (na primere Respubliki Kazakhstan), avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk (Research and Methodological Basics of Regional Transport and Logistics Centers Development (Evidence from Republic of Kazakhstan), Extended Abstract of Cand. Sci. (Econ.) Dissertation), 08.00.05, M., 2009, 23 p.
16. Kovalev M. M., Koroleva A. A., Dutina A. A. Transportnaya logistika v Belarusi: sostoyanie, perspektivy (Transportation Logistics in Belarus: State and Perspectives), monografiya, Minsk, Izd. tsentr BGU, 2017, 327 p.
17. Mysnik E. V. Mul'timodal'nye transportno-logisticheskie tsentry (Multi-Modal Transportation and Logistics Centers), Irkutsk, IrGUPS, 2016, 88 p.
18. Kalenteev S. V., Kuzmenko Yu. G. O problemyakh terminologii sovremennoi logistiki v RF (On Modern Logistics' Terminology Problems in Russian Federation), *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Ekonomika i menedzhment*, 2012, No. 30, pp. 156—160.

19. Konovalova T. V., Kotenkova I. N. Transportno-logisticheskie tsentry v regional'noi transportno-logisticheskoi sisteme (Transportation and Logistic Centers in Regional Transport and Logistics System), *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2013, No. 2, pp. 311—313.

20. Azimov P. Kh. Problemy i perspektivy razvitiya transportno-logisticheskoi sistemy Respubliki Tadzhikistan (Problems and Prospects of Development of the Transportation and Logistics System of the Republic of Tajikistan), *Vestnik Udmurtskogo universiteta, Seriya Ekonomika i pravo*, 2017, T. 27 No. 1, pp. 7—12.

21. Tadzhikistan v tsifrakh. 2014, statisticheskii sbornik (Tajikistan in Figures. 2014, Statistical Book), Dushanbe, Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadzhikistan, 2014, 165 p.

Submitted after updating 07.03.2018

Azimov Pulod H., Candidate of Economic Sciences, docent, Tajik Technical University named after academician M. S. Osimi (10, acad. Rajabovs ave., Dushanbe, 734042, Republic of Tajikistan), *pulaz@mail.ru*

Факторы стратегического развития экономики в условиях роста инновационной активности

Ю. П. Анискин

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

anisk@mail.ru

Рассматриваются факторы, влияющие на стратегическое развитие в условиях роста инновационной активности компаний. Обосновывается необходимость использования механизма стратегического планирования, включающего ориентиры и цели развития на длительный период. В целях сохранения устойчивости компаний — участников стратегических программ развития предлагается создать механизм управления инновационными потенциалами этих компаний на основе системного организационного интегратора взаимодействия участников программ инновационного развития.

Ключевые слова: неравновесное состояние; инновационный потенциал; системный организационный интегратор; деловая активность; факторы развития компаний.

Factors of Strategic Development of the Economy under Conditions of Innovative Activity Growth

Yu. P. Aniskin

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

anisk@mail.ru

The author considers factors influencing strategic development under conditions of companies' innovative activity growth. He substantiates the necessity to use strategic planning mechanism including objectives and targets for long-term development. In order to preserve equilibrium of companies participating in strategic development programs the author has proposed to create mechanism of these companies' innovative potentials management based on system organization integrator of innovative development programs participants' interaction.

Keywords: nonequilibrium condition; innovative potential; system organization integrator; business activity; company development factors.

В условиях инновационной экономики возрастает динамичность внешней и внутренней среды предприятия. Происходящие в ней изменения повышают степень неопределенности при принятии решений, что, в свою очередь, отражается на темпах роста хозяйственного риска при достижении поставленных целей. Эти обстоятельства

способствуют переходу субъектов экономики в неравновесное состояние, что в конечном итоге снижает финансовую устойчивость научно-промышленных компаний. В целях обеспечения устойчивости работы бизнеса в условиях высокой неопределенности необходимо иметь ориентиры развития, стратегические цели и план

их достижения. В отсутствие этого каждая компания в бизнес-группе начинает искать собственный выход из текущей негативной ситуации, не согласуясь с перспективной деятельностью всей группы. В результате принимаются несбалансированные решения, не отвечающие требованиям стратегии развития бизнеса.

Как показывают многолетние исследования автора, чем выше неопределенность и динамика изменения внешней среды, тем актуальнее для компании разработка целевой стратегии развития на долгосрочный период.

Целенаправленное стратегическое планирование, взаимосвязанное с текущей деятельностью компании, невозможно без наличия утвержденной стратегии развития [1, гл. 2].

Как правило, цель стратегического планирования — развитие ключевых направлений деятельности и обеспечение последовательного экономического роста на основе *повышения деловой активности компании*, охватывающей развитие инновационного потенциала, рост производственного и трудового потенциала, увеличение ресурсного обеспечения и активизацию финансово-экономической деятельности компании. Активность любого вида деятельности определяется темпами движения к заданной цели.

В монографии [2], обобщающей данные многолетних исследований деловой активности компаний, отмечается: «*Деловая активность — это комплексная категория жизнедеятельности бизнеса. Она является результирующим показателем компании от воздействия локальных (частных) составляющих — производственной, инновационной, финансовой, маркетинговой, инвестиционной, трудовой, социально-экономической и других видов активности*» [2, с. 9]. Отсюда стратегическое развитие, направленное на повышение деловой активности компании в долгосрочной перспективе, должно предусматривать комплексное воздействие локальных составляющих деловой активности на достижение стратегических целей.

Результаты исследований автора и других специалистов позволяют утверждать: *при стратегическом планировании необходимо соблюдать экономические пропорции роста и пороговые темпы развития составляющих деловой активности*. В противном случае стратегия развития может привести компании к снижению финансовой устойчивости и даже банкротству. Кроме того, трудности реализации стратегии развития связаны с цикличностью изменения состояния экономики, последовательно проходящей фазы роста, насыщения, спада (рецессии) и кризиса (депрессии). Наступление каждой следующей фазы вызвано совокупностью объективных причин и возникновением условий перехода из одного состояния в другое. Поскольку каждая фаза развития имеет отличительные признаки, для управления компаниями в периоды роста, насыщения, спада или кризиса необходимы различные приемы менеджмента, учитывающие специфику состояния компании.

Следовательно, факторы цикличности изменения состояния экономики, высокого уровня неопределенности внешней среды и роста инновационной активности экономических субъектов в период развития обусловливают необходимость разработки специальных механизмов управления, отвечающих требованиям сбалансированного развития компаний и экономики страны.

Стратегическое развитие субъектов экономики предполагает создание условий для сбалансированного роста возможностей всех видов деятельности, необходимых для обеспечения конкурентоспособности инноваций в ключевых направлениях экономики. Иными словами, в процессе развития следует наращивать организационный, финансово-экономический, производственный, инновационный, трудовой, интеллектуальный, маркетинговый и другие разновидности потенциала в целях реализации необходимых видов инновационной деятельности.

В процессе инновационного развития в рамках программ различного уровня (федерального, регионального, корпоративного) компаний с разным уровнем возможностей

совместно осуществляют большую совокупность видов деятельности. Это создает управленческие трудности при обеспечении сбалансированного взаимодействия компаний-участников. Результаты анализа инновационных процессов и программ развития научноемких компаний свидетельствуют о том, что несбалансированность деятельности компаний — участников реализации проектов и нарушение экономических пропорций в научно-исследовательской и производственной деятельности, как правило, становятся причиной задержек в осуществлении проектов, повышенного уровня затрат ресурсов и снижения финансовой устойчивости субъектов экономики.

Это приводит к нарушению таких основополагающих принципов управления развитием, как:

- *своевременность* выполнения плановых заданий;
- *сбалансированность* взаимодействия компаний — участников программ развития;
- *экономичность и прогрессивность* принимаемых решений;
- *финансовая устойчивость* компаний в переходный период развития;
- *непрерывность* осуществления инновационного цикла и *пропорциональность* загрузки участников.

В монографии [2] автором подробно исследованы типичные результаты практической реализации программ развития и представлена совокупность возникающих проблем. По итогам исследований установлено, что *в процессе инновационного развития при появлении инноваций возникают противоречия между конкретными изменениями, вносимыми нововведениями, и стремлением научно-производственной системы к устойчивости и целостности*. Потребность в снижении уровня противоречий обуславливает создание механизма управления инновационной активностью предприятий — участников программ развития по критерию финансовой устойчивости. В данном механизме должна предусматриваться процедура выстраивания

рациональных экономических пропорций распределения производственной мощности участников программы развития между освоением выпуска инновационной продукции и изготовлением серийных продуктов. Соблюдение принципа пропорциональности действий является ключевым фактором стратегического развития.

Установление экономических пропорций позволит обеспечить рациональное соотношение между темпами инновационной и производственной активности. В авторском исследовании оно производилось с опорой на известную теорию золотого сечения (восходящую к пифагорейской школе), сегодня называемую также «золотыми пропорциями». Результаты использования данной теории, представленные в монографиях [2; 3; 4], подтверждают эффективность установления рациональных экономических пропорций в процессе инновационного развития для обеспечения необходимой финансовой устойчивости компаний-участников в условиях неравновесного состояния. *Устойчивость* в процессе развития рассматривается как важнейшее свойство целостности субъектов экономики, и сохранение этого свойства в неравновесных условиях является стратегической задачей руководства всех уровней. В противном случае происходит разбалансирование научно-производственных систем, что замедляет темпы экономического роста страны.

Инновационный процесс носит диалектический характер: в результате него некоторая совокупность действий служит целям развития, а другое множество субъективных и объективных действий привносит элементы деградации. Высокий уровень организационно-методической готовности субъектов экономики к реализации программ инновационного развития и целенаправленная поддержка органами государственного управления процессов устойчивого развития способны уменьшить воздействие деструктивных факторов.

Поскольку достижение большинства стратегических целей превышает возможности одной компании, в процесс

инновационного развития вовлекается совокупность предприятий различного типа, от стартапов до концернов. Отсюда *значимым фактором развития становится управление взаимодействием бизнес-структур в инновационных процессах создания конкурентоспособных продуктов.*

Управление множеством структур, взаимодействующих в инновационном цикле (НИОКР, подготовка производства, освоение), в условиях современной российской действительности встречает различные ограничения, что затрудняет следование перечисленным выше принципам развития. Для уменьшения воздействия ограничений на процессы развития необходимо среди прочего:

- идентифицировать и систематизировать возможные ограничения;
- оценить инновационный потенциал участников программ развития;
- определить уровень допустимой финансовой устойчивости участников при заданном уровне инновационной активности;
- выявить проблемные зоны для формирования критических мероприятий;
- выработать критерии эффективности достижения стратегических целей;
- определить системообразующие инновации с мультиликационным эффектом для целенаправленной их реализации;
- сформировать организационно-экономический механизм управления программой развития;
- принимать решения с учетом цикличности развития и отличительных признаков каждой из его фаз.

Выполнение перечисленных и других процедур — задача единого центра управления, обеспечивающего комплексный подход к решению проблем. В качестве такого центра менеджмента предлагается использовать *системный организационный интегратор*, включающий в себя механизм управления инновационными потенциалами предприятий — участников программы развития в процессе их взаимодействия. Интегратор представляет собой совокупность взаимосвязанных модулей управления различными

видами деятельности. Более подробно его строение и принципы функционирования описаны в главе 2 монографии [2].

Создание управленческого центра, выполняющего функции системного организационного интегратора инновационного развития, необходимо по ряду причин:

- координация всего комплекса работ по достижению генеральной цели развития затрудняется наличием взаимосвязанной совокупности инновационных проектов, обеспечивающих достижение этой цели;
- требование выравнивания инновационных потенциалов компаний-участников для решения задач в рамках стратегических целей обуславливает необходимость привлечения дополнительных финансовых ресурсов;
- возрастание сложности инновационных проектов и динамичности обновления продукции требует комплексного организационного сопровождения программы развития;
- высокий уровень неопределенности изменений внешней и внутренней среды в период реализации программы развития актуализирует задачу определения и учета хозяйственного риска выполнения решений;
- многообразие возможных источников привлечения инвестиций порождает проблему выбора и необходимость повышения инвестиционной привлекательности объектов;
- учет интересов заинтересованных сторон (стейкхолдеров) стимулирует инновационную активность участников;
- достижение и поддержание баланса во взаимодействии компаний — участников инновационного цикла позволит сократить дополнительные издержки и повысить эффективность развития.

Анализ внедрения предлагаемого системного организационного интегратора, формируемого с использованием модульного подхода, продемонстрировал возможность обеспечить целенаправленность действий и унифицировать процедуры выполнения каждого модуля, что будет

способствовать повышению уровня готовности компаний к выполнению плановых заданий программы развития.

Литература

1. **Анискин Ю. П., Павлова А. М.** Планирование и контроллинг. 3-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2007. 280 с.: табл. (Высшая школа менеджмента).
2. Корпоративное управление деловой активностью в неравновесных условиях: монография / Ю. П. Анискин и др.; под ред. Ю. П. Анискина. М.: Омега-Л, 2015. 299 с.: ил. (Деловая активность).
3. Корпоративное планирование развития компании: сбалансированность, устойчивость, пропорциональность: монография / Ю. П. Анискин, И. В. Жмаева, С. С. Иванюсь и др.; под ред. Ю. П. Анискина. М.: Омега-Л, 2012. 359 с.: ил.
4. Управление корпоративными изменениями по критерию устойчивости: монография / Ю. П. Анискин, П. А. Бульканов и др.; под ред. Ю. П. Анискина. М.: Омега-Л, 2009. 404 с. (Деловая активность).

Поступила 28.02.2018

Submitted 28.02.2018

Анискин Юрий Петрович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и менеджмента Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), anisk@mail.ru

Aniskin Yurii P., Doctor of Economics, professor, head of Economics and Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), anisk@mail.ru

References

1. Aniskin Yu. P., Pavlova A. M. Planirovaniye i kontrolirovaniye (Planning and Controlling), 3-e izd., ster., M., Omega-L, 2007, 280 p., tabl., Vysshaya shkola menedzhmenta.
2. Korporativnoe upravlenie delovoi aktivnostyu v neravnovesnykh usloviyakh (Economic Activity's Corporate Management in Nonequilibrium Conditions), monografiya, by Yu. P. Aniskin i dr., pod red. Yu. P. Aniskina, M., Omega-L, 2015, 299 p., il., Delovaya aktivnost'.
3. Korporativnoe planirovaniye razvitiya kompanii: sbalansirovannost', ustoichivost', proporsional'nost' (Company Development's Corporate Planning: Equilibrium, Reliability, Proportionality), monografiya, by Yu. P. Aniskin, I. V. Zhmaeva, S. S. Ivanyus' i dr., pod red. Yu. P. Aniskina, M., Omega-L, 2012, 359 p., il.
4. Upravlenie korporativnymi izmeneniyami po kriteriyu ustoichivosti (Corporate Changes Management upon Reliability Criterion), monografiya, by Yu. P. Aniskin, P. A. Bul'kanov i dr., pod red. Yu. P. Aniskina, M., Omega-L, 2009, 404 p., Delovaya aktivnost'.

Особенности классификации методов менеджмента качества в инновационном территориальном кластере

Д. К. Жимантас

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

dzhimantas@yandex.ru

Отмечается тенденция к развитию инновационных территориальных кластеров в России. Система менеджмента качества рассматривается как организационная форма, позволяющая построить адаптивную внутриорганизационную структуру в условиях кластера. Проанализированы известные подходы к структурированию методов управления качеством. Показаны преимущества и недостатки выделенных групп подходов. Разработана классификация систем менеджмента качества в зависимости от объекта управления. Утверждается, что предлагаемая классификация позволяет компаниям эффективнее выбирать подходы к организации системы менеджмента качества с учетом текущих приоритетов своей деятельности.

Ключевые слова: инновационный территориальный кластер; методы менеджмента качества; объект управления; эффективность деятельности компании.

Features of Quality Management Methods Classification in a Regional Innovation Cluster

D. K. Zhimantas

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

dzhimantas@yandex.ru

The author points to the tendency towards development of regional innovation clusters in Russia. He considers quality management system as an organization arrangement that allows the construction of an adaptive intraorganizational structure in a cluster environment. The author did analyze known approaches to the quality management methods structuring. He has developed the classification of quality management systems depending on the asset managed and did show the advantages and disadvantages of the selected groups of approaches. The author assesses that the classification under consideration enables companies to choose the approaches to the quality management system organization more efficiently, with regard to current priorities in their activity.

Keywords: regional innovation cluster; quality management methods; asset managed; company working efficiency.

Сегодня всё больше российских компаний подпадают под внешние санкции и ограничения, что служит императивным стимулом к наращиванию

конкурентоспособности. Как показала практика, в целях более успешного ведения бизнеса и повышения качества выпускаемой продукции и услуг компаний стремятся

к кооперации и организации совместной деятельности, становятся участниками крупных проектов и налаживают взаимо-выгодное сотрудничество. Государство, в свою очередь, всемерно поощряет создание таких групп компаний: технопарков, бизнес-инкубаторов, особых экономических зон, индустриальных (промышленных) парков и инновационных территориальных кластеров, — каждой из которых присущи уникальные особенности. Одним из ключевых направлений развития, включенным в программу государственной поддержки до 2020 г., стало формирование инновационных территориальных кластеров (ИТК) [1; 2].

Наличие развитой инфраструктуры на территории ИТК побуждает локальных производителей к созданию и расширению бизнеса, способствует появлению специализированных кластеров и сопутствующих коммерческих и производственных объектов, а также существенно упрощает задачу привлечения инвесторов, которые всё чаще вкладывают средства в развитие регионов [3]. Единый управляющий орган ИТК позволяет развивать горизонтальные связи участников кластера и ориентирует деятельность организаций на создание инноваций и новых продуктов.

Территориальные кластеры — относительно новое и перспективное явление в России. Инструменты и методы, позволяющие компаниям эффективно функционировать при плотном взаимодействии, только разрабатываются и внедряются. В результате исследования автором было выявлено [4, с. 10—11], что одним из перспективных направлений развития, в долгосрочной перспективе повышающим конкурентоспособность участников территориального кластера благодаря формированию адаптивной внутриорганизационной среды, является внедрение в компаниях системы менеджмента качества (СМК).

При хроническом дефиците средств всеобъемлющая система привлечения персонала компаний к решению проблем непрерывного совершенствования качества

продукции могла бы стать наименее дорогостоящим решением, способным дать максимальный экономический эффект.

Однако большое количество разнородных методов управления качеством создает трудности при их изучении и выборе для применения в ИТК. В такой ситуации вопрос эффективности тех или иных методик управления качеством в рамках кластера приобретает всё большую актуальность. Опыт практической деятельности выявил потребность участников кластера в систематизации всего множества методов, относящихся к сфере менеджмента качества. Их компактное представление в виде классификационной модели способно облегчить принятие решений при планировании и внедрении СМК в компаниях, стремящихся достигнуть максимальной эффективности в неблагоприятных условиях внешней и внутренней среды.

На сегодня уже разработан ряд классификаций, каждая из которых имеет преимущества и недостатки. Так, В. В. Ефимов подразделяет методы управления качеством на экономические, организационно-распорядительные, социально-психологические и научно-технические. В последней группе автор объединяет методы работы с оборудованием (технологические) и информацией (статистические, экспертные, методы сродства), а также комплексные и исследовательские методы [5, гл. 1.8].

Академик В. В. Окрепилов объединяет методы работы над качеством в три группы: методы его обеспечения, стимулирования и контроля результатов работы по качеству, а также предлагает классификацию приемов и средств всеобщего управления качеством по четырем сферам управления: «Качество», «Процесс», «Персонал» и «Ресурсы». В этой модели на одном уровне находятся отдельные методы, системы и теории [6].

Исследователи И. Н. Томохова и Н. А. Рыжова различают отдельные и комплексные методы, а также выделяют концепции и системы управления качеством. Отдельные методы в свою очередь классифицированы по объекту воздействия (информация, социальные системы и оборудование) [7, с. 88].

Классификации рассмотренных авторов отвечают основной цели — систематизации знаний об СМК, тем не менее показывают малую эффективность при подборе метода создания или развития СМК компании в рамках ИТК. Участникам кластера необходима такая систематизация подходов к СМК, которая позволяла бы выбрать метод, отвечающий текущим приоритетам их деятельности в кластере (повышение

качества процессов производства и проектирования, развитие персонала или комплексная модернизация всей структуры и всех процессов организации).

В результате проведенного автором исследования компаний — участников ИТК «Зеленоград», с учетом специфики их требований, в качестве классификационного признака был выбран объект управления (см. таблицу).

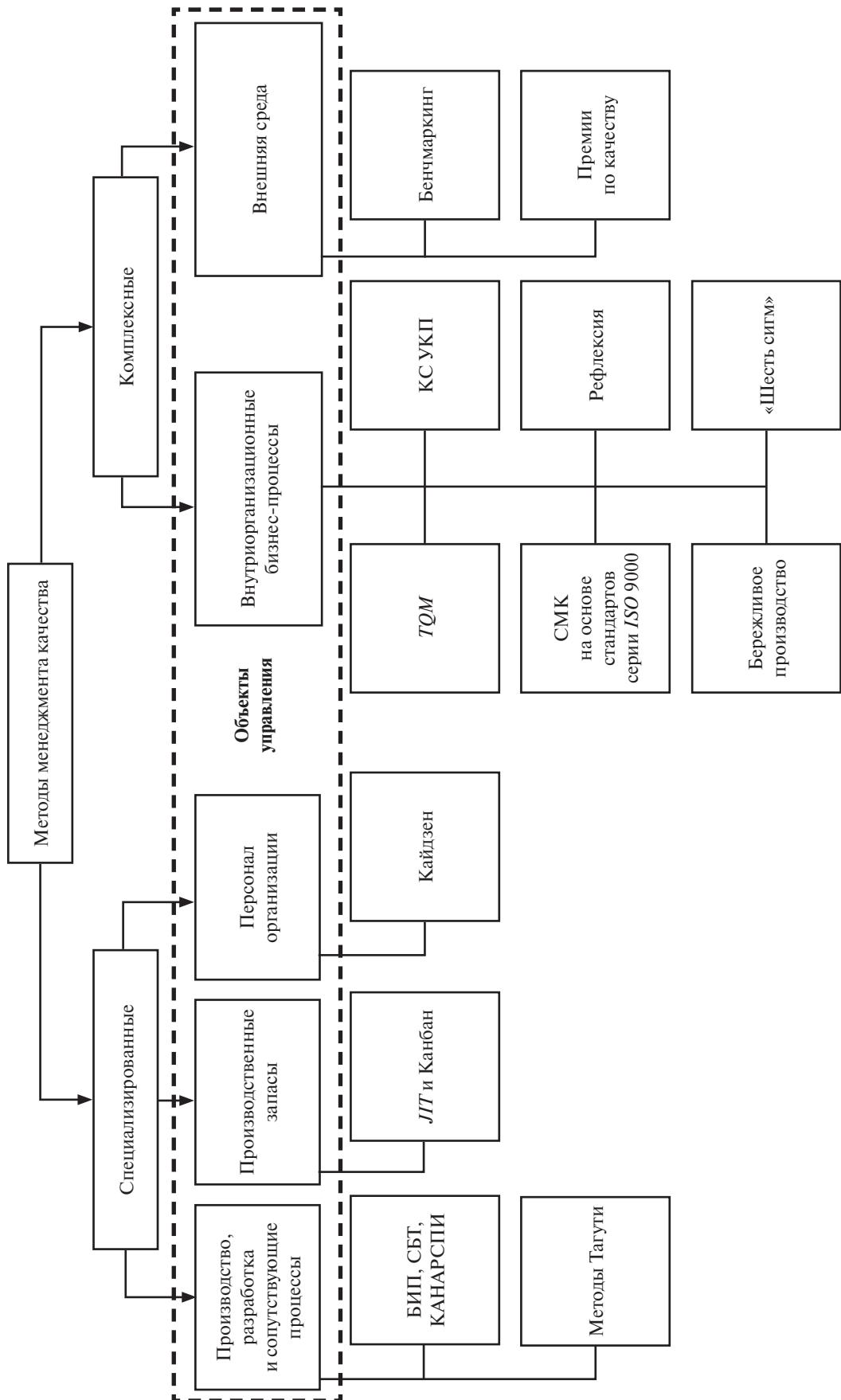
Объекты управления в системах менеджмента качества

СМК	Объект управления
Бездефектное изготовление продукции (БИП); система бездефектного труда (СБТ); «Качество, надежность, ресурс с первых изделий» (КАНАРСПИ)	Отдельные процессы жизненного цикла продукции: производство, проектирование, технология и т. д.
Методы Тагути	Процессы проектирования продукции и ее производства
Канбан и <i>Just-in-Time (JIT)</i>	Производственные запасы, поступающие в работу в требуемом количестве и в нужное время
Кайдзен	«Качество» персонала организации
Всеобщее управление качеством (<i>TQM</i>)	Все процессы жизненного цикла продукции
Комплексная система управления качеством продукции (КС УКП)	Весь жизненный цикл продукции
Серия стандартов <i>ISO 9000</i> и ГОСТ Р ИСО 9000	Все процессы СМК организации
Самооценка по <i>ISO 9004</i>	Внутриорганизационные процессы компаний
Бережливое производство	Все процессы жизненного цикла продукции
«Шесть сигм»	Недостатки и узкие места в процессах организации
Бенчмаркинг	Процессы взаимодействия заинтересованных сторон
Премии по качеству	Процессы взаимодействия с участниками конкурса

Источник: составлено автором на основе данных URL: <http://www.kpms.ru/>

На первом этапе при анализе объектов управления были выделены специализированные СМК, направленные на повышение качества определенных процессов, и комплексные, нацеленные на улучшение всех процессов организации. Специализированные системы в свою очередь классифицированы

по ключевому направлению воздействия: производство, разработка и сопутствующие процессы; производственные запасы; персонал организации. Комплексные методы разделены на две группы в зависимости от целевой сферы преобразований (внутренняя или внешняя среда компании) (см. рисунок).

Классификация систем менеджмента качества
в зависимости от объекта управления

Данная классификация дает возможность определить наиболее эффективные СМК, опираясь на знание узких мест компании, текущие приоритеты руководства и доступный бюджет. Структурированные таким образом направления менеджмента качества позволяют участникам ИТК и другим организациям, не состоящим в кластере, выбрать надлежащий подход к построению СМК, в зависимости от целевых ориентиров во внутриорганизационной деятельности, а также при необходимости подключить внешнюю среду.

На втором этапе исследования все представленные СМК были проанализированы, отмечены их преимущества и недостатки.

В системах, направленных на развитие производства, проектирования и сопутствующих процессов, достижение и поддержание необходимого уровня качества, как правило, осуществляется посредством организационных методов: обязательных для исполнения директив, приказов, указаний руководства и других предписаний.

Преимущества таких СМК обусловлены высокой степенью детализации:

- 1) регламентирование (функциональное, должностное, структурное);
- 2) стандартизация;
- 3) нормирование;
- 4) инструктирование (объяснения, разъяснения);
- 5) распорядительное воздействие (на основе приказов, распоряжений, указаний, постановлений и др.).

Недостатки:

- 1) риск срыва производства и реализации продукции;
- 2) условие достижения высокой эффективности — сильная директивная культура в компаниях (при ослаблении управляющего воздействия все усовершенствования прекращаются);
- 3) отсутствие комплексного управления качеством во взаимосвязи с другими направлениями деятельности.

СМК, нацеленные на оптимизацию использования производственных запасов, обеспечивают организацию непрерывным

материальным потоком при низкой или нулевой загруженности складов.

Преимущества:

- 1) короткий производственный цикл, высокая оборачиваемость активов, в том числе запасов;
- 2) отсутствие или ничтожный размер издержек хранения производственных и товарных запасов;
- 3) высокое качество продукции на всех стадиях производственного процесса.

Недостатки:

- 1) трудность обеспечения высокой согласованности между стадиями производства продукции;
- 2) значительный риск срыва производства и реализации продукции.

СМК, уделяющие основное внимание развитию персонала, обеспечивают вовлечение в процесс улучшения каждого работника.

Преимущества:

- 1) оптимальная организация рабочих мест;
- 2) устранение неоправданных потерь;
- 3) стандартизация.

Недостатки:

- 1) необходимость постоянной мотивации сотрудников;
- 2) трудность формирования корпоративной культуры, поддерживающей вовлечение всего персонала в деятельность компании.

Группа комплексных СМК, направленных на совершенствование внутриорганизационных процессов, — наиболее многочисленная в предлагаемой классификации, поскольку именно это направление усиленно развивается и широко применяется в российской и зарубежной практике в последние годы. Данные подходы призваны устранить большинство узких мест в процессах организации.

К их преимуществам относятся:

- 1) планирование достижения целей в области качества;
- 2) внедрение философии качества;
- 3) обнаружение и развязка узких мест;
- 4) непрерывное улучшение процессов;

- 5) постоянное обучение персонала;
- 6) формирования лидерского стиля управления;
- 7) устранение барьеров между подразделениями;
- 8) отсутствие произвольно устанавливаемых норм выработки;
- 9) работа по мотивации персонала;
- 10) заинтересованность каждого работника в повышении качества.

Недостаток всего один: не учитываются лучшие практики протекания подобных процессов в других компаниях.

Комплексные системы управления качеством, направленные на эффективное использование внешней среды, призваны за действовать в непрерывном улучшении всех процессов не только внутренние ресурсы, но и сторонние.

Преимущества:

- 1) объективное сравнение с лучшими практиками организации процессов;
- 2) стимулирование усовершенствований посредством сравнения результатов процессов или характеристик продукта компании с подобными процессами или продуктами партнеров;
- 3) систематизация и структурирование менеджмента компании на основе философии качества;
- 4) стимулирование выпуска более качественной продукции на основе опыта других компаний.

Недостатком можно назвать ненадлежащее внимание к анализу внутренней среды компании для понимания узких мест в процессах, требующих первоочередного вмешательства и модернизации.

Предложенная классификация поможет участникам инновационных территориальных кластеров и другим организациям сориентироваться в множестве применяемых методов внедрения СМК и сделать выбор, опираясь на необходимые в каждый конкретный момент преобразования. Преимущества и недостатки выделенных групп СМК позволяют компаниям в ИТК и за его переделами оценить положительные и отрицательные стороны способов построения системы менеджмента качества.

В целом кластерная среда подталкивает компании к взаимовыгодному сотрудничеству и кооперации, что влияет на выбор способов организации СМК. Кластерные объединения располагают к применению комплексных методов с привлечением ресурсов внешней среды. Постоянное взаимодействие в рамках бенчмаркинга и присуждения премий по качеству может содействовать устранению проблем, которые отдельные компании не способны решить собственными усилиями, а также оказать общий оздоровительный эффект на все вовлеченные стороны.

Перспективным направлением организации СМК участников кластера может стать создание единой структуры, которая включала бы несколько известных методов, адаптированных к деятельности каждой компании таким образом, чтобы нивелировать их недостатки и взаимно усилить достоинства. Синергетический эффект от такого комплексного применения СМК позволит участникам ИТК в перспективе повысить конкурентоспособность и экономические показатели каждой компании при относительно небольшом увеличении затрат на качество. Именно в данном направлении, по мнению автора, будут развиваться системы менеджмента качества в ближайшем будущем.

Литература

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017) // СПС «КонсультантПлюс»: некоммерческая интернет-версия: [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. Сор. 1992—2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=212832&fld=134&dst=100007,0&nd=0.3597139528236031#001928802414015296> (дата обращения: 17.05.2018).
2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // Министерство экономического развития Российской Федерации: [Электронный ресурс] / Минэкономразвития России. 10.02.2012. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04 (дата обращения: 17.05.2018).
3. Региональные фонды развития промышленности // Фонд развития промышленности: [Электронный ресурс] / ФГАУ «Российский фонд технологического развития». Сор. 2015—2018. URL: <http://frprf.ru/partners/#map-partners> (дата обращения: 17.05.2018).

4. Акульчева М. В., Жимантас Д. К. Разработка методики самооценки инновационных предприятий как предпосылка повышения конкурентоспособности бизнеса // Экономические и социально-гуманистические исследования. 2017. № 4 (16). С. 5–12.

5. Ефимов В. В. Средства и методы управления качеством. 3-е изд., стер. М.: КноРус, 2012. 224 с.: ил.

6. Окрепилов В. В. Менеджмент качества. СПб.: Наука, 2003. 991 с.: ил.

7. Томохова И. Н., Рыжова Н. А. О многообразии и классификации средств и методов управления качеством // Сервис plus. 2008. № 4. С. 87–91.

Поступила 03.04.2018

Жимантас Денис Кястутович — аспирант кафедры маркетинга и управления проектами Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), *dzhimantas@yandex.ru*

References

1. “Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial’no-ekonomiceskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda, utv. rasporyazheniem Pravitel’stva RF ot 17 noyabrya 2008 g. No. 1662-r (red. ot 10.02.2017)” (Concept of Long-Term Social and Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020, Approved by RF Government Resolution dated November 17, 2008 No. 1662-r (as rev. on 10 Feb. 2017)). *SPS “Konsul’tantPlyus”, nekommercheskaya internet-versiya. Konsul’tantPlyus*, cop. 1992–2018. Web. 17 May 2018. <<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=212832&fld=134&dst=100007,0&rnd=0.3597139528236031#001928802414015296>>.

2. “Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda” (Strategy of Innovative Development of the Russian Federation for the period until 2020). *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii. Minekonomrazvitiya Rossii*, 10 Feb. 2012. Web. 17 May 2018. <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04>.

3. “Regional’nye fondy razvitiya promyshlennosti” (Regional Industrial Development Funds). *Fond razvitiya promyshlennosti. FGAU “Rossiiskii fond tekhnologicheskogo razvitiya”*, cop. 2015–2018. Web. 17 May 2018. <<http://frprf.ru/partnery/#map-partners>>.

4. Akul’cheva M. V., Zhimantas D. K. Razrabotka metodiki samootsenki innovatsionnykh predpriyatiy kak predposyлka povysheniya konkurentospособnosti biznesa (Development of Methods for Innovative Enterprises’ Self-Assessment as a Prerequisite for Improving Business Competitiveness), *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya*, 2017, No. 4 (16), pp. 5–12.

5. Efimov V. V. Sredstva i metody upravleniya kachestvom (Tools and Methods of Quality Management), 3-e izd., ster., M., KnoRus, 2012, 224 p., il.

6. Okrepilov V. V. Menedzhment kachestva (Quality Management), SPb., Nauka, 2003, 991 p., il.

7. Tomokhova I. N., Ryzhova N. A. O mnogoobrazii i klassifikatsii sredstv i metodov upravleniya kachestvom (On Variety and Classification of Tools and Methods of Quality Management), *Servis plus*, 2008, No. 4, pp. 87–91.

Submitted 03.04.2018

Zhimantas Denis K., Ph. D. student of Marketing and Project Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), *dzhimantas@yandex.ru*

Эффективность производства продукции животноводства (на примере Белгородской области)

И. А. Зигаева

Белгородский государственный аграрный университет им. В. Я. Горина, Белгородская обл., Россия

zigaevaira@mail.ru

Проанализированы статистические данные о производстве продукции сельского хозяйства с конца 1990-х гг. в Белгородской области, одном из наиболее высокоразвитых аграрных регионов с богатыми традициями мясного и молочного животноводства. Выявлены тенденции изменения объемов производства различных видов сельскохозяйственной продукции. Приводится обзор документов, определяющих цели и основные направления развития сельского хозяйства в последние 10–15 лет. Делается вывод о значительной роли государственной поддержки в успешном развитии агропромышленного комплекса Белгородской области.

Ключевые слова: Белгородская область; агропромышленный комплекс; сельское хозяйство; отрасль животноводства; государственная поддержка.

Livestock Production Efficiency (Evidence from the Belgorod Region)

I. A. Sigaeva

Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin, Belgorod region, Russia

zigaevaira@mail.ru

The author did analyze statistical data on agricultural products since the end of 1990s in Belgorod region, a territory with one of most well-developed rural sector and rich traditions of beef and dairy cattle production. The author did mark tendencies of agricultural production level change. Based on survey of official acts determining agriculture goals and direction for last ten to fifteen years, the author did make a conclusion about significant role of government assistance in Belgorod region's agro-industrial complex success.

Keywords: Belgorod region; agro-industrial complex; rural economy; livestock production; government assistance.

Проблемы сельского хозяйства и агропромышленного комплекса (АПК) сегодня входят в перечень самых актуальных задач российской экономики. В числе таких задач Президент РФ В. В. Путин [1] назвал следующие: обеспечить устойчивое развитие сельских территорий, повысить качество

жизни на селе, добиться существенного роста эффективности АПК и конкурентоспособности отечественной продукции — и тем самым застраховать себя от резких колебаний конъюнктуры мировых рынков. Президент заметил, что в конце 1990-х гг. 90 % сельскохозяйственных предприятий

© Зигаева И. А.

в стране были убыточными. Сегодня их тоже немало — но, самое главное, появилась тенденция к изменению в лучшую сторону настроения людей, работающих и живущих на селе.

Новый этап в развитии сельского хозяйства начался в 2006 г. Он связан с реализацией приоритетного национального проекта «Развитие АПК» [2], принятием Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» [3] и последующей разработкой Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 гг. [4]. Сегодня перед экономическими субъектами аграрного сектора поставлены новые задачи, сформулированные в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 гг. [5].

Правительство Белгородской области приложило максимум усилий для реализации мероприятий государственной программы «Развитие сельского хозяйства и рыбоводства в Белгородской области на 2014—2020 годы» [6]. За 2008—2015 гг. на развитие АПК области было направлено 99 535,3 млн руб., в том числе 75 586,8 млн руб. (75,94 %) из федерального бюджета и 23 948,6 млн руб. (24,06 %) — из регионального.

В результате принимаемых мер уровень самообеспеченности области основной сельскохозяйственной продукцией, в частности продукцией животноводства, значительно повысился и сегодня остается устойчиво высоким.

Проанализируем производство продукции животноводства в Белгородской области. Она входит в число успешно развивающихся аграрных регионов России. Выгодное экономико-географическое положение, наличие природных ресурсов, развитая инфраструктура делают область привлекательной для инвестиционных проектов и продвижения инновационных технологий.

Белгородский АПК динамично развивается, ритмично наращивая объемы производства. В последнее десятилетие он демонстрирует устойчиво высокие темпы экономического роста. Белгородская область лидирует среди регионов России по производству мяса в целом, мяса птицы и свинины. Область полностью обеспечивает потребности населения в продуктах питания [7, с. 6].

Агропромышленный комплекс Белгородской области и его базовая отрасль — сельское хозяйство — относятся к ведущим системообразующим сферам экономики области, формируют агропродовольственный рынок и обеспечивают экономическую безопасность. Благодаря природно-климатическим условиям, исторически сложилась стержневая роль сельского хозяйства в экономической деятельности области.

В рамках нашего исследования было проанализировано производство продукции сельского хозяйства, в том числе растениеводство и животноводство, с учетом категории хозяйств (см. табл. 1).

Данные исследования показывают, что за анализируемый период объем производства всех видов сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий увеличился на 1337,19 %, в том числе продукции растениеводства — на 787,09 % и животноводства — на 1917,84 %. Наиболее ярко демонстрируют тенденцию к наращиванию производства сельскохозяйственные организации — на 182,96 млрд руб., или 2482,48 %; далее следуют хозяйства населения (прирост на 15,31 млрд руб., или 202,36 %); затем крестьянские (фермерские) хозяйства (на 7,07 млрд руб., или 1678,70 %).

Агропромышленный комплекс Белгородской области показывает устойчиво высокие темпы экономического роста и характеризуется высокой инвестиционной привлекательностью. Область является признанным лидером мясного животноводства страны. По объему производства мяса в целом она занимает ведущее место в Российской Федерации и по праву называется «мясной столицей России». Область полностью обеспечивает потребности населения в продуктах питания.

Таблица 1

**Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств
(в фактически действовавших ценах; млн руб.)**

Показатели	2000	2006	2007	2008	2010	2012	2013	2014	2015
<i>Хозяйства всех категорий</i>									
Продукция сельского хозяйства	15 355,7	40 144,1	56 289,8	78 701,3	98 100,9	149 265,4	162 000,1	188 217,3	220 692,1
в том числе растениеводства	7 885,2	16 617,1	22 671,3	27 654,1	23 309,2	46 450,4	56 746,7	53 394,6	69 949,2
животноводства	7 470,5	23 527,0	33 618,6	51 047,3	74 791,7	102 815,0	105 253,4	134 822,6	150 742,9
<i>Сельскохозяйственные организации</i>									
Продукция сельского хозяйства	7 369,9	27 939,3	41 706,2	62 195,0	81 308,4	125 684,6	135 053,7	162 132,6	190 326,2
в том числе растениеводства	4 493,1	10 165,0	15 129,7	18 918,2	14 121,6	30 262,3	37 655,2	33 711,4	46 346,8
животноводства	2 876,8	17 774,3	26 576,4	43 276,7	67 186,8	95 422,3	97 398,5	128 421,2	143 979,4
<i>Хозяйства населения</i>									
Продукция сельского хозяйства	7 564,5	10 719,4	12 469,9	13 740,8	14 673,6	18 972,9	21 342,9	20 562,5	22 872,2
в том числе растениеводства	3 038,0	5 192,7	5 694,1	6 331,3	7 559,1	12 093,4	14 071,5	14 887,00	16 940,2
животноводства	4 526,5	5 526,7	6 775,8	7 409,4	7 114,5	6 879,5	7 571,4	5 675,5	5 932,1
<i>Крестьянские (фермерские) хозяйства*</i>									
Продукция сельского хозяйства	421,3	1 485,4	2 113,8	2 765,6	2 118,9	4 607,9	5 603,5	5 522,1	7 493,7
в том числе растениеводства	354,1	1 259,4	1 847,4	2 404,5	1 628,5	4 094,7	5 020,0	4 796,2	6 662,3
животноводства	67,2	226,0	266,4	361,1	490,4	513,2	583,5	725,9	831,4

* включая индивидуальных предпринимателей

Источник: составлено автором на основании статистических данных [8; 9; 10]

В 1995—2015 гг. наблюдалась устойчивая тенденция к увеличению объема производства продукции животноводства (табл. 2).

Так, за данный период производство скота и птицы на убой возросло на 1151,80 тыс. т, или на 1116,59 % (за последние 10 лет — на 1062,3 тыс. т); производство свинины — на 582,50 тыс. т, или на 1172,03 %, птицы — на 597,80 тыс. т, или на 4561,19 %, яиц — более чем в три раза. Эти показатели

отражают результат проводимой Правительством Белгородской области политики поощрения выращивания данных видов животных. Одновременно наблюдается тенденция к снижению производства некоторых видов продукции: крупного рогатого скота (КРС) — на 28,1 тыс. т (−58,3 %); овец и коз — на 0,17 тыс. т (−12,15 %); молока — на 248,10 тыс. т (−31,83 %) и шерсти — на 425 т (−87,10 %).

Таблица 2

Производство основных продуктов животноводства (в хозяйствах всех категорий)

Показатели	1995	2000	2006	2007	2008	2010	2012	2013	2014	2015
Скот и птица на убой (в убойном весе), тыс. т	113,3	115,2	279,8	381,3	538,8	789,0	1021,4	1170,6	1194,5	1265,1
в том числе КРС	48,2	44,0	33,1	31,9	34,2	28,0	20,6	212	20,6	20,1
свинины	49,7	46,3	70,2	109,0	174,2	291,4	461,3	593,5	605,7	632,2
овцы и козы	1,4	0,8	0,6	0,6	0,6	0,7	0,8	0,9	1,13	1,23
птица	13,4	23,5	175,4	239,4	329,5	468,6	538,3	554,7	566,9	611,2
Молоко, тыс. т	779,6	604,8	522,9	551,8	573,2	557,4	557,7	542,7	544,2	531,5
Яйца, млн шт.	470,2	567,3	1024,1	1146,5	1414,9	1485,1	1438,5	1215,0	1300,2	1477,4
Шерсть (в физическом весе), т	488,0	127,0	50,0	54,0	56,0	69,0	52,0	61,0	71,0	63,0
Мед, т	1289,0	1494,0	924,0	893,0	943,0	2085,0	2555,0	2132,0	2002,0	2118,0

Источник: составлено автором на основании статистических данных [8; 9; 10]

Рыночная специализация на птицеводстве и свиноводстве и строительство новых свиноводческих и птицеводческих комплексов в рамках национального проекта развития АПК привели к увеличению производства мяса птицы за последнее пятилетие более чем в два раза, свинины — в три раза [11].

При сравнении данных о производстве основных видов продукции животноводства в разных категориях хозяйств отмечено увеличение их производства в сельскохозяйственных организациях (см. табл. 3). Так, за последние 10 лет скота и птицы на убой (в убойном весе) произведено на 1093,30 тыс. т больше (прирост на 703,08 %); молока — на 73,20 тыс. т (24,14 %); яиц — на 722,6 млн шт. (115,91 %);

шерсти — на 1 т (16,66 %). По сравнению с 1995 г. в 2015 г. производство скота и птицы на убой увеличилось на 1888,53 %, яиц — на 575,36 %.

Хозяйства населения в 2005—2015 гг. демонстрировали тенденцию к снижению производства основных видов продукции: скота и птицы на убой (в убойном весе) — на 67,10 %, молока — на 36,62 %, яиц — на 30,18 %, шерсти (в физическом весе) — на 9,62 %. Увеличилось только производство меда: на 1261 т (169,03 %).

В крестьянских (фермерских) хозяйствах наблюдается противоположная тенденция: они, как и сельскохозяйственные организации, наращивают объем производства основных видов продукции.

За последние 10 лет производство скота и птицы на убой возросло на 50 %; молока — на 93,87 %; яиц — на 128,58 %; шерсти — на 350 %; меда — на 312,5 %.

Таблица 3

Производство основных видов продукции животноводства по категориям хозяйств

Показатели	1995	2006	2007	2008	2010	2012	2013	2014	2015
<i>Сельскохозяйственные организации</i>									
Скот и птица на убой (в убойном весе), тыс. т	62,8	236,2	339,3	496,8	758,1	996,0	1147,0	1177,2	1248,8
Молоко, тыс. т	547,8	301,7	321,3	335,4	344,4	365,0	365,4	376,0	376,4
Яйца, млн шт.	199,3	853,0	978,4	1247,5	1340,9	1297,6	1079,8	1167,3	1346,0
Шерсть (в физическом весе), т	315,0	2,0	3,0	3,0	11,0	8,0	4,0	8,0	7,0
Мед, т	123,0	26,0	13,0	10,0	15,0	15,0	18,0	20,0	12,0
<i>Хозяйства населения¹⁾</i>									
Скот и птица на убой (в убойном весе), тыс. т	49,5	42,7	40,8	40,7	29,9	24,7	22,9	16,5	15,4
Молоко, тыс. т	229,3	202,3	214,4	219,4	193,2	165,9	148,8	137,9	126,7
Яйца, млн шт.	269,9	169,6	167,4	166,5	143,2	140,2	134,2	131,3	129,8
Шерсть (в физическом весе), т	171,0	45,0	48,0	46,0	52,0	48,0	47,0	51,0	47,0
Мед, т	1152,0	874,0	865,0	917,0	2029,0	2447,0	1991,0	1866,0	2007,0
<i>Крестьянские (фермерские) хозяйства²⁾</i>									
Скот и птица на убой (в убойном весе), тыс. т	1,0	0,9	1,2	1,3	1,0	0,7	0,7	0,8	0,9
Молоко, тыс. т	2,5	18,9	15,9	18,4	19,9	26,8	28,4	30,3	28,5
Яйца, млн шт.	1,0	1,5	0,7	0,9	0,9	0,6	1,1	1,6	1,6
Шерсть (в физическом весе), т	2,0	3,0	3,0	7,0	6,0	6,0	10,0	12,0	9,0
Мед, т	14,0	24,0	15,0	16,0	41,0	93,0	123,0	115,0	99,0

Примечания: ¹⁾ на основании данных выборочного обследования личных подсобных и других подсобных индивидуальных хозяйств граждан;

²⁾ включая индивидуальных предпринимателей; на основании данных выборочного обследования крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей.

Источник: составлено автором на основании статистических данных [8; 9; 10]

Итак, данные исследования показывают, что Белгородская область занимает ведущее место в Центральном федеральном округе (ЦФО) по производству скота и птицы на убой. За 2010—2015 гг. объем производства вырос более чем на 60 %. На территории области производится более 1 т мяса на каждого жителя; 12 % российского рынка

мяса (в живом весе) и около 20 % рынка мясной продукции занято белгородскими производителями; 25 % индустриального производства мяса сосредоточено в АПК Белгородской области. Она является лидером по производству свинины. За 2010—2015 гг. поголовье свиней возросло более чем на 80 %, что позволило области занять

1-е место в ЦФО. Поголовье птицы на территории области за 1995—2015 гг. увеличилось на 45 143,20 тыс. голов (583,17 %).

В 2015 г. Белгородская область занимала в ЦФО 2-е место по производству яиц (уступая Ярославской области) и 3-е место по величине поголовья КРС и производству молока.

Ключевым фактором динамично-го развития Белгородского АПК является комплексный подход правительства области к вопросам его функционирования, в частности формирование благоприятного инвестиционного климата и финансовая поддержка субъектов экономической деятельности.

Литература

1. *Путин В.* Повышать эффективность государственной аграрной политики // АПК: экономика, управление. 2008. № 7. С. 2—5.

2. *Гранкин В. Ф., Цемба Н. М.* Реализация национального проекта развития АПК в Белгородской области // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2014. № 8. С. 19—22.

3. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Российская газета: Федеральный вып. 2006. № 4265: 11 янв. С. 16.

4. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 годы: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2007 № 446 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: [Электронный ресурс] / АО «Кодекс». Сор. 2018. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902053504> (дата обращения: 15.06.2018).

5. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 32: 6 авг. Ст. 4549.

6. Государственная программа Белгородской области «Развитие сельского хозяйства и рыбоводства в Белгородской области на 2014—2020 годы»: утв. постановлением Правительства Белгородской области от 28.10.2013 № 439-пп // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: [Электронный ресурс] / АО «Кодекс». Сор. 2018. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412303790> (дата обращения: 15.06.2018).

7. *Алейник С. Н.* Будем беречь и приумножать достигнутое // Белгородский агромир. 2017. № 5 (107). С. 6—15.

8. Белгородская область в цифрах. 2017: крат. стат. сб. Белгород: Белгородстат, 2017. 272 с.

9. Статистический ежегодник. Белгородская область. 2013: стат. сб. / Предс. редколлегии О. С. Таранова. Белгород: Белгородстат, 2013. 612 с.

10. Статистический ежегодник. Белгородская область 2012: стат. сб. / Отв. за выпуск С. А. Зубова. Белгород: Белгородстат, 2012. 613 с.

11. Постановление Правительства Белгородской области от 25.01.2010 № 27-пп «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года» // Белгородские известия. 2010. № 31: 10 марта.

Поступила 04.05.2018

Зигаева Ирина Анатольевна — директор типографии ФГБОУ ВО Белгородский государственный аграрный университет имени В. Я. Горина (ул. Вавилова, д. 1, п. Майский, Белгородский район, Белгородская обл., 308503, Россия), zigaevaira@mail.ru

References

1. Putin V. Povyshat' effektivnost' gosudarstvennoi agrarnoi politiki (Raise the Effectiveness of State Agrarian Policy), *APK: ekonomika, upravlenie*, 2008, No. 7, pp. 2—5.

2. Grankin V. F., Tsembo N. M. Realizatsiya na-tsional'nogo proekta razvitiya APK v Belgorodskoi oblasti (Execution of National Project of Agro-Industrial Complex Development in Belgorod Region), *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii*, 2014, No. 8, pp. 19—22.

3. Federal'nyi zakon ot 29 dekabrya 2006 g. No. 264-FZ “O razvitiu sel'skogo khozyaistva” (Federal Law from 29 Dec. 2006 No. 264-FZ “On Rural Economy Development”), *Rossiiskaya gazeta*, Federal'nyi vyp., 2006, No. 4265, 11 Jan., p. 16.

4. “Gosudarstvennaya programma razvitiya sel'skogo khozyaistva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaistvennoi produktsii, syr'ya i prodovol'stviya na 2008—2012 gody, utv. postanovleniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 14.07.2007 No. 446” (State-Run Program of Rural Economy Development and Agricultural Product, Primary Produce and Food Markets Regulation for the Years 2008 to 2012, Approved by Russian Federation Government Regulation from 14 July 2007 No. 446). *Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tehnicheskoi dokumentatsii*. AO “Kodeks”, cop. 2018. Web. 15 June 2018. <<http://docs.cntd.ru/document/902053504>>.

5. Gosudarstvennaya programma razvitiya sel'skogo khozyaistva i regulirovaniya rynkov sel'skokhozyaistvennoi produktsii, syr'ya i prodovol'stviya na 2013—2020 gody, utv. postanovleniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 14.07.2012 No. 717 (State-Run Program of Rural Economy Development and Agricultural Product, Primary Produce and Food Markets Regulation for the Years 2013 to 2020, Approved by Russian Federation Government Regulation from 14 July 2012 No. 717), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2012, No. 32, 6 Aug., Item 4549.

6. “Gosudarstvennaya programma Belgorodskoi oblasti ‘Razvitiye sel’skogo khozyaistva i rybovodstva v Belgorodskoi oblasti na 2014—2020 gody’, utv. postanovleniem Pravitel’stva Belgorodskoi oblasti ot 28.10.2013 No. 439-pp” (State-Run Program of Belgorod Region “Rural Economy and Fisheries Sector Development in Belgorod Region for the Years 2014 to 2020”, Approved by Belgorod Region Government Regulation from 28 Oct. 2013 No. 439-pp). *Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tehnicheskoi dokumentatsii. AO “Kodeks”*, cop. 2018. Web. 15 June 2018. <<http://docs.cntd.ru/document/412303790>>.

7. Aleinik S. N. Budem berech’ i priumnozhat’ dostignutoe (Let’s Preserve and Augment What We Achieved), *Belgorodskii agromir*, 2017, No. 5 (107), pp. 6—15.

8. Belgorodskaya oblast’ v tsifrakh. 2017 (Belgorod Region by the Numbers, 2017), krat. stat. sb., Belgorod, Belgorodstat, 2017, 272 p.

9. Statisticheskii ezhegodnik. Belgorodskaya oblast’. 2013 (Statistical Yearbook. Belgorod Region. 2013), stat. sb., Preds. redkollegii O. S. Taranova, Belgorod, Belgorodstat, 2013, 612 p.

10. Statisticheskii ezhegodnik. Belgorodskaya oblast’ 2012 (Statistical Yearbook. Belgorod Region 2012), stat. sb., Otv. za vypusk S. A. Zubova, Belgorod, Belgorodstat, 2012, 613 p.

11. Postanovlenie Pravitel’stva Belgorodskoi oblasti ot 25.01.2010 No. 27-pp “Ob utverzhdenii Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Belgorodskoi oblasti na period do 2025 goda” (Belgorod Region Government Regulation from 25 Jan. 2010 No. 27-pp “On Approval of Belgorod Region Economic and Social Development Strategy for the Period until 2025”), *Belgorodskie izvestiya*, 2010, No. 31, 10 Mar.

Submitted 04.05.2018

Sigaeva Irina A., printing-office director, Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin (1, Vavilova street, Belgorod region, Mayskiy, 308503, Russia),
zigaevaira@mail.ru

Урбанизация и развитие сельских территорий: взаимодействие городских и сельских континуумов

Ю. В. Карпович, В. В. Лепихин

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь,
Россия*

karpushki@mail.ru

В качестве исследовательской задачи определена попытка оценить влияние урбанизации на развитие сельских территорий с целью выявить возможные способы устранения противоречий в развитии городского и сельского секторов экономики. Авторы обобщили мировой опыт использования ресурсов сельского хозяйства, который может быть полезен для России, и в результате сравнительного анализа пришли к выводу, что эффективное социально-экономическое развитие городских территорий невозможно без соответствующего развития сельских поселений, и наоборот. Итогом исследования стало заключение об ухудшении социально-экономического положения сельских территорий, что вызвано не столько активными процессами урбанизации, сколько неэффективными инструментами управления сельским сектором.

Ключевые слова: урбанизация; развитие сельских территорий; управление сельским сектором; экономическая взаимосвязь; сельско-городская миграция.

Urbanization and Development of Rural Territories: Urban and Rural Continua Interaction

Yu. V. Karпович, V. V. Лепихин

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

karpushki@mail.ru

The authors have defined as research aim the attempt to evaluate the urbanization impact on rural areas development in order to find possible ways to eliminate contradictions between the development of urban and rural economy sectors. They did generalize world experience that might be useful for Russia, and used the methodology of comparative analysis to show that the effective socio-economic development of urban areas is impossible without appropriate development of rural communities, and vice versa. The authors have come to the following conclusion: there is no contradiction between rural and urban development, the deterioration of the socio-economic situation of rural areas caused not so much by active urbanization processes, how by inefficient management tools.

Keywords: urbanization; rural development; rural sector management; economic interconnection; rural-urban migration.

Сельские территории являются важнейшим ресурсом России, значение которого в развитии страны стремительно возрастает,

так как усиливается роль природных и территориальных ресурсов в процессах глобализации. Однако в условиях динамичного

роста агропромышленного комплекса уровень и качество жизни сельского населения в целом существенно отстает от уровня жизни в городах, сужается доступ сельского населения к услугам социальной сферы, углубляется информационный и инновационный разрыв между инфраструктурой сельского и городского хозяйства, что ведет к росту миграционного оттока сельского населения, к утрате стимулирования использования неосвоенных сельских территорий [1, с. 2].

Разрыв в развитии между городскими и сельскими районами по-прежнему остается существенным и эта проблема требует срочного преодоления. Цели устойчивого развития не могут быть достигнуты, если не рассматривать их с точки зрения взаимодействия городских и сельских континуум-пространств. В сельских районах, где процент бедного населения наиболее высок, сегодня по-прежнему не хватает базовых услуг водоснабжения и санитарии, энергетики, образования, здравоохранения, социальных услуг, а также продуктов питания. Однако широко признается, что рост городов оказывает положительное влияние на экономическое и социальное развитие прилегающих сельских районов.

Сегодня на землях, пригодных для производства экспортируемых товаров, сельскохозяйственные предприятия, имеющие доступ к кредитам, обладающие современными технологиями и информацией о внутренних и внешних рынках, могут использовать свои преимущества за счет глобализации, а именно: сосредоточить деятельность на получении выгоды от производства конкретных продуктов для отдельных регионов. Вместе с тем открытие новых рынков тормозит развитие сельских предприятий, так как этот процесс, как правило, сопровождается обострением конкуренции и сокращением поддержки мелких производителей со стороны государства. Такая противоречивость воздействия рынка является следствием особенностей экономики сельских территорий, к которым, прежде всего, отнесем низкий показатель ожидаемой

продолжительности жизни, высокий коэффициент миграционной убыли, динамику сокращения доли занятых в сельском хозяйстве в общей структуре занятости в экономике, медленный рост среднедушевого дохода населения. Одним из препятствий для развития сельского сектора является отсутствие или несовершенство ключевых рынков сбыта. Налаживание бизнеса в сельских районах имеет тенденцию неопределенности: в поиске путей для адаптации и средств для инноваций предприниматели сталкиваются с ограничением доступа к информации, к источникам финансирования, с недостатком технологий и услуг по управлению бизнесом.

Взаимосвязь тенденций сельского и городского развития является традиционным направлением исследований в современной науке. Несмотря на то, что установлена зависимость экономического роста от вида экономической деятельности, менее понятной остается связь национальной и региональной политики с трансформацией аграрной экономики в индустриальную и постиндустриальную. Парадигмы развития начала 1960-х гг. претерпели существенные изменения. Как показала практика, инструменты территориального развития прошлого века не способствовали реализации поставленных целей. Драйверами экономического роста были либо промышленность, либо сельское хозяйство. Доминирующее положение занял следующий подход: традиционное сельское хозяйство должно было уступить дорогу предположительно более эффективным агропромышленным системам и современному городскому промышленному сектору. Тем не менее большая часть спроса на сельскохозяйственные товары и продукцию лесопереработки предъявлялась со стороны предприятий и населения города.

Сегодня многие высокооплачиваемые рабочие места на неурбанизированных территориях создаются для удовлетворения спроса, предъявляемого со стороны городских жителей (например туристов), или в рамках договоров субподряда городских

предприятий (по лесопереработке). Доход фермеров также зависит от взаимодействия с городскими рынками и перерабатывающими предприятиями. Городская социальная инфраструктура обслуживает в том числе и сельское население.

Многочисленные связи между сельской и городской экономикой означают, что успешное ведение экономики сельского хозяйства способствует росту благосостояния городов. Опыт показывает, что многие города быстро развивались благодаря торговле кофе, чаем, фруктами и виноградом, овощами, травами или лекарственными растениями, выращенными на соседних сельских территориях [2, с. 130]. Экономическая взаимосвязь привела к созданию в черте города новых перерабатывающих предприятий по производству продукции с высокой добавленной стоимостью из местного сырья, например, джемов, соков или вина из местных фруктов и ягод (популярный бренд вина «Rio Negro» в Аргентине назван в честь провинции, которая является ключевым сервисным центром для фермеров) [3, с. 41–42]. Если бы были найдены пути, позволяющие фермерам в странах с низким и средним уровнем дохода получать доступ к торговле на мировом рынке по справедливым ценам, это стимулировало бы как городской, так и сельский сектор развития этих стран.

Обратим внимание на экологические проблемы как побочное воздействие урбанизации. Многие сельские районы вокруг городов страдают от отходов, сбрасываемых промышленными предприятиями, от потери водных ресурсов, потребляемых городами. Уничтожение рыбоводческих промыслов жидкими отходами лишает население средств к существованию. Плодородные сельскохозяйственные земли используются под строительство гидроэлектростанций или расширение городских районов. Причиной этому, на наш взгляд, является не противостояние в развитии сельского и городского секторов, а неэффективность местного управления. Разрушение экологии вызывает серьезные проблемы со здоровьем

как у городского, так и у сельского населения. Это кислотные дожди в сельской местности и загрязнение воздуха и воды в городе.

Далее рассмотрим финансовое сопровождение территориального развития. Считается, что в поступлении инвестиций на территориальное развитие имеет место «урбанистическая предвзятость». Особенно остро это сказывается на субъектах РФ с преобладанием сельского населения. В районах, где отсутствует развитый опорный каркас — сеть городов, — концентрация ресурсов и населения сосредоточена в одном или нескольких крупных городах, а задачи развития малых городов сводятся к антидепрессионным мерам [4, с. 358]. Во многих случаях, однако, успешное развитие сельских территорий стимулирует и поддерживает развитие городов, и наоборот, развитие урбанизированных территорий дает толчок к развитию сельских районов, особенно тех, где возможен относительно равный доступ к финансовым ресурсам. Взаимосвязь наблюдается и на уровне домохозяйств: диверсификация активов (источников финансирования) и источников доходов становится все более распространенной стратегией для хозяйствующих лиц и в селе, и в городе. Отметим также, что такая стратегия уменьшает экономическую уязвимость сельских территорий.

Несмотря на корреляцию между повышением уровня урбанизации и снижением веса сельского хозяйства в экономике, в России и во многих странах с низким и средним уровнем дохода миграция сельского населения в город рассматривается как один из источников распространения нищеты и, следовательно, как проблема, которая нуждается в контроле. Тенденция акцентирования внимания на сельско-городской миграции заслоняет другие формы социальной мобильности, которые играют важную роль в стратегии развития местной экономики.

Функциональные связи между городскими и сельскими районами определяются рыночными отношениями и демографической ситуацией. Влияние административных

границ становится все менее значимым при решении проблем развития на местном уровне: как сельские, так и городские районы подвергаются динамичным изменениям. Наиболее распространенные проблемы, с которыми сталкиваются сельские районы, — это отсутствие транспортной доступности, комфортабельного жилья и необходимого уровня государственных услуг. Их решение требует сотрудничества и налаживания партнерских отношений между городскими и сельскими территориями. Кроме того, экономический кризис и глобальная конкуренция заставляют городских и сельских предпринимателей объединять ресурсы и разрабатывать новые, инновационные формы партнерства и управления. В формировании отношений между городским и сельским континуумом возрастает значение информационного общества, деловые круги и общественные сети играют все более важную роль в этом процессе. В заключение добавим, что партнерство городских и сельских территорий должно фокусироваться не только на взаимодействии между администрациями, но и на сотрудничестве участников рынка, таких как частные фирмы, а также на взаимодействии организаций гражданского общества.

Литература

1. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р (ред. от 13.01.2017). М.: Росинформагротех, 2015. 75 с.
2. Hardoy J. E., Mitlin D., Satterthwaite D. Environmental Problems in an Urbanizing World: Finding Solutions for Cities in Africa, Asia and Latin America. 2nd ed. London: Routledge, 2001. 470 p. (Earthscan).
3. Manzanal M., Vapnarsky C. A. The development of the Upper Valley of Rio Negro and its periphery within the Comahue region, Argentina // Small and Intermediate Urban Centres: Their Role in Regional and National Development in the Third World / Ed. by J. E. Hardoy, D. Satterthwaite. London; Sydney; Auckland; Toronto: Hodder and Stoughton, 1986. P. 18—79.
4. Гатауллин Р. Ф., Ульяева А. Г. Тенденции и перспективы социально-экономического развития сельских территорий Республики Башкортостан // Фундаментальные исследования. 2017. № 12-2. С. 358—362.

Поступила 26.03.2018

Карпович Юлия Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов Пермского национального исследовательского политехнического университета (614990, Пермский край, г. Пермь — ГСП, Комсомольский проспект, д. 29), *karpushki@mail.ru*

Лепихин Валерий Владимирович — ассистент кафедры экономики и финансов Пермского национального исследовательского политехнического университета (614990, Пермский край, г. Пермь — ГСП, Комсомольский проспект, д. 29), *karpushki@mail.ru*

References

1. Strategiya ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda, utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 2 fevralya 2015 g. № 151-r (red. ot 13.01.2017) (Strategy of Russian Federation Urban Territories' Sustainable Development for the Period till the Year 2030, Approved by RF Government Resolution from February 2, 2015 No. 151-r (Rev. on 13 Jan. 2017)), M., Rosinformagrotekh, 2015, 75 p.
2. Hardoy J. E., Mitlin D., Satterthwaite D. Environmental Problems in an Urbanizing World: Finding Solutions for Cities in Africa, Asia and Latin America, 2nd ed., London, Routledge, 2001, 470 p., Earthscan.
3. Manzanal M., Vapnarsky C. A. "The development of the Upper Valley of Rio Negro and its periphery within the Comahue region, Argentina". *Small and Intermediate Urban Centres: Their Role in Regional and National Development in the Third World*, ed. J. E. Hardoy, D. Satterthwaite, London, Sydney, Auckland, Toronto, Hodder and Stoughton, 1986, pp. 18—79.
4. Gataullin R. F., Ulyanova A. G. Tendentsii i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya sel'skikh territorii Respubliki Bashkortostan (Trends and Prospects of Socio-Economic Development of Rural Territories of the Bashkortostan Republic), *Fundamental'nye issledovaniya*, 2017, No. 12-2, pp. 358—362.

Submitted 26.03.2018

Karpovich Yuliya V., Cand. of econ. sciences, assistant professor of Economics and Finance Department, Perm National Research Polytechnic University (29 Komsomolsky prospekt, Perm, Russian Federation, 614990), *karpushki@mail.ru*

Lepikhin Valeriy V., lecturer of Economics and Finance Department, Perm National Research Polytechnic University (29 Komsomolsky prospekt, Perm, Russian Federation, 614990), *karpushki@mail.ru*

Концепция расширения горизонтальных взаимодействий предприятий

Г. Д. Костина, А. В. Торгашова, М. В. Акульчева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

makulcheva_77@mail.ru

Предложена концепция расширения горизонтальных взаимодействий предприятий, основанная на принципах: системности; синергии; синхронизации; гармонизации; взаимной полезности и согласованности компетенций. Проведен анализ факторов, оказывающих существенное влияние на формирование и расширение партнерских взаимосвязей в горизонтальной сети. Предложен комплексный подход к подбору партнеров в организации сетевого взаимодействия на основе таксономического анализа, учитывающего не только ключевые компетенции, но и элементы организационной культуры, влияющие на взаимодействие предприятий.

Ключевые слова: горизонтальное взаимодействие; сети; компетенции; организационная культура; ценности; таксономический анализ.

Concept of the Enterprises' Horizontal Interactions Expansion

G. D. Kostina, A. V. Torgashova, M. V. Akulcheva

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

makulcheva_77@mail.ru

The authors have proposed a concept of expanding the horizontal interactions of enterprises based on the following principles: consistency; synergy; synchronization; harmonization; reciprocity and consistency of the competencies. The authors did conduct the analysis of factors having significant impact on the formation and expansion of partnerships in the horizontal network. They did propose an integrated approach to selection of partners for the organization of network interaction on the basis of taxonomic analysis, which takes into account not only core competencies, but also the elements of organizational culture affecting the interaction of the enterprises.

Keywords: horizontal interaction; networks; competencies; organizational culture; values; taxonomic analysis.

В современной экономике темпы научно-технического прогресса принимают глобальный, взрывной характер. Не существует ни одной сферы деятельности, в которой не возникали бы калейдоскопические перемены: сокращение сроков выпуска новых товаров нередко сопровождается

одновременным снижением цен на них, что повышает зависимость рынка от инновационной активности производителей. На таком рынке, как отмечают авторы монографии «Адаптация бизнеса к изменениям в инновационной среде (технологии и инструменты)» [1], спрос и предложение

не являются основными факторами ценообразования, а ценообразующие факторы зависят от особенностей производства и продвижения товаров на рынок. Маркетинговые исследования показывают: сегодня для поддержания конкурентоспособности предприятия недостаточно традиционного взаимодействия с партнерами (поставщиками, посредниками, потребителями) — необходимо установление и развитие взаимовыгодных отношений с другими производителями аналогичной продукции, что влечет за собой возникновение новых организационно-экономических форм их взаимодействия. Границы между исторически сложившимися в российской экономике формами (картели, синдикаты, тресты, НПО, стратегические альянсы и т. д.) в настоящее время достаточно размыты. По оценкам отечественных и зарубежных специалистов [2; 3; 4], в целях устойчивого и конкурентоспособного развития присутствующих на рынке инноваций предприятий целесообразно использовать *сетевые формы взаимодействия*, которые, наряду с активизацией инновационных процессов и привлечением инвестиций, предполагают использование государственной и информационно-технологической поддержки, значительно повышающей общий синергетический эффект.

Разумеется, сетевые формы взаимодействия не идеальны и подвержены влиянию возможных негативных факторов (различие в ресурсах, оборудовании, технологиях, кадрах, финансовых возможностях, затруднения в поиске партнеров, их географический разброс, неопределенность инфокоммуникаций и т. д.).

Проблема формирования оптимальных предпринимательских сетей, которые бы в максимальной степени соответствовали целям и задачам их участников, пока не решена. Подходы к ней различны. Так, авторы Н. Л. Антонова и Ю. С. Ковылина [5, с. 42] предлагают два таких подхода: содержательный и структурный. Содержательный подход в развитии сетей ориентирован на качественную сторону отношений между участниками (приверженность общим

ценностям и нормам, доверие, идентичность). В структурном подходе упор делается на конфигурации сети и характерных особенностях ее элементов. Первый подход чаще всего используется при формировании социальных сетей, второй — при организации производственных сетей. В отмеченной ранее монографии предложена концепция расширения горизонтальных связей с учетом современной сетевой формы интеграции бизнес-отношений [1, с. 83]. Основополагающими в ней являются принципы системности, синергии, синхронизации, гармонизации, взаимной полезности и согласованности компетенций.

Применение предложенной концепции развития на основе горизонтального взаимодействия производственных систем на инновационном рынке в условиях обострения конкуренции позволит повысить эффективность бизнес-отношений предприятий, а также уровень их деловой активности. Предложенная концепция может быть реализована на базе разработанных авторами моделей и алгоритмов [6, с. 29; 7, с. 9].

Безусловно, необходимо учитывать, что в процессе взаимодействия предприятий неизбежны расхождения и столкновение интересов и ценностей участников сети. Кроме того, следует отметить, что изменения, произошедшие в России в конце XX — начале XXI в., трансформировали традиционную систему ценностей людей и в целом повлияли на ценностные системы российских предприятий. Коллективизм, который пропагандировался ранее, в 1990-е гг. превратился в крайний индивидуализм и пренебрежение к общим интересам. Поэтому интеграция организаций в сеть требует формирования той идеологии управления, которая соответствовала бы общесетевым целям и задачам. Фундаментом создания такой идеологии является организационная культура. Она формируется в сознании человека и имеет многоцелевую направленность: определяет ценностные ориентиры, создает благоприятный психологический климат на предприятии и устанавливает взаимосвязи между подразделениями и отдельными работниками.

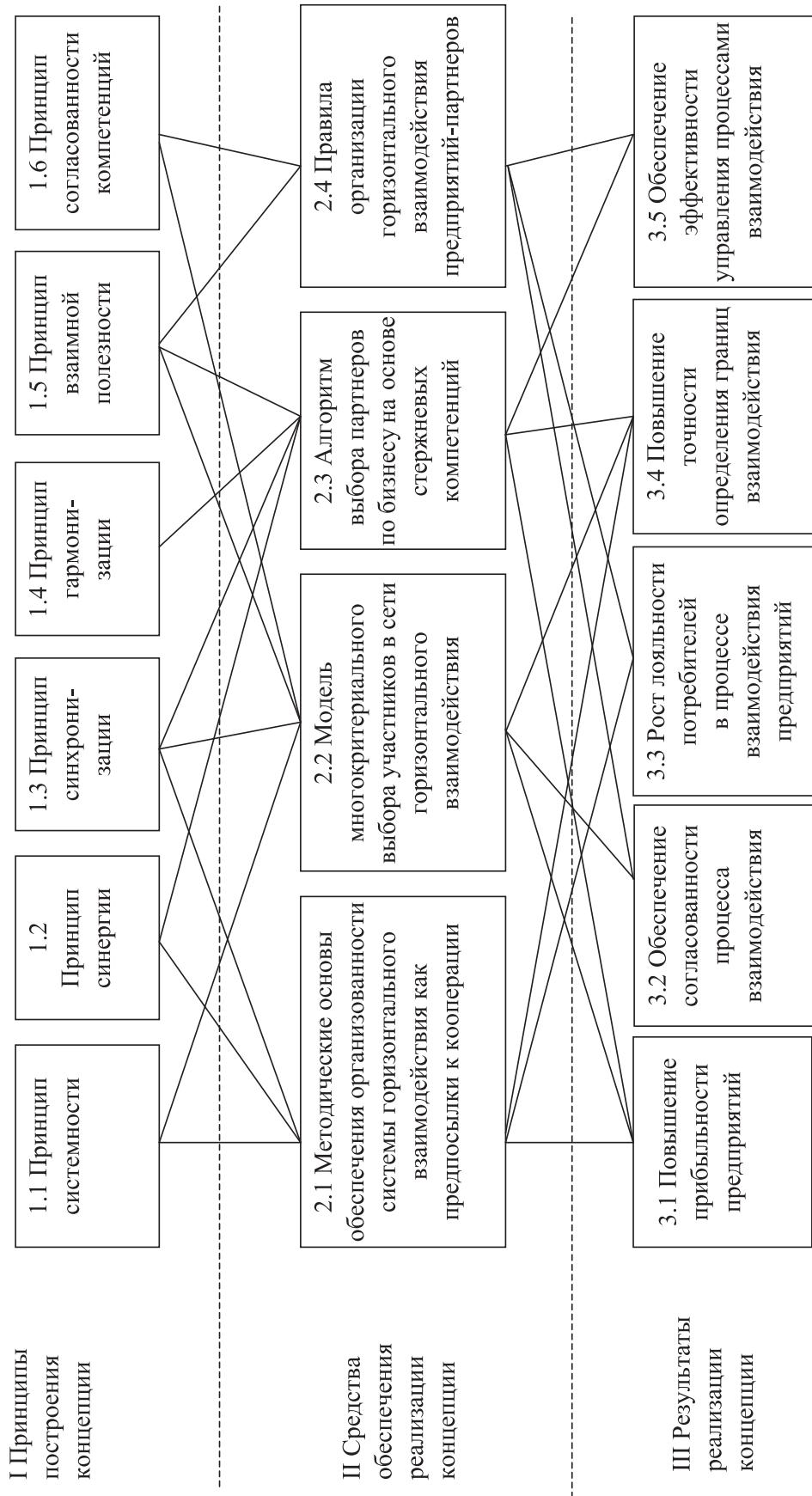

Рис. 1. Концепция расширения горизонтальных взаимодействий предприятий (на основе кооперации)

Структурными элементами организационной культуры являются:

- ценности организации;
- знания организации;
- внутренние коммуникации и связи;
- внешние коммуникации;
- цели организации;
- культура трудового, производственного и других материальных процессов.

Совокупность этих элементов формирует трудовой потенциал.

При объединении в сеть недостаточно провозгласить общую философию сети и разработать правила — следует закрепить общие организационные ценности в сознании работников, которые имеют свои особенности в зависимости от сферы деятельности. Например, в промышленности (машиностроение, приборостроение, электроника и т. д.) приоритетными ценностями являются: профессионализм, узкая специализация, умение работать в команде, клиентоориентированность, личный авторитет, делегирование полномочий и ответственности.

Авторы предлагают, в дополнение к разработанной концепции, при формировании сети учитывать помимо предложенных критериев совместимость организационных культур участников сети. Для

этого необходимо определить степень соответствия сложившихся организационных культур, выработанной руководством стратегии развития сети, выявленных противоречивых ценностей и других элементов сети.

Для определения схожести элементов организационных культур участников сети авторами был предложен один из методов таксономического анализа — линейное упорядочение (проецирование точек многомерного пространства на прямую по методу Чекановского) [8]. Суть его заключается в следующем.

На первом этапе выбираются элементы организационной культуры, которые необходимо сравнить на совместимость. На основе изучения информации об организационных культурах потенциальных участников сети строится матрица, отражающая наличие (степень выраженности) конкретных элементов организационных культур организаций. Строки матрицы — это потенциальные участники сети ($1, 2, \dots, i, \dots, m$); столбцы матрицы — элементы организационной культуры (ценности организаций), ($1, \dots, k, \dots, n$). В ячейках матрицы — оценка степени выраженности элемента организационной культуры в конкретной организации.

Таблица 1

Матрица наблюдений

Потенциальные участники сети	Элементы организационной культуры (ценности)				
	Элемент 1	Элемент 2	Элемент 3	...	Элемент n
Предприятие 1	X_{11}	X_{12}	X_{13}	...	X_n
Предприятие 2	X_{21}	X_{22}	X_{23}	...	X_n
Предприятие 3	X_{31}	X_{32}	X_{33}	...	X_n
⋮
Предприятие m	X_{m1}	X_{m2}	X_{m3}		X_{mn}

В результате обработки данных получаются усредненные значения, которые занесены в матрицу. Размер матрицы $m \times n$.

На втором этапе проводится стандартизация элементов: если в матрице элементов организационной культуры оценки

разнородны и имеют разные шкалы измерения, то необходима стандартизация, т. е. приведение всех элементов к сопоставимым значениям.

А) Нахождение среднего по столбцу

$$\bar{X}_k = \frac{1}{m} \sum_{i=1}^m X_{ik}.$$

Б) Нахождение среднеквадратичного отклонения по каждому столбцу

$$\sigma_k = \sqrt{1/m \sum_{i=1}^m (X_{ik} - \bar{X}_k)^2}.$$

В) Нахождение стандартизованных значений элементов матрицы

$$Z_{ik} = \frac{X_{ik} - \bar{X}_k}{\sigma_k}.$$

Третий этап — нахождение схожих по элементам организационной культуры предприятий:

$$C_{rs} = \frac{1}{n} \sum_{k=1}^n |Z_{rk} - Z_{sk}|,$$

где C_{rs} — разница в степени выраженности элементов организационной культуры двух потенциальных участников сети (предприятия r и s); r и s — номера строк; k — номер столбца; n — количество элементов организационной культуры.

На четвертом этапе строится матрица расстояний (табл. 2).

Таблица 2

Матрица расстояний

Потенциальные участники сети	Предприятие 1	Предприятие 2	Предприятие 3	Предприятие 4	Предприятие 5	Предприятие 6
Предприятие 1	C_{11}	C_{12}	C_{13}	C_{14}	C_{15}	C_{16}
Предприятие 2	C_{21}	C_{22}	C_{23}	C_{24}	C_{25}	C_{26}
Предприятие 3	C_{31}	C_{32}	C_{33}	C_{34}	C_{35}	C_{36}
Предприятие 4	C_{41}	C_{42}	C_{43}	C_{44}	C_{45}	C_{46}
Предприятие 5	C_{51}	C_{52}	C_{53}	C_{54}	C_{55}	C_{56}
Предприятие 6	C_{61}	C_{62}	C_{63}	C_{64}	C_{65}	C_{66}

Свойства матрицы расстояний: матрица расстояний квадратная, размером $m \times m$; в строках и столбцах — потенциальные участники сети; элементы матрицы — разница в степени выраженности элементов организационной культуры двух участников; матрица симметрична относительно главной диагонали; элементы главной диагонали матрицы равны нулю.

На пятом этапе находим граничные значения для определения групп предприятий по схожести культур (рис. 2), для этого исчисленные расстояния разбиваем на группы по заранее установленным интервалам. В матрице расстояний находятся максимальный и минимальный элементы, числовая шкала от минимума до максимума делится на 3 равные части. Первый отрезок — это наиболее схожие по наличию и степени выраженности элементов организационной культуры (обозначим \times). Второй отрезок — общие элементы культуры присутствуют, но они слабо выражены (\bullet). Третий отрезок — нет схожести в элементах организационной культуры.

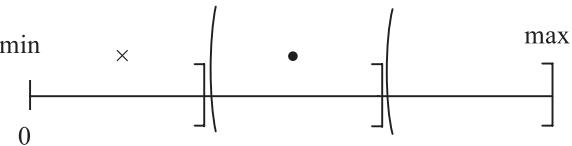

Рис. 2. Графическое определение диапазонов по определению схожести предприятий

Шестой этап — построение неупорядоченной диаграммы Чекановского.

В матрице расстояний численные значения элементов заменяются условными знаками из соответствующих интервалов рисунка 2.

Седьмой этап — построение упорядоченной диаграммы Чекановского (см. табл. 3).

В неупорядоченной диаграмме путем одновременной перестановки строк и столбцов добиваются, чтобы все «крестики» сместились как можно ближе друг к другу и к главной диагонали, образуя области со схожими элементами.

На восьмом этапе выделяются области со схожими элементами организационной культуры (табл. 4).

В упорядоченной диаграмме выделяются всевозможные множества из «крестиков», образующие максимального размера квадраты, диагональ которых принадлежит главной диагонали — это искомая область схожих элементов организационной культуры.

Таблица 3**Пример построения упорядоченной диаграммы Чекановского**

Потенциальные участники сети	Предприятие 1	Предприятие 2	Предприятие 3	Предприятие 4	Предприятие 6	Предприятие 5
Предприятие 1	×					
Предприятие 2		×				
Предприятие 3			×	×	×	
Предприятие 4			×	×	×	
Предприятие 6			×	×	×	
Предприятие 5						×

Требования к выделению искомых областей:

- состоят из «крестиков» (минимальное различие во мнениях);
- лежат на главной диагонали;
- симметричны (квадрат).

Таблица 4**Пример построения упорядоченной диаграммы**

Потенциальные участники сети	Предприятие 1	Предприятие 2	Предприятие 3	Предприятие 4	Предприятие 6	Предприятие 5
Предприятие 1	×					
Предприятие 2		×				
Предприятие 3			×	×	×	
Предприятие 4			×	×	×	
Предприятие 6			×	×	×	
Предприятие 5						×

В результате проведенного анализа определяются группы предприятий со схожими организационными культурами.

В таблице 4 показано, что предприятия 3, 4, 6 объединились в группу со схожей организационной культурой, следовательно, их объединение наиболее выгодно для взаимодействия.

Если после определения совместимости элементов организационных культур участников сети наблюдается существенный разброс, то необходимо разработать организационные мероприятия, направленные на формирование, развитие или закрепление желательных ценностей и образцов поведения участников сети, которые находятся в тесном взаимодействии друг с другом.

Данный подход не предполагает полную корректировку организационных культур участников сети, а только направлен на разработку ценностей и правил поведения доминирующей культуры сети.

Предложенным методом может быть дополнен алгоритм выбора партнеров по бизнесу на основе стержневых компетенций [6, с. 29] — так, что учитываются не только компетенции предприятий, но и ценности, которые являются элементами организационной культуры предприятия, что влияет на характер и эффективность взаимодействия внутри сети.

Литература

1. Адаптация бизнеса к изменениям в инновационной среде (технологии и инструменты): монография / Н. К. Моисеева, Г. Д. Костина, М. В. Акульчева, Г. А. Гаврилов и др.; под ред. Н. К. Моисеевой. М.: Финансы и статистика, 2017. 423 с.: ил.
2. Miles R. E., Snow C. C. Causes of failure in network organization // California Management Review. 1992. Vol. 34 (4). P. 53–72. DOI: 10.2307/41166703.
3. Хамел Г., Прахалад К. К. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня: пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2002. 288 с.: ил.
4. Шерешева М. Ю. Формы сетевого взаимодействия компаний: курс лекций. М.: Изд. дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. 339 с.: ил.
5. Антонова Н. Л., Ковылина Ю. С. Подходы к пониманию межфирменной сети как объекта управления // Сибирская финансовая школа. 2013. № 2 (97). С. 42–44.
6. Акульчева М. В. Расширение горизонтальных связей предприятия как предпосылка развития бизнеса // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 4 (8). С. 27–30.

7. Акульчева М.В., Жимантас Д.К. Особенности формирования горизонтальных связей в системе распространения инноваций // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 4 (12). С. 7–15.

8. Плюта В. Сравнительный многомерный анализ в экономических исследованиях: методы таксономии и факторного анализа / Ред. В. М. Жуковский. М.: Статистика, 1980. 151 с.

9. Клевлин А.И., Моисеева Н.К. Организация гармоничного производства (теория и практика). М.: Омега-Л, 2003. 360 с.

10. Владимирова И.Г. Компании будущего: организационный аспект // Менеджмент в России и за рубежом. 1999. № 2. С. 58–72.

Поступила 19.04.2018

Костина Галина Дмитриевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и управления проектами Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), *g-kostina@yandex.ru*

Торгашова Анастасия Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и управления проектами Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), *anastasia-t@list.ru*

Акульчева Маргарита Викторовна — старший преподаватель кафедры маркетинга и управления проектами Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), *makulcheva_77@mail.ru*

References

1. Adaptatsiya biznesa k izmeneniyam v innovatsionnoi srede (tehnologii i instrumenty) (Adaptation of Business to Changes in the Innovation Environment (Technologies and Tools)), monografiya, by N. K. Moiseeva, G. D. Kostina, M. V. Akul'cheva, G. A. Gavrilov et al., pod red. N. K. Moiseevoi, M., Finansy i statistika, 2017, 423 p., il.
2. Miles R. E., Snow C. C. Causes of failure in network organization, *California Management Review*, 1992, Vol. 34 (4), pp. 53–72, doi: 10.2307/41166703.
3. Khamel G. (Hamel G.), Prakhalad K. K. (Prakhalad C. K.) Konkuriuya za budushchee. Sozdanie rynkov zavtrashnego dnya (Competing for the Future: Breakthrough Strategies for Seizing Control of Your Industry and Creating the Markets of Tomorrow), per. s angl., M., Olimp-Biznes, 2002, 288 p., il.

4. Sheresheva M. Yu. Formy setevogo vzaimodeistviya kompanii (Forms of Network Cooperation between Companies), kurs lektsii, M., Izd. dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshei shkoly ekonomiki, 2010, 339 p., il.

5. Antonova N. L., Kovylina Yu. S. Podkhody k пониманию мефирменной сети как объекта управления (Approaches to Understanding the Intercompany Network as an Object of Management), *Sibirskaya finansovaya shkola*, 2013, No. 2 (97), pp. 42–44.

6. Akul'cheva M. V. Rasshirenie gorizontalykh svyazei predpriyatiya kak predposylka razvitiya biznesa (Expanding Horizontal Communications of an Enterprise as Business Development Prerequisite), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2015, No. 4 (8), pp. 27–30.

7. Akul'cheva M. V., Zhimantas D. K. Osobennosti formirovaniya gorizontalykh svyazei v sisteme rasprostraneniya innovatsii (Features of Horizontal Links Formation in Innovation Distribution System), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2016, No. 4 (12), pp. 7–15.

8. Plyuta V. Sravnitel'nyi mnogomernyi analiz v ekonomicheskikh issledovaniyakh: metody taksonomii i faktornogo analiza (Comparative Multidimensional Analysis in Economic Research: Methods of Taxonomy and Factor Analysis), Red. V. M. Zhukovskii, M., Statistika, 1980, 151 p.

9. Klevlin A. I., Moiseeva N. K. Organizatsiya garmonichnogo proizvodstva (teoriya i praktika) (Organization of Harmonious Production (Theory and Practice)), M., Omega-L, 2003, 360 p.

10. Vladimirova I. G. Kompanii budushchego: organizatsionnyi aspekt (Companies of the Future: Organizational Aspect), *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, 1999, No. 2, pp. 58–72.

Submitted 19.04.2018

Kostina Galina D., Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, associate professor of Marketing and Project Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), *g-kostina@yandex.ru*

Torgashova Anastasia V., Cand. Sci. (Economics), associate professor of Marketing and Project Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), *anastasia-t@list.ru*

Akulcheva Margarita V., Senior Lecturer at the Marketing and Project Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), *makulcheva_77@mail.ru*

Методика реструктуризации бизнес-модели на основе маркетинга инноваций

A. С. Лебедев

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

drewlebedev@gmail.com

Описана предлагаемая автором методика реструктуризации бизнес-модели компании на основе выявления несоответствия кривых жизненных циклов компании, ее бизнес-модели и создаваемых инноваций. Предлагается, в качестве инструмента устранения обнаруженного рассогласования, трехмерная матрица разработки стратегии реструктуризации бизнес-модели компании. С помощью матрицы производится разработка и последующее внедрение маркетинговых новаций по стадиям жизненного цикла и элементам бизнес-модели в целях ее полной или поэлементной реструктуризации.

Ключевые слова: методика реструктуризации; бизнес-модель; маркетинг инноваций; жизненный цикл компании; жизненный цикл бизнес-модели; жизненный цикл инновации.

Business Model Restructuring Methodology Based on Innovations Marketing

A. S. Lebedev

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

drewlebedev@gmail.com

The author describes the original methodology proposed for the company's business model restructuring based on identifying the discrepancy between the lifecycle curves of the company, its business model and the innovations it creates. The author has proposed, as tool of detected discrepancy elimination, 3D matrix of company business model restructuring strategy implementation. Using that matrix the development and implementation of marketing innovations in the lifecycle stages and the business model elements are done for the purpose of its full or element-by-element restructuring.

Keywords: restructuring methodology; business model; innovations marketing; company lifecycle; business model lifecycle; innovative product lifecycle.

Бизнес-моделирование является одной из приоритетных областей научного и профессионального знания, поскольку позволяет находить дополнительные источники роста в условиях нестабильного рынка и новых подходов к совершенствованию действующей и разработке новой бизнес-модели, повышая таким образом конкурентоспособность

компании. Реструктуризация бизнес-модели на основе маркетинга инноваций представляет собой процесс ее адаптации к стадии жизненного цикла, на котором находится компания инновационного типа, с учетом временного фактора, посредством применения маркетинговых инструментов в целях увеличения стоимости бизнеса.

Предлагаемый автором подход позволяет проанализировать взаимное соответствие стадий жизненного цикла компании, бизнес-модели и продуктов (инноваций), создаваемых компанией. Бизнес-модель должна изменяться согласно динамике рыночной конъюнктуры и жизненному циклу компании, в свою очередь подчиняющейся цикличности, отражающей тенденции научно-технического прогресса, — кондратьевским

волнам [1] (рис. 1). В связи с этим жизненный цикл компании должен переходить на новый виток развития, отображаемый экспонентой, и следовать тенденциям НТП, что и обуславливает необходимость реструктуризации бизнес-модели. Теория и практика управления (см., напр., [2]) свидетельствуют о том, что начало перехода к новой бизнес-модели должно совпадать с началом стадии насыщения, как показано на рис. 1.

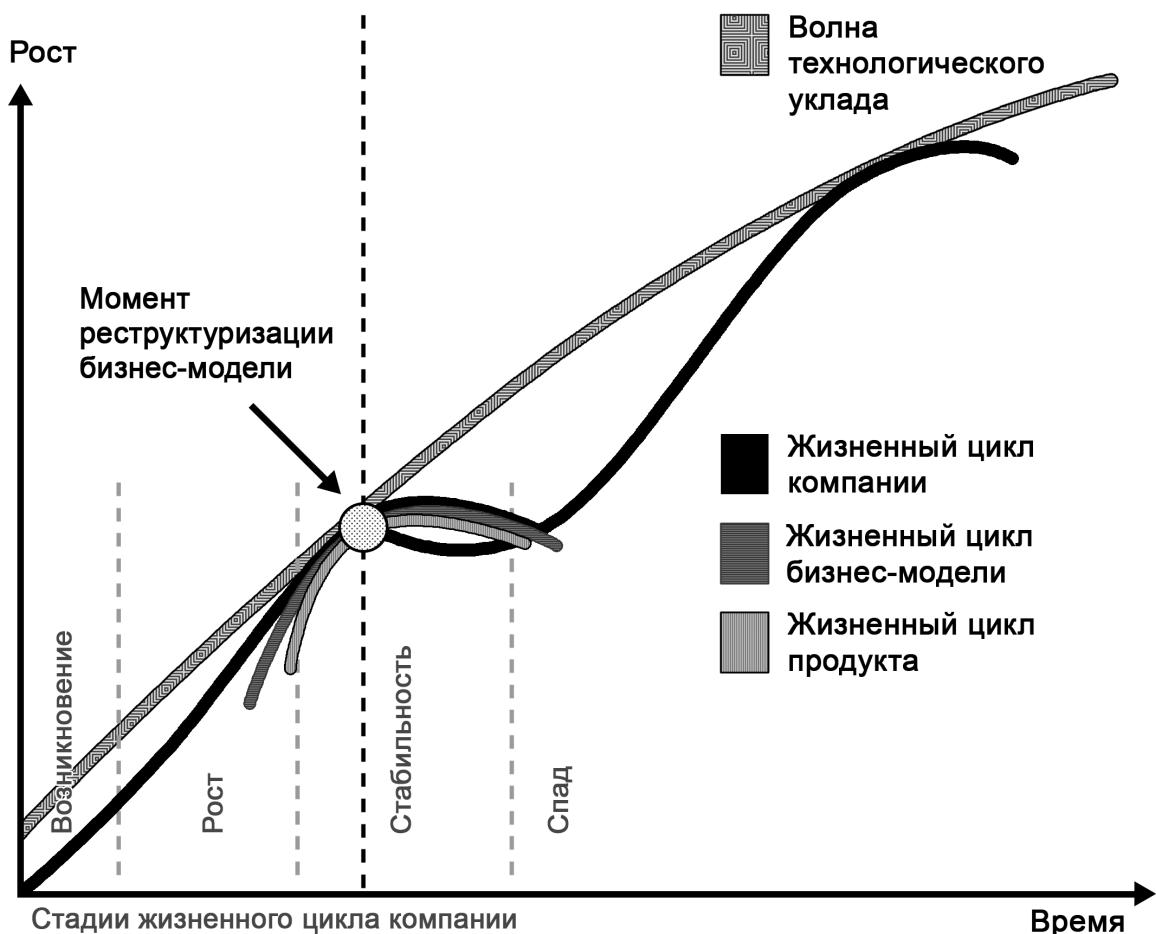

Рис. 1. Определение времени смены бизнес-модели по экспонентам развития компании, бизнес-модели и продукта

В целях реализации концепции бизнес-моделирования с учетом временного фактора, обусловленного НТП и динамикой развития компании в соответствии с маркетинговой микро- и макросредой, автором предлагается алгоритм, схема которого показана на рис. 2. На первом этапе (рис. 2), в соответствии с предлагаемой

методикой, анализируется текущее положение компании и бизнес-модели на кривых жизненных циклов. Несовпадение жизненных циклов свидетельствует о расхождении уровня научно-технического развития компании и действующей на нем бизнес-модели, что тормозит развитие инновационной деятельности компании.

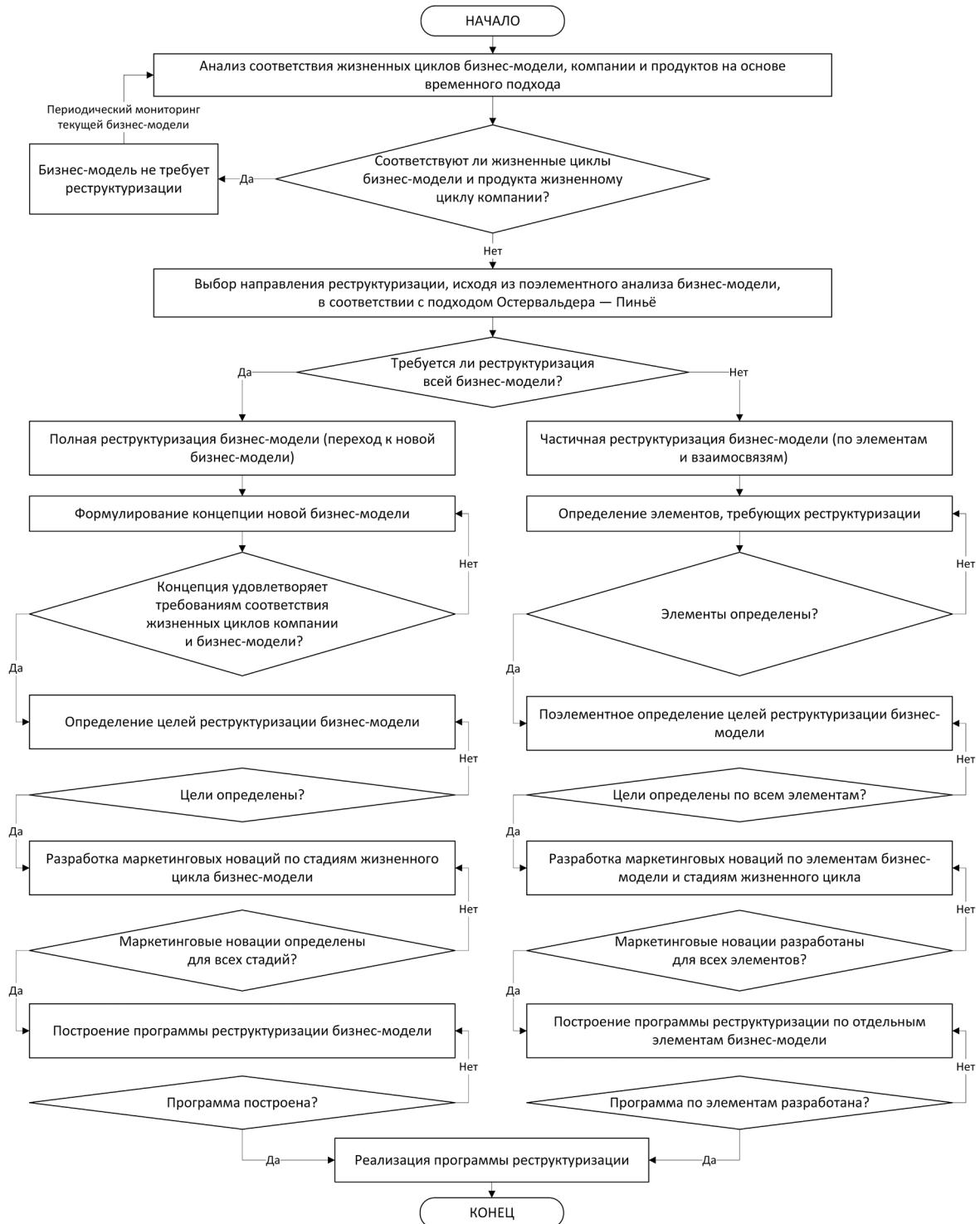

Рис. 2. Алгоритм методики реструктуризации бизнес-модели компании

Если принятая бизнес-модель отвечает современному уровню развития НТП, соответствует позиции компании на кривой жизненного цикла, а продукция релевантна запросам целевых потребителей, реструктуризация не требуется. Это не отменяет необходимости мониторинга, который

рекомендуется проводить с периодичностью, диктуемой темпами научно-технического обновления рыночной конъюнктуры.

Если определено полное или частичное рассогласование, далее выбираются направления реструктуризации: модификация отдельных элементов бизнес-модели и их

взаимосвязей или разработка принципиально новой бизнес-модели. В качестве инструмента для выбора и разработки направлений реструктуризации бизнес-модели предлагается использовать поэлементный анализ поставленных целей на основе подхода к построению бизнес-модели А. Остервальдера и И. Пиньё [3]. Предложенный ими

шаблон состоит из девяти структурных блоков (рис. 3), образующих стоимостьную цепь. В модель включены следующие элементы: ключевые партнеры, ключевые виды деятельности, ключевые ресурсы, ценностные предложения, взаимоотношения с клиентами, каналы сбыта, потребительские сегменты, структура затрат и источники доходов.

Рис. 3. Шаблон бизнес-модели А. Остервальдера и И. Пиньё

Затем в зависимости от выбранного направления формируется концепция создания бизнес-модели или реструктуризации действующей за счет определения стратегических целей полной или частичной перестройки в соответствии со стадиями жизненного цикла компании и бизнес-модели путем разработки маркетинговых новаций. При формировании концепции используются матрицы-шаблоны, представленные в табл. 1, 2, 3 и позволяющие учесть текущее временное положение

компании, бизнес-модели и продуктов. В матрице, представленной в табл. 1, по горизонтали приведены стадии жизненного цикла компании, а в матрице табл. 2 — стадии жизненного цикла бизнес-модели, предложенные А. Сливотски [4]. По вертикали в обеих матрицах расположены элементы бизнес-модели по Остервальдеру — Пиньё. В ячейки табл. 1 и 2 на пересечении элементов бизнес-модели и стадий жизненного цикла вписываются формируемые цели реструктуризации.

Таблица 1

Матрица-шаблон стратегических целей реструктуризации элементов бизнес-модели по стадиям жизненного цикла компании

	Элементы бизнес-модели по Остервальдеру — Пиньё	Стратегические цели по стадиям жизненного цикла компании				
		Возникновение	Рост	Стабильность	Спад	Ликвидация
Стратегические цели по элементам бизнес-модели	Ключевые партнеры
	Ключевые виды деятельности
	Ключевые ресурсы
	Ценностные предложения
	Взаимоотношения с клиентами
	Каналы сбыта
	Потребительские сегменты
	Структура затрат
	Источники доходов

При полной смене бизнес-модели разработка стратегических целей выполняется по всем элементам и стадиям жизненного цикла. В случае частичной реструктуризации

бизнес-модели соответствующие цели разрабатываются по отдельным элементам бизнес-модели, находящейся на конкретной стадии жизненного цикла.

Таблица 2

Матрица-шаблон текущих целей реструктуризации по элементам бизнес-модели и стадиям жизненного цикла

	Элементы бизнес-модели по Остервальдеру — Пиньё	Текущие цели по стадиям жизненного цикла бизнес-модели		
		Стадия роста ценности	Стадия стабильности	Стадия устаревания
Текущие цели по элементам бизнес-модели	Ключевые партнеры
	Ключевые виды деятельности
	Ключевые ресурсы
	Ценостные предложения
	Взаимоотношения с клиентами
	Каналы сбыта
	Потребительские сегменты
	Структура затрат
	Источники доходов

На следующем этапе генерируются маркетинговые новации по элементам бизнес-модели, реализующие текущие

цели бизнес-модели в соответствии со стратегическими целями компании (табл. 3).

Таблица 3

Матрица-шаблон маркетинговых новаций по стадиям жизненного цикла

	Элементы бизнес-модели по Остервальдеру — Пиньё	Стратегические цели по стадиям жизненного цикла компании	Текущие цели по стадиям жизненного цикла бизнес-модели	Маркетинговые новации по текущим целям и по элементам бизнес-модели
Ключевые партнеры

Таким образом, получается трехмерная объемная матрица маркетинговых новаций по элементам бизнес-модели и стадиям жизненного цикла, реализующих стратегические и текущие цели реструктуризации (рис. 4). По горизонтали перечислены элементы бизнес-модели в соответствии с нотацией Остервальдера — Пиньё, по вертикали — группы маркетинговых

новаций согласно пирамиде маркетинговых новаций [5]. Ось «глубины» отражает стадии жизненного цикла бизнес-модели. Каждая трехмерная фигура, образованная отрезками осей, представляет собой маркетинговую новацию конкретного типа, разработанную для определенного элемента бизнес-модели и соответствующую стадии ее жизненного цикла. Таким

образом формируется комплекс маркетинговых новаций как набор методических инструментов, реализующих стратегические и текущие цели реструктуризации, а также учитывающих временной фактор

(стадии жизненного цикла бизнес-модели) и элементный состав бизнес-модели, что позволяет визуально ясно представить общую картину развития и пути реализации намеченной стратегии.

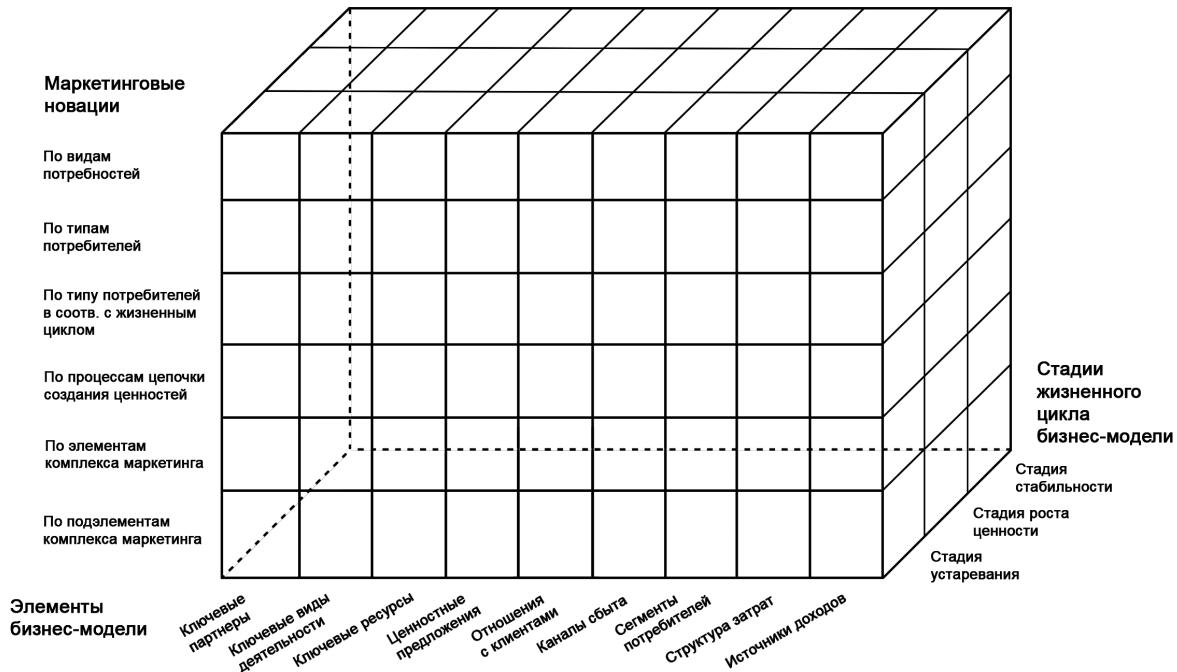

Рис. 4. Трехмерная матрица разработки стратегии реструктуризации бизнес-модели компании

Источник: разработано автором

На завершающем этапе разработанные стратегические и текущие цели реструктуризации реализуются комплексом маркетинговых новаций посредством разработки и внедрения проекта развития компании на основе новой бизнес-модели.

Итак, методика реструктуризации бизнес-модели компании построена с учетом совпадения или рассогласования стадий жизненных циклов компаний, бизнес-моделей и создаваемой новой продукции. Степенью несовпадения кривых жизненных циклов определяется масштабность реструктуризации:

1) полная и принципиальная смена бизнес-модели или

2) локальное совершенствование элементов бизнес-модели.

В случае полной реструктуризации, т. е. создания принципиально новой бизнес-модели компании, меняются все ее элементы, которые должны быть ориентированы на прогнозные изменения факторов

макросреды бизнеса, прежде всего научно-технических. Если анализ кривых жизненных циклов компаний, бизнес-модели и продукции указывает на частичное их несовпадение (например, не согласованы жизненные циклы бизнес-модели и инновации), модернизируются только те элементы, которые тормозят развитие инновационной активности бизнеса. В любом случае предусматривается разработка стратегических и текущих целей и их реализация на основе маркетинговых новаций, адекватных соответствующим временными и рыночным факторам и направленных на изменение стратегии бизнеса с целью повысить капитализацию компании и стимулировать ее инновационную активность.

Литература

1. Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: доклад // Проблемы экономической динамики / Н. Д. Кондратьев. М.: Экономика, 1989. С. 172–226. (Экономическое наследие).

2. *Beer C.* Мозг фирмы = Brain of the firm / Пер. с англ. М. М. Лопухин. М.: Радио и связь, 1993. 415 с.: ил.
3. *Osterwalder A., Pigneur Y.* Business Model Generation: a Handbook for Visionaries, Game Changers, and Challengers. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2010. 288 р.
4. *Сливотски А.* Миграция ценности. Что будет с вашим бизнесом послезавтра? М.: Манн, Иванов и Фербер, 2006. 432 с.
5. *Короткова Т. Л.* Маркетинг инноваций: пособие для маркетологов высокотехнологичного бизнеса. М.: Нобель Пресс, 2014. 200 с.
6. *Короткова Т. Л.* Повышение конкурентоспособности инноваций на основе маркетинговых новаций // Инновации. 2016. № 3 (209). С. 33–38.
7. *Короткова Т. Л.* Современные тенденции в маркетинге: инновации в управлении бизнесом. М.: Нобель Пресс, 2013. 322 с.
8. *Короткова Т. Л.* Условия и принципы внедрения маркетинга инноваций в российский бизнес // Проблемы инновационного развития экономики: монография / Л. Н. Андреева, Ю. А. Анищенко, Ю. М. Грузина и др.; под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. Гл. 3. С. 87–115.
9. *Короткова Т. Л., Власов А. В.* Коммерциализация и маркетинг инноваций: монография. М.: Креативная экономика, 2012. 166 с.: диагр.
10. *Котлер Ф.* Маркетинг XXI века: [сборник: пер. с англ.]. СПб.: Нева, 2005. 425 с. (Бизнес бестселлер).
11. *Ламбен Ж.-Ж., Чумпитас Р., Шулинг И.* Менеджмент, ориентированный на рынок: стратегический и операционный маркетинг. 2-е изд. М. [и др.]: Питер, 2008. 718 с.: ил.
12. *Лебедев А. С.* Маркетинговое сопровождение научного производства на основе «пирамиды маркетинговых новаций» // Материалы научно-технической конференции «Микроэлектроника и информатика — 2016». М.: МИЭТ, 2016. С. 63–69.
13. *Лебедев А. С.* Концепция реструктуризации бизнес-модели на основе маркетинга инноваций // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 1 (17). С. 27–36.
14. Основы маркетинга: пер. с англ. / Ф. Котлер, Г. Армстронг, Д. Сондерс, В. Вонг. 2-е европ. изд. М.: СПб.; Киев: Вильямс, 1998. 1056 с.

Поступила 26.02.2018

Лебедев Андрей Станиславович — аспирант кафедры маркетинга и управления проектами Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1); интернет-маркетолог ООО «Параллель» (ГК UNITILE), drewlebedev@gmail.com

References

1. Kondrat'ev N. D. Bol'shie tsikly ekonomicheskoi kon'yunktury: doklad (Major Cycles of Business Environment), *Problemy ekonomicheskoi dinamiki*, N. D. Kondrat'ev, M., Ekonomika, 1989, pp. 172–226, Ekonomicheskoe nasledie.

2. Bir S. (Beer S.) Mozg firmy (Brain of the Firm), Per. s angl. M. M. Lopukhin, M., Radio i svyaz', 1993, 415 p., il.
3. Osterwalder A., Pigneur Y. Business Model Generation: A Handbook for Visionaries, Game Changers, and Challengers, Hoboken, NJ, John Wiley & Sons, 2010, 288 p.
4. Slivotski A. Migratsiya tsennosti. Chto budet s vashim biznesom posleza vtra? (Value Migration. What Will Happen to Your Business the Day After Tomorrow?), M., Mann, Ivanov i Ferber, 2006, 432 p.
5. Korotkova T. L. Marketing innovatsii: posobie dlya marketologov vysokotekhnologichnogo biznesa (Innovation Marketing: A Handbook for Marketing Professionals of High-Tech Business), M., Nobel' Press, 2014, 200 p.
6. Korotkova T. L. Povyshenie konkurentospособnosti innovatsii na osnove marketingovykh novatsii (Improving the Competitiveness of Innovation Based Marketing Innovation), *Innovatsii*, 2016, No. 3 (209), pp. 33–38.
7. Korotkova T. L. Sovremennye tendentsii v marketinge: innovatsii v upravlenii biznesom (Contemporary Trends in Marketing: Innovation in Business Administration), M., Nobel' Press, 2013, 322 p.
8. Korotkova T. L. Usloviya i printsipy vnedreniya marketinga innovatsii v rossiiskii biznes (Conditions and Principles of Innovation Marketing Introduction into Russian Business), *Problemy innovatsionnogo razvitiya ekonomiki*, monografiya, by L. N. Andreeva, Yu. A. Anishchenko, Yu. M. Gruzina i dr., pod obshch. red. S. S. Chernova, Novosibirsk, Izd-vo TsRNS, 2014, Gl. 3, pp. 87–115.
9. Korotkova T. L., Vlasov A. V. Kommertsializatsiya i marketing innovatsii (Commercialization and Innovation Marketing), monografiya, M., Kreativnaya ekonomika, 2012, 166 p., diagr.
10. Kotler F. Marketing XXI veka (21st Century Marketing), sbornik, per. s angl., SPb., Neva, 2005, 425 p., Bизнес bestseller.
11. Lamben Zh.-Zh., Chumpitas R., Shuling I. (Lambin J.-J., Chumpitaz R., Schuiling I.) Menedzhment, orientirovannyi na rynok: strategicheskii i operatsionnyi marketing (Market-Driven Management: Strategic and Operational Marketing), 2-е izd., M. i dr., Piter, 2008, 718 p., il.
12. Lebedev A. S. Marketingovoe soprovozhdenie naukoemkogo proizvodstva na osnove “piramidy marketingovykh novatsii” (Marketing Support of Knowledge-Based Industry on the Base of “Marketing Novations Pyramid”), *Mikroelektronika i informatika — 2016, Mat-ly nauch.-tekh. konf. (Zelenograd, 20–22 aprelya 2016)*, M., MIET, 2016, pp. 63–69.
13. Lebedev A. S. Kontsepsiya restrukturizatsii biznes-modeli na osnove marketinga innovatsii (Concept of Business Model Restructuring Based on Innovation Marketing), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2017, No. 1 (17), pp. 27–36.
14. Osnovy marketinga (Principles of Marketing), per. s angl., F. Kotler, G. Armstrong, D. Sonders, V. Vong, 2-е evrop. izd., M., SPb., Kiev, Vil'yams, 1998, 1056 p.

Submitted 26.02.2018

Lebedev Andrey S., PhD Candidate of Marketing and Project Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), and Internet marketing professional, ООО “Parallel” (UNITILE Company Group), drewlebedev@gmail.com

Тенденции развития проектного управления в России

Я. Г. Прима

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

post.prima@yandex.ru

Представлены результаты исследования, цель которого — определение перспектив развития проектных компетенций российских организаций и ключевых навыков руководителей проектов. Приводятся данные о мировых тенденциях проектного менеджмента, проведен анализ текущего состояния проектного управления в государственном секторе в России; охарактеризована национальная система сертификации, ГОСТов и профессиональных стандартов. Рассматриваются основные тенденции проектного управления, такие как растущее разнообразие проектных ролей, сочетание классических и гибких методологий в практике российских компаний, рост числа проектных офисов и обострение проблем, связанных с их эффективностью для бизнеса, а также актуальность развития гибких личностных навыков (*softskills*) руководителя проекта.

Ключевые слова: проектный менеджмент; управление проектами; методологии проектного менеджмента; проектная роль; компетенции проектного менеджера; проектный офис; профессиональный стандарт.

Project Management Development Trends in Russia

Y. G. Prima

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

post.prima@yandex.ru

The author introduces the results of the study which purpose is to determine the prospects for the development of Russian organizations' project competencies and key project managers' skills. The author did present data on world trends in project management, did analyze the current state of project management in the public sector in Russia; did characterize the national system of certification, GOST standards and professional standards. The author discusses the main project management trends, such as the growing variety of project roles, the combination of classical and flexible methodologies in the practice of Russian companies, the growth in the number of project offices and the aggravation of problems related to their effectiveness for business, the relevance of the development of softskills.

Keywords: project management; project management methodologies; project role; project manager competencies; project management office; professional standard.

Проектное управление традиционно считается одним из главных факторов, способствующих успешным изменениям и развитию инноваций в современных компаниях. Помимо системного мышления, клиентоориентированности и готовности к межкультурной коммуникации, надпрофессиональным навыком сотрудника компании любой сферы деятельности является управление проектами [1]. Несмотря на то, что

глобальную экономику все чаще называют проектно-ориентированной, на сегодняшний день на мировом рынке труда существует большой разрыв между уровнем потребности в компетентных проектных менеджерах и способностью современных специалистов — и имеющих опыт профессиональной деятельности, и начинающих — заполнить эти позиции. Существенный рост числа вакансий, где требуются проектные навыки, особенно в быстроразвивающихся экономиках, таких как Индия и Китай, был отмечен в прогнозном обзоре *Project Management Institute (PMI)* на 2017—2027 гг. [2]. По оценкам экспертов, к 2027 г. уровень потребности в проектно-ориентированных специалистах достигнет 87,7 млн сотрудников, причем возрастет спрос в компаниях, традиционно не относящихся к проектно-ориентированным сферам экономики. Это подтверждает, например, 17 %-ное увеличение спроса на проектных специалистов в 2017 г. в сфере медицины США.

В ежегодном глобальном исследовании *Pulse of the Profession — 2018* [3], проводимом *PMI*, приняли участие почти 4500 респондентов: топ-менеджеров компаний, руководителей проектов и проектных офисов по всему миру. По результатам опроса, компании с высоким уровнем зрелости проектного управления в 2,5 раза чаще достигают поставленных целей, 58 % организаций в полной мере осознают ценность проектного менеджмента, 93 % используют стандартизованные практики в управлении проектами. Исследование результативности проектов респондентов показало, что около 70 % проектов достигли целей, около 57 % выполнены в рамках бюджета, 52 % выполнены в срок; полностью неуспешными оказались 15 % проектов. Данные по отдельным сферам деятельности разнятся: так, по информации аналитической компании *The Standish Group*, в IT-разработках успешных проектов всего 29 %, более половины относятся к сомнительно успешным и 19 % — к полностью неудачным [4]. Основными факторами успеха проекта специалисты называют: его связь со стратегией, поддержку спонсором организационных изменений; контроль содержания проекта, ориентацию

на результат и обратную связь с заказчиком, а также достаточную зрелость проектного управления, позволяющую компании через развитие проектных компетенций обеспечивать конкурентоспособность бизнеса.

Участники исследования *PMI* считают, что профессионалы проектного управления будут постоянно расширять свои компетенции в связи с появлением новых проектных ролей. Более половины опрошенных ощущают значительное влияние цифровой трансформации на деятельность компаний и осознают возрастающую роль обучаемости и коммуникационных навыков, лидерских и управлеченческих компетенций.

В России к проектно-ориентированным сферам деятельности традиционно относятся следующие: информационные технологии и телекоммуникации, архитектура и строительство, космическая и оборонная промышленность, энергетика, инжиниринг, консалтинг и другие сферы, в которых бизнес построен на проектных продажах. В проектно-зависимых организациях также развивается проектное управление; реализуются проекты организационных изменений, разработки новых товаров и технологий производства, внедрения корпоративных информационных систем и другие.

Рассмотрим основные тенденции развития проектного управления в российской практике.

1. *Развитие проектного управления в госсекторе.* Основными направлениями стратегического развития в России до 2025 г. являются: здравоохранение, образование, ипотека и арендное жилье, ЖКХ и городская среда, международная кооперация и экспорт, производительность труда, малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, реформа контрольной и надзорной деятельности, безопасные и качественные дороги, цифровая экономика, экология и моногорода [5].

В конце 2017 г. принят ряд постановлений Правительства РФ о переходе приоритетных программ (в образовании, медицине, сельском хозяйстве и транспорте) на проектное управление [6]. Благодаря

внедрению проектного управления госпрограммами Правительство РФ рассчитывает сконцентрировать финансовые средства и квалифицированные управленческие кадры на решении приоритетных задач государства в условиях ограниченности ресурсов и высоких рисков. В конечном итоге данные меры должны привести к сокращению бюджетов и сроков реализации проектов, повысить качество результатов и усовершенствовать межведомственное взаимодействие.

Постановлением Правительства РФ № 1050 от 15 октября 2016 г. [7] утверждено Положение об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации, в котором:

- определена организационная структура системы управления проектной деятельностью;
- установлен порядок инициирования, подготовки, реализации и завершения приоритетных проектов и программ, порядок мониторинга и итоговой оценки их успешности;
- утверждена функциональная структура системы управления проектной деятельностью в Правительстве РФ, в которую включены Президиум Совета при Президенте Российской Федерации, Федеральный проектный офис и ведомственные координационные органы;
- описаны функции ролей временных проектных структур;
- определены функции Центра компетенций проектного управления.

В соответствии с планом первоочередных мероприятий по организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации на 2016 и 2017 гг. [8], к концу 2017 г. уже выполнен ряд работ по построению государственной системы управления проектами: создан прототип автоматизированной информационной системы «Облачное решение по автоматизации проектной деятельности органов государственной власти», разработаны программы обучения госслужащих. На начало 2018 г. обучено несколько сотен ключевых участников проектной деятельности. Более 200 ответственных исполнителей и соисполнителей приоритетных проектов и программ прошли оценку соответствия

квалификации в сфере проектного управления, проводимую Центром проектного менеджмента РАНХиГС; составлен и пополняется «Единый реестр проектных специалистов в государственном секторе Российской Федерации» [9]. В рамках оценки квалификации участники проектной деятельности подтверждают уровень владения методологией проектного управления и соответствующие персональные и управленческие компетенции, включая стратегическое мышление, лидерство, принятие управленческих решений, командное взаимодействие, гибкость и готовность к изменениям, персональную эффективность.

Одним из главных вызовов для государства стал качественно новый запрос на отношения с гражданами. С развитием цифровых коммуникаций стало возможным быстро получать информацию об отношении к государственным проектам и программам, изучать общественное мнение, использовать технологии *Big Data* в целях получения актуальной объективной информации наряду со статистическими отчетами ведомств.

С учетом опыта реализации приоритетных проектов и программ утвержден план мероприятий по развитию проектной деятельности в Правительстве России на 2018 г. [10]. Планом предусмотрены доработка нормативной базы и системы мотивации, решение проблем, связанных с совмещением формальных должностей и проектных ролей. Разработаны мероприятия по внедрению механизмов проектного управления, интеграции циклов стратегического, проектного управления и бюджетного планирования.

2. Национальные конкурсы. При поддержке Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации в течение 5 лет проводится ежегодный конкурс профессионального управления проектной деятельностью «Проектный Олимп» (<http://pmolimp.ru>), в котором участвуют среди прочего и молодежные правительства. Конкурс призван поддерживать организации, активно внедряющие и применяющие в своей деятельности инструменты проектного управления.

Национальная ассоциация управления проектами СОВНЕТ проводит ежегодный конкурс «Лучший проект года» [11]. Задачи конкурса — привлечь участников из разных отраслей и регионов России и выявить лидеров в области управления проектами.

3. Возрастание роли профессиональной сертификации, развитие национальных систем сертификаций и стандартов. Количество российских сертифицированных специалистов в области управления проектами растет, но сохраняются прежние значения относительно мировых показателей (рис. 1 и 2).

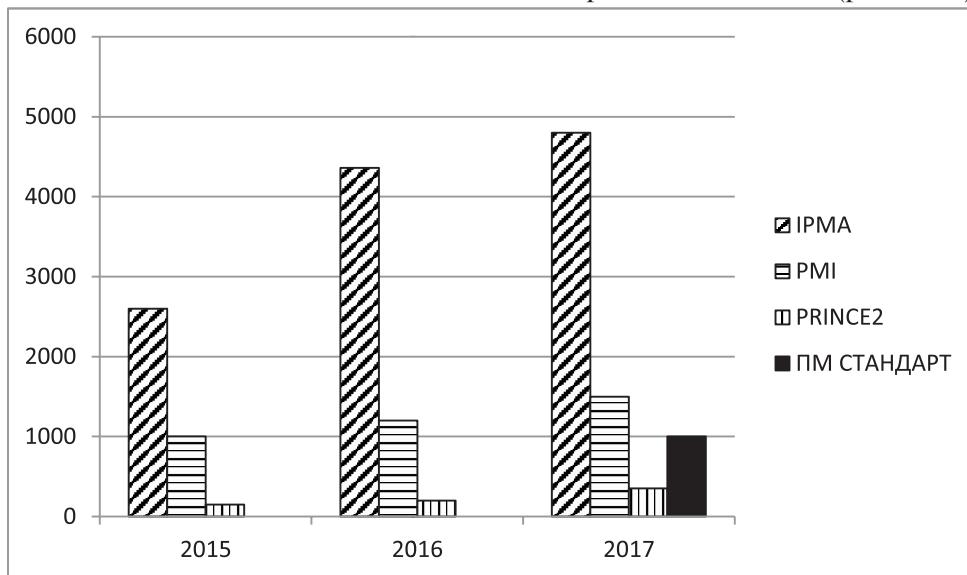

Рис. 1. Количество сертифицированных проектных менеджеров в России

Источник: составлено автором по данным СОВНЕТ, PMI и Центра оценки и развития проектного управления АНО «ЦОРПУ»

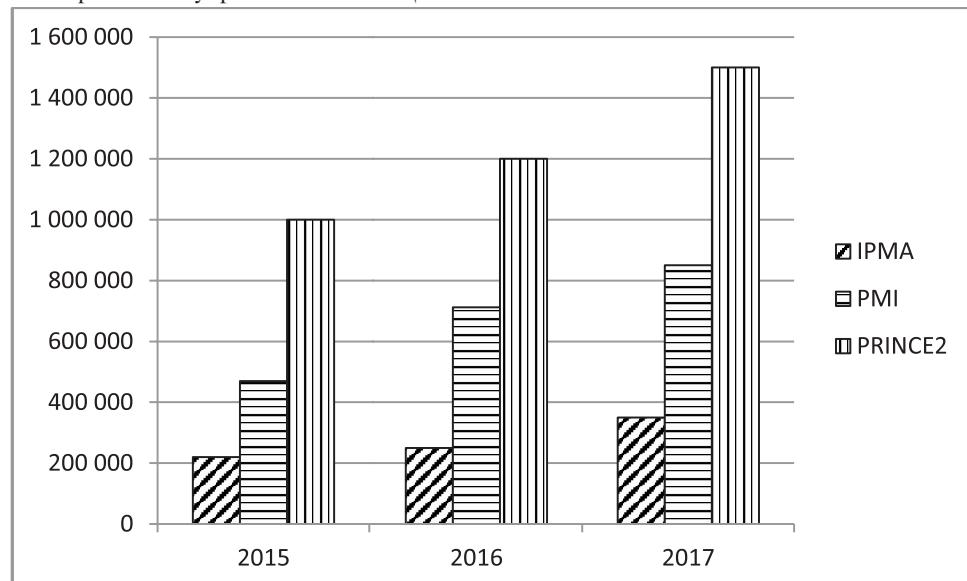

Рис. 2. Количество сертифицированных проектных менеджеров в мире

Источник: составлено автором по данным СОВНЕТ и PMI

Лидерство среди систем сертификации сохраняет *IPMA*, наименее популярна *PRINCE2*. Доля российских проектных менеджеров варьируется от 0,02 до 2 %. Но по относительному индексу сертификации *IPMA*

(учитывающему численность населения и ВВП) Россия занимает 4-е место, после Германии, Великобритании и Нидерландов. В основном востребовано подтверждение компетенций в области управления

проектами, постепенно возрастают интерес к управлению программами и портфелями проектов; сертификаты по узкоспециализированным областям, таким как управление сроками и рисками проекта, получают пока единицы специалистов.

Центр компетенций проектного управления и Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (РОССТАНДАРТ) к концу 2018 г. планируют завершить разработку и внедрение системы сертификации участников проектной деятельности. Центр оценки и развития проектного управления (АНО «ЦОРПУ») проводит сертификацию по системе ПМ СТАНДАРТ, в которой компетенции проектного менеджера подтверждаются знанием ГОСТов серии «Проектный менеджмент», ISO 21500 (ГОСТ ИСО 21500-2014) и опытом исполнения проектных ролей. Сегодня специалисты АНО «ЦОРПУ» вовлечены в разработку проектов ГОСТов «Система менеджмента проектной деятельности» и «Проектный офис».

4. Разработка профессиональных стандартов. В 2014 г. утвержден профессиональный стандарт «Руководитель проектов в области информационных технологий» [12]. В последнее время Министерство труда и социальной защиты РФ, Центр компетенций проектного управления и СОВНЕТ разрабатывают профессиональные стандарты «Руководитель проекта», «Администратор проекта» и «Проектный специалист», которые должны быть утверждены в конце 2018 г. В проекте стандарта «Руководитель проекта» приводится трехуровневая обобщенная характеристика полномочий и ответственности, зависящая от уровня сложности проекта, которым руководит специалист. В требованиях к образованию предлагаются исключить сугубо гуманитарное или техническое; специалисту необходимо будет дополнительно проходить специальное обучение в области управления проектами в объеме, определенном стандартом.

5. Сочетание классических и гибких методологий в практике российских компаний. Эффективность гибких методологий (*Agile*) во многих случаях доказана

их широкомасштабным использованием в управлении проектами и их растущей популярностью. Но большинство экспертов, дающих оценку этим тенденциям, считают, что вытеснения традиционного управления проектами (как это фактически происходит в определенных сферах бизнеса Нидерландов и Бельгии) в ближайшее время в России ожидать не стоит. Ведутся дискуссии о границах применимости гибких методологий; компании редко используют тот или иной подход в чистом виде, пытаются сочетать их между собой либо допускают комбинацию традиционных и гибких жизненных циклов проекта. Кроме того, внедрение *Agile* предполагает изменение корпоративной культуры в целом. На это часто идут вновь создаваемые компании, и запрос на гибкие подходы возрастает в малых организациях и стартапах.

6. Рост числа проектных ролей. Взаимосвязь проектов со стратегией компании, актуальность комплексного управления портфелями и программами обуславливает рост числа проектных ролей в мировой практике и в России. Благодаря увеличению количества проектных офисов и расширению масштабов проектов уже сложились роли руководителя проектного офиса, администратора проекта, менеджера портфеля, руководителя программы. Реализация ИТ-проектов или проектов организационных изменений требует участия бизнес-аналитиков. Среди относительно новых ролей есть специализированные, такие как менеджер по изменениям, риск-менеджер и другие. С развитием гибких подходов к управлению проектами становятся обычными роли владельца продукта, скрам-мастера.

7. Важность опыта реализации проектов в определенной сфере у потенциального руководителя проекта. Несмотря на универсальный характер проектного управления, велики различия менеджмента проекта в информационных технологиях и в строительстве, в НИОКР и маркетинге. Наличие сертификата или профильного образования, подтверждающего компетенции кандидата, далеко не всегда важно для работодателя, в первую очередь рассматривается опыт руководства подобными проектами или участия в них.

8. Смещение фокуса на развитие гибких личностных навыков (*softskills*). Треугольник талантов проектного менеджера *PMI* составляют: 1) технические, 2) лидерские, 3) стратегические и бизнес-компетенции менеджмента. Технические и бизнес-компетенции проектный менеджер может приобрести путем получения профильного образования, краткосрочного обучения и участия в проектах разной степени сложности. Кроме лидерских компетенций к гибким навыкам, связанным с личностными качествами, относятся эмоциональный интеллект, командная работа, самоменеджмент и другие. Современный проектный менеджер — в большей степени руководитель группы людей, фасилитатор, лидер с развитыми коммуникационными навыками. Системы сертификации предусматривают оценку среди прочего и этой группы навыков, например, с помощью проведения деловых игр на определенных этапах экзамена под наблюдением асессоров.

9. Рост числа проектных офисов и обострение проблем, связанных с их эффективностью для бизнеса. По данным международной консалтинговой компании *ESI*, в 2015 г.

75 % средних и крупных компаний имели проектные офисы [13]. Важная характеристика проектного офиса — уровень его влияния на стратегические решения, но 26 % проектных офисов вообще не оказывают такого влияния, нередко они выполняют тактические функции. Обычно допускают проектные офисы к стратегическому управлению средние российские компании, в которых проектные структуры возникли из отделов развития бизнеса. С ростом числа проектных офисов растет запрос на простые сервисы и индикаторы эффективности работы данных структур.

10. Высокий уровень оплаты труда проектных менеджеров. Анализ ежегодных отчетов *PMI* по панельным исследованиям зарплат руководителей проектов в России выявил, что годовой доход таких специалистов сравним с годовым доходом менеджмента среднего и верхнего уровня. В 2016 г. доходы проектных менеджеров и руководителей проектных офисов показывали положительную динамику, а руководителей портфелей и программ — снизились, несмотря на растущий спрос на таких специалистов.

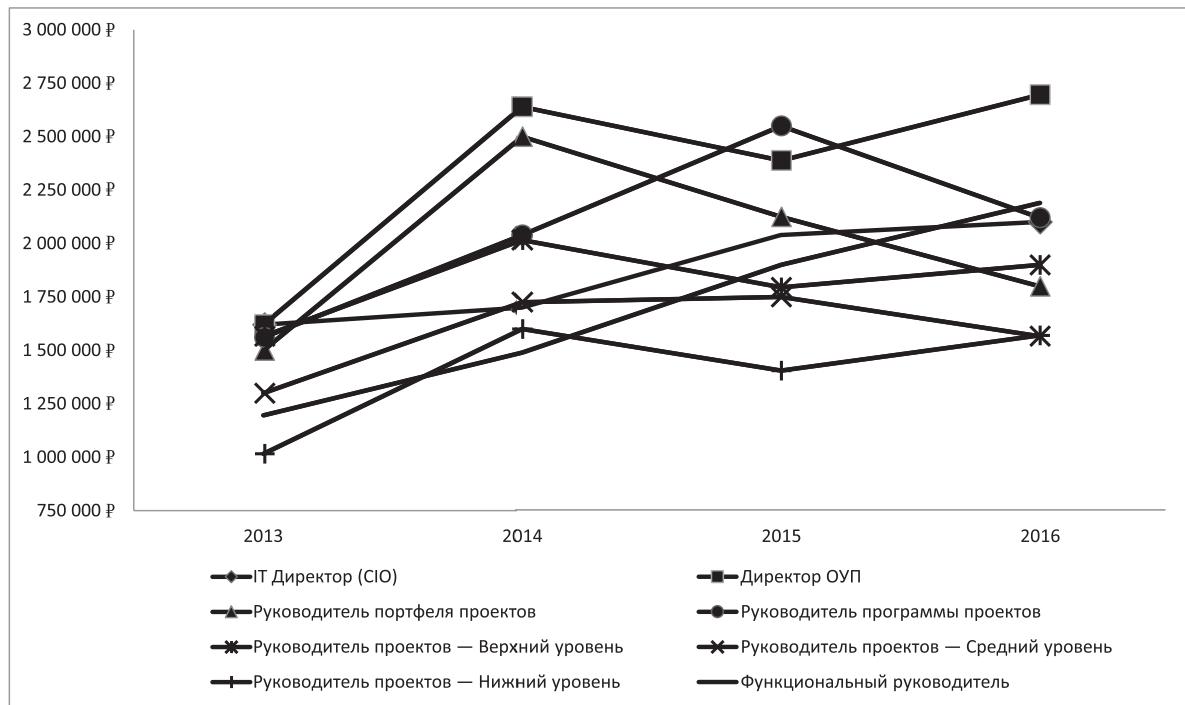

Рис. 3. Динамика чистого годового дохода специалистов, занятых в проектной деятельности

Источник: составлено автором по данным ежегодных отчетов Московского отделения *PMI* «Исследование зарплат руководителей проектов в России»

Результаты исследования *PMI* за 2017 г. еще не опубликованы. Дополним анализ данными порталов *HeadHunter* [14] и «РБК» [15]. В строительстве в 2017 г. средняя зарплата директора проекта составила 300...350 тыс. руб., в отраслях информационных технологий средняя зарплата менеджера продукта и менеджера проекта находится в диапазоне 140...220 тыс. руб., руководители команд разработчиков и архитекторы систем в ИТ получают до 250 тыс., ИТ-директор — 250...300 тыс. руб., в сфере добычи сырья руководитель проектного департамента и руководитель проекта зарабатывает около 200...230 тыс. руб. Сравнение результатов национального (проведенного Московским отделением *PMI*) и мировых исследований показывает, что по уровню средней заработной платы Россия находится на 30-м месте в списке из 37 стран, принявших участие в опросе.

11. *Развитие профессионального программного обеспечения и коммуникаций в виртуальных командах.* На рынке программных продуктов для автоматизации проектной деятельности есть ряд инструментов с широким набором функций, возможностью интеграции с виртуальными офисами и системами электронного документооборота. Популярность того или иного ПО обусловлена содержанием и масштабом проекта, требуемым уровнем коммуникаций, потребностями в управлении знаниями и т. д. Наблюдается развитие отечественных информационных систем, успешно конкурирующих с зарубежными аналогами.

Итак, по оценкам *PMI*, с 2017 по 2027 г. в мире ежегодно будет появляться примерно 2 млн новых проектных позиций в компаниях [2]. Эксперты в области проектного управления и исследовательские компании не раз заявляли о роли проектных менеджеров в повышении показателей производительности труда в стране. Оно является одной из приоритетных программ и в России, где растет потребность в квалифицированных специалистах проектного управления, в том числе в государственном секторе.

На профессиональных конференциях и форсайт-сессиях специалисты отмечают, что в России за последние 10 лет сместился фокус с треугольника основных функциональных областей проектного менеджмента на достижение бизнес-эффекта проекта. Ключевыми параметрами успешности проекта стали, во-первых, успешность готового продукта в условиях сращения проектного и продуктового менеджмента, во-вторых, высокая скорость реализации проекта, на которую влияют среди прочего скорость принятия управлений решений и умение ориентироваться в условиях хаоса и неопределенности. В ближайшие 10 лет прогнозируются значительные изменения в средствах визуализации и моделирования проектов, рост значения искусственного интеллекта и технологий *Big Data*. Вместе с тем в период бурного развития технологий обученный и эффективный специалист по-прежнему останется главным активом проекта. Эксперты также сходятся во мнении, что проектный менеджер будущего должен быстро ориентироваться в потоке информации и использовать короткие дробные коммуникации. В силу стирания границ в коммуникациях у проектного менеджера будут все возможности подбирать идеальные команды. Менеджер проекта уже не может быть случайно назначенным лицом, о котором сложилось хорошее мнение в компании. Инвестирование в развитие карьерного пути проектного менеджера или руководителя программы в современных компаниях приравнивается к долгосрочным инвестициям и является частью реализации корпоративных стратегий.

Литература

1. Надпрофессиональные навыки // Атлас новых профессий: [Электронный ресурс] / Агентство стратегических инициатив. URL: <http://atlas100.ru/future/> (дата обращения: 05.04.2018).
2. Project Management Job Growth and Talent Gap Report 2017–2027 // PMI: [Web source] / Project Management Institute. Cop. 2018. URL: <https://www.pmi.org/learning/careers/job-growth> (accessed: 05.04.2018).
3. Pulse of the Profession 2018 // PMI: [Web source] / Project Management Institute. Cop. 2018. URL: <https://www.pmi.org/learning/thought-leadership/pulse/pulse-of-the-profession-2018> (accessed: 05.04.2018).

4. CHAOS Summary Report 2016: Outline // The Standish Group: [Web source] / The Standish Group International. Cop. 2018. URL: <https://www.standishgroup.com/outline> (accessed: 05.04.2018).

5. Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Проектный офис Правительства // Правительство России: Официальный сайт. URL: <http://government.ru/department/361/projects/> (дата обращения: 05.04.2018).

6. Приоритетные программы и проекты. Ключевые решения // Правительство России: Официальный сайт. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/660/main/> (дата обращения: 05.04.2018).

7. Постановление Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 43: 24 окт. Ст. 6028.

8. Распоряжение Правительства РФ от 15.10.2016 № 2165-р «Об утверждении плана первоочередных мероприятий по организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации на 2016 и 2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 43: 24 окт. Ст. 6058.

9. Единый реестр проектных специалистов в государственном секторе Российской Федерации // Правительство России: Официальный сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/Gkks5q4QLwCtQUWJgatEpVOXoCvaLv4.pdf> (дата обращения: 05.04.2018).

10. Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2018 № 80-р «О плане мероприятий по развитию проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации на 2018 год» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 6: 5 февр. Ст. 916.

11. «Лучшему проекту года — 2018» дан старт // Национальная ассоциация управления проектами СОВНЕТ: [Электронный ресурс] / НП «Ассоциация управления проектами «СОВНЕТ». 01.03.2018. URL: http://www.sovnet.ru/about/news-blog/3419/?sphrase_id=5663 (дата обращения: 05.04.2018).

12. Руководитель проектов в области информационных технологий: утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.11.2014 № 893н // Профессиональные стандарты: Программно-аппаратный комплекс: [Электронный ресурс] / Министерство труда и социальной защиты РФ. URL: http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=50432 (дата обращения: 05.04.2018).

13. Global State of the PMO. 2015 // Strategy Execution: [Web source] / ESI International, Inc. Cop. 2015. URL: <http://www.esi-intl.se/pmo2015/pdfs/global-state-pmo.pdf> (accessed: 05.04.2018).

14. Лучшие вакансии месяца // HeadHunter: [Электронный ресурс] / Группа компаний HeadHunter. Cop. 2018. URL: <https://hh.ru/article/14830> (дата обращения: 05.04.2018).

15. **Кривицкий И.** Эксперты назвали средние зарплаты руководителей строительных компаний // РБК Недвижимость. Деньги: [Электронный ресурс] / ЗАО

«Росбизнесконсалтинг». 13.12.2017. URL: <https://realty-rbc.ru/news/5a3114959a7947f0776ca0dc> (дата обращения: 05.04.2018).

Поступила 16.04.2018

Прима Яна Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и управления проектами Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), post.prima@yandex.ru

References

1. “Nadprofessional’nye navyki” (Soft Skills). *Atlas novykh professii*. Agentstvo strategiceskikh initsiativ, n. d. Web. 5 Apr. 2018. <<http://atlas100.ru/future/>>.
2. “Project Management Job Growth and Talent Gap Report 2017—2027”. *PMI*. Project Management Institute, cop. 2018. Web. 5 Apr. 2018. <<https://www.pmi.org/learning/careers/job-growth>>.
3. “Pulse of the Profession 2018”. *PMI*. Project Management Institute, cop. 2018. Web. 5 Apr. 2018. <<https://www.pmi.org/learning/thought-leadership/pulse/pulse-of-the-profession-2018>>.
4. “CHAOS Summary Report 2016: Outline”. *The Standish Group*. The Standish Group International, cop. 2018. Web. 5 Apr. 2018. <<https://www.standishgroup.com/outline>>.
5. “Prezidium Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po strategicheskому razvitiyu i prioritetnym proektам. Proektnyi ofis Pravitel’stva” (Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and Priority Projects. Governmental Project Office). *Pravitel’stvo Rossii, Ofitsial’nyi sait*. RF Government, n. d. Web. 5 Apr. 2018. <<http://government.ru/department/361/projects/>>.
6. “Prioritetnye programmy i proekty. Klyuchevye resheniya” (Priority Programs and Projects. Key Decisions). *Pravitel’stvo Rossii, Ofitsial’nyi sait*. RF Government, n. d. Web. 5 Apr. 2018. <<http://government.ru/rugovclassifier/660/main/>>.
7. Postanovlenie Pravitel’stva RF ot 15.10.2016 №. 1050 “Ob organizatsii proektnoi deyatel’nosti v Pravitel’stve Rossiiskoi Federatsii” (RF Government Regulation from 15 Oct. 2016 No. 1050 “On Project Activities Organization in the Government of the Russian Federation”), *Sobranie zakonodatel’stva RF*, 2016, No. 43, 24 oct., Item 6028.
8. Rasporyazhenie Pravitel’stva RF ot 15.10.2016 №. 2165-р “Ob utverzhdenii plana pervochednykh meropriyatiy po organizatsii proektnoi deyatel’nosti v Pravitel’stve Rossiiskoi Federatsii na 2016 i 2017 gody” (RF Government Resolution from 15 Oct. 2016 No. 2165-р “On Enacting a Plan of Premium Efforts for Project Activities Organization in the Government of the Russian Federation for the Years 2016 and 2017”), *Sobranie zakonodatel’stva RF*, 2016, No. 43, 24 oct., Item 6058.
9. “Edinyi reestr proektnykh spetsialistov v gosudarstvennom sektore Rossiiskoi Federatsii” (Unified Register of Professionals in Russian Federation Public Sector).

Pravitel'stvo Rossii, Ofitsial'nyi sait. RF Government, n. d. Web. 5 Apr. 2018. <<http://static.government.ru/media/files/Gkks5q4QLwCtQUWWJgatEpVOXoCvaLv4.pdf>>.

10. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.01.2018 №. 80-р “O plane meropriyati po razvitiyu proektnoi deyatel'nosti v Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii na 2018 god” (RF Government Resolution from 25 Jan. 2018 №. 80-r “On Plan of Measures for Project Activities Development in the Government of the Russian Federation for the Year 2018), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2018, No. 6, 5 fevr., Item 916.

11. “‘Luchshemu proektu goda — 2018’ dan start” (“2018 Year’s Best Project” is Started). *Natsional'naya assotsiatsiya upravleniya proektami SOVNET*. NP “Assotsiatsiya upravleniya proektami ‘SOVNET’”, 1 Mar. 2018. Web. 5 Apr. 2018. <http://www.sovnet.ru/about/news-blog/3419/?sphrase_id=5663>.

12. “Rukovoditel’ proektov v oblasti informatsionnykh tekhnologii, utv. prikazom Ministerstva truda i sotsial'noi zashchity RF ot 18.11.2014 No. 893n” (Senior Project Manager in the IT Sphere, Approved by Order of Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation from 18 Nov. 2014 No. 893n). *Professional'nye standarty: Programmnno-apparatnyi kompleks*. Ministerstvo truda i sotsial'noi zashchity RF, n. d. Web. 5 Apr. 2018. <http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=50432>.

13. “Global State of the PMO. 2015”. *Strategy Execution*. ESI International, Inc., cop. 2015. Web. 5 Apr. 2018. <<http://www.esi-intl.se/pmo2015/pdfs/global-state-pmo.pdf>>.

14. “Luchshie vakansii mesyatsa” (Month’s Best Job Vacancies). *HeadHunter*. Gruppa kompanii HeadHunter, cop. 2018. Web. 5 Apr. 2018. <<https://hh.ru/article/14830>>.

15. Krivitskii I. “Eksperty nazvali srednie zarplaty rukovoditelei stroitel'nykh kompanii” (Experts Mentioned Average Salaries of Construction Companies’ Heads). *RBK Nedvizhimost’*. Den'gi. ZAO “Rosbizneskonsalting”, 13 Dec. 2017. Web. 5 Apr. 2018. <<https://realty.rbc.ru/news/5a3114959a7947f0776ca0dc>>.

Submitted 16.04.2018

Prima Yana G., Cand. Sci. (Economics), associate professor of Marketing and Project Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), *post.prima@yandex.ru*

Организационно-финансовое сопровождение программы развития¹

Д. Б. Рыгалин, О. В. Седова, А. В. Ларчиков

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

sedova@unicm.ru

Статья посвящена аспектам организационно-финансового сопровождения программы развития. Авторы акцентируют внимание на актуальности формирования кластера потенциальной инновации в качестве наиболее эффективной организационной формы взаимодействия участников программы развития и определяют возможности организационно-финансового сопровождения создания и взаимодействия такого рода микрокластеров и системообразующую роль Инновационно-технологического центра в этом процессе. Рассматривая механизм организационного сопровождения программы развития с международным участием, авторы раскрывают средства достижения синергетического эффекта от международного сотрудничества.

Ключевые слова: организационно-финансовое сопровождение; микрокластер; программа развития; научоемкое предприятие; международное сотрудничество.

Development Program's Organizational and Financial Support¹

D. B. Rygalin, O. V. Sedova, A. V. Larchikov

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

sedova@unicm.ru

The article is devoted to aspects of organizational and financial support of the development program. The authors focus on the relevance of forming a cluster of potential innovation as the most effective organizational form of interaction among the development program participants and determine the possibilities of organizational and financial support for the creation and interaction of such micro clusters and the role of Innovative Technological Center in this process. The authors consider the aspects of the formation of the mechanism of organizational support for the development program with international participation and disclose the ways to achieve synergistic effect of international cooperation.

Keywords: organizational and financial support; micro cluster; development program; science-intensive enterprise; international cooperation.

Текущее организационно-финансовое сопровождение программы развития является составляющей частью методики формирования организационного системного

интегратора, направленной на построение организационной формы кластерного взаимодействия между участниками инновационного цикла по созданию прогрессивной

© Рыгалин Д. Б., Седова О. В., Ларчиков А. В.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 15-02-00510.

¹ The reported study was partially supported by RFBR, research project No. 15-02-00510.

наукоемкой продукции, конкурентоспособной на мировом рынке. Организационно-финансовое сопровождение программы развития направлено на создание условий для своевременного и качественного выполнения программных заданий. Механизм сопровождения программы развития основан на дереве целей, решений и работ. Дерево целей позволяет осуществить декомпозицию сложной генеральной цели на иерархическую совокупность простых целей, ясных для исполнения.

В условиях рыночной нестабильности для предприятий, работающих в области создания и коммерциализации инновационной высокотехнологичной продукции, децентрализация, по мнению С. В. Дронова, является наиболее рациональным способом построения организационной структуры. В результате исследований была выявлена наиболее эффективная организационная форма взаимодействия участников программы развития — кластер потенциальной инновации (микрокластер) [1; 2; 3]. Основные признаки микрокластера:

- наличие аналогичной системообразующей инновационной идеи у всех субъектов кластера потенциальной инновации;
- идентичность или смежность областей деятельности у функционально различных субъектов;
- готовность потенциального кластера к инновационной реализации интеллектуальной собственности.

Основой формирования такого рода микрокластеров служит база данных о состоянии организаций — участников программы развития, а также база данных, включающая требования, условия, ограничения и характеристики целевой составляющей программы развития. Далее проводится сопоставление условий эффективности выполнения элементов программы с компетенциями и возможностями ее участников, при этом в качестве инструмента оценивания предлагается модель определения разности функциональных потенциалов партнеров (см. рис. 1) [4]. Выбор субъектов микрокластеров осуществляется с учетом оценки соответствия их компетенций требованиям к инновациям. Далее группа юристов и инновационных менеджеров работает с будущими субъектами кластеров

потенциальных инноваций и определяет организационно-правовые основы их взаимодействия между собой и с головной организацией.

Компетенции по созданию стимулирующих факторов, повышающих стремление организаций к деятельности в рамках кластера и к инновационному развитию, целесообразно делегировать Инновационно-технологическому центру (ИТЦ), который будет выполнять системообразующую роль и вокруг которой будет формироваться высокотехнологичный отраслевой кластер (см. рис. 2) [2].

Применительно к организационному сопровождению создания и развития кластера потенциальной инновации ИТЦ решает следующие задачи:

- определение и обеспечение элементов инфраструктуры, необходимых для формирования законченной инновационной цепочки;
- разработка концепции и схемы сотрудничества субъектов кластера потенциальной инновации между собой и с субъектами отраслевого кластера;
- формирование устойчивых отношений между субъектами кластера потенциальной инновации, основанных на соглашении о распределении прав на конечную интеллектуальную собственность, которая будет получена в ходе реализации программы развития, а также на соглашении о распределении прав на финансовые результаты;
- содействие в разработке бизнес-плана коммерциализации инновационной высокотехнологичной продукции;
- юридическая поддержка;
- привлечение источников финансирования на реализацию проектов;
- консалтинговая поддержка на всех стадиях развития.

В процессе реализации инновационного цикла осуществляется активное взаимодействие локальных микрокластеров. Совместное решение конкретных задач при общении руководителей микрокластеров между собой и с руководителями головной организации позволяет снизить оперативную нагрузку на высшее руководство, освободить время для решения стратегических задач.

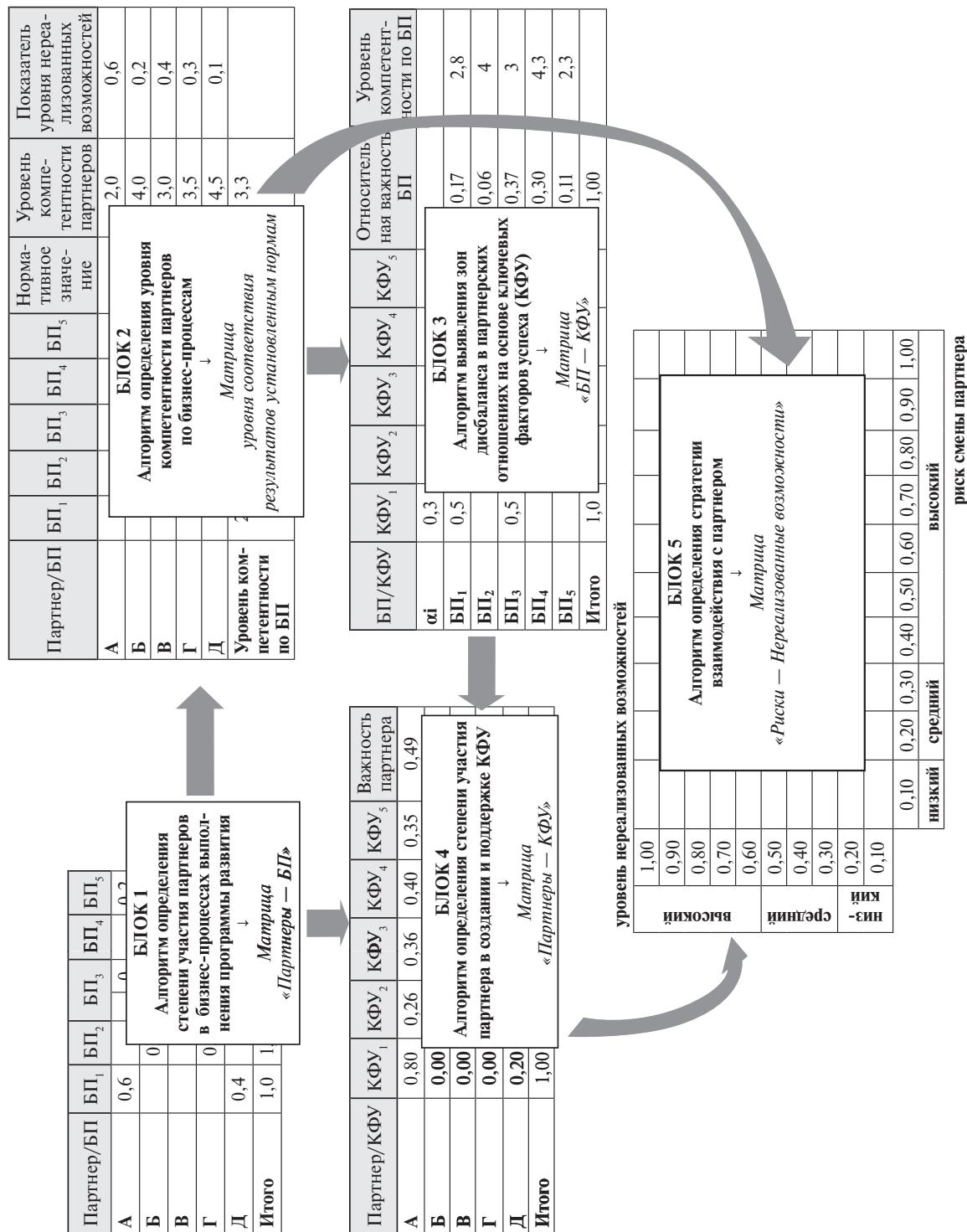

Рис. 1. Система матричных моделей и алгоритмов регулирования внутрикластерных отношений на основе синхронизации взаимодействия

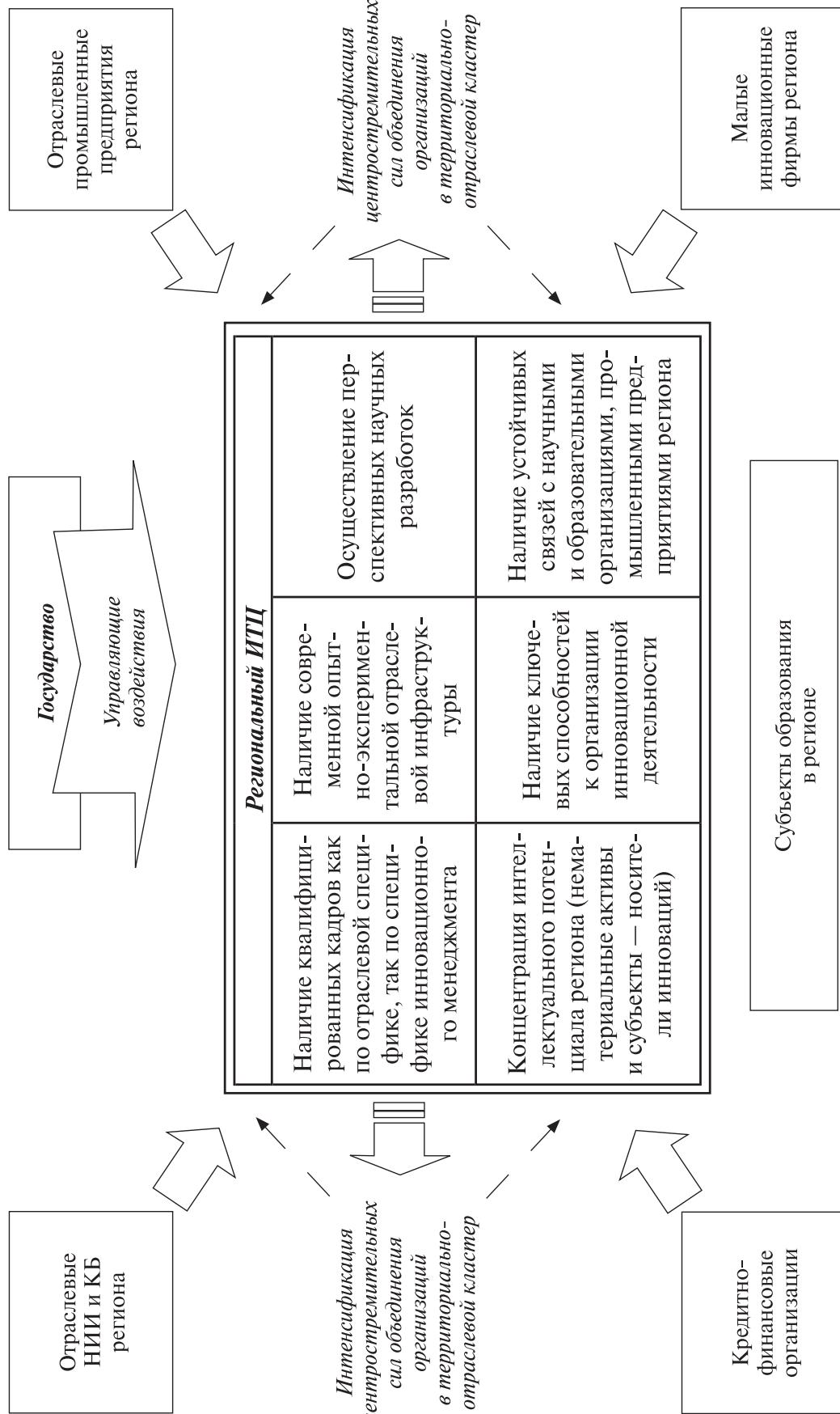

Рис. 2. Центростремительные силы формирования территориально-отраслевого кластера [2]

При сопоставлении условий эффективности выполнения элементов программы развития с компетенциями и возможностями ее участников проводится сравнительный анализ и аудит. Задача аудита заключается в выявлении недостающих ресурсов и компетенций и поиске источников удовлетворения потребности в них. По результатам сравнительного анализа условий и возможностей формируются критические мероприятия, перечень которых включается в систему плановых решений.

Стадии развития кластеров потенциальных инноваций, в силу разной специфики, требуют привлечения средств из различных источников финансирования. Способы привлечения средств: инициация совместных программ с Фондом развития и Агентством инновационного развития, финансирование за счет средств Правительства Москвы, самофинансирование за счет взносов субъектов высокотехнологичного кластера, в том числе на участие в выставках, конференциях и т. д.

Одним из основных свойств системы организации отраслевого кластера является стремление к многообразию. Потребность в недостающих ресурсах и компетенциях может быть обеспечена через привлечение новых организаций в кластер потенциальной инновации, в том числе из других государств, что позволит достичь синергетического эффекта и откроет для кластера новые возможности, а именно: стратегическое развитие в различных направлениях (по матрице Ансоффа [5]) и различные варианты партнерства, исходя из выбранной стратегии.

Решение задачи коммерциализации инновационной продукции в условиях низкого спроса на отечественном рынке, что может быть следствием недостаточной готовности потребителей к инновациям, предполагает возможность выхода на новые зарубежные рынки. Недостаток ресурсов восполняется за счет зарубежных инновационных разработок и отечественных товаров, спрос на которые не удовлетворен, в том числе комплектующих.

Однако синергетический эффект от международного взаимодействия достигается при выполнении НИОКР с привлечением интеллектуальных, финансовых, материальных ресурсов иностранного партнера и последующей коммерциализацией созданной совместно высокотехнологичной инновационной продукции не только в России, но и за рубежом.

В качестве средства обеспечения эффективного международного сотрудничества рассматривается механизм организационного сопровождения программы развития, который предусматривает создание благоприятных условий для взаимодействия субъектов кластера с зарубежными партнерами, формирование единой базы данных для потенциальных участников программы развития и иностранных компаний по основным направлениям развития, мониторинг их потребностей и возможностей в целях формирования кластера потенциальной инновации.

Для организационного сопровождения программы развития с международным участием необходимы собственные и сторонние ресурсы. В качестве платформы организации международного сотрудничества может быть использован сторонний ресурс — Европейская сеть поддержки предпринимательства *Enterprise Europe Network*. На основе мониторинга предложений и запросов определяются варианты формирования кластеров потенциальной инновации. Далее субъекты отраслевого кластера, обладающие необходимыми компетенциями и ресурсами, привлекаются к участию в международных микрокластерах, что делает головная организация. Помимо установления первичного контакта с организациями и привлечения их к участию в брокерских мероприятиях платформы, в ее компетенцию входит консалтинг по вопросам оформления и размещения информации на платформе, составление алгоритма предложений и запросов и процедуры их экспертной оценки.

Международное сотрудничество в рамках программы развития реализуется собственными силами кластера посредством участия в международных выставках,

семинарах, конференциях, круглых столах, которые выступают инструментами формирования базы данных будущих партнеров, базы предложений и запросов, необходимой для микрокластера с международным участием. В масштабных программах развития принимает участие множество научно-промышленных, информационных, финансовых и других организаций, различных по потенциалу и уровню профессиональных компетенций. Наличие организационно-финансового сопровождения является одним из ключевых факторов успешности выполнения программы развития, поскольку обеспечивает эффективное взаимодействие участников программы в процессе создания конкурентоспособной инновационной продукции.

Литература

1. Корпоративное управление инновационным развитием: монография / Ю. П. Анискин, Т. А. Аллавердиев, А. В. Быков, С. А. Лукичев, Д. Б. Рыгалин; под ред. Ю. П. Анискина. М.: Омега-Л, 2007. 411 с. (Деловая активность).
2. Механизмы создания и функционирования высокотехнологичных отраслевых кластеров: монография / В. А. Беспалов, Д. Б. Рыгалин, В. Б. Леонтьев, А. В. Микитась; под ред. С. Г. Полякова. М.: МИЭТ, 2010. 164 с.: ил.
3. Рыгалин Д. Б., Седова О. В., Ларчиков А. В. Особенности формирования и кластеризации участников программы развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 1 (13). С. 38—42.
4. Трансформация бизнеса в условиях рыночной нестабильности: монография / Н. К. Моисеева, Т. Н. Гончарова, О. А. Марина, О. В. Седова; под ред. Н. К. Моисеевой. М.: Курс: НИЦ Инфра-М, 2015. 407 с. (Наука).
5. Анофф И. Стратегическое управление: пер. с англ. М.: Экономика, 1989. 519 с.

Поступила после доработки 12.02.2018

Рыгалин Дмитрий Борисович — доктор экономических наук, начальник Центра коммерциализации и трансфера технологий Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), rygalin@unicm.ru

Седова Ольга Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и управления проектами Национального исследовательского университета «МИЭТ»

(Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), заместитель начальника Центра коммерциализации и трансфера технологий МИЭТ, sedova@unicm.ru

Ларчиков Александр Викторович — кандидат физико-математических наук, заместитель начальника Центра коммерциализации и трансфера технологий Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), lartchikov@unicm.ru

References

1. Корпоративное управление инновационным развитием (Innovative Development Corporate Management), monografiya, by Yu. P. Aniskin, T. A. Allaverdiyev, A. V. Bykov, S. A. Lukichev, D. B. Rygalin, pod red. Yu. P. Aniskina, M., Omega-L, 2007, 411 p., il., Delovaya aktivnost'.
2. Mekhanizmy sozdaniya i funktsionirovaniya vysokotekhnologichnykh otrasslevykh klastero (Mechanisms for High-Technology Sectoral Clusters Building and Functioning), monografiya, by V. A. Bespalov, D. B. Rygalin, V. B. Leont'ev, A. V. Mikitas', pod red. S. G. Polyakova, M., MIET, 2010, 164 p., il.
3. Rygalin D. B., Sedova O. V., Larchikov A. V. Osnovnye formirovaniya i klasterizatsii uchastnikov programmy razvitiya (Features of Development Program Participants Forming and Clustering), *Ekonomichekie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2017, No. 1 (13), pp. 38—42.
4. Transformatsiya biznesa v usloviyakh rynochnoi nestabil'nosti (Business Transformation in the Market Uncertainty Conditions), monografiya, by N. K. Moiseeva, T. N. Goncharova, O. A. Marina, O. V. Sedova, pod red. N. K. Moiseevoi, M., Kurs, NITs Infra-M, 2015, 407 p., Nauka.
5. Ansoff I. Strategiceskoe upravlenie (Strategic Management), per. s angl. M., Ekonomika, 1989, 519 p.

Submitted after updating 12.02.2018

Rygalin Dmitriy B., Doctor of Economics, head of Center of Commercialization and Transfer of Technologies, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), rygalin@unicm.ru

Sedova Olga V., Candidate of Sciences (Economics), associate professor of Marketing and Project Management Department and deputy head of Center of Commercialization and Transfer of Technologies, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), sedova@unicm.ru

Larchikov Aleksandr V., Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), deputy head of Center of Commercialization and Transfer of Technologies, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), lartchikov@unicm.ru

Методологические подходы к изучению категории «инновационный потенциал»

E. V. Frank

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Россия

efrank@rambler.ru

Представлен обзор трудов российских и зарубежных ученых — сторонников пяти основных методологических подходов к изучению инновационного потенциала экономической системы в качестве категории, служащей неотъемлемым условием успешности ее деятельности. Рассмотрены главные направления развития инновационного потенциала, основные виды используемых ресурсов, выделены критерии его классификации. Проанализирован инновационный потенциал вуза как экономического субъекта. Предложено авторское определение категории «инновационный потенциал».

Ключевые слова: теория инноваций; инновационный потенциал; системный анализ; инновационное развитие; управление инновациями; образование; наука; научно-техническое развитие; вуз; рынок; инновационная деятельность; объекты и субъекты управления.

Methodological Approaches to the Study of the “Innovative Potential” Category

E. V. Frank

Samara State Technical University, Samara, Russia

efrank@rambler.ru

The author did present a survey of works of Russian and foreign scientists following five basic methodological approaches to the study of innovation potential of the economic system as category serving as indispensable condition for the success of its activity. The author did consider main directions of innovative potential development, principal kinds of used resources, did mark out its classification criteria. He has analyzed innovative potential of higher education institution as economic subject and has proposed own definition of “innovative potential” category.

Keywords: innovation theory; innovative potential; system analysis; innovative development; innovations management; education; science; scientific and technical development; higher education institution; market; innovation activity; management objects and subjects.

В международной практике анализа инновационной деятельности известно множество подходов к понятию инновационного потенциала и его содержанию. Исследованием данной категории занимаются различные международные школы, вузы и научные организации.

С целью дать комплексную характеристику понятия и содержания инновационного потенциала необходимо обобщить всё многообразие представлений о нем, что позволит составить целостную картину и раскрыть суть данной категории применительно к экономическим системам.

© Франк Е. В.

В отечественных экономических исследованиях выделяется несколько подходов к определению понятия инновационного потенциала в целом и в качестве экономической категории.

1. *Ресурсный подход*: инновационный потенциал понимается как неоднородная совокупность инновационных ресурсов (материальных, финансовых, информационных, интеллектуальных, технологических и научно-технических), обеспечивающих осуществление инновационной деятельности субъектов рынка и создание инновационной продукции (услуг) [1, с. 102].

2. *Результативный подход*: инновационный потенциал рассматривается с точки зрения достижения результата от инновационной деятельности, т. е. получения реального продукта благодаря внедрению новшеств. Здесь инновационный потенциал предстает в качестве возможной инновационной продукции, которая появится в будущем [2].

3. *Ресурсно-результативный подход*: инновационный потенциал подразделяется на реализованные и нереализованные, т. е. потенциальные (скрытые) ресурсы, которые могут быть использованы для достижения целей субъектов экономики. Этот подход дополняет ресурсный и обосновывает деление ресурсных возможностей инновационного развития экономических систем на имеющиеся и предполагаемые.

4. *Системно-институциональный подход*: инновационный потенциал представлен как степень способности и готовности субъектов экономики к инновационной деятельности. При этом под способностью понимается наличие необходимых компонентов потенциала и баланс его структуры, а под готовностью — уровень качественной достаточности ресурсов для развития [3; 4, с. 246].

5. Отождествление инновационного потенциала с научно-техническим, реализуемым творческим и интеллектуальным трудом в сфере НИОКР [5, с. 37–38]. Это малообоснованно, так как понятие инновационного потенциала шире: инновационная деятельность, опосредующая его, не сводится к изменениям в технике и технологиях.

На основе интеграции рассмотренных подходов и иерархической структуры, выстроенной И. В. Антоненко [3, гл. 1], предлагается авторская классификация инновационного потенциала по следующим критериям:

- по объектным и субъектным признакам;
- по функциям в инновационной деятельности;
- по ресурсной составляющей;
- по видам и формам;
- по предназначению;
- по длительности инновационных процессов;
- по уровням реализации;
- по целевым рынкам.

Данная классификация согласуется с мнением ряда ученых (А. В. Бутуханов, Р. В. Ишутин, Е. М. Коростышевская, Т. П. Николаева, С. Г. Светуньков) в том, что совокупный инновационный потенциал национального хозяйства характеризуют система образования, высокотехнологичный научно-технический комплекс, охраняемые результаты интеллектуальной собственности и государственная инновационно-инвестиционная политика [6, с. 5].

Теоретические положения концепций и стратегий управления инновационным потенциалом в экономических системах, в частности в системе высшего образования, целесообразно обобщить на основе следующих принципов:

- понимания инновационного потенциала вуза как части его общего потенциала;
- необходимого и достаточного внимания к инновационному развитию вузов;
- постоянного совершенствования структуры и органов управления инновациями;
- реализации инновационного потенциала в рамках стратегии инновационного развития;
- внедрения результатов НИОКР и инноваций в процесс обучения;
- непрерывного совершенствования образовательного процесса и качества предоставляемых образовательных услуг;

- правомерного использования объектов интеллектуальной собственности;
- учета рисковых составляющих при внедрении инноваций в деятельность вуза;
- ответственности.

Применительно к высшим учебным заведениям инновационный потенциал отражает тройственный характер вуза как субъекта экономической системы, осуществляющего образовательную, научную и инновационную деятельность.

Сфера интеллектуальной собственности, в частности вузы, создает основу для инновационных процессов, развивает собственно инновации, а следовательно, служит источником формирования и реализации инновационного потенциала. Его реализация на базе вузов требует четкой спецификации прав собственности на все объекты интеллектуальной деятельности [7, с. 9].

На основе результатов фундаментальных и прикладных научных исследований в вузах формируется инновационный потенциал, создаются новые продукты (услуги), разрабатываются процессы и технологии. Как отмечает Г. Д. Ковалев, прикладная наука дает возможность применения результатов фундаментальных исследований и именно она порождает инновационный потенциал, степень развития которого определяет объем и качество результатов научных исследований и возможность появления инноваций [8, с. 55]. По мнению ряда авторов, здесь необходимо уточнение: именно прикладная наука обуславливает развитие инновационного потенциала, определяет направления его формирования и концентрации [3; 9, с. 14–21].

На основе структурного состава инновационного потенциала вуза (ИПВ), форм его состояния и развития, наличия воспроизводственных и функциональных ограничений можно подразделить ИПВ на уровни и выявить их взаимосвязи, которые определяют качественное содержание инновационного потенциала, а также границы, за которыми он теряет свои свойства.

На наш взгляд, изменения в технике, продукте и технологии, составляющие суть реализации инновационного потенциала,

позволяют считать его частью технического прогресса. Инновационный потенциал формируется результатами научных исследований, следовательно, «технический прогресс представляет собой совокупность инновационных процессов, связанных с нововведением во всех звеньях народного хозяйства страны» [10, с. 20].

Тем не менее понятия научно-технических разработок и инноваций близки, но не синонимичны. Инновации включают в себя научно-технические разработки, но не сводятся к ним. По Й. Шумпетеру [11], изобретения (приращение нового технического знания) отличаются от инноваций тем, что новые знания могут использоваться в производстве, а инновацией называют изменения в области управления, технологий и финансов. Девендра Сахал [12] выделяет два процесса, существенное всего влияющих на развитие технологий: это передача знаний (обучение) и изменение масштаба деятельности. Их сочетание выступает движущей силой нововведений в технологиях.

Отсюда следует, что процесс обучения — это фактор развития технологий, а изменение масштаба деятельности — фактор внедрения новых технологий в производственный процесс. Также можно сделать вывод, что для любой технологии инновационный потенциал будет случайным значением, а степень его использования — результатом спланированной политики [13]. Таким образом, научно-технический прогресс может быть представлен развивающейся системой, в которой инновации концентрируются вокруг некоторой базовой технологии и способствуют технологическим сдвигам, в свою очередь зависящим от скорости, объемов и интенсивности создания и внедрения технических новшеств.

В рамках процессного и функционального подходов в центре внимания оказывается инновационный процесс, на базе которого формируется инновационный потенциал. Однако факторы, влияющие на его формирование и развитие, его субъектно-объектную структуру, а также взаимосвязи разноуровневых потенциалов — экономического,

научного, научно-технического и производственного — данные подходы выявить не позволяют. По мнению И. В. Антоненко, этот пробел восполняет «системно-институциональный подход (Б. Лундвал, К. Фримен, Р. Нельсон, С. Уинтер, Дж. Кларк, А. Соете, А. И. Анчишкин, С. Ю. Глазьев, Ю. В. Яковец, В. И. Маевский, Б. Н. Кузык), предпосылки формирования которого определяет эволюционная экономическая теория Р. Нельсона и С. Уинтера, рассматривающая экономический прогресс как процесс усложнения системы за счет смены технологий, видов продукции, организаций и институтов» [3, с. 30; 14]. На наш взгляд, формированию системно-институционального подхода также способствовала институциональная экономика (Р. Коуз, О. Уильямсон). Мы разделяем мнение В. М. Комарова о том, что в исследованиях Р. Нельсона, Р. Коуза, О. Уильямсона и С. Уинтера отражена проблематика, присущая как эволюционному, так и системно-институциональному подходу [15].

Названные выше подходы различаются акцентами исследования по уровням проводимого анализа (mega-, макро-, мезо-, микро- или наноуровни). Согласно системно-институциональному подходу, поведение субъектов хозяйствования изменяется соответственно формальным и неформальным нормам и правилам, которые включают в себя организационные и информационные процессы, формирующие предпосылки к разработке и имитации инноваций и способность изменить сложившиеся в организации структурные отношения. Исследователь Л. К. Гуриева выделяет в данном подходе к теории инноваций три ведущих направления исследования [7, с. 45].

Во-первых, это «концепция технологических укладов (систем)» (А. И. Анчишкин, В. Л. Иноземцев, С. Ю. Глазьев (см., напр., [16]), Б. Н. Кузык, В. И. Маевский [17], Д. С. Львов, Г. Фетисов, Ю. В. Яковец [18] и др.). В данной концепции отражена производственно-технологическая эволюция экономики, характеризуются базисные технологические процессы, присущие всем сферам,

отраслям и видам экономической деятельности в течение длительного периода, и предполагается, что условия становления нового технологического уклада формируются во время развития предыдущего. Формируемый технологический уклад определяется степенью изменений качества связей между наукой и производством и, следовательно, появлением инновационной системы. При исследовании технологических укладов применяются два подхода: формационный (К. Маркс) и цивилизационный (Р. Арон, У. Ростоу, см. [19]).

Во-вторых, «теория диффузии нововведений» (Дж. Кларк, К. Фримен, А. Соете). Ее авторы К. Фримен и А. Соете [20] обосновали влияние технологических систем на темпы экономического роста и развития экономики: технологические инновации вытесняют продуктивные, формируя таким образом новые отрасли. Исходя из этого, диффузию нововведений можно считать механизмом развития всей технологической системы, на скорость движения которого влияют внешние факторы, технологическая конкуренция, уровень квалификации персонала, спроса на инновации и пр. По мнению Л. К. Гуриевой, скорость и масштабы диффузии опосредуются рыночной конъюнктурой и зависят от институциональных инвесторов, промышленной и инновационной политики, объема и структуры инвестиций [7, с. 67].

В ходе инновационного процесса на отраслевых рынках определяются периферийные отрасли и центр — лидирующие отрасли экономики, с ускоренными темпами роста и развития, высоким уровнем квалификации работников и значительным эффектом масштаба [7, с. 68].

По теории полюсов роста (Ф. Перру, см. [21]), компании лидирующих отраслей более эффективно используют факторы производства, а диффузия инноваций имеет направление из лидирующих в менее развитые отрасли и виды экономической деятельности. Благодаря этому она позволяет реализовать инновационный потенциал

отрасли, компаний или региона путем создания новой техники, систем управления, технологий, инновационного продукта [9].

Анализ мировой практики хозяйствования, проведенный Л. К. Гуриевой, показал: в 1950—1970-х гг. полюсами роста были промышленные узлы, с 1970 г. — территориально-промышленные комплексы (ТПК, прообразы современных кластеров), в 1980 г. — промышленные и технико-внедренческие кластеры, в 1990 г. — наукограды и технополисы. С конца 1990-х гг. полюсами роста являются инновационно-технологические кластеры, наряду с объектами инновационной инфраструктуры образующие отечественную территориально-отраслевую и видовую систему воспроизводства инновационной деятельности [7, с. 70].

Отсюда применение теории диффузии инноваций к процессу эволюции полюсов роста позволяет спрогнозировать формы и пути реализации инновационного потенциала. При этом в странах, регионах и компаниях, где инновационная деятельность имеет соответствующую институциональную поддержку, можно ожидать более быстрого развития и распространения инновационного потенциала.

В-третьих, «концепция национальных инновационных систем» (НИС) (Б. Лундвал, Р. Нельсон, К. Фримен, С. Уинтер) [14; 20; 22]. Концепция НИС основывается на институциональных аспектах процессов получения и накопления знаний. За счет них формируются и применяются новые технологии (Б. Лундвал, Р. Нельсон и К. Фримен), что позволяет решать институциональные вопросы с учетом совокупности факторов, влияющих на распространение различных инноваций (экономических, технологических, институциональных и социокультурных).

Согласно Б. Лундваллу, инновационная система складывается из отношений и элементов, вступающих во взаимодействие по поводу использования и распространения нового знания [22]. Исходя из этого, выделяются субъекты инновационных отношений, которые формируют инновационный потенциал, а также элементы данной системы и их взаимодействия.

По определению К. Фримена, инновационная система включает в себя не только субъекты, формирующие инновационный потенциал, но также правила и условия их воздействия друг на друга и взаимодействия с общественными институтами (финансовая, правовая и социальная организации экономики) (приводится по: [3, с. 35—36]).

Значительная часть определений НИС отражает их системный характер, институциональный аспект, а также возможности получения и распространения новых знаний, техники и технологий.

На основе представленных подходов сформулированы ключевые требования к определению инновационного потенциала [15]:

- определение и толкование сущности инновационного потенциала должны включать положения процессного, функционального и системно-институционального подходов;
- инновационный потенциал должен учитывать характеристики сферы инновационной деятельности;
- при определении инновационного потенциала экономических систем необходимо принимать во внимание влияние внешней и внутренней среды на инновационную деятельность.

Основным условием эффективной деятельности инновационных систем выступает выстраивание взаимосвязей науки, образования, инвестиций (коммерциализации) и государственного регулирования экономики (проводимой государственной экономической политики), а также формирование комплексной системы взаимодействия различных компаний с государством.

Анализ элементного состава экономического, научно-технического и производственного потенциалов позволяет определить их взаимосвязи с инновационным потенциалом.

Экономическим потенциалом определяются экономические возможности компании, региона или государства в целях социально-экономического развития. Его, в свою очередь, определяют совокупность

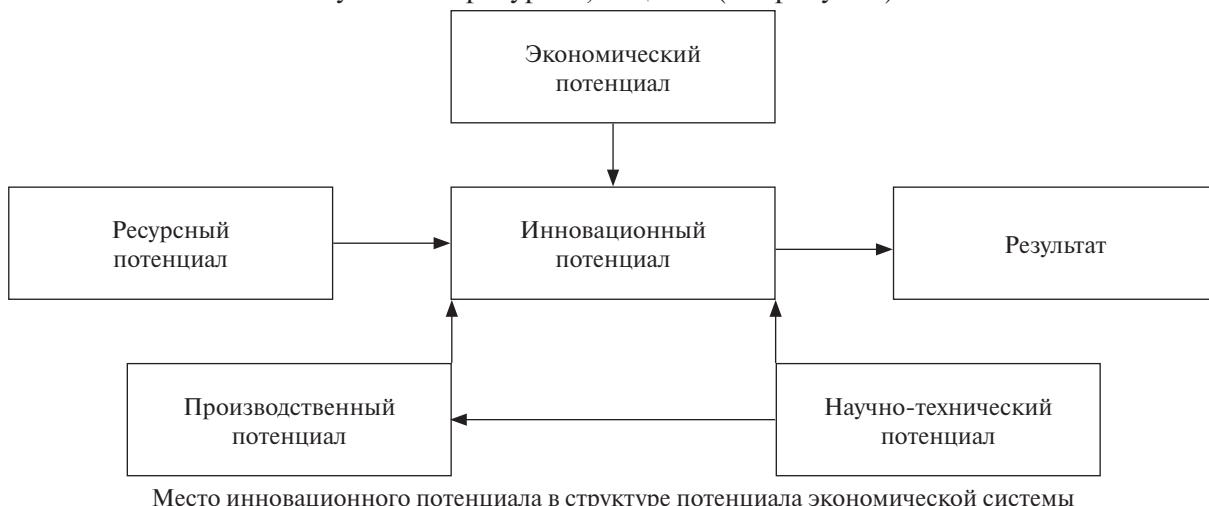
финансовых ресурсов, природных объектов (на уровне региона), инфраструктура, а также созданные технологии, рыночная среда и научный потенциал [23, с. 123].

Производственный потенциал, понимаемый как отношения по поводу достижения максимально возможного результата производственной деятельности при эффективном использовании материальных ресурсов и интеллектуального капитала [5, с. 37], включает в себя производственную, кадровую и материальную составляющие.

Научно-технический потенциал, согласно определению ЮНЕСКО, представляет собой «совокупность ресурсов,

которыми располагает страна для научных открытий, изобретений и технических новшеств» [24, с. 210]. Он, по мнению И. В. Антоненко, органически взаимосвязан с инновационным потенциалом, поскольку и научно-технические достижения, и инновационная деятельность «предполагают развитие научно-технического, инновационного, образовательного и культурного потенциала» [3, с. 42].

В совокупности научно-технический и производственный потенциалы формируют инновационный потенциал, а он является основной частью экономического потенциала (см. рисунок).

Из рисунка видно, что взаимосвязи экономического, научно-технического, производственного и инновационного потенциалов реализуются благодаря использованию ресурсов (материально-технических, организационных, кадровых, интеллектуальных и информационных), которые применяются для выпуска инновационной продукции и ее реализации. Следовательно, в рамках системно-институционального подхода можно выделить общие элементы экономического, научно-технического и производственного потенциалов, которые обеспечивают формирование и реализацию инноваций, а также составляют содержание инновационного потенциала.

Таким образом, формулировать определение инновационного потенциала экономической системы следует с учетом ряда факторов, в том числе [25]:

- системы условий и факторов влияния на инновационные процессы;
- необходимого объема информации о результатах НИОКР, изобретений, новой продукции, техники и пр.;
- способности различных отраслей народного хозяйства производить наукоемкую продукцию, отвечающую требованиям мирового рынка;
- возможностей экономической системы использовать скрытые и накопленные ресурсы [14].

На наш взгляд, под инновационным потенциалом экономической системы (или субъекта экономической системы, в частности вуза) можно понимать интегрированную систему взаимозависимых и взаимосвязанных потенциалов: научного, образовательного, производственного, технического, организационного, кадрового,

инвестиционного, — использующих наличный объем экономических ресурсов, которые система может применять для своего развития.

В частности, данные ресурсы в вузе могут быть распределены между образовательными, научно-техническими и инвестиционными направлениями. В результате реализации ресурсов по данным направлениям формируется, соответственно, образовательный, научно-технический и инвестиционный потенциал вуза, а их совокупность образует инновационный потенциал.

Итак, эволюция рассмотренных подходов к инновациям и инновационному потенциалу позволяет сделать вывод: инновационный потенциал экономических систем создается на основе способностей данных систем к формированию, реализации и коммерциализации знаний, а его базовыми компонентами служат материально-техническое обеспечение, кадры, информация, интеллектуальная собственность и организация НИОКР.

Инновационный потенциал отражает готовность экономической системы к инновационной деятельности и возможность ее осуществлять. При этом готовность определяется условиями воздействия внешней среды: они позволяют реализовать инновационный потенциал, а возможность — задействовать наличные ресурсы.

Литература

1. Бендиков М. А., Фролов И. Э. Высокотехнологичный сектор промышленности России = Russian high-technology industry: состояние, тенденции, механизмы инновационного развития / Центр. экон.-мат. ин-т РАН. М.: Наука, 2007. 582 с.: ил. (Экономическая наука современной России: ЭНСР).
2. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева. М.: Владар, 1993. 310 с.: ил.
3. Антоненко И. В. Инновационный потенциал региональной экономики: формирование и реализация: монография. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. 472 с.
4. Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы / Ин-т проблем региональной экономики РАН; отв. ред. Е. Б. Константинская. СПб.: Наука, 2006. 617 с.
5. Макаров А. В. Инновационный потенциал конкурентного развития предпринимательских структур: препринт. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2007. 60 с.
6. Инновационный потенциал России: проблемы активизации использования / Т. П. Николаева, Е. М. Коростышевская, А. В. Бутуханов и др.; под ред. Т. П. Николаевой. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. 147 с.: портр.
7. Гуриева Л. К. Стратегия инновационного развития экономики региона: теория и методология: монография / Под ред. К. И. Плетнева. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2007. 507 с.
8. Ковалев Г. Д. Инновационные коммуникации. М.: ЮНИТИ, 2000. 288 с.
9. Кокурин Д. И., Шепелев В. М. Инновации в России: институциональный анализ (проблемы собственности, рынка и налогового стимулирования). М.: ИНИЦ Роспатента, 2002. 398 с.: табл.
10. Головач Л. Г., Краюхин Г. А., Шайбакова Л. Ф. Регулирование инновационных процессов в регионе: монография. СПб.: СПбГИЭА, 1997. 239 с.: табл.
11. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Эксмо, 2007. 861 с. (Антология экономической мысли).
12. Сахал Д. Технический прогресс: концепции, модели, оценки / Пер. с англ.: Ю. А. Данилов, О. И. Соколов. М.: Финансы и статистика, 1985. 367 с.: ил.
13. Егорова М. В. Моделирование инновационной восприимчивости экономики региона: монография. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. 219 с.: ил.
14. Nelson R. R., Winter S. G. An Evolutionary Theory of Economic Change. Belknap, IL: Belknap Press, 1985. 454 р.
15. Комаров В. М. Современные теории инноваций: проблемы и перспективы общего подхода: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 28 с.
16. Глазьев С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992. 208 с.: ил., табл.
17. Маевский В. И., Кузык Б. Н. Условия развития высокотехнологичного комплекса // Вопросы экономики. 2003. № 2. С. 26–39.
18. Яковец Ю. В. Эпохальные инновации XXI века. М.: Экономика, 2004. 444 с.
19. Хмелева Г. А., Тюкаевин Н. М. Современные методические подходы к оценке инновационного развития регионов // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 2. С. 18–26.
20. Freeman C., Soete L. The Economics of Industrial Innovation. 3rd ed. London; New York: Routledge, 2012. 256 р.
21. Павлов К. Экономическое ядро: сущность, критерии формирования и элементный состав // Общество и экономика. 2004. № 11/12. С. 158–170.
22. National Systems of Innovation / Ed. by B. A. Lundvall. London; New York; Delhi: Anthem Press, 2010. 404 р.
23. Конкурентоспособность России в глобальной экономике: монография / Ин-т мировой экономики и междунар. отнош. РАН. М.: Международные отношения, 2003. 374 с.: диагр.

24. Manual for Surveying National Scientific & Technological Potential: Collection and Processing of Data. Management of the R&D System. Paris: UNESCO, 1970. 251 p. (Science policy studies and documents; vol. 15).

25. **Федотенков Д. Г., Падалко А. А.** Инвестиционно-инновационный потенциал как основа развития экономики региона // Молодой ученый. 2014. № 3 (62). С. 565–572.

Поступила 14.03.2018

Франк Евгений Владимирович — проректор по воспитательной и социальной работе Самарского государственного технического университета (Россия, 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244, ауд. 204), efrank@rambler.ru

References

1. Bendikov M. A., Frolov I. E. Vysokotekhnologichnyi sektor promyshlennosti Rossii: sostoyanie, tendentsii, mekhanizmy innovatsionnogo razvitiya (Russian High-Technology Industry: State, Trends, Mechanisms of Innovative Development), Tsentr. ekon.-mat. in-t RAN, M., Nauka, 2007, 582 p., il, Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii: ENSR.
2. Glaz'ev S. Yu. Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya (Theory of Long-Term Technical and Economic Development), Mezhdunar. fond N. D. Kondrat'eva, M., VlaDar, 1993, 310 p., il.
3. Antonenko I. V. Innovatsionnyi potentsial regional'noi ekonomiki: formirovaniye i realizatsiya (Innovative Potential of Regional Economy: Formation and Implementation), monografiya, Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2013, 472 p.
4. Razvitiye rossiiskikh regionov: novye teoreticheskie i metodologicheskie podkhody (Russian Regions Development: New Theoretical and Methodological Approaches), In-t problem regional'noi ekonomiki RAN, otv. red. E. B. Kostyanovskaya, SPb., Nauka, 2006, 617 p.
5. Makarov A. V. Innovatsionnyi potentsial konkurentnogo razvitiya predprinimatel'skikh struktur (Innovative Potential of Entrepreneurial Structures' Competitive Development), preprint, Ekaterinburg, In-t ekonomiki UrO RAN, 2007, 60 p.
6. Innovatsionnyi potentsial Rossii: problemy aktivizatsii ispol'zovaniya (Innovation Potential of Russia: Problems of Activation of Use), by T. P. Nikolaeva, E. M. Korostyshevskaya, A. V. Butukhanov i dr., pod red. T. P. Nikolaevoi, SPb., Izd-vo SPbGUEF, 2007, 147 p., portr.
7. Gurieva L. K. Strategiya innovatsionnogo razvitiya ekonomiki regiona: teoriya i metodologiya (Strategy of the Region's Economy Innovative Development: Theory and Methodology), monografiya, Pod red. K. I. Pletneva, Vladikavkaz, Izd-vo Sev.-Oset. gos. un-ta, 2007, 507 p.
8. Kovalev G. D. Innovatsionnye kommunikatsii (Innovative Communications), M., YuNITI, 2000, 288 p.
9. Kokurin D. I., Shepelev V. M. Innovatsii v Rossii: institutsional'nyi analiz (problemy sobstvennosti, rynka i nalogovogo stimulirovaniya) (Innovations in Russia: Institutional Analysis (Problems of Ownership, Market and Tax Incentives)), M., INITs Rospatenta, 2002, 398 p., tabl.
10. Golovach L. G., Krayukhin G. A., Shaibakova L. F. Regulirovaniye innovatsionnykh protsessov v regione (Regulation of Innovative Processes in the Region), monografiya, SPb., SPbGIEA, 1997, 239 p., tabl.
11. Shumpeter I. (Schumpeter J.) Teoriya ekonomicheskogo razvitiya (The Theory of Economic Development), M., Eksmo, 2007, 861 p., Antologiya ekonomicheskoi mysli.
12. Sakhal D. (Sahal D.) Tekhnicheskii progress: kontseptsi, modeli, otsenki (Technical Progress: Concepts, Models, Estimates), Per. s angl. Yu. A. Danilov, O. I. Sokolov, M., Finansy i statistika, 1985, 367 p., il.
13. Egorova M. V. Modelirovaniye innovatsionnoi vospriimchivosti ekonomiki regiona (Modeling the Innovation Susceptibility of the Region's Economy), monografiya, Kazan', Izd-vo Kazansk. un-ta, 2006, 219 p., il.
14. Nelson R. R., Winter S. G. An Evolutionary Theory of Economic Change, Belknap, IL, Belknap Press, 1985, 454 p.
15. Komarov V. M. Sovremennye teorii innovatsii: problemy i perspektivy obshchego podkhoda, avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk (Modern Theories of Innovations: Problems and Prospects of the General Approach, Extended Abstract of Cand. Sci. (Econ.) Dissertation), M., 2011, 28 p.
16. Glaz'ev S. Yu., L'vov D. S., Fetisov G. G. Evolyutsiya tekhniko-ekonomiceskikh sistem: vozmozhnosti i granitsy tsentralizovannogo regulirovaniya (Evolution of Technical and Economic Systems: Opportunities and Limitations of Centralized Regulation), M., Nauka, 1992, 208 p., il., tabl.
17. Maevskii V. I., Kuzyk B. N. Usloviya razvitiya vysokotekhnologicheskogo kompleksa (Conditions for the Development of a High-Tech Complex), Voprosy ekonomiki, 2003, No. 2, pp. 26–39.
18. Yakovets Yu. V. Epokhal'nye innovatsii XXI veka (Epoch-Making Innovations of 21st Century), M., Ekonomika, 2004, 444 p.
19. Khmeleva G. A., Tyukavkin N. M. Sovremennye metodicheskie podkhody k otsenke innovatsionnogo razvitiya regionov (Actual Methodological Approaches to Evaluation of Regional Innovative Development), Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya, 2016, No. 2, pp. 18–26.
20. Freeman S., Soete L. The Economics of Industrial Innovation, 3rd ed., London, New York, Routledge, 2012, 256 p.
21. Pavlov K. Ekonomicheskoe yadro: sushchnost', kriterii formirovaniya i elementnyi sostav (Economic Core: Essence, Formation Criteria and Elemental Composition), Obshchestvo i ekonomika, 2004, No. 11/12, pp. 158–170.
22. National Systems of Innovation, Ed. by B. A. Lundvall, London, New York, Delhi, Anthem Press, 2010, 404 p.
23. Konkurentosposobnost' Rossii v global'noi ekonomike (Competitive Ability of Russia in Global Economy), monografiya, In-t mirovoi ekonomiki i mezdunar. otnosh. RAN, M., Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003, 374 p., diagr.
24. Manual for Surveying National Scientific & Technological Potential: Collection and Processing of Data. Management of the R&D System. Paris, UNESCO, 1970, 251 p., Science policy studies and documents, vol. 15.

25. Fedotenkov D. G., Padalko A. A. Investitsionno-innovatsionnyi potentsial kak osnova razvitiya ekonomiki re-giona (Investment and Innovation Potential as a Basis for the Development of the Region's Economy), *Molodoi uchenyi*, 2014, No. 3 (62), pp. 565—572.

Frank Eugene V., Vice-rector for educational and social work of the Samara State Technical University (Russia, 443100, Samara, Molodogvardeyskaya str., 244, rm. 204),
e frank@rambler.ru

Submitted 14.03.2018

Оценка менеджмента с точки зрения обеспечения устойчивого развития компании

A. Шааб

Немецкий холдинг готовых домов «DFH Holding», г. Зиммерн, Германия

info@gut-haus.de

Представлена схема реализации триединой концепции устойчивого развития строительной компании в сфере малоэтажного жилищного строительства. Рассмотрен подход к оценке менеджмента компании с точки зрения его деятельности по реализации концепции устойчивого развития. На примере строительной компании проанализированы определенные автором социально-экономические и экологические показатели, характеризующие эффективность работы менеджмента в рамках модели устойчивого развития. В целях финансового обеспечения создания условий устойчивого развития предлагается формирование специального фонда путем периодического отчисления не менее 50 % прироста прибыли, остающейся в распоряжении компании.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития; менеджмент компании; механизм оценки менеджмента; экономическое развитие; социальное развитие; экологическое развитие; малоэтажное жилищное строительство; строительная компания.

Assessment of Management in Regards to Ensure Sustainable Development of the Company

A. Schaab

German holding of prefabricated houses “DFH Holding”, Simmern, Germany

info@gut-haus.de

The author did present the scheme of realization of the triune concept of sustainable development of a construction company in the sphere of low-rise housing construction. The author did consider the approach to the company's management assessment in regards to the implementation of the sustainable development concept. Based on the example of a construction company, the author has defined and analyzed socio-economic and environmental indicators characterizing the effectiveness of management in the framework of sustainable development model. With the purpose of financial support of conditions' creation for sustainable development, the author has proposed to form a special fund by periodically contributing at least 50 % of the profit growth remaining at the disposal of the company.

Keywords: sustainable development concept; company management; management assessment mechanism; economic development; social development; ecological development; low-rise housing construction; construction company.

Данная публикация продолжает серию статей, посвященных различным аспектам концепции устойчивого развития (УР)

общества в целом, муниципальных образований и бизнес-структур [1; 2; 3]. Главный вывод, который следует из них: триединая

© Шааб А.

концепция устойчивого развития может быть реализована общими усилиями всех слоев общества и каждого конкретного человека.

Тем не менее основная ответственность за реализацию экономической, социальной и экологической составляющих концепции устойчивого развития лежит на промышленных компаниях. Рассмотрим пример такой компании — известный немецкий холдинг готовых домов *Deutsche Fertighaus Holding AG (DFH)*, динамично развивающееся предприятие, осуществляющее деятельность в сфере инновационного энергоэффективного малоэтажного жилищного строительства (МЖС).

В качестве исходного примера положение о том, что компания *DFH* функционирует по модели долгосрочного устойчивого развития, соблюдая сбалансированность экономического, социального и экологического развития.

По нашему мнению, такая модель может быть реализована путем создания определенных условий и механизмов устойчивого

развития на основе межорганизационной интеграции. Задачи подобного рода решает специализированный менеджмент на уровне компании и ее внешнего окружения. При этом, как оговаривалось ранее [3], мы рассматриваем менеджмент устойчивого развития в двух формах: как *вид деятельности* по организации процесса создания условий долгосрочного устойчивого развития компании и как *аппарат управления* этим процессом.

В качестве курирующего звена аппарата управления в компаниях масштаба *DFH* рекомендуется создание при дирекции новой организационной структуры — департамента устойчивого развития [3, с. 58]. Основная функция, которой он наделяется, — постановка и решение стратегических, тактических и оперативных задач создания условий и механизмов устойчивого развития компании.

На рисунке представлена схема реализации триединой концепции устойчивого развития строительной компании, осуществляющей деятельность в сфере МЖС.

Составляющие концепции устойчивого развития компании

Одним из ключевых элементов обеспечения устойчивого развития мы считаем механизм оценки деятельности менеджмента, инициирующего решение задач перспективного, тактического и оперативного управления процессами создания условий долгосрочного устойчивого развития компании. За основу этого механизма рекомендуется взять результирующие показатели социально-экономического и экологического развития, определенные нами на примере холдинга *DFH*.

В качестве основного показателя социального развития принимаем уровень *средней заработной платы персонала компании*.

Данный показатель характеризует степень социальной ответственности менеджмента перед коллективом компании. По нашему мнению, работу менеджмента строительной компании по обеспечению социального развития можно считать результативной, если средняя заработная плата ее сотрудников выше аналогичных показателей в регионах расположения производственных площадок данной компании, причем как в строительной отрасли, так и в целом по региону. По данным таблицы 1, этому критерию результативности менеджмент компании *DFH* отвечает.

Таблица 1

**Сравнительные показатели социально-экономического развития
в региональном и отраслевом разрезе**

Показатели социально-экономического развития	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Затраты на заработную плату в <i>DFH</i> , тыс. евро в год брутто	22 439	27 547	28 751	30 742	34 875	38 286	51 870
Затраты на социальное обеспечение в <i>DFH</i> , тыс. евро в год	4 549	5 282	5 895	6 011	6 904	7 614	10 869
Сумма затрат на заработную плату и социальное обеспечение персонала <i>DFH</i> , тыс. евро в год	2 988	32 829	34 646	36 753	41 779	45 900	62 739
Численность персонала в <i>DFH</i> , человек	591	671	706	768	873	917	1 214
Средняя заработная плата персонала <i>DFH</i> в месяц, евро	3 164	3 421	3 394	3 336	3 329	3 479	3 561
Средняя заработная плата по региону Райнланд-Пфальц, евро в месяц							3 223
Средняя заработная плата по региону Баден-Вюртtemберг, евро в месяц							3 493
Средняя заработная плата в строительной отрасли по региону Райнланд-Пфальц, евро в месяц							2 356
Средняя заработная плата в строительной отрасли по региону Баден-Вюртtemберг, евро в месяц							2 623
Объем продаж <i>DFH</i> , тыс. евро в год	171 198	214 884	237 671	282 515	309 016	339 726	447 812
Балансовая прибыль, тыс. евро	8 021	9 752	17 042	23 500	26 749	27 509	35 276
Прибыль, остающаяся в распоряжении <i>DFH</i> , тыс. евро	5 374	6 534	11 418	15 745	17 922	18 431	23 635
Чистая продукция, тыс. евро	35 009	42 581	51 688	60 253	68 528	73 409	81 200
Рентабельность продукции, %	4,9	4,8	7,7	9,1	9,5	8,8	8,6

Источник: составлено автором на основе: [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]

Отметим, что при этом темпы роста заработной платы персонала должны опережать повышение общего уровня цен на товары и услуги, вызванное долгосрочной инфляцией. В последние пять лет уровень инфляции в Германии изменялся

в диапазоне от 0,5 до 1,8 % [14]. В то же время темпы прироста средней заработной платы персонала *DFH* составляли 2 % в год. В принципе, можно считать названное условие выполненным, но повод контролировать его соблюдение есть.

Таблица 2

Темпы прироста социально-экономических показателей компании *DFH* в расчете на год, %

Показатель	Темп прироста	Показатель	Темп прироста
Объем продаж	17,4	Численность персонала	12,7
Чистая продукция	16	Балансовая прибыль	28
Затраты на заработную плату	15	Отношение прибыли, остающейся в распоряжении предприятия, к заработной плате персонала с начислениями	11,2
Затраты на социальное обеспечение	15,6	Производительность труда по объему продаж на чел.	
Производительность труда по объему продаж на 1 евро з/пл с начислениями на соц. обесп.	4,1	Производительность труда по объему чистой продукции на 1 евро з/пл с начислениями на соц. обесп.	2
Производительность труда по объему продаж на 1 евро з/пл с начислениями на соц. обесп.	2	Производительность труда по объему чистой продукции на 1 евро з/пл с начислениями на соц. обесп.	0

Результирующим показателем экономического развития предприятия считается *производительность труда и темпы ее прироста*. Как видно из таблицы 2, среднегодовые темпы прироста производительности труда, исчисленные как соотношение объема продаж и чистой продукции к численности персонала, составляют соответственно 4,1 и 2 %, а определенные по отношению к годовой заработной плате с начислениями на социальное обеспечение — 2 % и 0.

С одной стороны, такие невысокие темпы прироста производительности можно рассматривать как достижение сбалансированности экономического и социального развития компании.

С другой стороны, сравнение довольно высоких темпов роста объемных показателей производительности труда и низких темпов прироста ее относительных показателей в определенной мере свидетельствует о том, что в компании *DFH* преобладает экстенсивный путь развития, ориентированный на увеличение численности персонала. Однако следует отметить, что высокие темпы прироста продаж и прибыли объясняются среди прочего большей загрузкой

производственных мощностей предприятия (повышением коэффициента сменности их использования).

Социальная ответственность менеджмента распространяется и на собственников, акционеров компаний. Для них одним из определяющих объемных показателей служит *сумма прибыли, остающаяся в распоряжении предприятия*. Собственникам важно знать и относительные показатели развития компании и темпы их прироста.

Первое, чем интересуются владельцы компаний, — рентабельность продукции, определяемая как отношение балансовой прибыли к затратам на производство и реализацию продукции. Из таблицы 1 видно, что за шесть лет рентабельность компаний *DFH* изменялась в диапазоне от 4,8 до 9,5 %. Сравнение этих результатов экономического развития предприятия с данными о доходности разных видов инвестиционного бизнеса в Германии (см.: [3, с. 64]) демонстрирует достаточно высокий уровень рентабельности продукции *DFH*.

Второй существенный показатель эффективности работы менеджмента, интересующий собственников компаний, это

отношение прибыли, остающейся в распоряжении предприятия, к суммарным затратам на заработную плату и социальное обеспечение персонала, а также темпы прироста этого показателя. Данное отношение представляет собой своего рода интегральный показатель эффективности трудозатрат. В случае компании *DFH* этот показатель отражает довольно высокую положительную динамику отдачи от деятельности менеджмента в части организации эффективного труда персонала, внедрения и использования инновационных технологий и материалов.

Вклад менеджмента в экологическое развитие строительной компании, работающей в сфере МЖС, проявляется в экологичности производственного процесса и выпускаемой продукции.

Менеджмент выстраивает технологию производства согласно современным экологическим требованиям и в рамках реализации соответствующих проектов и программ, ориентированных, в частности:

- на применение энергоэффективных, энергосберегающих технологий в производственных процессах;
- на использование источников энергии с минимальными выбросами экологически вредных веществ в атмосферу;
- на максимально возможное использование возобновляемых источников энергии;
- на наиболее полное полезное использование применяемых материалов, в том числе внедрение процессов рециклинга;
- на внедрение принципов бережливого производства.

В целях решения вопросов экологичности продукции менеджмент строительной компании создает и выполняет программы экологического домостроения, как правило, совместно со стейкхолдерами (см. рисунок). К первоочередным программам развития экологического домостроения относятся:

- снижение энергопотребления за счет теплоизоляции конструкций дома;
- экономное потребление тепла на основе современных технологий теплосбережения (рекуперации тепла, системы «умный дом» и др.);

- использование возобновляемых источников энергии для производства горячей воды, тепла и электроэнергии;
- производство конструкций дома из экологически чистых материалов;
- утилизация домостроения по окончании его жизненного цикла с вариантами максимального рециклинга.

Менеджмент строительной компании заинтересован в производстве энергоэффективных и экологичных домов, пользующихся спросом на рынке, по нескольким причинам:

- в атмосфере стремления общества к решению экологических проблем повышается конкурентоспособность и востребованность энергоэффективных и экологичных домов;
- заказчик приобретает комфортный дом с более низкими затратами на его содержание и эксплуатацию, включая затраты на энергопотребление и страхование дома;
- заказчик получает возможность использования льготных государственных программ финансирования энергоэффективного домостроения с высокой ликвидностью [2, с. 77—78].

Приведенный выше перечень программ по экологии и энергоэффективности дает полное представление об экологической ответственности менеджмента строительной компании перед заинтересованными организациями и обществом в целом.

Программа льготного финансирования и соответствующие ей показатели экологичности продукции во многом определяют спрос на инновационное энергоэффективное домостроение. Так проявляется в действии одна из составляющих механизма устойчивого развития строительной компании, работающей в сфере МЖС. *Рост объема продаж инновационных энергоэффективных домов* служит интегральным показателем оценки деятельности менеджмента в экологическом развитии компании в части выпуска экологичной продукции.

Деятельность менеджмента в части организации экологичных технологий оценивается с использованием расчетного

комплексного показателя, учитывающего внедрение принципов ресурсосберегающего бережливого производства.

Результаты оценки в части организации экологичного производства и реализации экологичной продукции применяются в качестве основы для мотивации менеджмента. Внедрение такой системы мотивации тоже относится к составляющим механизма обеспечения устойчивого развития компании.

Анализ экономической и социальной составляющих устойчивого развития компаний *DFH* дает нам основания утверждать, что менеджмент строительной компании активно влияет на экономическое и социальное развитие связанных с ней стейкхолдеров, в том числе государственных образований разного уровня (путем участия в формировании их бюджетов) [1, с. 63–64].

В заключение предложим вариант решения проблемы финансирования деятельности менеджмента по реализации проектов и программ создания условий долгосрочного устойчивого развития компании. На наш взгляд, целесообразно сформировать специальный фонд устойчивого развития путем периодического отчисления не менее 50 % прироста прибыли, остающейся в распоряжении предприятия. Фактически средства из прибыли компании *DFH* и сегодня используются в таком объеме на цели развития. Но своим предложением мы подчеркиваем необходимость финансовой поддержки эффективной деятельности, прежде всего менеджмента, по созданию условий, способствующих долгосрочному устойчивому развитию компании.

Литература

1. **Брче М. А., Шааб А.** Организационно-экономический механизм устойчивого развития муниципальных образований // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 2 (10). С. 56–65.
2. **Шааб А.** Философско-экономические аспекты обеспечения устойчивого развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 3 (15). С. 69–80.
3. **Шааб А.** Роль менеджмента компании в реализации концепции долгосрочного устойчивого развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 1 (17). С. 56–67.

4. Konzernabschluss zum Geschäftsjahr vom 01.01.2011 zum 31.12.2011 // Bundesanzeiger [Электронный ресурс] / Deutsche Fertighaus Holding AG; Hrsg. von Bundesministerium der Justiz. 22.05.2012. URL: <https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=3584> (дата обращения: 18.02.2018).

5. Konzernabschluss zum Geschäftsjahr vom 01.01.2012 zum 31.12.2012 // Bundesanzeiger: [Электронный ресурс] / Deutsche Fertighaus Holding AG; Hrsg. von Bundesministerium der Justiz. 04.06.2013. URL: <https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=3585> (дата обращения: 18.02.2018).

6. Konzernabschluss zum 31.12.2013 und Konzernlagebericht für das Geschäftsjahr 2013: Testatsexemplar // DFH: [Электронный ресурс] / Deutsche Fertighaus Holding AG. URL: <https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=3238> (дата обращения: 18.02.2018).

7. Konzernabschluss zum 31.12.2014 und Konzernlagebericht für das Geschäftsjahr 2014: Testatsexemplar // DFH: [Электронный ресурс] / Deutsche Fertighaus Holding AG. URL: <https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=3885> (дата обращения: 20.11.2017).

8. Konzernabschluss zum 31.12.2015 und Konzernlagebericht für das Geschäftsjahr 2015: Testatsexemplar // DFH: [Электронный ресурс] / Deutsche Fertighaus Holding AG. URL: <https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=5413> (дата обращения: 20.11.2017).

9. Konzernabschluss zum Geschäftsjahr vom 01.01.2016 zum 31.12.2016 // Bundesanzeiger: [Электронный ресурс] / Deutsche Fertighaus Holding AG; Hrsg. von Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. 29.09.2017. URL: <https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=9874> (дата обращения: 20.11.2017).

10. Gehalt in Baden-Württemberg // Gehaltsvergleich: [Электронный ресурс] / Portalmanager und Redakteur: J. Ledig. URL: <https://www.gehaltsvergleich.com/gehalt/Baden-Wuerttemberg> (дата обращения: 19.02.2018).

11. Gehalt in Rheinland-Pfalz // Gehaltsvergleich: [Электронный ресурс] / Portalmanager und Redakteur: J. Ledig. URL: <https://www.gehaltsvergleich.com/gehalt/Rheinland-Pfalz> (дата обращения: 19.02.2018).

12. Gehalt und Löhne in Baden-Württemberg // Gehaltsrechner.de: [Электронный ресурс] / Gehaltsrechner. Cop. 2015. URL: <https://www.gehaltsrechner.de/gehaelter/baden-wuerttemberg/> (дата обращения: 19.02.2018).

13. Gehalt und Löhne in Rheinland-Pfalz // Gehaltsrechner.de: [Электронный ресурс] / Gehaltsrechner. Cop. 2015. URL: <https://www.gehaltsrechner.de/gehaelter/rheinland-pfalz/> (дата обращения: 19.02.2018).

14. **Бадын А.** Уровень инфляции в Германии — самый высокий за пять лет // Germania.one: новости русской Германии: [Электронный ресурс] / Гл.

ред.: Б. Штрассер. 30.12.2017. URL: <https://germania.one/2017/12/30/uroven-infljacii-v-germanii-samyj-vysokij-za-pyat-let/> (дата обращения: 17.01.2018).

Поступила 12.03.2018

Шааб Алия — специалист по экономике недвижимости, индивидуальный предприниматель и торговый представитель немецкого холдинга готовых домов *Deutsche Fertighaus Holding* (Аргенттaler штрассе, 7, г. Зиммерн, 55469, Германия), info@gut-haus.de

References

1. Brche M. A., Shaab A. (Schaab A.) Organizational-ekonomiceskii mekhanizm ustoichivogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovanii (Organizational and Economic Mechanism of Municipalities' Sustainable Development), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2016, No. 2 (10), pp. 56—65.

2. Shaab A. (Schaab A.) Filosofsko-ekonomiceskie aspekty obespecheniya ustoichivogo razvitiya (Philosophical and Economic Aspects of Sustainable Development), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2017, No. 3 (15), pp. 69—80.

3. Shaab A. (Schaab A.) Rol' menedzhmenta kompanii v realizatsii kontseptsii dolgosrochnogo ustoichivogo razvitiya (Company Management Role in Long-Term Sustainable Development Concept Implementation), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2018, No. 1 (17), pp. 56—67.

4. „Konzernabschluss zum Geschäftsjahr vom 01.01.2011 zum 31.12.2011“. *Bundesanzeiger*. Deutsche Fertighaus Holding AG, Hrsg. von Bundesministerium der Justiz. 22 May 2012. Web. 18 Feb. 2018. <<https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=3584>>.

5. „Konzernabschluss zum Geschäftsjahr vom 01.01.2012 zum 31.12.2012“. *Bundesanzeiger*. Deutsche Fertighaus Holding AG, Hrsg. von Bundesministerium der Justiz. 4 June 2013. Web. 18 Feb. 2018. <<https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=3585>>.

6. „Konzernabschluss zum 31.12.2013 und Konzernlagebericht für das Geschäftsjahr 2013: Testatsexemplar“. *DFH*. Deutsche Fertighaus Holding AG, n. d.

Web. 18 Feb. 2018. <<https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=3238>>.

7. „Konzernabschluss zum 31.12.2014 und Konzernlagebericht für das Geschäftsjahr 2014: Testatsexemplar“. *DFH*. Deutsche Fertighaus Holding AG, n. d. Web. 20 Nov. 2017. <<https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=3885>>.

8. „Konzernabschluss zum 31.12.2015 und Konzernlagebericht für das Geschäftsjahr 2015: Testatsexemplar“. *DFH*. Deutsche Fertighaus Holding AG, n. d. Web. 20 Nov. 2017. <<https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=5413>>.

9. „Konzernabschluss zum Geschäftsjahr vom 01.01.2016 zum 31.12.2016“ *Bundesanzeiger*. Deutsche Fertighaus Holding AG, Hrsg. von Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. 29 Sep. 2017. Web. 20 Nov. 2017. <<https://dfhag.de/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=9874>>.

10. „Gehalt in Baden-Württemberg“. *Gehaltsvergleich*. Portalmanager und Redakteur: J. Ledig. N. d. Web. 19 Feb. 2018. <<https://www.gehaltsvergleich.com/gehalt/Baden-Wuerttemberg>>.

11. „Gehalt in Rheinland-Pfalz“. *Gehaltsvergleich*. Portalmanager und Redakteur: J. Ledig. N. d. Web. 19 Feb. 2018. <<https://www.gehaltsvergleich.com/gehalt/Rheinland-Pfalz>>.

12. „Gehalt und Löhne in Baden-Württemberg“. *Gehaltsrechner.de*. Gehaltsrechner, cop. 2015. Web. 19 Feb. 2018. <<https://www.gehaltsrechner.de/gehaelter/baden-wuerttemberg/>>.

13. „Gehalt und Löhne in Rheinland-Pfalz“. *Gehaltsrechner.de*. Gehaltsrechner, cop. 2015. Web. 19 Feb. 2018. <<https://www.gehaltsrechner.de/gehaelter/rheinland-pfalz/>>.

14. Badyan A. “Uroven’ inflatsii v Germanii — samyi vysokii za pyat’ let” (Inflation Rate in Germany is the Highest in Five Years). *Germania.one, novosti russkoi Germanii*. Gl. red. B. Shtrasser, 30 Dec. 2017. Web. 17 Jan. 2018. <<https://germania.one/2017/12/30/uroven-infljacii-v-germanii-samyj-vysokij-za-pyat-let/>>.

Submitted 12.03.2018

Schaab Alia, real estate economics specialist, self-employed person and business representative of Deutsche Fertighaus Holding (Argenthaler Straße 7, 55469 Simmern, Germany), info@gut-haus.de

Кластерная стратегия развития экономики Кольской опорной зоны в пилотном регионе

Н. Н. Щебарова, М. А. Говор

Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Россия

martagowor@gmail.com

Раскрыты положительные эффекты от реализации кластерных стратегий в регионе, влекущие за собой активную реализацию кластерной стратегии на территории Мурманской области, в рамках проводимой государством политики по внедрению на территории регионов опорных зон экономического развития. Показано, на каких промышленных отраслях необходимо в первую очередь сделать акцент в кластерных проектах и какие структурные изменения в макроэкономике региона это за собой повлечет.

Ключевые слова: кластер; опорная зона; региональная конвергенция; диффузия; Мурманская область; экономический потенциал; пространственное развитие; институциональные ограничения; Кольская опорная зона; кластеризация.

Cluster Strategy of Kola Reference Zone Economic Development in the Pilot Region

N. N. Shchebarova, M. A. Gowor

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

martagowor@gmail.com

The authors did expose the positive effects of cluster strategies in the region that lead to the active implementation of cluster strategy on the territory of Murmansk oblast, in the framework of the state policy on the reference zones implementation in the regions. They have shown which industrial sectors should be emphasized above all in the cluster projects and what structural changes in the region's macro economy this will entail.

Keywords: cluster; reference zone; regional convergence; diffusion; Murmansk oblast; economic potential; spatial development; institutional restrictions; Kola reference zone; clustering.

Развитие Арктики путем создания опорных зон предложено Правительством РФ в проекте федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России 08.11.2017) [1]. Это новый подход к управлению, пришедший на смену повсеместно

практикующемуся отраслевому принципу, который предусматривал объединение проектов по отраслям экономики на федеральном уровне.

Региональный подход, по мнению ряда экспертов, считается эффективным, так как предусматривает комплексные

© Щебарова Н. Н., Говор М. А.

проекты формирования опорных зон. В комплексном проекте все направления социально-экономического развития Арктической зоны взаимоувязаны друг с другом на всех этапах реализации проекта.

Благодаря экономико-географическим особенностям, запасам полезных ископаемых, наличию относительно развитой транспортной, энергетической, промышленной, научной и образовательной инфраструктуры Мурманская область стала пилотным регионом. Здесь решено создать Кольскую опорную зону, которая будет базироваться на семи отраслевых и межотраслевых кластерах.

Особые экономические зоны как инструмент макроэкономической политики не оправдали себя, поскольку оказались экономически невыгодными.

Кластерная модель организации экономики не имеет аналогов. Среди форм диверсификации экономики, бизнес-структур, институтов государственного регулирования экономики, в том числе институтов образования, она образует своего рода «золотое сечение», в котором сосредоточены наиболее эффективные и взаимосвязанные виды экономической деятельности, конвергенция которых приводит к взаимообусловленному эффекту синергии.

Преимущество и новизна кластерного подхода заключаются в том, что он придает высокую значимость именно микроэкономической составляющей, территориальному и социальному аспектам развития экономики [2].

В качестве координатора работы данной опорной зоны был создан межведомственный проектный офис, в его состав вошли представители федеральных, региональных ведомств, областных предприятий и научно-экспертных организаций.

Основные ресурсные и экономико-географические факторы формируют конкурентные преимущества региона, обуславливающие его кластерную дивергенцию и, как следствие, — границы и направленность опорной зоны. Так, например, добыча и переработка не только водных биологических

ресурсов — нефтегазовых морских месторождений, — но и других различных видов стратегического минерального сырья в российском секторе Арктики — фактор, способствующий росту спроса на экспорт транспортных услуг по трассам Северного морского пути и определяющий сервисное обеспечение реализации перспективных проектов освоения территории — флагманских инвестиционных проектов Кольской опорной зоны.

Кластерная политика Кольской опорной зоны предусматривает, как говорилось выше, создание семи кластеров: транспортно-логистического, морехозяйственного сервисного, нефтегазохимического, горно-химического и металлургического, рыбозаводственного, туристско-рекреационного, научно-образовательного, — и предполагает реализацию более 30 масштабных инвестиционных проектов, направленность которых охватывает практически все предприятия в регионе. Транспортно-логистический и морехозяйственный сервисный кластеры объединяют проекты непосредственного освоения Арктики.

Флагманом транспортно-логистического кластера Кольской опорной зоны, безусловно, является Мурманский транспортный узел. Проект транспортного узла возглавляет 17 наиболее перспективных арктических проектов. В основе его — создание глубоководного центра по переработке наливных и навалочных грузов на базе Мурманского морского порта. Круглогодичная работа этого центра позволит усовершенствовать систему снабжения арктических промышленных центров по всему периметру Северного морского пути.

Среди проектов транспортно-логистического кластера — программа обновления атомного ледокольного флота России. Выполнение программы позволит интегрировать порт Мурманска в международные транспортные коридоры, совершенствовать инфраструктуру и производственные мощности для сервисного обслуживания мореплавания.

Кроме того, в рамках модернизации Мурманского морского вокзала проведена реконструкция пирса дальних линий, увеличена пропускная способность, соответствующая возможности принимать крупные океанские лайнеры.

В перспективе развития пилотного региона — реализация следующих кластерных проектов:

- прокладка железнодорожной ветки длиной 46 км к угольному терминалу на западном берегу Кольского залива;
- строительство в Кольском заливе нефтеперегрузочного комплекса общего пользования;
- возведение контейнерного терминала на восточном берегу Кольского залива (в целях увеличения транзитного грузопотока).

Нефтеперегрузочный комплекс позволит решить проблему, связанную с высокой ценой доставки нефтепродуктов в регион. Вывоз сырой нефти за рубеж будет замещен вывозом нефтепродуктов более высокой добавленной стоимости. Это значимый проект транспортно-логистического кластера. Строительство грузоперевалочных терминалов совмещено с проведением модернизации сопутствующей перерабатывающей инфраструктуры. Поскольку грейферная технология, используемая в Мурманском порту, технически устарела, крупные нефтедобывающие компании вынуждены использовать рейдовые перегрузочные комплексы для перевалки собственных грузов.

Реконструкция действующих и создание принципиально новых объектов портовой инфраструктуры приведет к увеличению пропускной способности порта и обеспечит рост грузооборота к 2025 г. до 70 млн тонн в год¹.

Основными инвесторами морехозяйственного сервисного кластера и, как следствие, инициаторами проектов являются компании ПАО «НК «Роснефть»

и ОАО «Новатэк». Именно их заинтересованностью в освоении углеводородных запасов континентального шельфа России в Арктике объясняется то, что одним из ведущих кластерных проектов выбрана модернизация инфраструктуры сервисного обеспечения освоения нефтегазовых морских месторождений в Кольской опорной зоне.

По словам губернатора Мурманской области М. В. Ковтун, ОАО «Новатэк» в рамках проекта по освоению месторождений Гыдана «Арктик СПГ-2» приступил к созданию центра строительства крупнотоннажных морских сооружений в районе села Белокаменка Мурманской области. Это строительство получило статус стратегического инвестпроекта Мурманской области. В проект инвестируется 25 млрд руб. Крупнотоннажная верфь «позволит создать тысячи рабочих мест, привлечь в регион высококвалифицированный персонал и повысить объемы работы местных предприятий» [3].

ПАО «НК «Роснефть» в Мурманской области проводит подготовку к строительству опорной базы берегового обеспечения шельфовых проектов в Арктической зоне. Планируется создание нефтесервисных производств и инфраструктуры сервисного обслуживания судов для перевозки грузов в акватории Северного морского пути.

Для комплексного развития территории путем повсеместного распространения опорных зон — в интересах федеральных властей создать условия, которые мотивировали бы добывающие компании к замене временных экологически небезопасных рейдовых перевалок современными береговыми комплексами с применением новейших технологических достижений, что позволит устраниить инфраструктурные ограничения и даст основания региональному правительству предоставить особые преференции инвесторам.

К таким преференциям можно отнести особый порядок ценообразования в электроэнергетике. Мурманская область — энергоизбыточный регион, поэтому установление льготных тарифов на электроэнергию

¹ Кольская опорная зона будет развиваться за счет семи кластеров Мурманской области // ТАСС: информационное агентство России: [Электронный ресурс] / ФГУП «ИТАР-ТАСС». 10.03.2017. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4084568> (дата обращения: 24.04.2018).

будет способствовать развитию многих промышленных предприятий региона, а также обеспечит эффективную реализацию ряда новых проектов.

Также преференции могут быть представлены ледокольной проводке судов, что позволит максимально использовать Северный морской путь и послужит условием воссоздания системы портов, портового хозяйства, перевалочных пунктов не только для сквозных перевозок, но и для локального северного завоза. А режим свободного порта сделает возможным интегрирование Мурманского транспортного узла в международные транспортные коридоры для развития транснациональных маршрутов.

Все эти меры в рамках кластерной политики в совокупности с льготами по налогообложению при создании условий успешного функционирования не только нефтегазового комплекса, но и других смежных отраслей российской экономики позволят оперативно и достаточно малозатратно осваивать циркумполярные регионы. В свою очередь, это послужит толчком к бифуркации траектории развития экономики в Арктической зоне, иными словами, создаст поливариантную ситуацию возможных путей развития.

Важным условием создания опорных зон в рамках комплексного социально-экономического развития регионов является устранение не только инфраструктурных, как отмечалось ранее, но и институциональных ограничений, а поскольку опорные зоны являются, безусловно, новым инструментом управления территориями, то региональному и федеральному Правительству РФ еще предстоит разработать проекты их функционирования и определить степень полномочий властей и локализации преференций для инвесторов.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно сделать вывод, что именно кластерный подход к развитию экономики опорных зон является оптимальным инструментом реализации целей новой государственной экономической политики и вывода отраслевых региональных проектов на новый, конкурентоспособный

международный уровень. Именно кластеризация как фактор влияния на макроэкономическую составляющую станет залогом экономической стабильности Арктической зоны и обеспечит наиболее оптимальную и выгодную систему пространственной организации экономики циркумполярного региона.

Литература

1. О развитии Арктической зоны Российской Федерации: проект федерального закона: подготовлен Минэкономразвития России [не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 03.08.2016] // КраудСпейс: краудсорсинговая платформа [Электронный ресурс] / КраудСпейс. Сор. 2018. URL: <https://crowdspace.ru/files/solution/252/a8c/b65/edda589360892eba4356a95.pdf> (дата обращения: 24.04.2018).

2. Томкина-Орбидан М. А. Экономический потенциал реализации кластерных стратегий в Западной Арктике // Современные организационно-экономические тенденции и проблемы развития Европейского Севера: мат-лы науч.-практ. конф. (Мурманск, 23-24 апреля 2015 г.): в 2 ч. Мурманск: МГТУ, 2015. Ч. 2. С. 86–91.

3. Ковтун М. В. Кольская арктическая опорная зона будет развиваться в нескольких направлениях // Официальный сайт Государственной комиссии по вопросам развития Арктики: [Электронный ресурс] / Госкомиссия по развитию Арктики. 20.06.2016. URL: <https://arctic.gov.ru/News/6aea2afb-ac37-e611-80cc-e672fe4e8e4e?nodeId=89bd2a3e-dc56-e511-825f-10604b797c23&page=1&pageSize=10> (дата обращения: 10.05.2018).

Поступила 04.04.2018

Щебарова Наталья Николаевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления Мурманского арктического государственного университета (Россия, 183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15), censey@mail.ru

Говор Марта Андреевна — аспирант Мурманского арктического государственного университета (Россия, 183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15), martagowor@gmail.com

References

1. “O razvitiu Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii, proekt federal'nogo zakona, podgotovlen Minekonomrazvitiya Rossii, ne vnesen v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 03.08.2016” (On Development of Arctic Zone of the Russian Federation, Federal Draft Law, Prepared by MEDT of Russia, not brought in State Duma of Federal Assembly of the RF, text as of 3 Aug. 2016).

KraudSpeis: crowdsourcing platform. KraudSpeis, cop. 2018. Web. 24 Apr. 2018. <<https://crowdspace.ru/files/solution/252/a8c/b65/edda589360892eba4356a95.pdf>>.

2. Tomkina-Orbidan M. A. Ekonomicheskii potentsial realizatsii klasternykh strategii v Zapadnoi Arktike (Economic Potential of Cluster Strategies Implementation in Western Arctic), *Sovremennye organizatsionno-ekonomicheskie tendentsii i problemy razvitiya Evropeiskogo Severa, mat-ly nauch.-prakch. konf. (Murmansk, 23-24 aprelya 2015 g.)*, v 2 ch., Murmansk, MGTU, 2015, Ch. 2, pp. 86—91.

3. Kovtun M. V. “Kol’skaya arkticheskaya opornaia zona budet razvivat’sya v neskol’kikh napravleniyakh” (Kola Arctic Reference Zone Will Develop in Several Directions). *Ofitsial’nyi sait Gosudarstvenoi komissii po voprosam razvitiya Arktiki. Goskomissiya po razvitiyu Arktiki*, 20 June 2016. Web. 10 May

2018. <<https://arctic.gov.ru/News/6aea2afb-ac37-e611-80cc-e672fe4e8e4e?nodeId=89bd2a3e-dc56-e511-825f-10604b797c23&page=1&pageSize=10>>.

Submitted 04.04.2018

Shchebarova Natalya N., Doctor of Economics, Professor, professor of the Economics and Management Department, Murmansk Arctic State University (15, Yegorov street, Murmansk, 183038, Russia), *censey@mail.ru*

Gowor Marta A., post-graduate student, Murmansk Arctic State University (15, Yegorov street, Murmansk, 183038, Russia), *martagowor@gmail.com*

ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ PHILOSOPHY: UNIVERSE IN MAN AND MAN IN UNIVERSE

УДК 159.314.4:15.264.2

DOI: 10.24151/2409-1073-2018-2-85-90

Роль смеховой коммуникации в социокультурном развитии общества в кризисные периоды

И. М. Горбачева¹, Е. В. Гришанова²

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

² Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, г. Донецк, Донецкая Народная Республика

irina_gorbacheva@bk.ru

Статья посвящена философскому осмыслиению социальной значимости смеховой коммуникации в общественном бытии. Раскрыты основные подходы к эстетической проблеме смеховой культуры, а именно к исследованию комического как эстетической категории смешного. Проанализированы особенности смеховой коммуникации как социокультурного явления, сопровождающего кризисные периоды общественного развития. Сделан вывод о том, что смех как реакция на комическое сохраняет духовное здоровье нации, когда в обществе нарастают социокультурные противоречия при смене социокультурных парадигм, деструкции, конфликтных тенденциях между культурами и религиями.

Ключевые слова: комическое; смех; юмор; смеховая культура; смеховая коммуникация; кризис культуры; кризисные явления.

Laughing Communication Role in Socio-Cultural Development of Society during Crisis Periods

I. M. Gorbacheva¹, Ye. V. Grishanova²

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

² Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky, Donetsk, Donetsk People's Republic

irina_gorbacheva@bk.ru

The article is devoted to the philosophical analysis of the role of laughing communication in the crisis periods of socio-cultural development. The authors have analyzed main features of laughing communication, which follow crisis phenomena of social being. They have distinguished main approaches to this problem. The authors did conclude that laughter and laughing communication are collective concepts and pronounced socio-cultural phenomena performing a communicative function that qualifies laughter as a significant component of social communication. They have stressed out that laughing communication preserves the spiritual health of the nation in the most critical and crisis periods of its development.

Keywords: comic; laughter; humor; comic culture; humorous communication; cultural crisis; crisis phenomena.

© Горбачева И. М., Гришанова Е. В.

Смеховая коммуникация выступает специфически человеческой основой жизни общества и представляет собой важнейшую часть духовной культуры. Актуальность эстетических проблем смеховой культуры является предметом научного интереса ученых: А. Бергсона, Ю. Борева, М. Бахтина, В. Карасика, В. Проппа, А. Сычева и др. Смена исторических и культурных эпох сопровождалась изменением особенностей комического. При этом трансформировалась и сама социальная действительность, и мировоззренческие ориентиры смеховой культуры. Интерес к исследованию комического проявляли многие выдающиеся мыслители античности, среди которых — Цицерон и Квинтилиан. В эпоху Нового времени и в XX в. формировались базовые теории комического, исходя из которых выстраивалась та или иная интерпретация смеховой коммуникации. К ним относятся теории превосходства, противоречия и разрядки. В целом анализ разработанности проблем смеховой коммуникации и смеховой культуры позволяет констатировать, что существует значительное число научных публикаций, раскрывающих разные аспекты специфики и динамики развития этих феноменов и их роль в социокультурной практике. При этом роль смеховой коммуникации на переломных этапах развития общества остается недостаточно освещенной в научной литературе.

Смеховая коммуникация — это один из важнейших компонентов социального коммуникативного процесса, основанный на различных социокультурных проявлениях феномена комического. Понятие смеховой коммуникации неразрывно связано с понятием смеховой культуры. Смеховая культура может быть определена как часть общечеловеческой культуры, отражающая общественную жизнь через феномен комического, а также через смеховую коммуникацию как реализацию комического. Еще со времен античных мыслителей в смеховой культуре наблюдаются такие формы комического, как юмор, сатира, ирония, пародия и карикатура. Все эти формы неотделимы

от коммуникации, поскольку все они служат социальному объединению, адаптации и общению.

Смеховая культура всегда несет на себе отпечаток исторического периода, что ярко выражается именно в особенностях смеховой коммуникации. Наиболее значимой смеховой коммуникации становится в те периоды общественного развития, когда обостряются внутренние социокультурные противоречия, нарастают конфликтные тенденции между отдельными цивилизациями (культурами) или идет процесс формирования глобальной культуры.

К кризисным особенностям переходных периодов современный исследователь Е. Андриенко относит следующие явления: мировоззренческий кризис, социальную аномию, рост числа поведенческих девиаций, а также маргинализацию социума [1, с. 202]. Все указанные тенденции присутствуют в каждом социуме в определенной степени. Но в кризисные периоды развития масштаб их распространения резко возрастает, что может привести к социальной катастрофе — тотальной деморализации и распаду общественного организма. Для предотвращения подобных процессов требуется задействовать целый комплекс экономических, политических и культурных мер, опирающихся на здоровые механизмы интеграции и общественного прогресса. Среди механизмов, которые срабатывают в числе первых, должно выделить смеховую коммуникацию, поскольку смех часто представляется средством борьбы с социальным злом [2, с. 113].

Смеховая коммуникация в современных общественных системах является важным фактором морально-психологического оздоровления общества. Как аспект социальной психотерапии она выступает противовесом авторитарной лжи, которая сегодня, увы, часто скрывается за псевдодемократическим электоральным спектаклем, названным К. Краучем «постдемократией». Тем самым смеховая коммуникация сохраняет духовное здоровье нации в наиболее переломные и кризисные периоды ее развития.

Современное развитие общества характеризуется нарастанием конфликтных тенденций. В XX в. исторический конфликт наций сменился конфликтом идеологий (социалистической и капиталистической), а в конце XX в. — конфликтом цивилизаций, что выражается в дилемме *Восток — Запад*. Глубинные причины этой тенденции лежат в процессах глобализации, миграционных процессах, ослаблении этнической и политической общности как основы идентичности (например, нигериец в Нью-Йорке — это уже «обобщенный» африканец). Социокультурный вакуум интенсивно заполняется религиозными формами идентичности. Отсюда активизация движений фундаментализма и терроризма и, как следствие, мировая политическая и социокультурная дезинтеграция. Сегодня как никогда важно обратить внимание на естественные для каждого человека мировоззренческие и психологические механизмы социального единения, к которым относится и смеховая коммуникация. Смех снижает драматизм негативных явлений общественного бытия. Однако давно известно, что некоторые формы смеховой коммуникации, отражающие накопленные противоречия, могут порождать конфликты. Стоит вспомнить, какой резонанс у мусульманской общественности вызвали карикатурные изображения пророка Мухаммеда, появившиеся в западных СМИ. При этом следует отметить социально-психотерапевтическое значение таких «provокаций»: они выявляют, вскрывают напряжение, вызванное противостоянием различных аксиологических систем, а необходимость разрешения противоречий в конечном итоге приводит к диалогу.

Смеховая коммуникация не только выявляет способность человека снимать противоречия, приводящие к коммуникативным конфликтам. Склонность к смеховой коммуникации наблюдается в развитии личности еще до овладения речью, когда ребенок передает свои эмоции улыбкой и смехом. В повседневной жизни смеховая коммуникация позволяет человеку еще и самовыражаться (что является потребностью в самореализации, указанной в знаменитой

пирамиде А. Маслоу), обмениваться информацией и психоэмоциональными состояниями, а также формировать новые социальные связи. В кризисных ситуациях смех часто является для личности предельным средством противостояния злу. Показателен в этом плане анекдот о жадном правителе, который спрашивал у сборщиков налогов: «Как ведут себя люди, когда вы взимаете с них дань?» Услышав, что люди плачут и причитают, правитель приказал снова собрать дань. И лишь когда ему ответили, что люди смеются, как безумные, правитель поверил, что собирать новую дань нельзя.

Личностное бытие всегда наполнено преодолением трудностей. Человек сталкивается с потерями, ставит перед собой цели и приобретает новый опыт в процессе их достижения. Справиться с повседневными стрессами человеку помогает именно его интеллектуальная способность посмеяться над проблемами. В этом случае юмор позволяет выйти за рамки стрессовой ситуации, посмотреть на ситуацию и свое место в ней со стороны. Эта функциональная форма комического приобретает особую актуальность в современном мире с его постоянно ускоряющимся темпом жизни и множественными стрессами, создающими сильнейшее психоэмоциональное напряжение в тех случаях, когда ситуация повседневной социальной практики становится личностно значимой, в случае резкого повышения мотивации, высокой степени социальной ответственности. Причиной может быть, например, сдача экзамена, публичное выступление, медицинская операция и др. На физиологическом уровне в подобных ситуациях смех восстанавливает нейрогуморальную регуляцию организма.

Леонид Карасев выделяет в смеховой культуре два основных компонента — архаический смех («смех тела») и современный смех («смех ума») [2, с. 17]. Существуют различные взгляды на внутреннюю структуру смеховой культуры и на место смеховой коммуникации в ней. Так, М. Бахтин к основным элементам смеховой культуры относит: 1) обряды и зрелища;

2) памятники словесности; 3) фамильярную речь [3, с. 302–304]. Применение таких понятий смеховой коммуникации, как «карнавал», «карнавальная культура», «карнавализация», в анализе переходных и кризисных этапов социокультурного развития вполне оправдано. По словам М. Бахтина, «даже большие экономические и социально-политические перевороты <...> не могли не подвергаться известному карнавальному осознанию и оформлению» [3, с. 322]. В кризисные периоды обращение людей к карнавальному действию происходит на уровне инстинктов, поскольку смех — это естественная психо-эмоциональная потребность человека, заложенная в него природой.

Как отмечает Е. Семенова, многие современные исследователи проблемы комического — Ю. Манн, О. Дьяченко, Н. Веракс и др. — считают современную карнавализацию двойственным явлением: одновременно и сигналом кризиса, и способом выхода из него. В данном контексте упомянутые авторы придерживаются мнения, что «карнавальное чувство» как особое чувство жизни и истории присуще российской ментальности, а карнавальная культура как система идей-образов еще полностью не сформирована [4, с. 151]. Карнавальная культура выступает детерминирующим фактором проявления карнавализации, в основе которой лежит специфическая смеховая образность.

Карнавальная культура формирует особый тип «карнавального человека». Понятие «карнавальный человек» отражает философскую точку зрения М. Бахтина на личность как на динамично развивающийся процесс, который остается вечно незавершенным. Отличительной особенностью данного типа личности является особое, «карнавальное» мировосприятие, источником которого служат функционирующие в социальной повседневности ценности, нормы и установки, формирующие виды бытового смеха и формы смеховой коммуникации, которые могут быть совершенно далеки от сферы искусства.

Ярким примером карнавализации общественного бытия в кризисный период социального развития является политический

хеппенинг. Изначально элементы хеппенинга зародились в среде искусства. Прежде всего, хеппенинг — это автономный элемент театрализованного действия, возникающий спонтанно и направляемый на выявление реакции зрителей на действие. Участникам хеппенинга дается возможность самовыражения. Обыгрываемое в хеппенинге событие не самоцель, а элемент общего сюжета. В современном обществе функции хеппенинга значительно расширились, он выступает средством раскрытия внутренней абсурдности того или иного политического мифа и даже средством легального протesta против этой абсурдности. Естественно, в большинстве случаев хеппенинг содержит элементы смеховой коммуникации.

В России и Украине, а также во многих странах мира, в том числе в США, Польше и Германии, политический хеппенинг развивается именно как вид юмористического протesta против социальной несправедливости, против конкретных политических идеологий. Часто организаторы хеппенинга объединяются в квазипартийные структуры, деятельность которых направлена на демифологизацию той или иной политической идеологии. Примеры таких структур: «Партия диктатуры плюрализма» (Россия), организация «Оранжевая альтернатива» (Польша), движение «Субтропическая Россия».

По словам С. Зонтаг, хеппенинг — это «дьявольская комедия», а его цель заключается в том, чтобы «пробудить сегодняшнюю публику от ее комфортной эмоциональной анестезии» [5, с. 44]. В политическом хеппенинге смех граничит с ужасом перед социальной реальностью и одновременно помогает этот ужас преодолеть. Хеппенинг открывает возможность смеяться над тем, что в повседневной жизни наделяется чертами высшей официальности и серьезности, и тем самым «помогает осознанию условности и мифологичности многих явлений общественно-политической жизни» [6, с. 91].

Смеховая коммуникация выполняет функцию социокультурного обновления. В работе «Смеховая синергетика мира» [7] В. Назинцев высказывает мысль о том, что

для реализации антикризисной функции карнавала важны не только природно-временные циклы, но и определенные социально-пространственные рамки [7, с. 51]. Подобное мнение высказывает и Я. Шемякин, рассуждая о праздничной культуре [8, с. 124]. Как пишет А. Муратова, «...кризисные явления в современной культуре, сросшейся с цивилизационными ценностями сиентистского, потребительского и эгалитарного толка, не в последнюю очередь обусловлены уплотнением культурного пространства, его мнимым разнообразием и обесцвечивающей монохромностью...» [9, с. 75].

По мнению Г. Дебора, причина кризиса современной цивилизации заключается в перерождении социума в «общество спектакля» [10, с. 132]. Если еще в эпоху Средневековья ритуалы и праздники регламентировали сферы социальной жизни Запада, то современное западное общество практически утратило цикличность национальной традиции, что порождает ощущение хаоса и дезориентации. В России сегодня возрождаются традиции карнавальной культуры, например, гуляния на Масленицу и др.

Профессор А. Козинцев считает, что «смех оформляется в особую жизненную философию, мироутверждающую позицию, отражающую внеофициальность, бесстрашие, в то же время максимально сохраняя свои биологические свойства “антагониста культуры”, “возвращения в дочеловеческое прошлое”, временно блокируя мысль» [11, с. 96]. Фактически формы карнавальной культуры — это защитные механизмы, направленные против деструктивного воздействия социокультурных стереотипов и запретов.

В переломные периоды общественно-го развития немаловажное значение имеет не только психотерапевтическое воздействие смеха, но и вполне ощутимый физиологический эффект. Тигран Немчин справедливо отмечает следующее: «Смех помогает всему организму человека погрузиться в состояние... покоя. Организм человека, погружаясь в глубину затихания и успокоения,

автоматически начинает очищаться. Это происходит за счет активизации сил природы» [12, с. 48]. Смех помогает организму войти в режим саморегуляции, когда сама природа работает на восстановление и оздоровление. Смеховая коммуникация настраивает личность на позитивное восприятие жизненных ситуаций, выступает эффективной копинговой стратегией (от англ. *coping* — «совладание») в борьбе со страхами и неврозами.

Вместе с тем смех может иметь и агрессивный характер. Однако агрессивные аспекты смеховой коммуникации также играют определенную роль в снятии психологического напряжения. Род Мартин пишет: «Высмеивая глупость, некомпетентность, лень или другие недостатки людей, которые фрустрируют и раздражают их, люди способны минимизировать страдания, которые могут вызывать другие, и получать некоторое удовольствие в ущерб им. Это использование агрессивного юмора... может быть направлено на конкретных людей, которые создают трудности, или на неопределенных представителей более широких социальных групп или властных структур, которые воспринимаются как источники раздражения» [13, с. 328].

Таким образом, смеховая коммуникация рождается и существует в зоне контакта: личности и социума, традиций и эпохи, культуры и маргиналий. Смеховая культура несет на себе отпечаток общественного развития в конкретный период истории, и этот отпечаток накладывает именно смеховая коммуникация как форма реализации комического. Категория комического объединяет эстетические элементы смешного в сферах многих наук — от языковой игры до глобальных философских построений. Смех квалифицируется как значимый компонент общественного бытия. Смеховая коммуникация в целом выполняет особую психотерапевтическую функцию, что особенно важно в кризисные периоды, когда резко возрастает социальная напряженность и в повседневной социальной практике людям необходима стрессоустойчивость.

Литература

1. **Андрієнко О. В.** Світоглядні виміри демократичного соціуму. Донецьк: ДонНУ, 2013. 346 с.
2. **Карасев Л. В.** Філософія смеха. М.: РГГУ, 1996. 224 с.
3. **Бахтин М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
4. **Семенова Е. А.** Актуализация карнавальных процессов в период кризиса культуры (на примере субкультуры студенчества) // Проблемы современного образования. 2013. № 5. С. 150—159.
5. **Зонтаг С.** Хепенинги: Искусство безоглядных сопоставлений // Мысль как страсть: Избранные эссе 1960—70-х годов / С. Зонтаг. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 37—45.
6. **Андрієнко О. В.** Світоглядні трансформації соціальної міфології у демократичному суспільстві. Донецьк: ДонНУЕТ, 2011. 139 с.
7. **Назінцев В. В.** Смеховая синергетика мира // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 1. С. 34—60.
8. **Шемякін Я. Г.** Європа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. 392 с.
9. **Муратова А. С.** Обряд и праздник // Мир психологии. 2001. № 4. С. 67—76.
10. **Дебор Г.** Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с. (Политика).
11. **Козинцев А. Г.** Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007. 236 с.
12. **Немчин Т. А.** Состояния нервно-психического напряжения: монография. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. 167 с.
13. **Мартин Р.** Психология юмора / Пер. с англ. под ред. Л. В. Куликова. СПб.: Питер, 2009. 480 с.: ил. (Мастера психологии).
2. Karasev L. V. Filosofiya smekha (Philosophy of Laughter), M., RGGU, 1996, 224 p.
3. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renaissance (Francois Rabelais' Creation and Folklife Culture of Middle Ages and Renaissance), M., Khudozh. lit., 1990, 543 p.
4. Semenova E. A. Aktualizatsiya karnaval'nykh protsessov v period krizisa kul'tury (na primere subkul'tury studenchesstva) (Carnival Processes Actualization in the Period of Crisis of Culture (Evidence from Student Subculture)), *Problemy sovremennoego obrazovaniya*, 2013, No. 5, pp. 150—159.
5. Zontag S. (Sontag S.) Khepeningi: Iskusstvo bezoglyadnykh sopostavlenii (Happenings: Art of Reckless Juxtapositions), *Mysl' kak strast': Izbrannye esse 1960—70-kh godov*, by S. Zontag, M., Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1997, pp. 37—45.
6. Andrijenko O. V. Svitogladni transformacii' sozial'noi mifologii' u demokratichnomu suspil'stvi (World Outlook Transformations of Social Mythology in Democratic Society), Donec'k, DonNUET, 2011, 139 p.
7. Nazintsev V. V. Smekhovaya sinergetika mira (Laughter Synergetic of the World), *Dialog. Karnaval. Khrontop*, 1997, No. 1, pp. 34—60.
8. Shemyakin Ya. G. Evropa i Latinskaya Amerika: vzaimodeistvie tsivilizatsii v kontekste vsemirnoi istorii (Europe and Latin America: Civilizations Interaction in the Context of World History), M., Nauka, 2001, 392 p.
9. Muratova A. S. Obryad i prazdnik (Rite and Holiday), *Mir psikhologii*, 2001, No. 4, pp. 67—76.
10. Debord G. (Debord G.) Obshchestvo spektaklya (Society of Performance), M., Logos, 2000, 184 p., Politika.
11. Kozintsev A. G. Chelovek i smekh (Man and Laughter), SPb., Aleteiya, 2007, 236 p.
12. Nemchin T. A. Sostoyaniya nervno-psikhicheskogo napryazheniya (Neuropsychic Tension States), monografiya, L., Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1983, 167 p.
13. Martin R. Psikhologiya yumora (The Psychology of Humor: an Integrative Approach), Per. s angl. pod red. L. V. Kulikova, SPb., Piter, 2009, 480 p., il., Mastera psikhologii.

Поступила после доработки 26.02.2018

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), irina_gorbacheva@bk.ru

Гришанова Екатерина Валерьевна — ассистент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского (83050, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Шорса, 31), katyushka.0312@mail.ru

References

1. Andrijenko O. V. Svitogladni vymiry demokratichnogo sociumu (World Outlook Changes of Democratic Social Medium), Donec'k, DonNU, 2013, 346 p.

Gorbacheva Irina M., Candidate of Historical Sciences, Docent, Docent of the Philosophy, Sociology and Political Science Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), irina_gorbacheva@bk.ru

Grishanova Yekaterina V., Assistant of Social-Humanitarian Disciplines Department, Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky (31, Schors street, Donetsk, 83050, Donetsk People's Republic), katyushka.0312@mail.ru

От теории относительности к теории струн

Н. В. Даниелян

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

vend22@yandex.ru

Рассмотрено изменение пространственно-временных представлений в классической эпистемологии, неклассической и современной науке. Особое внимание уделено теории относительности А. Эйнштейна, согласно которой пространство и время составляют единый четырехмерный континуум. Показано, что мышление человека в современном научном исследовании несет в себе характеристики, которые сливаются с предметным содержанием объекта, на основании чего сделан вывод о системном и взаимозависимом характере категорий субъекта и объекта познания. На примере «моделезависимого реализма» С. Хокинга обосновано, что пространственно-временные представления в современной науке имеют в основном конструктивистскую природу. Сделано заключение, что в современном научном познании введение единых инструментальных представлений о пространстве и времени пока не представляется возможным, так как это означало бы выработку в понятийном базисе какого-то исходного базового представления о пространстве и времени.

Ключевые слова: теория относительности; теория струн; пространство; время; материя; познание; М-теория; «моделезависимый реализм».

From the Theory of Relativity to the Theory of Strings

N. V. Danielyan

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

vend22@yandex.ru

The article examines some changes that have taken place in understanding space and time in classic epistemology, non-classic and modern science. Special attention is paid to the theory of relativity by A. Einstein. According to this theory, space and time create a single four-dimensional continuum. The author demonstrates human thinking in the modern scientific research has the characteristics which include object representation. As a result, subject and object categories make a system with the elements gaining any sense only in their interdependence and in their dependence on the whole system. The article reasons on the basis of “model-dependent realism” by S. Hawking, that the representation of space and time has mainly the constructivism nature. The author concludes nowadays it’s impossible to introduce the unified instrumental conceptions of space and time, for it would mean using their initial fundamental ideas in the conceptual basis of modern science.

Keywords: theory of relativity; theory of strings; space; time; matter; cognition; M-theory; “model-dependent realism”.

Данная статья была задумана еще в 2013 г., сразу после защиты докторской диссертации ее автором и последовавших за

этим двух осенних месяцев чтения лекций и проведения семинарских занятий с аспирантами Национального исследовательского

© Даниелян Н. В.

университета «МИЭТ». В ходе дискуссий на семинарах постоянно возникал вопрос о природе и понимании пространства и времени в неклассической науке и современной эпистемологии, чему и будетделено основное внимание в рамках данной работы.

В марте 2018 г. на 77-м году жизни скончался Стивен Хокинг — выдающийся ученый современности, работы которого в значительной степени были посвящены данному вопросу. Человек такой силы воли и невероятного мужества заслуживает особого внимания и почтения со стороны современников, подавая пример служения своему делу, любви и преданности науке. Безусловно, последующие поколения также смогут почерпнуть силы на творчество и самореализацию наперекор любым обстоятельствам, даже самым роковым, из его сложного жизненного пути.

Хотелось бы подчеркнуть, что С. Хокинг, будучи практически полностью парализованным, вел довольно активную жизнь, насыщенную работой и научными открытиями. В октябре 1987 г. в предисловии к книге «Краткая история времени» он написал: «Помощь и поддержка, которую мне оказывали моя жена Джейн и дети Роберт, Люси и Тимоти, обеспечили мне возможность вести относительно нормальный образ жизни и добиться успехов в работе. Мне повезло в том, что я выбрал теоретическую физику, ибо она вся умещается в голове. Поэтому моя телесная немощь не стала серьезным препятствием. Мои коллеги, все без исключения, всегда оказывали мне максимальное содействие» [1, с. 10].

Во время выступлений с лекциями или просто при обращении к слушателям на лице ученого всегда присутствовала добрая улыбка, несмотря на испытываемые им сложности с мимикой лица. Его книги, как и лекции, просты и доступны широкому кругу читателей, совсем не вовлеченных в область теоретической физики. Хотя С. Хокинг считал философию «мертвой наукой» [2, с. 9] (поскольку она не успевает за текущим развитием науки, особенно физики), на страницах своих книг он нередко

философствовал, рассуждая о разгадке «Высшего замысла» человечеством посредством М-теории, о которой речь пойдет далее, или размышляя о природе пространства и времени, о границах нашего познания Вселенной и ее законов, о свободе воли человека.

Несмотря на пренебрежительное отношение С. Хокинга к философии, интересен его пример, имеющий чисто философскую подоплеку, касающийся субъект-объектного взаимодействия в процессе познания. Речь идет о запрете властей итальянского города Монца на содержание золотых рыбок в шаровидных аквариумах. Он продиктован заботой о здоровье рыбок: они, глядя через изогнутые стенки, видят искаженную картину реальности [2, с. 45]. Ученый задался правомерным вопросом относительно достоверности той картины реальности, которую наблюдает сам человек, поскольку возможно, что и он получает искаженную картину действительности. Этот вопрос волновал ученых на протяжении всего развития философии: насколько истинно знание об объекте, полученное субъектом в процессе познания?

Так, в классическом естествознании преобладала идея о достижимости объективности и предметности научного знания только в случае исключения из процедуры объяснения и описания всех тех элементов, которые могут быть отнесены к субъекту и к его познавательной деятельности. Важным отличием, по сравнению с античной и средневековой философией, служит взгляд на человека как на субъект, познающий объективную реальность. Из истории развития естествознания следует, что в XVII — XIX вв. объяснение наблюдаемого явления истолковывалось как поиск механических причин и неких субстанций, представляемых в виде носителей сил, которыми оно было детерминировано. Таким образом, картина реальности, применительно к сфере физического знания, строилась и развивалась на основании редукции знаний о природе к фундаментальным принципам и представлениям классической механики.

Что касается субъекта, то в классической науке он обладал «могущественным рефлексивным сознанием, не знающим границ в познании себя и окружающего мира» [3, с. 76], а также особым, строго определенным методом познавательной деятельности, который был необходим для получения истинного знания об исследуемом объекте.

В классической эпистемологии, по мнению В. А. Лекторского, не существовало «моста между субъективным миром и миром объективности» [4, с. 12], поскольку подразумевалось отделение исследователя от изучаемого объекта. При данном подходе не учитывались возможные изменения познаваемого объекта вследствие проводимого эксперимента, т. е. не принималась во внимание вероятность искажения наблюданной картины реальности. Наблюдение и эксперимент служили эпистемологическими основаниями процесса познания, при этом считалось, что объекты реальности раскрывали тайны своего бытия познающему разуму, который наделялся статусом субъектности: «В идеале познающий разум трактовался как дистанцированный от вещей, как бы со стороны наблюдающий и исследующий их, не детерминированный никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик изучаемых объектов» [5, с. 22].

В конце XIX — начале XX в. с появлением неклассической науки произошло преобразование стиля научного мышления. За основополагающие стали приниматься такие методы объяснения и описания наблюдавших явлений, которые содержали явные ссылки на средства и операции познавательной деятельности субъекта. Один из первых — подход Э. Маха к пониманию пространства и времени как продуктов человеческого сознания. В работе «Популярно-научные очерки» [6] он выводил их из способности человека переживать и упорядочивать события, располагая одно за другим. Критикуя абсолютное пространство и время И. Ньютона и их априорность по И. Канту, он утверждал: «О движении тела К можно судить лишь по отношению к другим телам

А, В, С. <...> Мы не должны вести отсчет относительно какого-то одного определенного тела и исключать из рассмотрения то одно из этих тел, то другое. Отсюда и возникает мнение, будто эти тела вообще несущественны» [7, с. 191]. Исходя из данных рассуждений, он сделал революционный в науке вывод, касающийся относительности всех наблюдавших пространственно-временных отношений. Эйнштейн полагал, что Э. Мах был недалек от того, чтобы прийти к общей теории относительности. Однако ему не хватило понимания постоянства скорости света в вакууме, взятой А. Эйнштейном за основу специальной теории относительности, основное отличие которой от предшествующих теорий заключалось в признании пространства и времени внутренними элементами движения материи, структура которых зависела от природы самого движения и являлась его функцией. Эйнштейн придал пространству и времени такие новые свойства, как относительность длины и времененного промежутка, а также равноправность пространства и времени.

Распространив полученные выводы на всю область физики, Э. Мах отметил относительность всех физических определений и выдвинул ряд вопросов, направленных на выявление особых свойств пространства, а также возможность «мыслить» его (как известно, сегодня существует ряд физических теорий о многомерности пространства). Что касается времени, он предложил сделать его ощущение некоторой шкалой, расположив другие ощущения познающего субъекта в соответствии с ней. По мнению П. П. Гайденко, «если физиологическое время и пространство суть системы ориентирующих ощущений, определяющих возбуждение биологически целесообразных реакций, то физическое время и пространство суть особые зависимости физических элементов друг от друга» [8, с. 241]. Следовательно, Э. Мах сделал попытку понять пространство и время из более элементарных физических фактов и показать их подчиненность материальной составляющей. Следует отметить, что подобными взглядами он

сформировал предпосылки реляционной концепции пространства и времени, разрабатываемой современными физиками.

В специальной теории относительности А. Эйнштейн объединил пространство и время в единый четырехмерный пространственно-временной континуум, в котором свойства тел зависели от скорости их движения [9]. Интересно, что британский писатель Г. Уэллс предложил подобную идею в романе «Машину времени» за 10 лет до открытия А. Эйнштейна. Главный герой произведения говорит: «И все же существуют четыре измерения, из которых три мы называем пространственными, а четвертое — временем. Правда, существует тенденция противопоставить три первых измерения последнему» [10, с. 18].

Из принципа относительности следует, что в инерциальных системах отсчета процессы протекают одинаково. Однако при переходе к неинерциальным системам релятивистские эффекты могут быть замечены и измерены. Так, если провести воображаемый эксперимент по отправке релятивистского корабля типа фотонной ракеты к удаленным звездам, то после возвращения на Землю окажется, что времени в нем прошло существенно меньше, чем на нашей планете. Чем дальше полет и чем ближе скорость корабля к скорости света, тем существеннее данное различие. Оно может составлять сотни и даже тысячи лет. Тем самым экипаж корабля переносится в более близкое или отдаленное будущее, т. е. выпадает из хода развития событий на Земле.

Эйнштейн приходит к выводу, что в понятии одновременности нет смысла: «Два события, одновременные при наблюдении из одной координатной системы, уже не воспринимаются как одновременные при рассмотрении из системы, движущейся относительно данной» (приводится по: [11, с. 13]). Коренным отличием его подхода от предыдущих теорий стало «признание пространства и времени в качестве внутренних элементов движения материи, структура которых зависит от природы самого движения» [12, с. 94]. Пространство и время в его концепции приобрели новые свойства: равноправность и относительность.

Если обратиться к современным концепциям (таким как М-теория), то данный континуум расширяется до одиннадцатимерного, в котором дополнительные измерения свернуты во «внутреннее пространство», отличающееся от нашего привычного трехмерного. «Одиннадцатимерное пространство-время рассматривается как произведение десятимерного пространства-времени и одномерной окружности» [13]. В теории струн (одним из инициаторов которой является Л. Сасскинд), в отличие от М-теории, предлагаемой С. Хокингом в качестве универсальной (о чем говорилось выше), десятимерность пространства-времени связана с тем, что мерность мембраны (так называемой р-бранны) принимает значения от 0 до 9. Под мембраной в современной теоретической физике подразумевается поверхность, к которой может быть присоединен конец струны [14, с. 323]. Свободно скользя по поверхности мембраны в любом направлении, он не может ее покинуть.

Данные примеры иллюстрируют «моделизмический реализм» Хокинга [1, с. 49]. Поскольку любая физическая теория не отменяет полностью предшествующую ей теорию, а дополняет и преобразует ее (принцип соответствия Н. Бора), она дает основу для новой интерпретации научных данных. Саундерс полагает, что идея Н. Бора стала «консервативным расширением существующих концепций и фрагментов науки», позволяющим проследить динамику субъект-объектного взаимодействия в ее истории [15, с. 442]. Так, квантовая механика отвергла постулаты классической физики, дав толчок к формированию неклассического типа научного мышления, ведущего к построению более точной картины реальности. Возвращаясь к примеру с золотыми рыбками, можно утверждать, что с появлением неклассического естествознания стеки аквариума, в который помещен субъект, менее искривляют познаваемую им картину реальности.

Сравнение рационального знания о пространстве и времени для классической и неклассической эпистемологии свидетельствует о его значительном преобразовании.

Произошел переход к «открытой» форме познания, предполагающей способность субъекта выйти за пределы фиксированной системы познавательных координат, принимаемых за исходные. Таким образом, можно заключить, что «моделезависимый реализм» соответствует господствующим научным парадигмам, влияющим на когнитивные процессы субъекта, возникающие у него в ходе наблюдения и восприятия.

Сегодня существует множество примеров, когда теоретические модели находят последующее применение на практике. Среди них революционное для науки открытие электрона Дж. Томсоном в 1897 г., которое способствовало становлению квантовой электродинамики, послужившей основой для квантово-полевых теорий. Фейнман совместно с рядом физиков разработал ее в 1940-х гг. (знаменитые диаграммы Фейнмана) [16]. Основой квантово-полевых теорий являются бозоны — переносящие энергию частицы, которые движутся между частицами материи и передают силу (например, фотон (частица света), передающий электромагнитную силу). Хокинг объясняет данный процесс следующим образом: «...Частица материи, например, электрон, испускает бозон (частицу силы) и отскакивает в противоположном направлении... <...> Частица силы затем сталкивается с другой частицей материи и поглощается ею, изменяя движение этой частицы материи» [1, с. 119]. Таким образом, происходит обмен фотонами между заряженными частицами (фермионами, к которым относятся электроны и кварки¹). В итоге каждая материальная частица имеет парную силовую частицу и, напротив, сильная частица имеет парную материальную.

Итак, в теории поля частица соответствует полю, вследствие чего превращение одних частиц в другие будет соответствовать переходу одних полей в другие. Как результат, движение тождественной себе частицы будет происходить в гравитационном, электромагнитном и других полях.

¹ Кварк — фундаментальная частица, входящая в состав адронов (элементарных частиц, подверженных сильному взаимодействию, к ним относятся, например, протоны и нейтроны).

В обычной модели построения реальности частица имеет точечную форму, тогда как в теории струн ее предлагается заменить вибрирующим отрезком, имеющим только длину, т. е. подобием бесконечно тонкого отрезка струны. Авторы этой концепции выделяют фундаментальную струну, через которую могут быть выявлены все элементарные частицы — 1-мерный объект длиной порядка 10^{-33} см. Она имеет моду², которая определяет квантовые числа (массу, спин³ и т. д.), присущие частице, и несет в себе набор квантовых чисел, отвечающих определенному типу частиц. Следовательно, все частицы можно описать через один объект — струну.

Эти выводы ведут к полной трансформации существующих представлений о материи, но до конца не проясняют ее философское понимание в зависимости от предлагаемых теорий пространственно-временных отношений. В чем же заключаются основные проблемы? Первая, наиболее фундаментальная, — превращение одних форм материи в другие, вторая — неизвестность абсолютной элементарности, далее — противоположная направленность мега- и микромира, а также появление универсальной теоретической системы (по мнению С. Хокинга, таким универсальным инструментом является М-теория), которая объединила бы в себе микро-, макро- и мегамиры.

С понятием «рождение Вселенной» связана необходимость описания явлений, отражающих перечисленные выше проблемы. На помощь приходит «моделезависимый реализм», предложенный С. Хокингом, поскольку для любого первичного явления всегда требуется определенная степень прогнозирования. Условия, в которых оно происходило, не могут быть полностью

² Мода — набор характерных для колебательной системы типов гармонических колебаний. Мода характеризуется пространственной конфигурацией колеблющейся системы, определяемой положением ее узловых точек (линий или поверхностей), а также собственной частотой. Каждой моде, как правило, соответствует определенная собственная частота.

³ Спин — собственный момент количества движения элементарной частицы, имеет квантовую природу.

воспроизведены, даже посредством ускорителей элементарных частиц, позволяющих приблизиться к их пониманию. Особая значимость придается сингулярности, поскольку она не имеет выделенного направления времени. Вселенная, как известно, расширяется в ходе космологической эволюции, однако при других начальных условиях процесс мог бы носить противоположную направленность. Если рассматривать процесс становления и развития материи во Вселенной с точки зрения неустойчивости, то на первый план выходит понятие необратимости, которая приводит к появлению проблемы хаоса. Рождение Вселенной, по мнению И. Пригожина и И. Стенгерса, явилось реализацией некой возможности в первые мгновения после Большого взрыва [11; 17]. Следовательно, говоря о физических законах, имеющих место в материальном мире, их можно понимать в качестве результатов определенного сценария из множества возможных путей реализации мира, заложенных в природе. Наши представления о протекающих явлениях также являются вероятностной моделью возможных событий: «Реальный мир управляет не детерминистическими законами и не абсолютной случайностью. В промежуточном описании физические законы приводят к новой форме познаваемости, выражаемой несводимыми вероятностными представлениями» [11, с. 9].

Можно заключить, что если ранее время рассматривалось как последовательность прошлых и будущих событий в статике, то в современном научном подходе оно нацелено на будущее. Его можно творить, создавать на основании «плана действий», вырабатываемого в процессе научных исследований. Примерно те же представления относятся и к пространству, поскольку оно, с одной стороны, — конструкт сознания человека (его модель), а с другой — объективная реальность, существующая независимо от него.

Из предпринятой в данной статье попытки показать изменение пространственно-временных представлений по мере развития физической теории в XX в. можно заключить, что однозначного ответа

на поставленный вопрос не существует. Время и пространство многоголики и зависят от выбиравшего подхода к их пониманию и определению. Данная проблема является фундаментальной и требует синтеза различных эпистемологических и частнонаучных подходов. Как отмечает В. П. Казарян, «наш мир — это мир неопределенности. Стало понятно, что много интересных явлений есть в нелинейных процессах. Появились альтернативные стратегии развития исследований в этой области науки» [18, с. 60]. Пока существует человек как познающий разум, работа в данном направлении не может быть завершена, так как в современном научном познании не представляется возможным введение единых инструментальных представлений о пространстве и времени, которые удовлетворяли бы всем имеющимся на сегодняшний день физическим и философским теориям и подходам, а также вновь возникающим.

Из проведенного в статье анализа стало очевидным, что такие новые ориентации, как нелинейность, необратимость, хаосомность и др., активно используются современной наукой. В ее расширенный объем сегодня включают интуицию ученого или исследователя, неопределенность, эвристику и другие прагматические элементы научного исследования (например, его пользу и эффективность). Это свидетельствует о том, что мышление человека с его целями и ценностными ориентациями содержит характеристики, сливающиеся с предметным содержанием объекта. Поэтому в современном научном познании категории субъекта и объекта образуют систему, элементы которой приобретают смысл только во взаимозависимости друг от друга и от системы в целом, что особенно явно демонстрирует физика в период от теории относительности А. Эйнштейна до «моделезависимого реализма» С. Хокинга.

Литература

1. Хокинг С. Краткая история времени // Три книги о пространстве и времени / С. Хокинг; пер. с англ. И. И. Иванова, М. В. Кононова, Н. Я. Смородинской. СПб.: Амфора, 2013. С. 9—216.

2. **Хокинг С., Модинов Л.** Высший замысел = The grand design / [Пер. с англ. М. Кононова под ред. Г. Бурбы]. СПб.: Амфора, 2012. 208 с.: ил. (Династия).
3. **Микешина Л. А.** Философия науки. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. 440 с.
4. **Лекторский В. А.** Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. акад. РАН В. А. Лекторский. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. С. 5—40.
5. **Степин В. С.** Научная рациональность в историческом измерении // Философия познания: к юбилею Людмилы Александровны Микешиной: [сб. ст. / Под общ. ред. Т. Г. Щедриной]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 13—30.
6. **Мах Э.** Популярно-научные очерки: Пер. с 3-го нем. изд. Г. А. Котляра. М.: URSS: КомКнига, 2011. 340 с. (Из наследия мировой философской мысли).
7. **Мах Э.** Механика: историко-критический очерк ее развития / Пер. с нем. Г. А. Котляра; под ред. Н. А. Гезехуса. Изд. стер. М.: КомКнига, 2015. 448 с.: рис. (Классики науки).
8. **Гайденко П. П.** Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
9. **Эйнштейн А.** Собрание научных трудов: в 4 т. Т. 1: Работы по теории относительности. 1905—1920. М.: Наука, 1965. 700 с.: портр. (Классики науки).
10. **Уэллс Г.** Машина времени. Человек-невидимка: Пер. с англ. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 508 с.: ил.
11. **Пригожин И., Стенгерс И.** Время, хаос, квант. К решению парадокса времени: Пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 240 с.
12. **Ахундов М. Д.** Пространство и время в физическом познании. М.: Мысль, 1982. 251 с.
13. **Яу Ш., Надис С.** Теория струн и скрытые измерения Вселенной = The Shape of Inner Space: String Theory and the Geometry of the Universe's Hidden Dimensions: пер. с англ. СПб.: Питер, 2012. 399 с.: фот., схемы, рис., граф. (Династия) (Элементы).
14. **Сасскинд Л.** Космический ландшафт. Теория струн и иллюзия разумного замысла Вселенной: [пер. с англ.]. СПб. [и др.]: Питер, 2015. 446 с.: ил. (New Science).
15. **Saunders S.** Complementarity and Scientific Rationality // Foundations of Physics. 2005. V. 35, No. 3. P. 417—447. doi: 10.1007/s10701-004-1982-x.
16. **Фейнман Р.** Характер физических законов: Пер. с англ. М.: ACT, 2016. 256 с. (Эксклюзивная классика).
17. **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 310 с.: рис.
18. **Казарян В. П.** Темпоральность и естественные науки // На пути к пониманию феномена времени: конструкции времени в естествознании. Ч. 3: Методология. Физика. Биология. Математика. Теория систем / Под ред. А. П. Левича. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 30—63.

Даниелян Наира Владимировна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (пл. Шокина, д. 1, г. Зеленоград, Москва, 124498, Российская Федерация), vend22@yandex.ru

References

1. Khoking S. (Hawking S.) Kratkaya istoriya vremeni (A Brief History of Time), *Tri knigi o prostranstve i vremeni*, by S. Khoking, per. s angl. I. I. Ivanova, M. V. Kononova, N. Ya. Smorodinskoi, SPb., Amfora, 2013, pp. 9—216.
2. Khoking S. (Hawking S.), Mlodinov L. (Mlodinow L.) Vysshii zamysel (The Grand Design), Per. s angl. M. Kononova pod red. G. Burby, SPb., Amfora, 2012, 208 p., il., Dinastiya.
3. Mikesheina L. A. Filosofiya nauki (Philosophy of Science), M., Izdatel'skii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2006, 440 p.
4. Lektorskii V. A. Realizm, antirealizm, konstruktivizm i konstruktivnyi realizm v sovremennoi epistemologii i nauke (Realism, Anti-Realism, Constructivism and Constructive Realism in Modern Epistemology and Science), *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke*, Otv. red. akad. RAN V. A. Lektorskii, M., Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”, 2009, pp. 5—40.
5. Stepin V. S. Nauchnaya ratsional'nost' v istoricheskem izmerenii (Scientific Rationality in Historical Dimension), *Filosofiya poznaniya: k yubileyu Lyudmily Aleksandrovny Mikesheinoi*, sb. st., Pod obshch. red. T. G. Shchedrinoi, M., ROSSPEN, 2010, pp. 13—30.
6. Makh E. (Mach E.) Populyarno-nauchnye ocherki (Popular Scientific Lectures), Per. s 3-go nem. izd. G. A. Kotlyara, M., URSS, KomKniga, 2011, 340 p., Iz naslediya mirovoi filosofskoi mysli.
7. Makh E. (Mach E.) Mekhanika: istoriko-kriticheskii ocherk ee razvitiya (The Science of Mechanics: A Critical and Historical Account of its Development), Per. s nem. G. A. Kotlyara, pod red. N. A. Gezekhusa, Izd. ster., M., KomKniga, 2015, 448 p., ris., Klassiki nauki.
8. Gaidenko P. P. Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropeiskoi filosofii i nauke (Time. Contunance. Eternity. Problem of Time in European Philosophy and Science), M., Progress-Traditsiya, 2006, 464 p.
9. Einshtein A. (Einstein A.) Sobranie nauchnykh trudov, v 4 t., T. 1, Raboty po teorii otnositel'nosti. 1905—1920 (Collection of Scientific Papers, in 4 Vols., Vol. 1, Works on Relativity Theory. 1905 to 1920), M., Nauka, 1965, 700 p., portr., Klassiki nauki.
10. Uells G. (Wells H.) Mashina vremeni. Chelovek-nevidimka (The Time Machine. The Invisible Man), Per. s angl., M., OLMA-PRESS, 2002, 508 p., il.

11. Prigozhin I. (Prigogine I.), Stengers I. Vremya, khaos, kvant. K resheniyu paradoksa vremeni (Time, Chaos, Quantum. To the Solution of Clock Paradox), Per. s angl., M., Editorial URSS, 2000, 240 p.
12. Akhundov M. D. Prostranstvo i vremya v fizicheskom poznaniii (Space and Time in Physical Knowledge), M., Mysl', 1982, 251 p.
13. Yau Sh., Nadis S. Teoriya strun i skrytye izmereniya Vselennoi (The Shape of Inner Space: String Theory and the Geometry of the Universe's Hidden Dimensions), per. s angl., SPb., Piter, 2012, 399 p., fot., skhemy, ris., graf., Dinastiya, Elementy.
14. Susskind L. (Susskind L.) Kosmicheskii landscape. Teoriya strun i illyuziya razumnogo zamysla Vselennoi (The Cosmic Landscape. String Theory and the Illusion of Intelligent Design), per. s angl., SPb. i dr., Piter, 2015, 446 p., il., New Science.
15. Saunders S. Complementarity and Scientific Rationality, *Foundations of Physics*, 2005, V. 35, No. 3, pp. 417–447. doi: 10.1007/s10701-004-1982-x.
16. Feinman R. (Feynman R.) Kharakter fizicheskikh zakonov (The Character of Physical Law), Per. s angl., M., AST, 2016, 256 p., Eksklyuzivnaya klassika.
17. Prigozhin I. (Prigogine I.), Stengers I. Poryadok iz khaosa: novyi dialog cheloveka s prirodoi (Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature), Per. s angl. Yu. A. Danilova, 3-e izd., M., Editorial URSS, 2001, 310 p., ris.
18. Kazaryan V. P. Temporal'nost' i estestvennye nauki (Temporality and Natural Sciences), *Na puti k ponimaniyu fenomena vremeni: konstruktsii vremeni v estestvoznanii, Ch. 3, Metodologiya. Fizika. Biologiya. Matematika. Teoriya sistem*, Pod red. A. P. Levicha, M., Progress-Traditsiya, 2009, pp. 30–63.

Submitted 16.02.2018

Danielyan Naira V., Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Politology, National Research University of Electronic Technology (Shokin sq., 1, Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), *vend22@yandex.ru*

Матрица: смыслы иерархизма социальной стратификации

V. A. Жебит

*Всероссийский институт научной и технической информации
Российской академии наук (ВИНИТИ РАН), Москва, Россия*

zhebit@rambler.ru

Представлены результаты теоретических разработок, посвященных фундаментальному закону формирования социальных образований — иерархизму. Рассмотрен новый подход, раскрывающий энергоинформационный аспект иерархизма и позволяющий сделать предположение, что в основе существования и развития государств, человеческих сообществ и коллективов лежит некоторая матрица социальных страт. Показано, что в представлениях о закономерностях формирования иерархии потребностей и ценностей такая матрица может быть архетипом.

Ключевые слова: иерархия; социальные образования; система потребностей; система ценностей; энергоинформационный потенциал.

Matrix: the Meanings of Social Stratification Hierarchism

V. A. Zhebit

All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

zhebit@rambler.ru

The author did present the results of theoretical developments devoted to the fundamental law of social entities formation: the hierarchism. The author considers a new approach that reveals the energy-information aspect of the hierarchism and makes it possible to assume that the basis of states, human communities and collectives is a certain matrix of social strata. The author has shown that this matrix can be an archetype model in representations about the regularities of the formation of needs and values' hierarchy.

Keywords: hierarchy; social formations; system of needs; system of values; energy-information potential.

Иерархизм социальных потребностей.
В социальных науках, изучающих существование и развитие общества, особое место принадлежит теории Абрахама Маслоу, генеральный принцип которой заключается в том, что стимулом существования в социуме служат неудовлетворенные потребности. Исходя из этой теории, смысл социума — в удовлетворении индивидуальных

и коллективных потребностей, причем потребности должны удовлетворяться в определенной последовательности, основанной на системе приоритетов: вначале удовлетворяются самые насущные потребности, составляющие нижний уровень системы, затем — прочие, более высокого уровня (приоритета). Так выглядит система, называемая иерархией Маслоу. В качестве самых

насущных рассматриваются физиологические потребности (1) и потребности в защите и безопасности (2); на среднем уровне — потребности в любви и принадлежности к группе (3), а также потребности в признании и уважении (4); к высшим относится потребность в самореализации (5). Абрахам Маслоу позиционирует уровни иерархии как базовые группы «потребностей дефицита» и рассматривает процесс их удовлетворения как условное движение по уровням иерархии, снизу вверх к удовлетворению потребности в самореализации [1; 2].

Система приоритетов, представленная А. Маслоу, довольно популярна среди теоретиков социологии и социальной психологии, она широко используется в разработке инструментария в маркетинге, рекламе, связях с общественностью, а также в теориях управления. Строго говоря, иерархия потребностей полностью соответствует парадигме «общества потребления», лежащей в основе многих западных научных школ, и укладывается в западную систему ценностей.

Иерархия Маслоу завоевала приверженность и среди некоторых российских теоретиков в эпоху перестройки, когда осуществлялась попытка адаптации в России западных идеологем и западной системы ценностей, принесенных большим притоком европейских и американских источников. Однако период безраздельного господства заимствованных идей сменился периодом критического оценивания и выдвижения новых идей, основанных на ценностях, близких российскому социуму.

В своих теоретизированиях А. Маслоу основывается на императиве физического и социального выживания, разделяя позицию Ч. Дарвина, представленную им в теории эволюции. Дарвин рассматривает человека в одном ряду с представителями животного мира, как продукт его эволюции. Это в определенной степени явилось причиной суждения о человеке как о «социальном животном». Согласно дарвиновской концепции, человек отличается от высших приматов наличием материальной культуры, способностью к членораздельной речи и свойством абстрактного мышления.

В последнее время в той же степени, в какой теория Ч. Дарвина подвергается переосмыслению, происходит и переоценка подходов А. Маслоу. Строго говоря, структура потребностей в его системе выглядит довольно упрощенной, поскольку основана на бытовых представлениях о потребностях, и выглядит умозрительно, как простой перечень понятий. Кроме того, эта структура не может рассматриваться как иерархия, поскольку иерархический принцип предполагает наличие единого закона, по которому элементы иерархии не только выстраиваются, но и соотносятся между собой. Иерархическая структура предполагает наличие единого критерия соответствия уровням иерархии. У Маслоу такой критерий отсутствует, а его место заполняется представлениями о мотивациях, подвигающих к более высокому уровню потребностей. Например, трудно объяснимым является объединение двух разнородных категорий в формулировке потребности «в любви и принадлежности к группе» (3).

Принципиально важным моментом в концепции Маслоу является отсутствие духовных потребностей, которые даже косвенно не просматриваются в его структуре. Отсутствие духовной составляющей в любой системе человеческих приоритетов отбрасывает человека в положение «социального животного» в ряду дарвиновского эволюционизма. Тем не менее это выглядит весьма симптоматично с позиции идеологии западного общества потребления, учитывая то, какое повышенное внимание к духовности принято уделять в российской гуманитарной традиции: возникает явление, характерное для идеологии западного общества потребления. Кроме того, следует констатировать, что современная наука пока ещеочно связана материалистической парадигмой, однако это всего лишь парадигма [1; 2].

Ученые о духовности. Несмотря на множественность и размытость, определения духовности тем не менее сводятся к представлениям об отдельном аспекте человеческой личности, не поддающемся оценке с позиции материалистической науки, оперирующей довольно условными определениями.

Сложность понятия «духовность» подтверждается разнообразием его трактовки, обусловленным позициями различных научных школ и направлений.

У А. Маслоу духовность есть результат так называемых пиковых переживаний, сопровождающих процессы самоактуализации [3].

Виктор Франкл определяет это понятие как отдельный антропологический аспект личности, господствующий над психическим и телесным аспектами [4, с. 111—112].

Роберто Ассаджоли в исследовании психосинтеза связывает духовность с высшим бессознательным, ассоциирующимся с представлениями об источнике творческого вдохновения [5].

В трансперсональной психологии С. Грофа духовность рассматривается в плане личностных кризисов и трансперсональных переживаний, притом современные школы этого направления раскрывают понятие духовности в контексте хилинга, шаманизма и прочих практик, именуемых духовными [6].

Представитель школы экзистенциальной психологии Адриан ван Каам говорит о трансцендентной природе духовности [7].

Сегодня понятию «духовность» постепенно возвращается истинный смысл и содержание, отражающие место человека в иерархии духовных существ, возвышающихся над материальным миром, в противоположность дарвиновскому учению, согласно которому человек занят выживанием и размножением [1; 2].

Осмыслиению понятия «духовность» способствуют судьбы людей, избравших путь духовного самосовершенствования, презревших потребительские блага, преимущества высокого статуса, влиятельность социальной власти и прочие атрибуты материальной цивилизации. Те, кто избрал путь бескорыстного служения науке, подвижнического врачевания, религиозной аскезы — все они пожертвовали материальным ради духовного. Именно этим людям принадлежит самая высокая степень уважения в прогрессивном обществе и именно к ним невозможно применить модели, оперирующие среднестатистическими данными. Примеры именно их жизней опровергают идею императива общества потребления.

Что объединяет людей разных национальностей, разных эпох, людей религиозных и агностиков, живших в социуме и вне цивилизации — устремленность, напряжение воли к достижению духовной свободы, свободы от потребительской зависимости. Именно этим подтверждается идея духовной свободы как фундаментальной ценности человеческого существования, стоящей выше физического и социального выживания.

Вместе с тем в толкованиях духовной свободы существует путаница, сложившаяся в результате столкновения скорее идеологических, чем научных позиций, благодаря чему существующие представления о *духовности, душе, духе* сильно удаляются от истинной сути этих философских понятий.

Энергоинформационный смысл иерархии потребностей. Появление новых — нелинейных — представлений об эволюции социальных образований привнесло новое понимание природы иерархизма как физического и социального феномена. Подход с точки зрения энергоинформационной основы любых взаимодействий позволил не только раскрыть принцип иерархизма структур, но и найти критерий соотношений их элементов. Таким критерием является *энергоинформационный потенциал*, определяющий уровень в структуре иерархии [1; 2].

В контексте социального потребительства *энергоинформационный потенциал* количественно и качественно отражает принадлежность индивида к конкретному социальному потребительскому или ценностному типу, что алгоритмизирует подходы в структурном анализе и моделировании социальных образований.

В этом отношении потребительские и ценностные иерархии видятся как системы с достаточно определенными энергетическими зависимостями между уровнями. В понятийных пространствах таких иерархий эволюционный путь осуществляется через постепенный или скачкообразный рост *энергоинформационного потенциала*, количество которого определяет качество его носителя, а значит, может являться критериальным параметром.

В иерархических структурах соблюдается принцип так называемого иерархического убывания — увеличения энергоинформационного потенциала пропорционально уменьшению количества его носителей.

В соответствии с вышеизложенным, иерархия социальных потребностей является собой семиуровневую систему, подчиненную единому закону нарастания энергоинформационного потенциала, объединяющему все уровни (рис. 1) [1; 2].

Рис. 1. Иерархия социальных потребностей

Первый уровень иерархии — образ существования, в котором весь потенциал человека направлен на физическое выживание и сохранение потомства, что соответствует первобытному социуму и отношениям с окружающей средой, требующим борьбы с неблагоприятными условиями, предельной концентрации усилий, что сильно сокращает жизненный ресурс. Характерная особенность: наибольший отсев популяции. (Уровень полной несвободы.)

Второй уровень — условия, гарантирующие физическое выживание, но обеспечивающие лишь насущные потребности. В таких условиях ярко проявляется мотивация достижения более

высокого материального достатка и соответствующая концентрация усилий. Характерная особенность: малый отсев популяции. (Уровень несвободы.)

Третий уровень — условия материально-го благополучия, с характерными для них потребительскими сверхвозможностями и высокой концентрацией усилий в удовлетворении потребностей. Характерная особенность: минимальный естественный отсев популяции, причем отсеву способствуют среди прочего излишества потребления. (Уровень несвободы.)

Четвертый уровень — тенденция отказа от излишеств потребления в пользу продления жизненного ресурса. Характерная

особенность: минимальный естественный отсев популяции и отсев из-за излишеств. (Уровень устремления к внутренней свободе.)

Пятый уровень — тенденция отказа от излишеств потребления и приоритет физического и духовного развития. Характерная особенность: минимальный естественный отсев популяции и минимальный отсев из-за излишеств. (Уровень неполной внутренней свободы.)

Шестой уровень — тенденция отказа от удовлетворения даже насущных потребностей, от физического развития во имя внутренней и духовной свободы. Характерная особенность: минимальный отсев популяции. (Уровень внутренней и духовной свободы.)

Седьмой уровень — начало полного отрицания как потребительских интересов, так и физического здоровья в пользу духовной свободы. Характерная особенность: «нет ничего невозможного». (Уровень полной духовной свободы.)

Представленная социальная система является примером иерархизма, основанного на энергоинформационных соотношениях, регулирующих весь физический мир, от элементарных частиц до метагалактик. Три нижних уровня системы получили название *уровней устремления*, а вышестоящие уровни названы *уровнями отрицания*. Это связано с тем, что на нижних уровнях действуют примитивные мотивации, направленные на удовлетворение низших потребностей. На более высоких уровнях — процессы последовательного отказа от приверженности потреблению в пользу удовлетворения духовных потребностей. Высший уровень является эквивалентом полного освобождения личности, что почти недоступно в современных социальных условиях. Поэтому выход человека на высший уровень возможен только через разрыв связей с социумом, о чем свидетельствуют немногочисленные примеры [1; 2].

Следует отметить, что необходимым условием эволюционирования популяции в рассматриваемой иерархии является *свобода воли*. Отрицание потребительских интересов диктуется внутренним состоянием

индивидуа, а не навязывается извне. Принуждение к отказу от материальных благ не способствует внутреннему росту, а лишь усиливает мотивацию потребностей, т. е. способствует закреплению на нижних уровнях иерархии.

Переход на более высокий уровень иерархии потребностей является результатом глубокой внутренней трансформации в процессе духовной эволюции, на что чаще всего не хватает человеческой жизни. Тем не менее существуют примеры скачкообразной перестройки личности, обусловленной внутренними или внешними причинами, например, глубоким переживанием, переоценкой ценностей в результате каких-то событий, психологическим потрясением или внезапным духовным озарением [1; 2].

Матрица социальных страт. Задолго до появления теории самоорганизующихся систем психологами-экспериментаторами был замечен некий механизм спонтанной самоорганизации видов в структуру иерархического типа, присущий как животному миру, в том числе высшим его представителям, так и человеческому сообществу. Существование этого механизма в животном мире связывалось с безусловными рефлексами объединения особей во имя самосохранения. Версия происхождения подкреплялась многочисленными примерами сложных иерархических образований у низших представителей, например, у насекомых. Анализ свойств самоорганизации человеческого общества в разные эпохи, на разных континентах позволяет предположить, что несмотря на имевшую место вариативность, оно в основном выстраивалось схожим образом — иерархическая структура из нескольких страт закрепляла социальное неравенство и жесткую зависимость низших уровней иерархии общества от высших.

Социальные структуры имеют различия, обусловленные внешними или внутренними причинами, однако они всегда будут обладать общим признаком — тяготением к иерархической системе, содержащей пять страт, т. е. к распределению индивидов по пяти базовым ролевым функциям.

Существует предположение, что процессы социальной стратификации обусловлены не только факторами эволюции, но и фактором коллективного бессознательного, содержащего образ иерархической структуры — матрицы, которая является архетипом любых социальных образований [1; 2].

Каждая страта, входящая в структуру социальной иерархии, отличается социальными стереотипами, системой ценностей и потребностей, культурными, поведенческими, этическими, языковыми особенностями и иными признаками, не только характеризующими данный социальный слой, но и дополняющими остальные страты социума в их системном единстве (рис. 2) [1; 2].

Рис. 2. Архетипическая матрица социальных страт

Первый слой иерархии соответствует положению представителей социума, занятых производительным трудом. Это — *производители* изделий и простых услуг. Страна включает только свободных работников, поскольку рабы считаются средством производства. Критериями соответствия стране служат продуктивность деятельности, мастерство и исполнительность. Высший уровень в стране занимают высококвалифицированные работники.

Второй слой иерархии соответствует положению представителей социума, занятых товарным производством, торговлей, квалифицированными услугами, финансовой деятельностью, — *предпринимателей*. Критериями соответствия стране служат коммерческое мышление, инициативность

и богатство. Высший уровень в стране занимают представители, обладающие наибольшим богатством и связями.

Третий слой иерархии соответствует положению чиновников, представителей органов государственной власти, судебных и военных государственных структур. Это *служители*. Критериями соответствия стране выступают потомственная или номенклатурная принадлежность, заслуги перед властью, богатство и связи. Высший уровень в стране принадлежит военачальникам и представителям верховной власти.

Четвертый слой иерархии соответствует положению представителей интеллектуальной, культурной и религиозной сфер деятельности. Это — *мыслители*, они обеспечивают культурно-идеологическую основу существования социума и технологический прогресс. Высший уровень в стране принадлежит представителям высшей церковной иерархии, выдающимся ученым, просветителям и деятелям культуры, завоевавшим общественное признание. *Мыслители* являются интеллектуальным и духовным ресурсом государства в делах управления и защиты.

Пятый слой иерархии соответствует положению *Духовных подвижников*, их единицы. Это — высокодуховные личности, властители умов, пророки и святые. Они независимы от законов социума, подчиняются лишь духовным законам. Роль представителей этой страны заключается в их влиянии на социум одним своим существованием и в порождении идей глобального масштаба, влекущих кардинальные социальные и цивилизационные изменения.

Особенностью социальных иерархий является их высокая системная устойчивость. Имеются исторические примеры, когда происходит рекомпозиция таких структур, за которой следует новая рекомпозиция, возвращающая к прежней структуре, что во многом подтверждает версию об устойчивом архетипе социальных иерархий.

Энергоинформационный потенциал. Методология *соционараметризма*, развиваемая в рамках энергоинформационной

научной парадигмы, в качестве критерия стратификации определяет величину энергоинформационного потенциала (ЭИП), имеющего отношение равно как к индивиду, так и к любому социальному образованию [1; 2].

В соответствии с теорией нелинейной коммуникации, уровни в иерархиях подчиняются закону нарастания ЭИП, согласно которому положение в иерархии тем выше, чем выше ЭИП.

Социальную иерархию недостаточно рассматривать просто как структуру, это система мощных энергоинформационных взаимодействий — различных форм энергоинформационного обмена, которые представляют собой различные формы коммуницирования. Таким образом, энергоинформационный обмен в иерархии обеспечивается восходящими потоками от нижних страт и нисходящими потоками от верхних страт, в результате чего образуется круговорот энергии и информации. Согласно теории нелинейной коммуникации, именно такой круговорот обеспечивает существование любой иерархической системы. Однако любая система характерна сменами устойчивых и неустойчивых состояний, при которых нарушается режим энергоинформационного обмена. Такие нарушения вызывают включение соответствующих компенсационных механизмов, восстанавливающих энергоинформационный обмен. В социальных иерархиях это часто связано с определенными социальными последствиями.

Глубокое нарушение энергоинформационного обмена между стратами в иерархии государства, при отсутствии эффективных мер по его восстановлению, приводит к социальным и политическим потрясениям, вплоть до рекомпозиции иерархии, например, в форме изменения государственного строя.

Истории также известны примеры рекомпозиции иерархии государства путем перемещения страт с низких уровней на верхние и наоборот. Возникающий в таких ситуациях энергоинформационный

дисбаланс приводил к деградации государственной иерархии, а именно к кризису на всех социальных уровнях. На разных уровнях иерархии накапливался нереализованный ЭИП. Достигнув критического значения, система переживала социальный взрыв, следствием которого была либо новая рекомпозиция, либо системный коллапс.

В истории СССР рекомпозиция в форме социального уравнивания, сопровождавшаяся ликвидацией социальной элиты верхних страт, окончилась тем, что образовавшиеся пустоты заполнились представителями нижних страт. Так исторически мгновенно образовывалась новая элита, обладавшая более низким ЭИП, что неизбежно сказалось на обществе в целом. Столь же быстро новая элита восстановила систему, приведя ее к структуре архетипической матрицы.

Социальным иерархиям практически не свойственно состояние абсолютного баланса по причине постоянного воздействия многих внутренних и внешних факторов дестабилизации, требующих ответных реакций. Такими факторами могут выступать политические, экономические, социальные, природные процессы, особенности политики правящей элиты, особенности межгосударственных отношений и прочее. Поэтому речь может идти лишь о квазибалансе, соответствующем способности системы сохранять устойчивость в условиях воздействия подобных факторов.

В развитии вышеприведенного теоретизирования важное значение имеет понятие «энергетика иерархии», из которого с необходимостью следует трактовка понятия «энергия» в его социальном аспекте. В этом контексте понятие энергии является интегральным и включает компоненты, которые могут в дальнейшем стать параметрами. Основные компоненты, условно составляющие объем понятия «энергия», представлены в таблице [1; 2].

Перечисленные компоненты образуют условные потоки, восходящие и нисходящие. Перетекая через слои иерархии, они

обеспечивают энергоинформационный обмен, а следовательно, постоянную коммуникацию, которая является основой существования любых систем.

Исследование социальных образований как самоорганизующихся систем приводит к необходимости рассмотрения их с позиции иерархизма. Представленная матрица социальных страт показывает, что, несмотря

на разнообразие социальных структур, все они обладают общим свойством: содержат пять базовых ролевых функций, соответствующих слоям иерархии. Каждый слой иерархии образован соответствующей конкретной базовой категорией представителей социума. Следует добавить, что на разных уровнях иерархии могут выполняться схожие социальные функции.

Основные компоненты социального аспекта понятия «энергия»

Компонент	Содержание компонента
1. Статус	Положение в социальной и иных иерархиях
2. Связи	Управляющие, рекомендующие, символические, прямые, косвенные
3. Денежные средства	Наличные, безналичные деньги, денежные эквиваленты, ценные бумаги
4. Товары	Изделия, сырье, энергия, включая энергоносители
5. Информация	Любые виды информации, на любых видах носителей
6. Идеи	Научные, социальные
7. Культура	Этика, духовный, образовательный и творческий потенциал, преемственность опыта, знаний, нравственных основ

Способность социальных систем самоорганизовываться в структуру, эквивалентную пятиуровневой иерархии, позволяет сделать предположение о существовании устойчивой матрицы, являющейся социальным архетипом.

Энергоинформационный аспект иерархизма способствует переосмыслению представления о закономерностях, управляющих существованием и развитием социальных систем, что открывает новые возможности в деле их дальнейшего изучения. Новый подход является частью методологии *социопараметризма*, развиваемой автором на основе теории нелинейной коммуникации.

исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16–17 марта 2016 г. М.: ВЦИОМ, 2016. С. 907–908.

3. *Маслоу А. Г.* Мотивация и личность = Motivation and personality: [пер. с англ.]. СПб. [и др.]: Питер, 2011. 351 с. (Мастера психологии).

4. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 367 с. (Б-ка зарубежной психологии).

5. Психосинтез: теория и практика: от душевного кризиса к высшему «Я» / Р. Ассаджиоли, П. Ферруччи, Т. Йоуменс, М. Крэмптон. М.: RELF-book, 1994. 314 с. (Б-ка психологической литературы).

6. *Гроф К., Гроф С.* Неистовый поиск себя = The stormy search for the self. М.: Трансперсон. институт, 1996. 342 с. (Тексты трансперсональной психологии).

7. *Van Kaam A. L.* Transcendence therapy. New York: Crossroads, 1995. XIV, 274 p. (Formative Spirituality; vol. 7).

Поступила 18.04.2018

Литература

1. *Жебит В. А.* Об энергетической основе иерархизма через новое представление о коммуникации // Социальная политика и социология. 2012. № 1 (79). С. 182–191.

2. *Жебит В. А.* Иерархия потребностей, или прощание с Абрахамом Маслоу // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после

Жебит Владимир Александрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Отделения научной информации по проблемам энергетики и металлургии Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук (ВИНИТИ РАН) (125190, г. Москва, А-190, ул. Усиевича, д. 20), zhebit@rambler.ru

References

1. Zhebit V. A. Ob energeticheskoi osnove ierarkhizma cherez novoe predstavlenie o kommunikatsii (On Energetic Basis of Hierarchism through New Vision of Communication), *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, 2012, No. 1 (79), pp. 182–191.
2. Zhebit V. A. Ierarkhiya potrebnosteи, ili proshchaniye s Abrakhamom Maslou (Hierarchy of Needs, or Farewell to Abraham Maslow), *Materialy VI mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi konferentsii "Zhizn' issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat' rezul'taty ponyatnymi i poleznymi"*, 16–17 marta 2016 g., M., VTsIOM, 2016, pp. 907–908.
3. Maslou A. G. (Maslow A. H.) Motivatsiya i lichnost' (Motivation and Personality), per. s angl., SPb. i dr., Piter, 2011, 351 p., Mastera psikhologii.
4. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla (Man's Search for Meaning), M., Progress, 1990, 367 p., B-ka zarubezhnoi psikhologii.
5. Psikhosintez: teoriya i praktika: ot dushevno-go krizisa k vysshemu "Ya" (Psychosynthesis: Theory and Practice: from Mental Crisis to the Higher Self), by R. Assadzhiali (R. Assagioli), P. Feruchchi (P. Ferucci), T. Ioumens (Th. Yeomans), M. Krempton (M. Crampton), M., RELF-book, 1994, 314 p., B-ka psikhologicheskoi literatury.
6. Grof K. (Grof C.), Grof C. Neistovy poisk sebya (The Stormy Search for the Self), M., Transperson. institut, 1996, 342 p., Teksty transpersonal'noi psikhologii.
7. Van Kaam A. L. Transcendence Therapy. New York, Crossroads, 1995, xiv, 274 p., Formative Spirituality, Vol. 7.

Submitted 18.04.2018

Zhebit Vladimir A., Candidate of Psychological Sciences, senior researcher at Department of Scientific Information on Energy and Metallurgy, All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences (VINITI RAS) (20, Usievich Street, Moscow, 125190, Russia), zhebit@rambler.ru

Стратегия мультикультурализма: вызовы и противоречия

Л. В. Клепикова, С. Н. Климов

Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

sevelli@rambler.ru

Отмечается, что в условиях расширения глобализационных процессов и увеличения масштаба миграционных потоков стратегия мультикультурализма представлялась способом решения проблемы сосуществования различных общественных групп. Констатировано, что события последних десяти лет ярко выясвили ряд противоречий социального и духовного характера, присущих стратегии мультикультурализма. Предпринята попытка выявить специфику устройства общества, сконструированного по принципу мультикультурности, и критерии, по которым определенная группа индивидов причисляется к той или иной культурной традиции.

Ключевые слова: мультикультурализм; культура; общество; государство; социальный «контейнер».

Strategy of Multiculturalism: Challenges and Contradictions

L. V. Klepikova, S. N. Klimov

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

sevelli@rambler.ru

The authors did mark the strategy of multiculturalism that appeared to be the way to resolve the problem of the different social groups' co-existence under conditions of the globalization processes expansion and the scaling-up of migration flows. However, they have stated that the events of the last ten years brought into sharp relief a number of the social and spiritual contradictions that the strategy of multiculturalism includes. The authors did try to study out how is built the social system constructed on the principle of multiculturalism, and by which criteria the certain group is attached to this or that cultural tradition.

Keywords: multiculturalism; culture; society; state; social “container”.

Стратегия мультикультурализма является одной из самых обсуждаемых социально-политических тем на протяжении последних десятилетий и предметом бурных общественных и политических дебатов, приводящих к конфликтным ситуациям среди ее сторонников, и ее противников.

Прежде чем обратиться непосредственно к самой этой стратегии, рассмотрим в общих чертах, что послужило причиной ее разработки.

В течение XIX и XX столетий интенсивно складывалась такая форма общественно-политического устройства, как национальное государство. Сконструированный на ее основе социум мыслится в категориях единого языка, единой территории проживания и единой культуры. Вследствие этого современное общество в рамках не только политического, но и научного дискурса начинает интерпретироваться как некий «контейнер», поскольку предполагается, что его

© Клепикова Л. В., Климов С. Н.

границы полностью совпадают с границами суверенного государства [1, с. 307]. Однако индивиды, проживающие на одной политической территории, в принципе не могут представлять собой гомогенное единство. Кроме того, активное миграционное переселение, начавшееся в первой половине XX в. и продолжающееся до последнего времени, дополнительно усиливает социальную неоднородность в пределах каждой государственной единицы. Таким образом, стратегия мультикультурализма была предложена как возможный путь выхода из объективно сложившейся ситуации. Условия мультикультурного общества допускают существование в одном государстве множества принципиально отличных друг от друга социальных групп.

Тем не менее в последние несколько лет, главным образом в среде политических деятелей, все шире распространяется мнение о том, что политика мультикультурализма «потерпела поражение». Так, в 2010 г. его высказал канцлер ФРГ А. Меркель, а в 2011 г. похожее заявление прозвучало в речи Н. Саркози, в то время Президента Французской Республики [2; 3; 4; 5]. Данные высказывания повлекли за собой ряд политических дебатов и общественных споров.

С того времени дискуссии на эту тему не только не утихают, но периодически разгораются с новой силой. В их свете нам представляется важным поиск ответов на вопросы о том, как сложившийся дискурс интерпретирует стратегию мультикультурализма, что подразумевается под его «поражением» и, наконец, что должно прийти ему на смену.

Может создаться обманчивое впечатление, будто ответ на последний вопрос очевиден: полноценная альтернатива мультикультурализму — это монокультурализм. В данном случае показательный пример представляет так называемая программа *Семи пунктов*, которую в 2010 г. предложил немецкий христианский демократ Х. Зеехофер. В ней разъяснялось, каким образом, учитывая «смерть» мультикультурализма, необходимо строить внутреннюю политику

по отношению к тем, кто «отказываеться от интеграции» (*Integrationsverweigerer*). В контексте заявления Х. Зеехофера о «главенстве немецкой культуры» особенный интерес представляет первый пункт его программы, где дается определение: немецкая культура — это специфическая культура, «которая создана христианско-иудейскими корнями, христианством, гуманизмом и Просвещением» [6].

Здесь сразу можно заметить ряд логических ошибок. Во-первых, значение неизвестного понятия раскрывается через другое неизвестное понятие, поскольку не вполне очевидно, что подразумевается под «христианско-иудейскими корнями». Во-вторых, неясно, с какой целью после упоминания об этих корнях вновь отдельно отмечается христианство. В-третьих, определение слишком широкое, так как Германия — далеко не единственная страна, способная идентифицировать свою культуру через ценности гуманизма и эпохи Просвещения (в том же ряду стоят, например, Франция, Великобритания, Россия, США и мн. др.).

В рамках программы *Семи пунктов* «немецкая культура» рассматривается исключительно в качестве абстрактного конструкта, назначение которого — служить антитезой стратегии мультикультурализма. Авторы программы перевели термин «мультикультурализм» как «многокультурность» и противопоставили ему «монокультурность» в форме главенствующей роли «немецкой культуры». Эта цель, с точки зрения формальной логики, не достигнута. Невозможно обоснованно выявить дихотомизм двух явлений, не дав им четких определений. Но, как видим, понятие «немецкой культуры» предстает в тексте программы размытым, тогда как содержание понятия «мультикультурализм» совсем не определено. Закономерный вопрос о том, что такое «мультикультурализм» и как его определить, остается открытым.

Необходимо принять во внимание следующий аспект: когда понятие культуры используется в сфере политики, цель политического субъекта (речь здесь не только

о Х. Зеехоферे) состоит не в том, чтобы непротиворечиво раскрыть содержание данного понятия. В политическом, общественном и даже научном дискурсе на протяжении долгих лет имеет место апелляция к так называемому *понятию культуры* (в немецкоязычной научной литературе — *Kulturbegriff*) [7, с. 18]. Это специфический общественный конструкт, репрезентирующий «культуру» как явление статичное и независимое от субъекта. При этом она детерминируется географической, религиозной и социальной средой и сохраняется даже в случае если «носитель» данной «культуры» меняет свое местоположение (например, путем миграции в другое государство) [8, с. 100]. В эпоху глобализации и информационного общества, когда миграционное движение не только приобрело колоссальные масштабы, но и удостоено пристального внимания средств массовой информации, понятие «культура» исполняет роль универсального аргумента. Любые события и трудности в социальной сфере можно рассматривать сквозь призму «культурных» особенностей и объяснять ими. Причем в их роли, как правило, будут выступать явственные отличия во внешнем виде (такие как одежда, строго соответствующая религиозным предписаниям) или факт нарушения какой-либо правовой нормы (например, многоженство). Данные элементы будут истолкованы как «свойства» «родной культуры», которая в свою очередь будет применяться в качестве общей характеристики для всех индивидов, прибывших из одного географического ареала или имеющих хотя бы опосредованное к нему отношение [9, с. 8]. Так, индивид, родители которого — мигранты, будет считаться «мигрантом второго поколения», так как будет соотноситься в общественном дискурсе с «культурной идентичностью» своих родителей.

Именно на таком понимании «культуры» построена концепция интеграции мигрантов в социальную среду принимающей страны, действующая сегодня почти во всех государствах. Требование интеграции означает, что приезжий полностью или частично

откажется от «родной культуры», которая «свойственна» ему по бывшему месту пребывания, и переймет «культуру» принимающего государства [10, с. 44]. При этом в связи с отсутствием четких критериев установления границы между разными «культурами» остается неясным, в какой мере должна быть «отторгнута» «родная культура» и каким образом оценивается степень «встраивания» в «новую культуру». Если по каким-либо причинам степень «интегрированности» индивида или группы индивидов оценивается как неудовлетворительная, «культурализованные» объяснения выглядят наиболее удобными и «сами собой разумеющимися». Однако здесь интеграционная концепция наталкивается на существенное противоречие. С одной стороны, «культура» рассматривается в качестве неотъемлемого свойства индивида или группы индивидов, а значит, она неизменяема и определяет деятельность своего «носителя». Причем предполагается, что именно по «культурному» признаку приезжие индивиды и принимающее общество, взятое как единое целое, принципиально отличаются друг от друга. С другой стороны, «культура» принимающего общества играет роль ассимилирующей и интегрирующей модели, на которую следует ориентироваться [10, с. 44].

Концепция и стратегия мультикультурализма разрабатывались как своеобразный путь к примирению данного противоречия. Мультикультурализм, таким образом, предстает скорее как педагогическая программа, в которой этнические различия, ранее служившие причиной дискриминации, начинают акцентироваться в целях ведения диалога внутри общества [11]. Одновременно с этим допускаются некоторые корректизы для процесса интеграции, трудности которого также предполагается разрешить с помощью диалога.

В самом деле, в случае приобретения обществом свойства мультикультурности требование отказа от «родной» культуры существенно смягчается. Достаточно исключить лишь некоторые элементы «родной культуры», обозначенные как

«недопустимые» в «новой» «культурной» среде, и можно считать, что процесс интеграции прошел успешно. Однако при внимательном рассмотрении выясняется: концепция мультикультурности не только не устраняет двусмысленности понятия интеграции, но и создает дополнительные противоречия.

От стратегии мультикультурализма ожидается обеспечение диалога «между культурами» в целях построения взаимопонимания и мирного сосуществования в обществе. Но диалог предполагает две равноправные стороны. В случае если подразумевается множество «культур», неясно, кого считать сторонами диалога. Опыт ФРГ показывает, что «диалог» на протяжении долгого времени трактовался как взаимодействие «немецкого общества» с «мигрантами». Однако две стороны диалога выступают гомогенными единицами, каждая из которых имеет собственную позицию. Тогда как даже при использовании культурализованного понимания фигуры мигранта в качестве носителя четко детерминированной культурной традиции приходится признать существование множества миграционных потоков из самых разных и, соответственно, «культурно непохожих» географических ареалов [12, с. 32]. Получается, что все эти общественные группы искусственно объединяются под ярлыком «мигранты» исключительно на основе их противопоставления принимающему обществу. Одновременно само это общество может считаться гомогенным только при дуалистическом делении по принципу «местные — приезжие». Тем не менее гомогенизация, установление «контейнерных» рамок для общества-реципиента с учетом только принадлежности всех его членов к одному национальному государству при игнорировании их классовых, возрастных, гендерных или региональных отличий, позволяет создать концепцию единой национальной культуры, общей для всех «исключительных» жителей данного государства.

Утверждая, что понятие культуры — социальный конструкт, мы не пытаемся доказать, что оно нереально. Важно то, что

любая дискурсивная конструкция реальна в той мере, в какой в нее верят и какое она имеет влияние на события в социальной, духовной и политической сферах жизни [10, с. 47]. В отношении культуры как общественного конструкта необходимо принимать в расчет то, какие факторы и условия привели к выстраиванию данного конструкта именно в таком, а не в ином виде. Следовательно, имеет значение, каким образом общественные отношения производят культуру и определяют ее границы. В качестве примеров в научной литературе приводят различные интеграционные и адаптационные социальные программы, декларируемая цель которых — «с учетом национальной культуры» помочь мигрантам со временем стать частью принимающего общества [7, с. 19]. Предварительным условием возможности выявлять и разрешать противоречия между двумя «культурами» выступает возникновение в социальном дискурсе конструкта «культурного барьера». Иными словами, должно сформироваться понимание того, что конкретно следует «преодолевать» или «устранять». Например, в Германии необходимым условием для интеграции служит экзамен на знание языка, обязательный для каждого индивида в статусе мигранта. В ходе экзамена претенденту на интеграцию в «немецкое общество» надлежит письменно и устно продемонстрировать владение стандартным плuriцентрическим немецким языком, *Hochdeutsch* [7, с. 19]. Его незнание трактуется как один из ключевых элементов «культурного барьера» между «мигрантами» и «местными». При этом игнорируется то обстоятельство, что далеко не все «коренные» жители используют в повседневной речи одобренную государством версию родного языка (это подтверждается существованием множества диалектов). Однако даже после успешной сдачи экзамена индивид продолжает носить общественный ярлык «мигранта». Отсюда возникает понятие так называемого *дефицита интеграции* — недостаточной степени интегрированности субъекта в общество:

из-за отсутствия фиксированных критериев граница, которую следует преодолеть мигранту для полноценной ассимиляции, перманентно отодвигается.

Таким образом, прослеживается тенденция к структурированию общества по признаку наличия внутри него нескольких параллельных, взаимно несовместимых «культур». При этом «культуры», ассоциирующиеся с разными мигрантскими группами, сосуществуют с «исконной» «культурой» местного населения. Однако подобная «многокультурность» не исключает главенства одной из них, а именно той, которая конструируется путем отмежевания от «чужих», «пришлых» и с которой отождествляют себя властные структуры государства (среди них политические и общественные институты, образовательные учреждения и СМИ).

Итак, стратегия мультикультурализма:

1) предполагает для мигранта возможность в течение определенного времени существовать в рамках «родной культуры» и не ассимилироваться в соответствии с моделью «местной культурной традиции»;

2) нисколько не нивелирует «культурные» отличия, но, напротив, дополнительно акцентирует на них внимание, делая их отличительными признаками общественных групп, которые должны существовать параллельно (причем «культура» выступает как неотъемлемое свойство определенной группы индивидов);

3) формирует восприятие мультикультурности как признака принимающей страны с высоким процентом населения, имеющего мигрантские корни (т. е. в данном контексте многокультурность — явление, производимое исключительно «чужими»);

4) не исключает сохранения за «культурой» принимающего государства положения «главенствующей», универсальной модели для интеграции (несмотря на негласный характер этого статуса).

Так как понятие культуры, на котором строится концепция мультикультурализма, представляет собой продукт общественных взаимодействий, перманентно

подвергающийся деконструированию и переработке, мультикультурализм не может в полной мере считаться стратегией, противоположной принципу примата «главенствующей культуры». Концепция мультикультурности не только не отменяет требований интеграции и ассимиляции, но и дополнительно подчеркивает реальность «культурных» отличий и барьеров между социальными «контейнерами».

Литература / References

1. *Wimmer A., Glick Schiller N.* Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences // Global Networks: A journal of transnational affairs. 2002. Vol. 2. Issue 4. P. 301—334. DOI: 10.1111/1471-0374.00043
2. Integration: Merkel erklärt Multikulti für gescheitert // Spiegel Online: [Web] / Spiegel Gruppe. 16.10.2010. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/integration-merkel-erklaert-multikulti-fuer-gescheitert-a-723532.html> (Abrufdatum: 19.04.2018).
3. *Bouchard G.* Le rejet du multiculturalisme : un procès qui en cache un autre? // Le Soleil : [Site web] / Groupe Capitales Médias. 15.02.2011. URL: <https://www.lesoleil.com/opinions/point-de-vue/le-rejet-du-multiculturalisme-un-proces-qui-en-cache-un-autre-82458c965a251affdb2036a76cfc5f9> (visité: 19.04.2018).
4. *Malik K.* The failure of multiculturalism: community versus society in Europe // Foreign Affairs. 2015. Vol. 94. No. 2. P. 21—32.
5. *Parent I.* La Hollande vient de rejeter le multiculturalisme : Les immigrants devront s'intégrer, au risque de s'exposer à des mesures coercitives // Vigile Québec : [Site web]. 14.02.2013. URL: <https://vigile.quebec/articles/la-hollande-vient-de-rejeter-le-multiculturalisme> (visité: 19.04.2018).
6. Seehofer legt im Integrationsstreit nach // Zeit online: [Web] / ZEIT ONLINE GmbH. 16.10.2010. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2010-10/seehofer-sieben-punkte-plan> (Abrufdatum: 31.05.2018).
7. Europa und seine Fremden — Migration, Integration und die Gestaltung kultureller Vielfalt / A. Thiel, A. Walther, K. Seiberth, R. Johler // Europa und seine Fremden: die Gestaltung kultureller Vielfalt als Herausforderung / Hrsg. von: R. Johler, A. Thiel, J. Schmid, R. Treptow. Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. S. 13—25.
8. *Dahinden J.* „Kultur“ als Form symbolischer Gewalt: Grenzziehungsprozesse im Kontext von Migration am Beispiel der Schweiz // Kultur, Gesellschaft, Migration: Die reflexive Wende in der Migrationsforschung / Hrsg. von: B. Nieswand, H. Drotbohm. Wiesbaden: Springer VS, 2014. S. 97—121.
9. Das Kulturelle an Konflikten in den Blick nehmen / W. Berger, B. Hipfel, K. Merlitsch, V. Ratković // Kulturelle Dimensionen von Konflikten: Gewaltverhältnisse im Spannungsfeld von Geschlecht, Klasse und Ethnizität / Hrsg. von: W. Berger, B. Hipfel, K. Merlitsch, V. Ratković. Bielefeld: Transcript Verlag, 2010. S. 7—11.

10. **Sökefeld M.** Zum Paradigma kultureller Differenz // Europa und seine Fremden: die Gestaltung kultureller Vielfalt als Herausforderung / Hrsg. von: R. Johler, A. Thiel, J. Schmid, R. Treptow. Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. S. 41—57.

11. **Radtke F.-O.** Zur Konstruktion des Fremden im Diskurs des Multikulturalismus // Das Eigene und das Fremde: Neuer Rassismus in der Alten Welt? / Hrsg. von U. Bielefeld. Hamburg: Junius, 1991. S. 79—96.

12. **Spielhaus R.** Religion und Identität: vom deutschen Versuch, „Ausländer“ zu „Muslizen“ zu machen // Internationale Politik. 2006. No. 3: März. S. 28—37.

Поступила 07.05.2018

Клепикова Любовь Владимировна — аспирант кафедры «Философия, социология и история» Российского университета транспорта (МИИТ) (127994, ГСП-4, Москва, ул. Образцова, д. 9), *sevelli1@rambler.ru*

Климов Сергей Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия, социология и история» Российского университета транспорта (МИИТ) (127994, ГСП-4, Москва, ул. Образцова, д. 9), *klisn@mail.ru*

Submitted 07.05.2018

Klepikova Liubov V., Postgraduate student of “Philosophy, sociology and history” chair, Russian University of Transport (MIIT) (15, Obraztsova Street, GSP-4, Moscow, 127994, Russia), *sevelli1@rambler.ru*

Klimov Sergei N., Doctor of Philosophy, professor of “Philosophy, sociology and history” chair, Russian University of Transport (MIIT) (15, Obraztsova Street, GSP-4, Moscow, 127994, Russia), *klisn@mail.ru*

Марксизм и проблема деятельности

A. I. Комаров

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

dph2003@yandex.ru

Анализируются взгляды К. Маркса периода формирования его оригинального учения, начала становления материалистической диалектики как метода познания в контексте ключевой для исторического материализма проблемы человеческой деятельности и практики. Показано, что уже в ранних работах Маркс понимает деятельность отлично от его научных предшественников. Практика в работах Маркса рассматривается как субстанция деятельности общественного человека. Показано также место и значение марксистского мировоззрения в современных условиях, предложена интерпретация практики в терминах жизнедеятельности.

Ключевые слова: деятельность; практика; познание; диалектика; саморазвитие; противоречие; жизнь; метод; отчуждение; капитализм; коммунизм; личность.

Marxism and Problem of Activity

A. I. Komarov

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

dph2003@yandex.ru

The author analyzes the views of Karl Marx of the time of the beginning of his original teaching's formation, of the beginning of materialistic dialectics formation as a method of cognition in the context of the problems of human activity and practice, key problem for historical materialism. The author did show that Marx, already in his early works, understands the activity differently from his scientific predecessors. Practice is considered in Marx's works as a substance of a social person's activity. The author has also displayed the place and significance of the Marxist worldview in modern conditions and has offered interpretation of practice in terms of vital activity.

Keywords: activity; practice; cognition; dialectics; self-development; contradiction; life; method; alienation; capitalism; communism; personality.

Признание глобального масштаба кризиса современной цивилизации давно уже стало общим местом в сознании теоретиков. Современная цивилизация, тип культуры являются по преимуществу буржуазными. Всеобщими условиями их существования и воспроизводства является наличие источников

сырья и рынков сбыта. Жесткая борьба за такого рода гарантию пронизывает как новое, так и все новейшее время — XX и уже XXI в. Этот тип жизни, тип отношений господствует в мировом масштабе с эпохи распада Советского Союза и всей социалистической системы. Краткий период политической

и экономической стабилизации, последовавший за этим событием, ознаменовался появлением концепции «конца истории» как триумфа капитализма (Ф. Фукуяма, 1992), но сама же история эти иллюзии и развеяла (даже у самого ее автора).

Современный этап кризисного развития, пронизывая все сферы общественной жизни, все фундаментальные институты общества, приобретает тотальный характер. Кризисы, обнаружившиеся в буржуазной экономике еще в начале XIX в., с XX столетия приобрели общемировой характер, глубина их увеличивается, а периоды относительно стабильного развития стремительно сокращаются. Сфера демографического воспроизводства человечества находится в тупике, кризис проникает в институт семьи, брака, что особенно наглядно проявляется в развитых странах. В сфере политического управления кризисность развития выражается в противоборстве интересов развитых и развивающихся стран, а также в обострении противоречий между странами «первого» мира. Слабеющий гегемон западного мира США стремится навязать свои интересы другим странам, несмотря на их сопротивление, сохранить свое ведущее положение. В процессах глобализации намечаются признаки дифференциации, разделения по «национальным квартирам». Острый кризис переживает сфера культуры, в особенности образование. Предпринимаемые здесь попытки реформирования приносят обратные ожидаемым результаты. Те же признаки тупика обнаруживаются в мировоззренческой сфере; и в религиозном, и особенно в теоретическом сознании остро стоит вопрос «что делать?»¹. Для теоретического сознания ответ на этот вопрос связан с поиском, обнаружением причин кризиса и как следствие — намёткой путей выхода из него.

Основания решения этой задачи теоретическим сознанием невозможно сконструировать без учета результата, достигнутого

великими теоретиками прошлого. Крупнейшей фигурой здесь выступает Карл Маркс. О месте его учения в теоретической деятельности свидетельствуют даже формальные показатели. Так, по результатам опроса «Би-Би-Си» в конце XX в. (1999 г.), К. Маркс признан величайшим мыслителем тысячелетия, а по статистике Библиотеки Конгресса США, его наследию посвящено больше научных исследований, чем наследию других ученых. Кроме того, по данным онлайн-портала *Open Syllabus Project* (<http://explorer.opensyllabusproject.org>), собирающего и анализирующего базы учебных программ университетов англоязычной части западного мира, «Манифест коммунистической партии» занимает 3-е место в списках рекомендованной к изучению литературы, а сам Маркс является самым изучаемым экономистом и социологом.

Поэтому, можно сказать — в мировом масштабе, все чаще теоретическая мысль обращается к наследию Маркса, 200-летие со дня рождения которого человечество (пусть и по-разному) отметило 5 мая. Грандиозные мероприятия (конференции, публикации) были организованы в КНР. Весьма скромно по сравнению даже с западным миром, по вполне понятным причинам, юбилей великого мыслителя был отмечен в нашей стране.

Учение Карла Маркса невозможно игнорировать, пытаясь теоретически разобраться в хитросплетениях человеческой истории, в понимании сущности человека. В силу этого обстоятельства и противники, и сторонники, и пытающиеся усовершенствовать или развивать марксизм необходимо обращаются к наследию великого мыслителя.

Жан-Поль Сартр в очерке «Проблемы метода» (1957, 1960) и в «Критике диалектического разума» (1 т., 1960), конструируя свой вариант доктрины экзистенциализма, пытаясь дополнить марксизм идеями психоанализа и современной ему социологии, относительно критиков марксизма заметил: «...“Антимарксистский” аргумент есть лишь очевидное подновление домарксистской

¹ Кризис в науке, особенно в обществознании, наглядно иллюстрируется недоуменным вопросом английской королевы в 2008 г.: почему экономическая наука не смогла спрогнозировать разразившийся кризис?

идеи. Так называемое “преодоление” марксизма в худшем случае может быть лишь возвратом к домарксистскому мышлению, в лучшем случае — открытием мысли, уже содержащейся в той философии, которую мнят преодоленной» [1, с. 12].

Крупный представитель современной западной марксистской мысли Терри Иглтон в изданной в 2011 г. (русский перевод 2012 г.) книге «Почему Маркс был прав» проанализировал и опроверг, опираясь на первоисточник, основные доводы критиков учения Маркса [2].

Идейное богатство марксизма позволяло с самого начала, еще при жизни его родоначальника по-разному истолковывать содержание этого учения. Это происходило и на Западе, и в отечественных условиях. В эпоху революционных преобразований В. И. Ленин сетовал, что большинство «марксистов» Маркса так и не поняли. После Ленина в отечественной советской истории марксизм представлен «официальной» версией его интерпретации и, можно сказать, творческим марксизмом, в рамках которого крупнейшими фигурами представляются М. А. Лифшиц и Э. В. Ильенков.

Совершенно определенный ответ на вопрос о соотношении содержания марксизма и его критики западными теоретиками можно найти у выдающегося представителя отечественной марксистской мысли Эвальда Ильенкова². В своем докладе «Маркс и западный мир», опубликованном на русском языке в издании «Философия и культура» (1991), он пишет: «И если иметь в виду перспективы (а не только сегодняшний день), то все “справедливые” моменты в “западной” критике современного коммунизма

неизбежно направляются не против коммунизма, как тенденции развития и принципа преобразования, а как раз против будущего мира частной собственности, т. е. против его сегодняшних неодолимых тенденций. <...> [Все] более ясно будет обнажаться та истина, что “западная критика коммунизма” является на все сто процентов (поскольку она не демагогична) самокритикой самого Запада, критикой его собственных тенденций, ведущих к усилению и углублению отчуждения, “дегуманизации” и тому подобных феноменов» [3, с. 170].

Что же является теоретической базой и ядром марксистского мировоззрения? По мнению самих авторов учения, таковым выступает материалистическая диалектика или, «с легкой руки Энгельса», исторический материализм. На такой основе, впервые в истории развития теоретического сознания, в учении Маркса выстраивается последовательная монистическая конструкция. Системность как необходимая, атрибутивная черта теории и науки (по Гегелю) впервые находит свое полноценное воплощение. Все предшествующие философские теории, решая вопрос выведения из единого многого, так или иначе несли в себе скрытый дуализм. Материалистам не удавалось рационально дедуцировать из материального идеальное, идеалистам, напротив, из идеи и идеального — материальное, природу. Приходилось вводить дополнительные допущения, не следующие из единого начала, основания. Даже у Гегеля, при всем его стремлении к монизму, переход от идеи, общего к единичному, чувственному, природе носит довольно мистический характер. Путь к построению монистической теории наметила концепция Спинозы. Марксизм в этом смысле завершает линию движения мысли, идущую от Спинозы и Гегеля.

Материалистическое понимание истории предполагает новую интерпретацию практики как субстанции человеческого типа активности, деятельности и опирается на нее в своем развертывании. В составе природы человек является вещью вещей. Все философские школы (как классические,

² В 1965 г. американский университет Нотр-Дам пригласил Эвальда Васильевича выступить на симпозиуме с докладом, посвященным анализу западноевропейских и американских интерпретаций Маркса. Доклад был подготовлен и отправлен организаторам симпозиума. В 1966 г. симпозиум состоялся, но Ильенкова в Америку не пустили. В проспекте симпозиума были сформулированы вопросы к докладчикам, и в частности вопрос «В какой мере западная критика коммунизма, понятая в ее справедливом содержании, обращается против самого Запада и его традиций, т. е. имплицитно оказывается самокритикой?»

так и неклассические) специфику человека видят в особенном, предельном типе активности, однако по-разному интерпретируются основания этой активности. Для классической философии таким основанием выступает разум, мышление, познание. Она со времен античности понимает практику как сферу общения людей, отделяя и противопоставляя ее сфере производства, творчества. По Марксу, практика есть *совместная* материальная преобразовательная, целенаправленная деятельность людей, производящая свои собственные условия, т. е. практика в его теории выступает субстанцией деятельности. Сам же человек, соответственно, является существом практическим, преобразующим природу совместно с другими людьми, а потому и — именно в силу этого обстоятельства — разумным.

Как же Маркс пришел к такому пониманию субстанциальной основы человеческого типа жизнедеятельности? Процессу становления марксизма посвящены монбланы литературы. Как известно, в начале своей теоретической карьеры Маркс выступает с позиции буржуазного демократа, с позиции критика коммунистических и социалистических взглядов, стихийно распространяющихся среди трудящихся.

Начальным стимулом формирования собственной системы взглядов, согласно Энгельсу, для Маркса послужила работа в «Новой рейнской газете». Критика дебатов рейнского ландтага обусловила необходимость исследования материальных интересов политических субъектов. Это исследование и привело Маркса к новым, оригинальным построениям: «Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к убеждению, что не государство, изображаемое Гегелем “венцом всего здания”, а, напротив, “гражданское общество”, к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества» [4, с. 378—379]. Гражданское общество, сфера, противостоящая государству, — это, по мнению Маркса, прежде

всего экономика. Отсюда идея, что теоретическое исследование истории как процесса развития общества следует начинать с рассмотрения социального фундамента, изучаемого политэкономией.

Следуя диалектической методологии, логично рассмотреть начало, первые шаги, которые делает Маркс, формируя собственную концепцию. Такое начало обнаруживается в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», где намечается переход мыслителя на позиции коммунизма. Рукописи были впервые опубликованы лишь в 1932 г. В рукописях критически анализируются достижения и недостатки предшествующей теоретической мысли, тех идей и теорий, которые в XX в. будут названы «источниками марксизма». Это теории английской классической политэкономии (А. Смит, Д. Рикардо), рассматривающие труд в качестве источника всякого богатства, имплицитно содержащие в себе идею преходящего характера капитализма. Это труды немецкой классической философии. Маркс высоко оценивает совершённые немецкими мыслителями теоретические революции: Гегелем в области логики и диалектики, а Фейербахом в части понимания человека. Антропологический поворот, совершённый Фейербахом, рассматривается им как начало положительной гуманистической и натуралистической критики предшествующей философии. Маркс подвергает критическому разбору коммунистическую и социалистическую мысль: им проанализирована литература (включающая целый пласт произведений социалистов-утопистов), «обнаружившая неразумность не только феодального, но и капиталистического общества» [5, с. 80].

В этих рукописях, Марксом не публиковавшихся, представлен первоначальный эскиз, набросок выстраиваемой им системы взглядов. Мыслитель вынужден был пользоваться терминологией предшественников, оказавшейся впоследствии для него слишком абстрактной, непригодной для выражения содержания его собственного учения. Публикация рукописей в XX в., как

известно, послужила основой для противопоставления воззрений «молодого» и «зрелого» Маркса некоторыми сторонниками, а также противниками марксизма. Это противопоставление в корне неверно, ибо за терминологическими различиями скрывается содержательное тождество идей создателя исторического материализма.

В рукописях К. Маркса важны характеристики человеческой деятельности, практики. Анализируя феномен отчуждения в буржуазном обществе, Маркс и начинает формировать понятие практики как человеческого способа жизнедеятельности [6, с. 41–74]. Вот основные тезисы, положенные мыслителем в основу этого понятия.

1. Производство есть специфически человеческая, родовая жизнь. Это универсальный тип активности, который реализуется в том, что человек всю природу превращает в свое неорганическое тело. Связь физической и духовной жизни у человека означает связь природы с самой собой, ибо человек есть часть природы. Для человека в производстве сама его жизнедеятельность становится особенным предметом. Поэтому его деятельность является свободной. В практической переработке предметного мира человек самоутверждается в качестве родового существа. Производство в условиях свободы от непосредственной физической потребности является его, производства, истинной формой. Человек производит универсально по мерке любого вида, умеет прилагать к предмету его специфическую меру, формируя материю также и по законам красоты. В предметах труда опредмечена родовая жизнь, в предметности человек удваивает себя реально и созерцаает себя в созданном им мире.

2. Нельзя «общество» как абстракцию противопоставлять индивиду. Индивид есть общественное существо: всякое проявление его жизни является проявлением и утверждением общественной жизни. Всякий человек как индивидуальность есть и идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества. Бытие и мышление находятся в единстве друг с другом.

3. Человеческие чувства и свойства формируются в совместной деятельности. Глаз стал собственно человеческим в той же мере, в какой его объект стал общественным, созданным человеком для человека. Поэтому — в этом способе жизни — чувства в своей практике стали «теоретиками». Они имеют отношение к вещи ради вещи, но сама эта вещь есть предметное человеческое отношение к самой себе и к человеку, и наоборот. Предметная сторона практики выступает основой, порождающей и развивающей богатство человеческой чувственности. Образование человеческой чувственности, включая так называемые духовные чувства (воля, любовь и т. д.), опирается на предметные формы, очеловеченную природу, — они есть следствие накопления опыта всего человечества в течение всей человеческой истории. Предметное бытие, история промышленности представляют собой раскрытую книгу человеческих сущностных сил, чувственно представшей человеческой психологии. В условиях эпохи отчуждения (цивилизации) человеческая родовая деятельность усматривалась и обыденным сознанием, и теоретиками только во всеобщем бытии человека, в религии, или в исторических абстрактно всеобщих формах политики, искусства, литературы и т. д. Но в материальном производстве в условиях цивилизации под видом отчуждения выступают опредмеченные сущностные силы человека.

4. В общественном состоянии разрешение теоретических противоречий возможно лишь практическим путем, это задача не только познания, она представляет собой действительную жизненную задачу, этого-то и не понимала старая философия.

5. История человека есть часть истории природы, поэтому в будущем естествознание включит в себя науку о человеке, а наука о человеке включит в себя естествознание. Общественная действительность природы и общественная наука о человеке суть синонимы.

6. Частная собственность есть материальное, чувственное проявление отчужденной человеческой жизни. Религия, семья,

государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. — суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение частной собственности есть положительное устранение всякого отчуждения, есть возвращение человека из религии, семьи, государства и т. п. к своему человеческому, т. е. общественному, бытию.

7. Коммунизм как положительное упразднение частной собственности (самоотчуждения человека) есть присвоение своей сущности человеком, возвращение человека к самому себе как существу общественному. Такой коммунизм как завершенный натурализм тождественен гуманизму, а как завершенный гуманизм — натурализму. В нем находят разрешения противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимости, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории.

Окончательно контуры своей будущей теории Карл Маркс кратко очерчивает в знаменитых «Тезисах о Фейербахе» (1845 г.). По существу, в тезисах разворачивается марксистское понимание практики [7], понятия, на основе которого будет формироваться грандиозная система марксистского мировоззрения.

К сожалению, многие последователи Маркса, в особенности «официальный» марксизм советских времен, понятие практики так и не освоили, а потому и содержание учения мыслителя интерпретировали в метафизическом духе, разбавив это содержание еще и изрядной долей идей эмпиризма и позитивизма.

Молодой Ильенков в 50-е гг. восстанавливает в правах понимание Марксом практики как целесообразного изменения природы общественным человеком. «Из практики в этом, всеобщем смысле каждый раз начинается как физическая сторона труда, так и деятельность сознания. В этом смысле практика, как единство этих различных моментов, начинает “из себя” и “к себе

возвращается”, т. е. является подлинно всеобщим отношением человека к природе, законом самодвижения человеческого рода, основным существенным законом, по отношению к которому особенные и индивидуальные формы деятельности человека выступают как его производные» [8, с. 182—183].

Специфические содержательные характеристики именно человеческого способа жизнедеятельности, опираясь на наследие К. Маркса, можно, на наш взгляд, интерпретировать и следующим образом, прослеживая обособление активности, самодвижения (субъектности) природы в ее развитии вплоть до личностной ее формы. Человек совместно с другими людьми, занимаясь преобразованием природы, сам поэтому выступает существом природным, телесным, чувственным. Этот факт свидетельствует о том, что и мир как целое есть природа, причем природа самодвижущаяся, саморазвивающаяся. Активность, субъектность природы в процессе ее саморазвития начинает обособляться, проявляться в форме живых вещей, феномена жизни. Активность присуща и неживому, выражаясь в сопротивлении изменениям в ходе взаимодействия с другими явлениями. У живых же активность явлена именно в форме самодвижения, они сохраняют свою целостность за счет взаимодействия с другими явлениями, соответственно, нуждаются в них. Нужда в связи с этим выступает непосредственной причиной, всеобщим условием их движения. Для живых реальность объективно разделилась на внешнюю и внутреннюю. Само движение живых есть связь противоположностей, поскольку несет в себе характеристики и того, и другого, обеспечивает их взаимопревращение, взаимопереход (внешнее становится внутренним, а внутреннее — внешним). Жизнь есть обмен, производные функции живого — рост, размножение — по сути выступают формами выражения обмена. Обмен как тождество противоположностей обнажает свойства, относительно внешнего, самих живых: они нуждаются, они выборочно относятся

к внешнему, к среде обитания, т. е. движутся относительно жизненно важных для себя факторов (того, в чем нуждаются), направляясь «к» либо «от» (в зависимости от значения этих факторов для самосохранения) внешнего. Наукой жизненно важные факторы обозначаются как раздражители, поэтому и интегральное специфическое свойство живых вещей (существ) есть раздражимость. Понятно, что раздражимость является одновременно и движением, и свойством живого, т. е. тождеством противоположностей внешнего и внутреннего.

Животный тип жизни (по сравнению с остальными формами жизни) является более высокую форму активности. Животные перемещают себя как целостный организм в пространстве, снимая тем самым ограничения растительной жизни. Самодвижение животного типа направляется, помимо нужды (теперь потребности), еще и отсутствием предмета потребности в пределах досягаемости организма или его органов. Непосредственно обмен реализуется только при условии обнаружения нужного за пределами досягаемости органов³. Первая жизненная задача животного заключается в том, чтобы найти, обнаружить нужное в пространстве. Соответственно, в активности животного выделяются поисковая, ориентировочная фаза и фаза направленного движения, которые четко различаются по форме движения (на поисковой фазе — оно разнонаправленное). Смена направления движения в ходе поиска, ориентировки является собой реакцию на нейтральные факторы среды обитания, но не все их разнообразие, а только на те, которые связаны с жизненно важными. Движение животного имеет внешнюю и внутреннюю части, что особенно наглядно наблюдается у сложных животных, осуществляющих ориентировку за счет движения специфических органов. Реакция на нейтральные факторы как внешняя, наблюдалась форма движения выражает

способность (свойство) животных, называемую наукой чувствительностью. Задачу ориентировки в пространстве животные разрешают в чувственном, образном плане, в плане психики. Сам этот план выступает необходимым компонентом животного способа жизни, т. е. обмена, и формируется движением организма либо его органов. В данном случае обмен также выступает как разрешение противоречия между внешним и внутренним, а содержанием психики, соответственно, являются характеристики среды обитания. Инстинктивные программы жизнедеятельности животного дополняются прижизненно формируемыми особью программами: всю свою жизнь животные научаются, приобретая опыт. Объективно здесь начинает обнажаться противоречие общего и особенного. Усложнение, развитие форм животной психики венчается у человекаобразных интеллектом, т. е. способностью, формируя образ ситуации, связывать разнородное и тем самым выделять в нем сходное, общее. В разрешении этого противоречия рождается абстракция, мышление, интеллект. Ограничность животного типа жизни заключается в том, что феномен абстракции не закрепляется в предметной форме.

Человеческий способ жизнедеятельности, совместный и предметный, производящий, оказывается предельным типом жизни, в его рамках жизнь делает сама себя своим предметом, в деятельности и через деятельность человека природа относится сама к себе. Это жизнь, порождающая себя, «жизнь жизни», универсальный тип жизни. Производство, выступающее здесь самопроизводством, и есть, по Марксу, специфически человеческая родовая жизнь, человеческая форма обмена, практика, порождающая своим движением многообразие своих собственных форм, т. е. субстанция деятельности. Собственно биологическая сторона обмена здесь опосредуется совместным созданием, производством искусственных органов жизнедеятельности, орудий труда, т. е. небиологической формой обмена веществом и энергией с природой.

³ Это в общем виде. Если животный организм обитает в богатой среде, где необходимое, предмет нужды находится в пределах досягаемости, он будет обходиться растительной активностью, раздражимостью.

Сама активность, деятельность общественного человека определяется в форме таких орудий-органов, становится особенным предметом для человека. Тем же самым, преобразованная природа становится «неорганическим телом» общественного человека, т. е. индивидуальный рост опосредован ростом общего на всех тела. И потому же биологическая функция размножения предваряется воспроизведением себя в предметной форме искусственных органов, орудий жизнедеятельности.

В этом же процессе производства формируется специфически человеческая совместность, и ее принципом становится взаимопомощь. Это также закрепляется в предметной форме, производятся искусственные регуляторы общения — нормы, конкретизирующие принцип взаимопомощи. Искусственными, произведенными оказываются и специализированные средства общения — язык, речь. Любой компонент предметной человеческой активности выступает и в функции знака, необходимо выступая заместителем, представителем какого-либо другого компонента, несет в себе, следовательно, идеальное содержание.

Начальным и конечным пунктом производящего типа жизнедеятельности выступают его участники, отдельные индивиды. Поэтому практика в сути своей выступает процессом производства и развития каждого, индивидуальности, а в пределе — личности.

Предметный, преобразующий, производящий и совместный способ жизнедеятельности, существования обуславливает тот факт, что всё в рамках этого способа является предметным и совместным, единственным, чувственным, но и одновременно общим, нечувственным. Такой способ жизни обнажает, выделяет, разделяет противоположности своей активностью и тем же самым их связывает. Сама деятельность, практика есть явленное противоречие, есть процесс формирования и разрешения противоречий. В рамках практики, понимаемой именно так, любое явление есть единство, тождество естественного и искусственно-го, единичного и общего, чувственного

и нечувственного, возможности и действительности, сущности и явления, причины и следствия и т. п.

И если, вслед за Гегелем, понимать разум как способность связывать пределы различий, т. е. противоположности, то он, разум, действительно живет не только в языке (как полагали до немецкого философа), а в каждом компоненте человеческой деятельности: в самом процессе преобразования, производства, в предмете деятельности, в ее продукте, а как всеобщая способность реализуется каждым участником такой активности.

Уже в чувственном плане участников такого рода активности формируется образ целого, мира, всей реальности, включающей образ самого деятеля. Отношение к себе как к не себе, как к вещи, как к роду (в силу совместности производства) выступает основой сознания и самосознания, идеального компонента такого типа активности. Производство искусственных органов как условие реализации жизненного процесса предполагает поиск предмета потребности за пределами наличного бытия, мира, т. е. в будущем. Цель, при строгом определении, — это образ того, чего еще нет, но того, что нужно человеку. Тем самым люди «обживают» не только пространство, но и время. Деятельность становится целенаправленной и тем же самым произвольной.

Такой тип жизни выступает развитием развития. Степень развития практики и позволяет найти надежный критерий выделения в истории ее этапов, эпох, общественных формаций. Обращенный на себя, себя развивающий теперь уже в собственной истории с переходом к цивилизации, в ходе разделения труда, он усилиями индивидов, их активностью занялся отработкой своих внутренний моментов, предстающих в особых видах деятельности, производства. Внутренняя дифференциация форм практики доходит до противоположности физического и умственного труда, или строже (учитывая отнесение Марксом религии и искусства к духовно-практическим видам деятельности) — практики и познания (теории).

В этом процессе происходит обособление индивидов, приобретение ими все большей самостоятельности (специализация по видам деятельности), но вместе с тем формируется и все большая их зависимость от целого. Складывается феномен отчуждения. Предельная, капиталистическая форма отчуждения проявляет сущность самого этого явления и, следовательно, пути его преодоления, ликвидации. Целью истории, развития практики оказывается индивид как личность, как единичное воплощение целого, культуры и поэтому же, в пределе, мира как природы.

Карл Маркс — наш современник. Фундаментальной его заслугой является то, что он «подвел теоретическую черту под всей классовой эрой истории, доказал, что эта эра подошла к своему закономерному и неизбежному финалу...» [9], обосновал необходимость начала перехода к «царству свободы», свободной индивидуальности. История капитализма после Маркса, современный тотальный кризис этого типа жизни подтверждают его теорию. Его учение и содержательно, и методологически не превзойдено до сих пор. Творчество мыслителя имеет непрекращающее значение для человечества.

Литература

1. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.: Академический проект, 2008. 222 с.
2. Иглтон Т. Почему Маркс был прав / Пер. с англ. П. Норвилло. М.: Карьера Пресс, 2012. 304 с.
3. Ильинов Э. В. Философия и культура / Вступ. ст. А. Г. Новохатько. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).
4. Энгельс Ф. Карл Маркс // Сочинения: [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 16. М.: Политиздат, 1960. С. 377—382.
5. Павлов В. А., Расти meshina Т. В. Критический утопический социализм К. А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна: создание социальной науки // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 3 (11). С. 80—91.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Сочинения: [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41—174.
7. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Сочинения: [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1—4.
8. Ильинов Э. В. От абстрактного к конкретному: крутой маршрут, 1950—1960. М.: Канон+, 2017. 383 с.

9. Ильинов Э. В. К разговору о Марксе // Читая Ильинкова: [Электронный ресурс] / А. Д. Майданский. Обновл.: апрель 2014. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/daik/marx.html> (дата обращения: 25.05.2018).

Поступила 26.05.2018

Комаров Александр Иванович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), dph2003@yandex.ru

References

1. Sartr Zh.-P. (Sartre J.-P.) Problemy metoda (Problems of Method), M., Akademicheskii proekt, 2008, 222 p.
2. Iglton T. (Eagleton T.) Pochemu Marks byl prav (Why Marx Was Right), Per. s angl. P. Norvillo, M., Kar'era Press, 2012, 304 p.
3. Il'enkov E. V. Filosofiya i kul'tura (Philosophy and Culture), Vstup. st. A. G. Novokhat'ko, M., Politizdat, 1991, 464 p., Mysliteli XX veka.
4. Engels F. Karl Marks (Karl Marx), *Sochineniya*, v 50 t., by K. Marks (K. Marx), F. Engels, Izd. 2-e., T. 16, M., Politizdat, 1960, pp. 377—382.
5. Pavlov V. A., Rastimeshina T. V. Kriticheskii uto-picheskii sotsializm K. A. Sen-Simona, Sh. Fur'e, R. Oue-na: sozdanie sotsial'noi nauki (Critical-Utopian Socialism of C. H. Saint-Simon, Ch. Fourier, and R. Owen: Social Science Creation), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2016, No. 3 (11), pp. 80—91.
6. Marks K. (Marx K.) Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 g. (Economic and Philosophic Manuscripts of 1844), *Sochineniya*, v 50 t., by K. Marks (K. Marx), F. Engels, Izd. 2-e., T. 42, M., Politizdat, 1974, pp. 41—174.
7. Marks K. (Marx K.) Tezisy o Feierbakhе (The-ses on Feuerbach), *Sochineniya*, v 50 t., by K. Marks (K. Marx), F. Engels, Izd. 2-e., T. 3, M., Gospolitizdat, 1955, pp. 1—4.
8. Il'enkov E. V. Ot abstraktnogo k konkretnomu: krutoi marshrut, 1950—1960 (From the Abstract to the Concrete: Steep Way, 1950 to 1960), M., Kanon+, 2017, 383 p.
9. Il'enkov E. V. “K razgovoru o Markse” (To the Talking of Marx). *Chitaya Il'enkova*. A. D. Maidanskii, upd.: Apr. 2014. Web. 25 May 2018. <<http://caute.ru/ilyenkov/texts/daik/marx.html>>.

Submitted 26.05.2018

Komarov Aleksandr I., Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, associate professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), dph2003@yandex.ru

Особенности современного этапа развития негосударственного высшего образования

C. N. Панкина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

swepankina@inbox.ru

Рассмотрено современное состояние негосударственного высшего образования. Констатировано существование системы негосударственных вузов, сформированность правовой базы их деятельности в России. Негосударственная система высшего образования названа одним из важных результатов проведенных в России либеральных реформ. Выявлены основные проблемы, препятствующие развитию системы негосударственных вузов. Показано, что она находится на положении «падчерицы» (законного, но нелюбимого детища) всей системы образования РФ. Высказано предположение о необходимости создания условий для продолжения развития негосударственной системы высшего образования. Выявлены императивы ее развития, которые связывают ее сущность с понятием гражданского общества и рыночной экономики.

Ключевые слова: образование; государство; гражданское общество; либерализация; свобода; рыночные реформы; негосударственный сектор; негосударственный вуз.

Peculiar Features of Non-State Higher Education's Modern Stage of Development

S. N. Pankina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

swepankina@inbox.ru

The author considers current status of non-state higher education. The author did acknowledge the existence of a system of non-state universities and the formedness of the legal framework of their activities in Russia, designating non-state system of higher education as one of the important results of liberal reforms carried out in Russia. The author has identified main problems hindering the development of private universities' system, pointing out their position as "stepdaughters" (legal, but not favorite offspring) of the entire Russian Federation education system. The author has suggested that it would be necessary to create conditions for the continued development of the non-state higher education system, revealing the imperatives of this development connecting the essence of the said system with concept of civil society and market economy.

Keywords: education; state; civil society; liberalization; freedom; market reforms; private sector; non-state university.

Определим исходный тезис нашей статьи. Российское образовательное право, которое нередко вынуждено «разрешать» то, что сложилось в обществе, строится сегодня

по старому, постсоветскому принципу: негосударственному образованию отводится второстепенная роль. Так, можно говорить о том, что термин «негосударственное

образование», отражающий имущественный и правовой статус учреждений, тем не менее не вполне удачен. Проблема состоит в том, что уже сегодня в понимании многих государственное и негосударственное образование представляют собой некие антонимы, обрастающие соответствующими антонимическими парадигмами. Вот лишь некоторые из них:

- платное — бесплатное;
- некачественное — качественное;
- поверхностное — глубокое;
- элитарное — общедоступное;
- ненастоящее — подлинное и т. п.

Кроме того, ни в одном из принятых законов и подзаконных актов не изложена позиция государства и общества в отношении негосударственного образования, не определены взаимные права и обязанности негосударственных образовательных учреждений, социальный статус профессионалов, занятых в негосударственном секторе образования и т. д.

Еще одна проблема действующего на сегодняшний день законодательства, регламентирующего сферу образования, заключается в его сложности и противоречивости некоторых его положений. С одной стороны, федеральный закон «Об образовании» обладает силой прямого действия, и если положение подзаконного акта ему противоречит, приоритетным считается положение закона. С другой стороны, решение многих жизненно важных для негосударственного образования вопросов находится в ведении местных органов власти, чиновников разных уровней. Процедуры лицензирования, аккредитации и аттестации негосударственных вузов часто неоправданно усложнены. По поводу исполнения некоторых статей законодательства негосударственные вузы вынуждены обращаться в судебные инстанции.

Получается, что, с одной стороны, негосударственное образование есть результат создания в обществе предпосылок и условий для его возникновения и развития. С другой стороны, общество своим отношением, иногда даже предрассудками затрудняет

и сдерживает это развитие. Так, уже в 2000 г. в *Федеральной программе развития образования* негосударственное образование рассматривалось не столько как органичная часть системы образования России, сколько как соринка в ясном оке государственной образовательной системы. Например, в первом разделе программы констатируется: «Увеличение количества негосударственных образовательных учреждений всех уровней образования создало проблему необходимости усиления государственного и общественного контроля их деятельности, качества предлагаемого образования. Особую озабоченность вызывает значительное увеличение количества негосударственных высших учебных заведений, их филиалов, не имеющих необходимой учебной базы и профессорско-преподавательских кадров» [1, разд. 1, подразд. 2].

Такое отношение к негосударственному образованию отчасти объясняется тем, что ряд вузов, работающих недобросовестно, дискредитировали в глазах общества всё негосударственное образование. Если в самых общих чертах попытаться классифицировать существующие сегодня негосударственные вузы, исходя из качества их работы, можно выделить три группы.

К первой группе относятся вузы, с самого начала и последовательно ориентированные на государственные образовательные стандарты и те требования, которые предъявляют государство и общество к уровню высшего образования. Чаще всего такие вузы образуются на базе государственных. При этом образовательный процесс строится в соответствии с государственными образовательными стандартами, вузы проводят жесткую кадровую политику, заботясь о высокой квалификации профессорско-преподавательского состава; большая часть преподавателей этих вузов являются их постоянными штатными сотрудниками.

Вузы первой группы ведут научную и научно-исследовательскую деятельность, имеют постоянно пополняемую материальную и научно-техническую базу и т. п. Во многих из них хорошо развита издательская

деятельность. В этом отношении выделяются Московский открытый социальный университет, Московский гуманитарный университет, Московский финансово-юридический университет (МФЮА) и др.

Вторая группа вузов примыкает к первой, но имеет отличие. При открытии эти вузы ориентируются на организацию образовательного процесса на уровне государственных стандартов, однако в ходе деятельности не всегда в полной мере выполняют эту задачу, чаще всего по ряду объективных причин, таких как трудности начала учебного процесса, экономические обстоятельства, проблемы кадрового обеспечения. Мы выражаем надежду на то, что большая часть вузов второй группы успешно преодолеют трудности начального периода деятельности и выйдут на запланированный уровень.

Существование *третьей группы* образовательных учреждений негосударственной формы собственности целиком и полностью обусловлено несовершенством действующего законодательства, неотработанными механизмами правового пресечения недобросовестной образовательной деятельности, а также недостаточной искушенностью в вопросе выбора вуза сегодняшних потребителей образовательных услуг в России.

Деятельность вузов такого рода сводится к следующему алгоритму: активная рекламная кампания, наем нуждающихся в работе преподавателей, набор большого количества студентов, привлеченных относительной доступностью платы за обучение. По окончании обучения, если вуз не прекращает свое существование и учредители не скрываются в неизвестном направлении, выпускник получает диплом невнятного образца. Объяснимо, что именно подобные заведения создали, особенно в 1990-е гг., недобрую славу всему негосударственному высшему образованию. Вполне понятно, что работодатели до сих пор с недостаточным доверием относятся к дипломам негосударственных вузов.

Тем не менее справедливости ради следует отметить, что вузов первых двух групп становится все больше, а третьей группы

все меньше. И совсем скоро придет время, когда российское законодательство и российский потребитель не оставят такого рода «шарашкиным конторам» шансов не только на выживание, но и на открытие. При этом *отношение государства к негосударственному образованию не меняется в лучшую сторону*. Этому есть другая причина. Обратившись к дореволюционному периоду истории российского образования, мы вынуждены будем заключить, что борьба либеральных тенденций с консерватизмом и бюрократией в отношении государства к негосударственному образованию, вероятно, является исторической традицией.

Как видим, правовое положение негосударственного высшего образования в России нельзя назвать прочным, надежным и однозначным по ряду причин:

- законодательная база, регламентирующая всю систему образования в России и системные взаимоотношения внутри нее, а также с другими системами, до конца не сложилась;
- органы государственной власти не приняли окончательного решения о проводимой политике в области образования, в частности в отношении негосударственных образовательных учреждений;
- отношение общества к негосударственным вузам и их деятельности объективно неоднозначное;
- ряд дополнений и изменений закона «Об образовании» ограничивают и усложняют правовой статус негосударственных вузов.

Возрождение негосударственного сектора экономики — главный результат либеральных реформ. Государству и обществу необходимо понять, что *негосударственное образование призвано им помочь: это один из институтов гражданского общества, формирующих будущее нации, оно реализует многие гражданские права и свободы*. Неоднозначность политики в отношении негосударственного образования не просто сужает правовое поле его функционирования, она вполне способна обернуться обратимостью достижений эпохи реформ. Тогда

как мы, напротив, должны их закрепить и сделать конструктивные выводы из совершённых ошибок.

Сами представители негосударственного высшего образования рефлексируют и все еще не могут избавиться от комплекса неполноценности, сложившегося вследствие тщетных попыток обратить внимание общества на то, что негосударственное образование полезно государству, что оно служит верным «оруженосцем» в тяжелое для страны время.

Осмелимся предположить, что некоторые проблемы, с которыми все мы сталкиваемся, вызваны нашим гражданским нежеланием осознать собственные возможности и почувствовать свою силу, боязнью оказаться не к месту и не ко времени. Без сомнения, у негосударственного образования много трудностей, пройденную им стадию нельзя в полной мере считать становлением — скорее зарождением и пробуждением. Но самоуничтожение не должно стать идеологической основой самоидентификации, в противном случае негосударственное высшее образование может так и не выйти за рамки «вспомогательного» инструмента в образовательной системе. А это, в свою очередь, таит в себе угрозу отступления от ранних достижений либеральных реформ, от гарантий тех прав и свобод, которых российское общество добилось титаническим трудом.

Система негосударственного высшего образования в современной России существует и развивается. Однако среди доводов ее противников и скептиков есть и такой: «Россия — наследница прекрасно развитой образовательной инфраструктуры Советского Союза. Зачем нужно было ее ломать и выстраивать негосударственное образование? Россия прекрасно проживет и без него». Ответить на первую часть вопроса не в наших силах. О том, для чего российскому народу необходимо рушить сложившееся, рассуждали великие умы прошлого и современности, но рационального объяснения не нашли. Ответ на вторую часть вопроса также не очевиден. Возможность его сформулировать связана с рассмотрением

особенностей, отличающих негосударственное образование от государственного, и нахождением в них тех ключевых понятий, которые позволяют доказательно констатировать: без негосударственного высшего образования реализация национальной образовательной идеи немыслима.

Сущностную характеристику негосударственных вузов имеет смысл начать с императивов негосударственного высшего образования.

В научной литературе довольно часто используется термин «императив»: он существует в категориальном аппарате юридических и экономических наук, геополитике, педагогике, теориях безопасности и других отраслях научного знания, но различий в трактовке этого понятия практически нет. Словарь иностранных слов предлагает следующие его значения: «Императив (лат. *imperativus* — повелительный). 1. Грамматическое повелительное наклонение глагола. 2. Повеление, настоятельное требование, долженствование. 3. Философский и категорический императив Канта — безусловное нравственное веление, якобы изначально присущее разуму, вечное и неизменное» [2, с. 144]. Ядром семантики понятия «императив» является требование к кому-либо, чему-либо, обусловленное или безусловное. Отсюда под *императивами негосударственного высшего образования* следует понимать явления, процессы, факторы и условия, выступающие в качестве требований безусловного и условного характера по отношению к функционированию и развитию его системы.

Проблема императивов образования активно обсуждается в научной литературе, поскольку это проблема реально действующих факторов его детерминации, в значительной степени определяющих его стратегию и принципы, а также направления реализации на международном, региональном и национально-государственном уровнях организации и функционирования. Императивы детерминируются не только объективными противоречиями, но и сложившимися реальностями как условиями

современного бытия и существования людей и потому диктуют стратегическую линию развития образования на всех уровнях его организации.

Нами выделено два базисных императива, которые представляют собой диалектически взаимосвязанное единство, обуславливающее все аспекты деятельности негосударственных вузов.

1. Негосударственное высшее образование является системой, действующей в условиях рыночной экономики. Эта позиция — фундаментальная установка, имеющая методологическое значение для понимания роли негосударственных вузов в современной России. Главным и безусловным подтверждением этого обстоятельства служит сам факт возникновения системы негосударственных вузов на фоне либерализации экономики и становления рыночных механизмов.

Рынок является совокупностью потребителей, имеющих одинаковые нужды и потребности. Не абсолютизируя экономический подход, более того, обращая внимание на все опасности «идеологии рынка», следует признать рыночные механизмы объективным необходимым условием, базисным фактором становления демократических социальных структур. Законы товарно-денежных отношений, микроэкономические законы спроса и предложения выступают, с одной стороны, условиями, с другой — регуляторами взаимоотношений негосударственного высшего образования и социума. Маркетинговый принцип исследования спроса, нужд и потребностей потребителя (в данном случае, в образовательных услугах) влечет за собой необходимость его удовлетворения. *Маркетинг* — это, как известно, деятельность по выявлению целевых рынков, изучению потребностей потребителей на рынке, разработке товаров и услуг, максимально удовлетворяющих потребителей, установлению оптимальной цены на эти товары и услуги и выбору способов их продвижения.

В соответствии с маркетинговыми принципами строятся взаимоотношения *учредитель вуза — студент*. На начальном

этапе негосударственные вузы возникали на фоне резкого сокращения финансирования государственных и снижения качества образовательных услуг в них. Это повлекло за собой увеличение спроса на альтернативный вид образования, каким и стал негосударственный вуз. Так возникли взаимоотношения типа *предложение в ответ на спрос*.

Но подлинно рыночный механизм включает в себя обязательный компонент оперативной обратной связи, что позволило негосударственным вузам не только выжить, но и включиться в конкурентные взаимоотношения типа *негосударственный вуз — другие негосударственные и все государственные вузы*. Эффективность деятельности в рамках этих взаимоотношений для негосударственных вузов была обусловлена пониманием и расчетом того, специалисты какого профиля востребованы на рынке труда. Соответствующие факультеты и специальности открылись в негосударственных вузах. В это время сложная, заорганизованная и оттого ригидная система государственного высшего образования не так чутко реагировала на импульсы рынка труда.

Процессы глобализации, включение России в Болонский процесс предъявляют новые требования ко всем вузам, но негосударственные, благодаря рыночному генезису, с большей эффективностью и успешностью становятся участниками рыночных взаимоотношений *негосударственный вуз России — другие вузы Европы*.

Многие пишут о том, что рыночные механизмы составляют основу взаимоотношений *студент (инвестор в самого себя) — вуз (ответственный за «выпуск продукции»)*. Выпускник реализует продукцию, в производство которой инвестировал, — образование, получая проценты с инвестиций в виде заработной платы. Экономический подход к педагогике не может нам импонировать: искусственное упрощение и механизация вредят глубине осмыслиения образовательного процесса. Однако, перефразируя великого политика, согласимся: рынок — это ужасно, но ничего лучшего человечество не придумало.

С позиций экономического подхода образование рассматривается как производственно-технологический процесс, в котором студент выступает заказчиком, оплатившим товар. Поэтому, по меткому выражению И. М. Ильинского, «в негосударственном вузе со студентом взялся» [3, с. 112]. «Любовь и уважение к студенту, его личности» в негосударственном вузе — больше, чем абстрактный педагогический принцип, хотя взаимное уважение обучающего и обучающего есть одно из этических оснований, заложенных в российских педагогических традициях: «...Обучающийся мыслится не как объект педагогического воздействия, а как субъект взаимодействия, неповторимая и уникальная личность, цельность и неприкосновенность которой является основополагающим принципом воспитания» [4, с. 97–98]. Любовь, подкрепленная материальной заинтересованностью, превращается в философию, пусть и с элементами прагматизма.

Важен еще один аспект. С маркетинговых позиций, выпускник одного вуза является конкурентом выпускника другого, но и его бывший сокурсник тоже ему конкурент. Это может быть основанием для следующего заключения: каждый студент вуза непосредственно заинтересован в получении максимально качественных образовательных услуг, а также в индивидуальном гуманистическом отношении к нему лично в ходе всего процесса обучения.

Рыночные механизмы и структуры в России никогда не станут всеохватными, поскольку ее население — граждане слишком большой страны и наследники плодов весьма замысловатой экономики. Ряд предприятий и целые отрасли по определению не могут стать самоокупаемыми. Вследствие этого «рыночность» как императив негосударственного высшего образования не является гарантией превращения его в универсальную экономическую единицу: их просто не может быть сегодня в России. Тем не менее негосударственное высшее образование — одна из немногих систем, которая не перестроилась, а возникла с нуля, сразу

как сугубо рыночная структура, потому она проста и прозрачна, как готовый домик из кубиков. В этом отношении рассматриваемая структура может стать обучающим экспонатом для других возникающих или перестраивающихся структур.

Таким образом, рыночные механизмы пронизывают всю систему взаимоотношений внутри и вокруг негосударственного вуза, но они же служат факторами возникновения и реализации других императивов негосударственного высшего образования, таких как гарантия качества образовательных услуг и гуманистический подход к педагогическому процессу.

2. Негосударственное высшее образование является системным элементом демократического общества, ориентированного на гуманистические ценности. Этот императив можно рассматривать в нескольких аспектах. Прежде всего, сам факт возникновения негосударственных вузов есть реализация традиционной потенции нации, стремящейся к абсолютной гражданской свободе. Нами подчеркивалось, что история развития негосударственного образования системно взаимосвязана с либеральными реформами в России. Первое, что предпринимали либеральные правительства, — реформа образования; первое, что делали реакционеры, — перекрывали кислород «вольным» вузам, школам и пансионам. Столь прямая взаимосвязь обусловлена тем, что школа есть рефлексия общества по поводу своей молодости, выражаясь в неистребимости педагогических традиций. Но школа — это и воплощение в жизнь футурологических концепций. Реализация идей — всегда рискованная затея, особенно если это идеи по поводу свободы, если это ограниченные жесткими рамками школьных и образовательных стандартов чаяния о будущем независимой нации.

Негосударственная школа есть слепок с национальной идеей по поводу абсолютной гражданской свободы, поэтому демократия, либерализм и негосударственное образование неразрывно взаимосвязаны. В советское время были опасны даже слепки со свободы.

Напротив, как только в стране наметились даже не условия, а предчувствия условий, как только закон даже не разрешил, а только неотчетливо наметил понятие «негосударственный» («вольный»), саморазвитие этого явления уже никто не смог остановить. Все те «болезни раннего развития», носителем которых является негосударственный вуз, — это болезни ребенка, долго сидевшего взаперти, а затем вырвавшегося на мороз, солнце и ветер, не успев надеть варежки и калоши.

Дитя свободы — обязывающий статус. К этому резвому ребенку общество предъявляет требования, как к вундеркинду, видя в нем надежду и опору в старости. Действительно, формирование тех демократических ценностей, тех идей, в которые нация трансформирует свое видение исторического пути, органично и естественно вписывается в задачи самого свободного и самого демократичного (исторически — «вольного») образования. К такому выводу приводят следующие далее размышления.

С позиций экономического подхода, главный критерий «качества» образовательной услуги — возможность ее продать. Можем ли мы считать, что профессионал, не наделенный никакими гражданскими качествами (патриотизмом, гражданской ответственностью, экологическим мышлением), есть эталон качества образования? Методологический ответ с позиций экономического подхода положителен, так как стандартизован.

Качество определяется соответствием некоему стандарту. Отсюда, говоря о качестве современного выпускника, чаще всего мы имеем в виду результативную сторону, т. е. результат процесса подготовки как ее соответствие определенному идеалу. Если речь идет только о знаниях, то этот идеал — образовательный стандарт. В государственном стандарте высшего государственного образования сформулированы требования, предъявляемые в гражданском отношении к выпускнику вуза: «Знать права и свободы человека и гражданина, уметь их реализовать в различных сферах жизнедеятельности».

Это всё. Значит, государственный стандарт абстрагируется не только от национальной идеологии, от задачи построения демократического общества, но и от самой природы образования, зафиксированной в словарном определении.

Еще В. И. Даль связал гражданственность с образованием, определив ее таким образом: «...Понятия и степень образования, необходимые для составления гражданского общества» [5, с. 1088]. В этой дефиниции заложено традиционное видение одной из приоритетных задач образования в формировании гражданственности. Демократическая гражданственность — задача не только для негосударственного вуза, но прежде всего для него, согласно его природе.

Даже если мы, вслед за стандартом, абстрагируемся от идеологических задач и сосредоточимся исключительно на профессионализме, нам все равно не удастся уйти от понятия гражданственности. В частности, из-за высокой востребованности сегодня гуманитарных специальностей, относящихся к деятельности типа *человек — человек*. Специалисту в гуманитарной области невозможно обойтись без качеств, имеющих отношение к людям, обществу, Родине. Ни историк без исторической памяти и исторического пути, ни юрист без правовой культуры и гражданской ответственности, ни экономист без понимания того, что либеральная экономика — базис демократии, немыслимы. Но почему без этих качеств можно мыслить идеал программиста?

Следовательно, если мы ограничиваемся образовательным стандартом, отказываясь от вековой традиции, зафиксированной в определении Даля, то мы не только сужаем контекст, в который вписывали педагогический процесс (традиции, общество, гражданственность), сводя его к требованиям министерства, но и отказываемся от современных требований, предъявляемых к образованию обществом. Оно не довольствуется стандартизацией образования, но видит в педагогическом процессе триаду: образование — воспитание — развитие.

По терминологии А. Н. Леонтьева, качество есть «целокупность» таких характеристик, которые определяют систему. В любой системе есть системообразующий показатель или совокупность показателей. Если таким показателем качества педагогического процесса считать профессионализм выпускника, из образования выпадают воспитание и развитие, из него исчезает гуманистический компонент. Образование, в рамках той традиции, которая берет начало в Античности, сначала должно воспитать гражданина и только потом — профессионала: «В дискуссии о том, что же первично: профессионализм или личность, — сторонники гуманистической традиции, не допуская антитезы, оставляли приоритет за личностью. <...> Эта позиция особенно актуальна в эпоху глобализации, поскольку противоречие между профессионализмом и человечностью заложено в требованиях глобализации к содержанию образования» [4, с. 94].

Предлагаем не сводить постановку вопроса к антитезе *гражданин — профессионал*. Все развитие негосударственного образования — это отражение гражданского миропонимания нашего общества. Именно в негосударственном вузе системно соотносится понимание профессионализма как ценности рыночной экономики, которая в свою очередь является основой для демократии, и гражданственности, которая, трансформируясь через созидательное стремление к преобразованию мира, через ответственное отношение к учению и труду, творческий подход, приобретает форму профессионализма.

На наш взгляд, нет противоречия между демократическими ценностями, *гражданственностью* и ответственностью в идеологии образования и экономическим императивом *профессионализма*. Эти две ценности диалектически взаимосвязаны и образуют системное ядро содержания негосударственного образования.

Таким образом, мы всеми доступными нам путями теоретизирования приходим к тезису: построение демократии невозможно без гражданственности, а гражданственность немыслима без образования.

Либеральная природа негосударственного образования делает образовательный процесс в негосударственном вузе трансляцией, аккумуляцией, генерацией демократических ценностей гуманизма, выступающих системообразующими компонентами национальной идеи.

По нашему мнению, ядро национальной идеи составляют такие гуманистические ценности, как гражданственность, патриотизм, государственность, ответственность за судьбу нации и др. История свидетельствует: «...С начала петровских преобразований обучение стало частью исполнения гражданского долга, а усердие в овладении знаниями — обязательным элементом патриотического отношения к государству» [4, с. 97]. Однако мы не включили в этот перечень понятие гражданского и человеческого достоинства — непреходящую гуманистическую ценность. Сегодня человеческое достоинство большинства россиян попрано бедностью, непредсказуемостью, социальной тревожностью, комплексом вины, запуганностью и невостребованностью. Мы боимся, не умеем, скоро уже не захотим быть, мы усвоили привычку казаться, тушеваться, унижаться и терпеть.

Человек, личное достоинство которого попрано, не может быть носителем национального достоинства. Это нонсенс, поскольку именно личностная и гражданская востребованность, непререкаемость прав, безопасность делают нас гражданами. Гражданское достоинство восстанет, когда восторжествует личное достоинство каждого из нас. Абсолютизация личного достоинства каждого, как ни банально, делает американцев великой нацией. Человеческое достоинство — американская национальная идея, результат двухсотлетнего демократического строительства.

В негосударственных вузах мы видим возможности для становления человеческого достоинства и для возрождения гражданского, пусть это возрождение и основывается на том, что «человек платит». Студент, с которым, как отмечалось, «возятся», не даст себя унизить. Преподаватель, который получает достойную заработную

плату, чувствует себя гражданином. Знания, которые востребованы, дают возможность не опасаться за завтрашний день.

Утверждая, что в негосударственном вузе есть потенция для возрождения человеческого и гражданского достоинства как гуманистических ценностей — основ демократии, мы вынуждены противопоставить негосударственное образование государственному. В российской ментальности государство и человек традиционно антагонистичны. Великие мыслители писали о том, что в России человек приносился в жертву государственным интересам. Государство — унижающая и уничижающая машина, на фоне которой «единица — вздор, единица — ноль». Наш голос, Маяковский прав, уже давно тоньше писка. По Е. Н. Трубецкому, «государство хочет быть для человека безусловной ценностью; оно вообще не склонно признавать никаких высших над собой ценностей, в том числе и ценности человеческой души или безусловного достоинства человека» [6, с. 20]. Вынужденно заключаем, что человек, до конца жизни — практически вечно — *обязанный государству* своим образованием, самим этим уже унижен.

В гражданском обществе уравнены права человека и государства. Роль негосударственного образования в построении такого общества заключается в синергетическом объединении образования профессионала и гражданина и в признании абсолютного приоритета человеческой личности.

Выделив два императива, которые мы считаем базисными для негосударственного высшего образования, мы имеем в виду их внутреннюю взаимную обусловленность, синергетическое единство, а также их генезис, соотносящийся с национальной идеей и реализующийся в негосударственном образовании.

Литература

1. Федеральная программа развития образования: Прилож. к Федеральному закону от 10.04.2000 № 51 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: [Электронный ресурс] / Консорциум «Кодекс». Сор. 2018. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901758548> (дата обращения: 22.05.2018).

2. Краткий словарь иностранных слов / Ред. И. В. Лёхин, Ф. Н. Петров. 7-е изд., стер. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 490 с.
3. **Ильинский И. М.** Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. 352 с.
4. **Растимешина Т. В., Лункина Ю. В.** Традиции в отечественном образовании: взгляд из нового тысячелетия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 1 (5). С. 91—98.
5. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Директ-Медиа, 2014. 7602 с.
6. **Трубецкой Е. Н.** Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. М.: Водолей, 2000. 352 с.

Поступила 18.05.2018

Панкина Светлана Николаевна — заместитель начальника управления по делам молодежи и связям с общественностью Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), swepankina@inbox.ru

References

1. “Federal’naya programma razvitiya obrazovaniya, Prilozh. k Federal’nomu zakonu ot 10.04.2000 № 51” (Federal Program of Education Development, Suppl. to Federal Law from 10 Apr. 2000 No. 51). *Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tehnicheskoi dokumentatsii*. Konsortsium “Kodeks”, cop. 2018. Web. 22 May 2018. <<http://docs.cntd.ru/document/901758548>>.
2. Kratkii slovar’ inostrannykh slov (Concise Foreign Vocabulary), Red. I. V. Lekhin, F. N. Petrov, 7-e izd., ster., M., Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1952, 490 p.
3. Il’inskii I. M. Negosudarstvennye vuzy Rossii: opty samoidentifikatsii (Non-State Universities of Russia: Experience of Self Identification), M., Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2004, 352 p.
4. Rastimeshina T. V., Lunkina Yu. V. Traditsii v otechestvennom obrazovanii: vzglyad iz novogo tysyacheletiya (Traditions in Russian Education as Seen from New Millennium), *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya*, 2015, No. 1 (5), pp. 91—98.
5. Dal’ V. I. Tolkovyi slovar’ zhivogo velikoruskogo jazyka (The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language), M., Direkt-Media, 2014, 7602 p.
6. Trubetskoi E. N. Iz proshloga. Vospominaniya. Iz putevykh zametok bezhentsa (From the Past. Memories. From Refugee’s Travel Notes), M., Vodolei, 2000, 352 p.

Submitted 18.05.2018

Pankina Svetlana N., Deputy Head of PR and Youth Relations Office, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), swepankina@inbox.ru

Дао коммуникологии, или Долгий путь к метапарадигме социальной коммуникации

B. A. Песоцкий¹, V. A. Жебит²

¹ *Московский государственный областной университет, Москва, Россия*

² *Всероссийский институт научной и технической информации
Российской академии наук (ВИНИТИ РАН), Москва, Россия*

zhebit@rambler.ru

Статья посвящена эволюции научных исследований, имеющих важное значение в становлении науки о коммуникации, которая остается пока непризнанной как самостоятельная, и как научное направление — носит выраженный отраслевой характер. Проведен анализ с целью проверить, возможно ли осуществить превращение коммуникативистики в самостоятельную научную дисциплину — коммуникологию — путем создания универсальной научной платформы — метапарадигмы коммуникации. На основании анализа сделан вывод, что на подобную универсальность не может претендовать ни одна из классических концепций, так же как и их синтез. Высказано предположение, что коммуникологии предстоит довольно долгий путь становления.

Ключевые слова: коммуникация; социальная коммуникация; коммуникативистика; коммуникология; метапарадигма.

DAO of Communicology, or Long Way to the Metaparadigm of Social Communication

V. A. Pesotsky¹, V. A. Zhebit²

¹ *Moscow Region State University, Moscow, Russia*

² *All-Russian Institute of Scientific and Technical Information
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

zhebit@rambler.ru

The article is devoted to the evolution of scientific research important in the development of the science of communication that remains unrecognized as an independent and has a sectoral character as a scientific direction. The authors have carried out analysis to verify the possibility of communicativistics' transformation into an independent scientific discipline, communicology, by creating a universal scientific platform: a metaparadigm of communication. The analysis has shown that neither of the classical concepts nor their synthesis can claim for such universality. Therefore, the authors did suppose that communicology still has a long way to go before it comes into being.

Keywords: communication; social communication; communicativistics; communicology; meta-paradigm.

Философский поиск — пути к парадигме.

Необходимость исследований коммуникации как нового востребованного знания связывают с определенными успехами в философии, социологии, психологии, лингвистике, имевшими место к началу XX в. Эверетт Роджерс усматривал идеи Ч. Дарвина, К. Маркса, З. Фрейда в качестве почвы, на которой зародились первые обобщения, связанные с феноменом коммуникации. Большую роль в этом отводят представителям философской *критической школы* и исследователям в области политической философии, таким как Т. Гоббс и Дж. Локк.

В начале XX в. интерес к коммуникационной проблематике сфокусировался на лингвистике, которая определяет язык как классическую коммуникативную систему, лежащую в основе человеческого общения (Р. Барт, Л. Витгенштейн, Т. А. ван Дейк, Ч. Моррис, Б. Рассел, Ф. де Соссюр). Чарльз Кули называл коммуникацию инструментом, с помощью которого актуализируются человеческие мысли. В период его жизни язык представлялся особой средой, в которой развиваются процессы и формируются коммуникативные структуры.

Питирим Сорокин, признавая основную роль коммуникации в социальных процессах, рассматривал ее с позиции психического взаимодействия, в пространстве которого осуществляется обмен идеями, чувствами, волевыми импульсами, что, по его мнению, и определяет динамику социума [1].

Характерно, что философы-персоналисты, и в их числе К. Ясперс, видели в коммуникации способность личности к открытию в себе «чувства другого», а в акте общения — стремление к взаимопониманию и духовному единению. В то же время экзистенциалисты, в частности А. Камю, отрицая коммуникацию как акт подлинного общения, усматривали в ней лишь смысл противостояния абсурдности бытия в условиях ощущения личностью одиночества.

В работе «Теория коммуникативного действия», опубликованной в 1981 г., Ю. Хабермас выступил с новой

концепцией коммуникации, названной им интеракцией, которая, рассматривая сферы взаимодействия человека с природой и человека с человеком, раскрывает гносеологический смысл коммуникации. Он акцентирует понятие истинной коммуникации в процессе интеракции, возникающей в условиях преодоления культурных барьеров [2].

В понимании сторонников бихевиористской школы (Дж. Уотсон), рассматривающих процессы взаимодействий с позиции явных или неявных проявлений «стимулов» и «реакций», коммуникация представляет собой особый вид управления человеком с помощью речевых сигналов.

В работе «Социальное конструирование реальности» П. Бергер и Т. Лукман сформулировали феноменологическую гипотезу социологии знания, раскрывающую механизмы, посредством которых распространяется информация в социуме [3].

Согласно гипотезе А. Шюца, возникшей в результате изучения механизмов создания и воспроизведения социальной реальности, акт действия определяется как устремление к созданию коммуникации, а в качестве основного механизма социальной реальности выступает язык.

В соответствии с представлениями символических интеракционистов, межличностная коммуникация общения служит основным механизмом, с помощью которого формируются и упорядочиваются социальные структуры, что по сути и есть социальное развитие. Выражаясь словами Дж. Мида, мир создается в процессах социального взаимодействия, являющихся собой акты коммуникации.

Представители критической философии Франкфуртской школы, такие как Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, пытались искать суть коммуникации в манипулятивной деятельности средств массовой коммуникации, оперируя методологией, основанной на позициях критицизма К. Маркса и диалектики Гегеля, с элементами фрейдовского психоанализа. Однако этот путь надежд не оправдал.

Сторонники символического интеракционизма, прежде всего его Чикагской школы, Дж. Мид и Г. Блумер активно продвигали так называемую коммуникационную модель общества, в основе которой лежала коммуникация, понимаемая как символическая интеракция. В соответствии с их представлениями, вербальное и невербальное взаимодействие осуществляется посредством символов. Вследствие этого мышление тоже имеет символический характер, а значит, универсум общественной жизни является миром символов.

Концепция многофункциональности языка и определяющей роли жизненных условий в его формировании была сформулирована в теории коммуникативных актов Л. Витгенштейна. На основе морфологии языков математической логики Витгенштейн разработал методологию создания искусственных языков.

В середине XX в. в работах по философской лингвистике Дж. Остин выступил с концепцией основной цели научного исследования. В качестве такой цели он определил создание концепции так называемого обыденного языка. В его представлении нормативность лексики должна оцениваться с позиции «перформативных форм» и «констатирующих форм», отражающих соответственно намерения и истинность.

В общепринятом представлении, в развитии науки о коммуникации большое методологическое значение имели философские парадигмы рациональности, актуальные для конкретного исторического периода. Сегодня философской базой развития этой науки считаются три парадигмы социальной коммуникации.

Парадигма рациональности классического типа сложилась в 1940-х гг., благодаря сторонникам идеологии информационного общества, технологического детерминизма и структурного функционализма. В лоне парадигмы находится позитивистская методология, в основу которой заложен аспект оппозиционности познающего субъекта и познаваемого объекта. Эта научная платформа доказала свою продуктивность

в исследованиях влияния массовой коммуникации на массовое сознание и социальные процессы, а также в выстраивании теорий управления на принципах кибернетики.

Парадигма рациональности неклассического типа сложилась в 1960–70-е гг. в исследованиях социального, благодаря сторонникам феноменологических и социопсихологических подходов, и была основана на интерсубъектном аспекте коммуникации. Здесь коммуникация представляет собой взаимодействие, диалог субъектов в целях согласования позиций, обмена информацией и формирования новых знаний. Парадигма показала свою состоятельность в исследованиях моделей взаимодействия и форм социального партнерства.

Парадигма рациональности постнеклассического типа сложилась в 1980-е гг., во многом благодаря феноменологическим подходам А. Шюца, теоретическим изысканиям И. Гоффмана, а также влиянию таких философов, как Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Дж. Ваттимо, Ж. Лакан, Ж.-Ф. Лиотар и М. Фуко. Парадигма основана на новом типе рациональности и связана с идеями глобальной коммуникации и сетевого общества, теориями, рассматривающими социальные процессы с позиции неравновесных самоорганизующихся систем. Здесь рождаются новые когнитивные подходы, новые диспозиции субъектов и объектов, новые представления о роли сознания, а процессы познания превращаются в процессы конструирования реальности. Коммуникация предстает во всей многомерности своих проявлений и становится предметом полинаучных исследований.

Можно выделить ряд направлений в философии, составивших научный фундамент развития социальной коммуникативистики (см. таблицу).

В общем концептуальном множестве, отражающем различные аспекты социальной коммуникации, наряду с философскими, нашли место многие социальные и гуманитарные научные направления.

Научные основы коммуникационных парадигм

Философское направление	Ведущие представители	Источник
Аналитическая философия	Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Дж. Мур, Дж. Остин, У. Куайн	Философия: энциклопед. словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
Эзистенциализм	К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Г. Марсель	Гуськова А. П., Сотин Б. В. Популярный словарь русского языка: толково-энциклопед. М.: Русский язык — Медиа, 2003. 870 с.
Диалогический персонализм	М. Бубер, Э. Левинас	Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. М.: Мысль, 2000—2001.
Философская герменевтика	Г. Г. Гадамер, Э. Бетти, П. Рикёр, Л. Парейсон, Дж. Ваттимо	
Лингвистический структурализм	Н. Трубецкой, Р. Якобсон	Энциклопедия Кругосвет: универс. науч.-попул. онлайн-энциклопедия (http://www.krugosvet.ru/)
Антропологический структурализм	К. Леви-Стросс, Л. Леви-Брюль	Бутаков А. В. Нормативный структурализм: концептуальные положения: монография. Омск: ОмГУ, 1996. 168 с.
Технологический детерминизм: теория постиндустриального общества	Д. Белл, З. Бжезинский	Новейший философский словарь / Сост. и. гл. науч. ред. А. А. Грицанов. Изд. 3-е, испр. Минск: Книжный Дом, 2003. 1273 с. (Мир энциклопедий).
Структурализм истории	М. Фуко	Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней / Пер. с итал. и под ред. С. А. Мальцевой. Т. 4: От романтизма до наших дней. СПб.: Пневма, 2003. 849 с.: табл.
Структурализм бессознательного	Ж. Лакан	
Эпистемология: научные революции	Т. Кун, С. Тулмин	Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
Эпистемология: критический рационализм	К. Поппер	
Теория символических форм: от философии культуры к философии символизма	Э. Кассирер	Философия: энциклопед. словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
Теория символических форм: семиотические разработки	Ч. Моррис, Ч. Пирс	Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: антология / Сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 129—143. Пирс Ч. С. Логика как семиотика: теория знаков // Метафизические исследования. Вып. 12: Язык. СПб.: Алетейя, 1999. С. 199—217.
Теория коммуникативного действия	Ю. Хабермас	Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns: in 2 bd. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981.

Современная концептуология социальной коммуникации сформирована научными школами, образующими три главных направления ее развития:

- философские концепции — школа персоналистов, экзистенциалистов и постмодернистов;
- социологические концепции — научное течение структурализма, структурного функционализма и интеракционизма;
- психологические и социально-психологические концепции — школа когнитивистов, бихевиористов и представителей психоаналитических и убеждающих подходов.

Учения о социальной коммуникации — на пути перемен. Стремительная смена научных позиций в XX в. обусловлена прежде всего быстрой цивилизационной трансформацией общества — технологическими достижениями в области средств коммуникации, благодаря которым каждый представитель социума выделился из массы и приблизился к глобальной роли актанта. Это явление неизбежно повлекло глубокие структурные преобразования в обществе и соответствующие переоценки основ социальной и гуманитарной наук.

В социологической науке, в глубоких исследованиях Г. Тарда, коммуникация помещена в основу социогенеза, т. е. обуславливает развитие культуры, религии, языка. Такая коммуникация реализуется в многочисленных формах подражания социальным институтам и социальным лидерам. Формулировка Г. Тарда «общество есть подражание, подражание есть особый гипнотизм» получила определенную популярность в среде социологов и социальных психологов.

Концепция неравновесных самоорганизующихся систем получила отражение в работах структурных функционалистов Т. Парсонса и Р. Мертона, причем Т. Парсонс рассматривает социальные системы, проявляющие свойства гомеостаза, воспроизводства и адаптации, а Р. Мертон в массовых коммуникациях видит самоконтролируемые подсистемы, существующие в рамках неких политических форматов.

Герберт Спенсер рассматривает социум в качестве системного сообщества отдельных участников, отношения и взаимодействия которых подчинены трем социальным функциям: осуществление связи общества с окружающей средой, контроль окружающей среды и обеспечение преемственности поколений.

Появлением новых подходов в анализе лингвистических, семиотических, социальных и прочих систем социология коммуникации во многом обязана идеям структурных функционалистов.

В социальной антропологии представители британских и американских исследовательских течений связывают коммуникационную тематику со сферой социальных сетей (Дж. Барнз, Э. Ботт, К. Митчел). Их достижения сосредоточены в основном в области исследования интенсивности социальных взаимодействий, которые в этой сфере признаны как объективно наблюдаемые.

В культурологии исследования сконцентрированы на проблематике массовой коммуникации, в частности на проблемах манипулирования массовым сознанием. Повышенное внимание уделено технологиям, которые использовались тоталитарными режимами XX столетия, и вызвано результатами исследований проблем массовой культуры, представленных широким спектром массовых технологий, работающих на ценностном уровне. Теодор Адорно обличает массовую культуру как социально деструктивную, поскольку ей свойственны «понимающая социология» и внедрение в массовое сознание негативных стереотипов, что в конечном счете приводит к смене системы ценностей.

Массовая коммуникация в концепциях и теориях. По устоявшемуся мнению, у истоков исследований массовой коммуникации стоит М. Вебер — автор теории социального действия и концепции «понимающей социологии». Вебер определял социологическую роль прессы, а именно ее влияние на социальные структуры и на процессы формирования личности. Благодаря его разработкам получили путевку в жизнь

передовые методики анализа прессы, критерии оценки средств и представителей масс-медиа. Примерно в то же время Дж. Мид опубликовал свою версию социальной модели, согласно которой массовая коммуникация есть особое пространство общения коммуникатора и аудитории, в среде которой присходит поиск общих смыслов.

О признании массовой коммуникации как фактора, объединяющего людей в индустриальном обществе, свидетельствует появление концепций *единого среднего класса, народного капитализма, общества благоденствия*. Под влиянием работ Л. Альтюссера и Н. Пулантзаса формируется концепция *гегемонии массовой коммуникации*, акцентирующая значение массовой информации в прямом и косвенном влиянии на общество и власть. Однако здесь неизбежно возникает проблема этики и критериев оценки допустимого влияния.

Теория массового общества. В основе так называемых теорий массового общества лежат отношения «личность — общество», отношения между социальными образованиеми в условиях усиления социальной роли масс. В этом контексте массовые коммуникации предстают как институт, влияющий на мнение общества и власти. В работах Б. Герberта народные массы выступают как коллективные образования, выступающие спонтанно, в процессах социальных перемен. В исследованиях массового общества с позиции социальной коммуникации можно выделить следующие когнитивные подходы:

- рассмотрение особенностей коммуникативных систем;
- выявление зависимости особенностей коммуникативных систем от условий;
- оценка результатов функционирования коммуникативных систем.

При этом массовое общество подлежит рассмотрению в различных аспектах социальной жизни: глобальном, урбанистическом, индустриальном, общественно-потребительском, унификационном и др. Ключевая роль здесь принадлежит, как правило, массовой коммуникации и другим информационным процессам.

Однако теоретическая модель массового общества встретила существенное неприятие со стороны ряда западных школ, в частности, критике подверглись такие присущие ей явления, как отстраненность общества от участия в управлении экономикой, политикой и культурой, господство массовой культуры и средств массовой информации, социальный конформизм и инфантилизм (Ч. Миллс, Д. Рисмен, Э. Фромм).

Попытки реконструирования этой теории получили отражение в работах Х. Арендта, Э. Ледерера, К. Манхайма. Ученые отстаивали идею поднятия ценности общественных прав, в противовес заложенному в исходной теории нивелированию роли социальной личности.

Теория информационного общества. Период 1980-х гг. ознаменовался рождением теории информационного общества, появление которой связывают с феноменом «информационного взрыва», вызванным множественными достижениями в научных исследованиях и создании новых информационных технологий. В этой теории роль информации рассматривалась как ключевая во всех сферах человеческой деятельности. Информационный фактор становится ключевым в развитии экономики, политики, индустрии и социальных отношений в производстве, распределении и потреблении. Производственная стоимость продукта уступает стоимости информационной.

Парадигма информационной природы социальных перемен становится благодатной почвой для рождения концепции *Нового международного информационного и коммуникационного порядка*, акцентирующй значение информации как общественного блага и элиминирующей значение информации как товара. В условиях формирования и развития советской социологической школы понятие массовой коммуникации трактовалось как массовое общение членов общества в социальных макрообразованиях, таких как города, административно-территориальные и государственные образования. Соответствующая этой парадигме теория массовой коммуникации,

несвободная от идеологической нагрузки, утверждала, что массовая коммуникация реализуема исключительно в условиях единства социальных интересов, общности социальных чувств и опыта.

В постсоветский период идею права человека на выбор канала и содержания информации выдвинул Ф. И. Шарков. В разработанной им *теории эгалитарной массовой коммуникации* представлена так называемая модель равных возможностей, в которой помимо права выбора учтено право на трансляцию точек зрения (ограниченное лишь специальными условиями). На этой основе автор теории составил проект *Федеральной комиссии по обеспечению эгалитарности массовых коммуникаций*.

Взрывной характер внедрения компьютерных технологий разделил историю на две эпохи — *до* и *после* появления Интернета. Развитие информационного общества первой эпохи завершается использованием электронной вычислительной техники для создания информации, ее обработки и хранения, во вторую эпоху глобальная информационная система обеспечивает неограниченный доступ к мировым информационным ресурсам. Сегодня глобальная система Интернет представляет собой суперинтеллект и проявляет способность к самоорганизации и развитию.

Характерное для второй половины XX в. ускорение научных исследований и разработок в сфере высоких технологий повлекло за собой приток новых идей в различные области знаний, что способствовало возникновению новых направлений, позиционирующих себя как коммуникационные, например направлений, изучающих коммуникацию в психологии (в сфере межличностного), в маркетинге и рекламе, менеджменте и сфере общественных связей. Появились новые подходы в проблематике «диалог — полилог» в исследованиях социальных отношений, прежде всего в сферах мультикультурализма и социальной толерантности. В этих исследованиях сфера понятия «коммуникация» расширяется, а коммуникация рассматривается в качестве

трансакции, в которой участники могут влиять на течение процесса, вносить отношенческий и содержательный смысл через совмещение своего опыта. Здесь каждый участник выполняет функции инициента и реципиента, взаимодействуя одновременно в аспектах настоящего, прошедшего и будущего.

Редактор «Международной энциклопедии по коммуникации» Э. Барнув, слова которого часто цитируются, подчеркнул центральную роль коммуникации в истории человечества, тем самым обосновывая стремление различных научных школ объяснить этот процесс и дать начало новым направлениям коммуникативистики [4, гл. 10].

Основываясь на подобных убеждениях, науку о коммуникации сегодня уже можно считать междисциплинарной, однако для познания ее сути необходима обобщающая концепция, дающая новые представления. Такая концепция увенчает собой долгий путь к метаорионии коммуникации.

В крупном учебном пособии «Общая теория социальной коммуникации» [4] А. В. Соколов отрицает возможность создания теории коммуникации через суммирование знаний из прочих научных дисциплин. Он признает только творческое обобщение, т. е. анализ и синтез, дающие новое знание.

В середине 2000-х гг. В. А. Жебит публикует монографию о *теории нелинейной коммуникации* [5], в которой обосновывает новую энергоинформационную парадигму коммуникации, не связанную с действовавшими ранее теориями. В этой и последующих его работах коммуникация рассматривается на уровне энергоинформационных взаимодействий, что позволяет дать новое представление о коммуникативных процессах, общих для естественных, социальных и гуманитарных наук.

В свою очередь И. П. Яковлев отмечает парадоксальность ситуации, когда коммуникация является и объектом, и предметом исследований, когда есть теории коммуникации и соответствующая отрасль знания, а науки как таковой нет [6]. По его мнению,

такой наукой должна стать коммуникология, изучающая место, роль и процессы коммуникации в обществе.

В научных трудах М. А. Василик также утверждает: несмотря на то что коммуникационные процессы рассматриваются уже в глобальных масштабах и возрастает число публикаций по этой тематике, приходится признать, что науки о коммуникации до сих пор не существует. В его понимании теория коммуникации, коммуникология и мета-теория — по сути не одно и то же, поэтому для окончательного оформления коммуникативистики как науки следует решить ряд задач, что позволит сделать конструкцию этой отрасли знания законченной. Можно перечислить эти задачи, перефразируя мысли ученого:

- раскрытие коммуникативной основы социальной реальности;
- раскрытие механизмов коммуникативного взаимодействия в различных социальных образованиях;
- определение содержания понятия «коммуникативная система», а также динамических свойств коммуникативной системы;
- определение места и роли коммуникации в социуме;
- определение коммуникативных систем в социуме [7].

Оценивая ретроспективу достижений XX в. в области социальной коммуникации, можно заключить, что коммуникационная проблематика не только активно разрабатывалась, но и стала частью ряда общественных наук, являющихся фундаментальными. К ним можно присовокупить ряд прикладных направлений, таких как журналистика, реклама и связи с общественностью, маркетинг и менеджмент, имеющих, в свою очередь, разветвленный перечень специализаций.

Сегодня в некоторых публикациях уже имеют место первые наброски основ мета-теории социальной коммуникации. Например, выдвигаются версии, исходящие из доминирования коммуникации в образовании языка, предполагающие формирование

личности, социальное и духовное воспитание, формирование социальных общностей. Тем не менее до настоящего времени социальная коммуникативистика является собой достаточно фрагментарную картину. В связи с этим, учитывая концептуальное многообразие, есть основание предположить, что путь формирования метапарадигмы посредством поиска общих механизмов в соответствующих теориях обречен на бесконечный перебор вариантов, в котором будет утерян смысл социальной коммуникации. Наиболее продуктивным видится путь более глубокого проникновения в системную суть феномена коммуникации и поиска более весомых закономерностей в социальных процессах, выходящих за пределы линейных представлений.

Литература

1. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1: Социальная аналитика. Пг.: Колос, 1920. Ч. 1. XIV, [1], 360 с. Ч. 2. 463 с.
2. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1993. № 4. С. 43—63.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знаний. М.: Academia-Центр: Медиум, 1995. 323 с. (Первые публикации в России).
4. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. 461 с.: рис., табл.
5. Жебит В. А. Теория коммуникации. Нелинейная коммуникация. М.: Грошев Дизайн, 2005. 200 с.
6. Яковлев И. П. О коммуникологии как науке о коммуникационных процессах // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 1999. № 3. С. 212—214.
7. Василик М. А. К проблеме теоретической идентификации // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 4—11.

Поступила 18.04.2018

Песоцкий Владислав Анатольевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10а), vlad2008@yandex.ru

Жебит Владимир Александрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Отделения научной информации по проблемам энергетики и металлургии

Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук (ВИНИТИ РАН) (Россия, 125190, г. Москва, А-190, ул. Усievича, д. 20), zhebit@rambler.ru

References

1. Sorokin P. A. Sistema sotsiologii. T. 1, Sotsial'naya analitika (System of Sociology. Vol. 1, Social Analytics), Pg., Kolos, 1920, Part 1, xiv, 1, 360 p. Part 2, 463 p.
2. Khabermas Yu. (Habermas J.) Teoriya kommunikativnogo deistviya (Theory of Communicative Action), *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 7 Filosofiya*, 1993, No. 4, pp. 43–63.
3. Berger P., Lukman T. (Luckmann T.) Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znanii (The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge), M., Academia-Tsentr, Medium, 1995, 323 p., Pervye publikatsii v Rossii.
4. Sokolov A. V. Obschchaya teoriya sotsial'noi kommunikatsii (General Theory of Social Communication), SPb., Izd-vo Mikhailova V. A., 2002, 461 p., ris., tabl.
5. Zhebit V. A. Teoriya kommunikatsii. Nelineinaya kommunikatsiya (Theory of Communication. Nonlinear Communication), M., Groshev Dizain, 2005, 200 p.

6. Yakovlev I. P. O kommunikologii kak naуke o kommunikatsionnykh protsessakh (On Communicology as the Science of Communication Processes), *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 18 Sotsiologiya i politologiya*, 1999, No. 3, pp. 212–214.

7. Vasilik M. A. K probleme teoretycheskoi identifikatsii (To the Problem of Theoretical Identification), *Akтуальные проблемы теории коммуникации*, sb. nauch. tr., SPb., Izd-vo SPbGPU, 2004, pp. 4–11.

Submitted 18.04.2018

Pesotsky Vladislav A., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Philosophy Chair, Moscow Region State University (105005 Russia, Moscow, Radio str., 10A), vlad2008@yandex.ru

Zhebit Vladimir A., Candidate of Psychological Sciences, senior researcher at Department of Scientific Information on Energy and Metallurgy, All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences (20, Usievich Street, Moscow, 125190, Russia), zhebit@rambler.ru

Информационная культура в контексте социокультурной динамики

T. V. Попова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

ms.popova.tatiana@mail.ru

Обосновывается необходимость в условиях всевозрастающей роли информационно-коммуникативных технологий использовать информационный подход к анализу динамики культуры. Информационная культура рассматривается как новый переходный тип культуры, этап социокультурной эволюции, отличительная особенность которого — качественно новый уровень обработки, передачи и хранения информации. Утверждается, что характерный для данного этапа уровень производства и потребления информации может стать фундаментом качественного изменения существования людей, открывающего перспективу освобождения от жестких рамок традиционно-культурного и биологического характера.

Ключевые слова: информационная культура; информационно-коммуникативные технологии; информационный подход; информационное общество; социальная эволюция; социокультурная динамика.

Information Culture in the Light of Socio-Cultural Dynamics

T. V. Popova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

ms.popova.tatiana@mail.ru

The author proves the necessity to use, in the context of increasingly important role of information and communication technologies, the information approach to the analysis of the dynamics of culture. The author considers information culture as a new transitional type of culture, a stage of socio-cultural evolution, characterized by qualitatively new level of information processing, transmission and storage. The author has affirmed that level of information production and consumption peculiar for this stage might become the foundation for a qualitative change in human existence, opening a prospect to get free from the rigid framework of traditional cultural and biological nature.

Keywords: information culture; information and communication technologies; information approach; information society; social evolution; socio-cultural dynamics.

Проблемы социальной и культурной динамики в современном обществе носят ярко выраженный информационный характер. Поскольку биологическая природа человека остается почти неизменной, а культурная среда, включая сами фильтры культурного

восприятия, под влиянием информационных технологий трансформируется гигантскими темпами, становятся очевидными трудности соответствия информационной культуры биологическим особенностям и возможностям людей. Этап приспособления к новому

состоянию, как любой переходный период, проходит весьма болезненно. В связи с этим предпринимаются попытки в полной мере осознать то, современниками чего мы оказались, и формируются различные точки зрения, вплоть до противоположных. Ряд исследователей убеждены в неизбежности культурной деградации под натиском современных технологий. Другие уверены, что мы наблюдаем естественные процессы социальной эволюции и прогресс приведет к новому более совершенному взаимодействию человека и машины. Есть и те, кто убежден в неизбежности технологического улучшения самой природы человека. Но все согласны в том, что реальность, в которой обитает современный человек, представляет собой информационное пространство, в котором информационные технологии переросли роль механизма передачи информации и стали культурообразующим фактором. Ввиду этого на позиции ведущего метода анализа изменений, трансформации культуры выдвигается информационный подход, а в качестве предмета изучения выбирается специфика информационной культуры и информационные аспекты динамики культуры.

Сегодня пристальное внимание всего научного сообщества к особенностям и темпам социокультурных изменений в условиях информационно-технологического взрыва объясняется тем, что современный уровень знаний о людях и об обществе, определяемом как постиндустриальное, информационное, находится на стыках наук и поиск их невозможен без междисциплинарных усилий. Подтверждением этому служит появление новых дисциплин, предмет которых — современные культурные процессы. Одна из них — информационная культурология, изучающая феномен культуры, социокультурную эволюцию и развитие информационной культуры общества на основе концепции информации и информационного подхода [1].

Говоря о появлении нового типа культуры — информационной, — имеют в виду образ жизни и ценности информационного общества, в котором развитые информационно-телекоммуникационные технологии

позволяют эффективно использовать интеллектуальные ресурсы. Для общества это означает прогрессивное развитие по устойчивой траектории. Для отдельного индивида — готовность к освоению ценностей и возможностей этого общества.

В широком смысле информационная культура представляет собой очередной этап развития человечества, его переход на качественно новый уровень обработки, передачи и хранения информации. Этот этап характеризует новая модель мышления: всё воспринимается как информация. Сама жизнь — это информация, передающаяся генетически, по Р. Докинзу. Эволюция — постоянный обмен информацией между организмом и окружающей средой. В эволюции культуры выявляются информационные единицы — мемы, культурные аналогии генов, ведущие себя как вирусы. Именно информация, по В. Левенстайну, является принципом организации и точным измерением всего космического порядка. Таким образом, сегодня информация понимается как всеобщий атрибут, свойство материи и коммуникация. Коллективная способность человечества накапливать и обрабатывать информацию, фиксировать ее в материю путем создания предметов и различных ноу-хау, передающих конкретные знания, позволяет людям все более качественно моделировать реальность и решать задачи адаптации. Возможность создавать надбиологическую информационную систему собственно и является культурой, видовой особенностью людей и человеческим способом жизни.

Еще Г. Маклюэн указал на то, что качественные сдвиги в истории человечества связаны с появлением новых средств и способов передачи информации. Каждый более эффективный способ рождает более сложную и разнообразную культурную систему. Первоначальный словесный вариант передачи информации был характерен для большей части существования человеческого сообщества и далек от точности. Информация хранилась в обычаях и традициях, накапливалась, исчезала и искалась незаметно для ее носителей. Мышление было образным и чувственным,

сознание в мифологической форме с трудом фиксировало закономерности окружающей действительности, которые воспринимались, «переживались» целостно, пралогически (в терминологии Л. Леви-Брюля).

Более точная фиксация и больше возможностей для накопления информации появились с возникновением письменности. Несовершенство сложившихся культурных кодов, знаковых систем и способность индивида, сформированного в определенном культурном контексте, к восприятию и пониманию ограничивали эти возможности. Но вместе с тем возникли изобилие интерпретаций, множественность объяснительных моделей. Алфавит стал первой базовой технологией для хранения, использования и передачи информации. Более детальное фиксирование мысли создало ментальную основу для абстрактного мышления, для появления не только практического, но и теоретического знания. Затем актуализировалась задача приблизить абстрактно-теоретическую модель действительности к природной реальности, в связи с чем для фиксирования информации потребовался еще более точный язык. Манипулировать абстракциями позволило математическое кодирование. Его изобретение стало прорывом, резко ускорившим темпы развития науки и накопления знаний, систематизированных по отраслям и доступных для тиражирования. Стало возможным представить непредставимое с помощью символов и оперировать этими символами в мышлении. Появились новые технологии — телеграфная и телефонная связь, были изобретены калькулятор и, наконец, компьютер — и каждый новый носитель информации воздействовал на человеческое мышление и мировосприятие. После того как в 1948 г. К. Шенон в статье «Математическая теория связи» положил начало теории информации и открыл возможность исчислять мир символических абстракций в битах, информацию обнаружили везде, даже в чрезмерном количестве, и изменения стали происходить слишком быстро.

Уже с середины 1990-х гг., когда информационная индустрия добилась высоких конкурентных позиций, информационные технологии стали одним из факторов влияния на поведенческие модели людей. Они окружают современного человека почти с самого рождения и могут быть использованы в целях программирования его поведения. В дополнение к «второй природе» человек, благодаря культурному достраиванию, своей способности организовать язык и мышление, передавать информацию экзогенно, внебиологическим способом, создал «третью», информационно-технологическую. Информационная культура стала главной отличительной чертой переживаемого момента. В предыдущие эпохи человек формировался в традиционных рамках культурного принуждения. Сегодня он стал субъектом информационных процессов, а информационная культура — его способом выживания. Современный человек способен не только кодировать информацию и представлять ее в форме рисунков и слов, не только создавать для этого предметы, расширяющие его возможности (например, ручку или телефон). Появилась среда, благодаря которой часто даже не нужно создавать материальный предмет, достаточно его виртуальной модели. Более того, люди оказались не единственными обладателями способности обрабатывать информацию и порождать новый физический порядок, используя входящие информационные потоки: в этом отношении с ними начинают конкурировать машины. Постепенно мы передали им многие виды физической работы — и индустриальная культура привела к подъему экономики и беспрецедентному повышению уровня жизни. Сегодня у нас есть возможность автоматизировать и умственный труд. Мы — свидетели и участники процессов формирования сетей из людей и машин. Трудно предсказать, может ли это привести к расширению нашей способности мыслить, кодируя информацию в материи, т. е. искусственному усовершенствованию человека, или окажется тупиковым путем, гибельным для цивилизации. Некоторые исследователи, сторонники трансгуманизма,

считают, что слияние биологического с технологическим можно рассматривать как естественный этап продолжающейся эволюции природы.

Еще в начале XX в. П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа выдвинули идею о том, что человечество призвано и уже готово к созданию сферы разума, ноосферы — и тем самым к переходу на высший этап в истории эволюции, когда разум человека осознает ответственность за ее ход. Современные последователи этих мыслителей, исследуя информационную культуру, отмечают в ней все большее отдаление от «низшего» биологического уровня природы и стремление к новому, более совершенному в информационном плане. Так, российский культуролог А. С. Дриккер утверждает: «Хотя наследие культуры вполне материально, через сотню-другую тысяч лет даже египетские пирамиды обратятся в прах. Драгоценную суть этого наследия сегодня можно определить как расширение ноосферы или (конкретнее и скромнее) как информационное обогащение, посредством которого человек отходит от природного, органического мира и движется, хотя и мизерными шагами, к миру иному» [2, с. 34]. Дриккер называет непрерывную аккумуляцию опыта и информации, т. е. постоянное усложнение, главной характеристикой эволюционного процесса и для анализа социокультурной эволюции вводит понятие «информационный отбор», представляя его в качестве эффективного механизма развития культуры [2]. Отдельные культуры выживают и эволюционируют благодаря наращиванию скорости переработки и количества накопленной информации. Это и есть главный критерий социокультурного отбора. Культурная информация на различных этапах социокультурного развития преимущественно передавалась через вертикальный канал (от предков к потомкам), обеспечивая сохранность фенотипа и передавая знания и опыт от старшего поколения непосредственно к младшему. Носителем информации выступал человек, его физиологические особенности накладывали ограничения на ее получение, хранение и обработку, поэтому информационный

отбор стимулировал экстенсивный рост человечества, количественное увеличение носителей. Но когда накопление культурной информации привело к тому, что вертикальный канал перестал справляться со своей задачей, появился новый тип носителей информации (машинный). С одной стороны, он дает возможность интеграции всего культурного опыта, с другой, этот опыт недоступен для человека без структуризации и формализации. Преобладающим становится горизонтальный канал, который обеспечивает ускоренную адаптацию индивида к социуму тем, что дает возможность отказаться от традиционной социализации и усваивать формализованные знания, а функцию первичной обработки информации передать машине. Переход от преобладания вертикального канала к доминированию горизонтального свидетельствует о «глобальной переориентации культуры», о ее переходе в новый цикл, когда информационное ускорение обеспечивается принципиально новыми (информационно-технологическими) способами. На современном этапе развития культуры, подчеркивает Дриккер, процессы информационного обогащения идут уже не «мизерными шагами»: информационное ускорение продолжает нарастать и приводит к стремительным сдвигам, происходящим сегодня в течение «всего лишь одного-двух десятилетий» [3, с. 38]. Таким образом, социокультурное развитие происходит благодаря информационному ускорению и в дальнейшем будет реализовываться путем повышения интегративности знания и эффективности его трансляции.

Кроме того, основываясь на видении культуры как информационно-семантического феномена, отечественные исследователи К. К. Колин и А. Д. Урсул утверждают, что в результате социокультурного развития формируется «ноосферный интеллект», который станет новой формой общественного сознания, объединившей машинный интеллект и интеллектуальные ресурсы человечества [4]. При таком подходе становление информационной культуры также видится новым этапом мирового развития,

глобальной эволюции, который позволяет порождать и обрабатывать всевозрастающее количество информации и экономить вещественно-энергетические ресурсы.

Отметим, что эти выводы ученых ежедневно подтверждаются публикациями в новостных изданиях, ярко иллюстрирующими намерение человечества создать самую мощную форму интеллекта, в частности, даже перестроить человеческий организм с помощью технологий, а не просто расширить его возможности, работая совместно с машинным интеллектом. Создание нейрокомпьютерного интерфейса и имплантация микрочипа в мозг для улучшения умственных способностей представляется задачей ближайшего будущего, и подходы к ее решению уже дают конкретные результаты: на конференции разработчиков F8 продемонстрирован видеоролик из социальной сети «Фейсбук» о пациентке с боковым амиотрофическим склерозом, которая печатает при помощи мозговых сигналов. Компания *Kernel* изучает способы имплантации чипов в головы пациентов с болезнями Паркинсона и Альцгеймера с целью восстановить утраченные способности путем перепрограммирования нейронных сетей мозга. Владелец компании Брайан Джонсон убежден, что граница человеческих держаний уже простирается в область изменения мозга, и уверен, что ему вскоре удастся внедрить технологию нейронной стимуляции мозга здоровых людей. По словам Джонсона, он чувствует себя «невероятно ограниченным» в «текущей конфигурации», поскольку ему недостаточно своей обычной способности воспринимать и обрабатывать информацию, помнить и думать о ней. К недостаткам человеческой природы он относит и то, что люди могут представлять себе только те вещи, с которыми знакомы, и соответственно не в состоянии размышлять о незнакомых. А поскольку человечество всегда стремилось улучшить себя, полагает Джонсон, технологическое усовершенствование мозга находится в пределах нашей привычной эволюции¹.

Опираясь на последние исследования в области нейробиологии и физики, футуролог М. Кацу заявляет: «...Мы достигли максимального естественного уровня интеллекта, и любые улучшения теперь должны опираться на внешние источники» [5, с. 230]. Это означает, что современная культура, уже сегодня дающая индивиду возможность «подстегивать свой мозг», а в обозримом будущем — менять или перестраивать его, ставит перед конкретным человеком и всем обществом новую проблему: разделения на тех, кто захочет модифицировать себя, повысив интеллект, и тех, кто откажется. Такая перспектива придает особую значимость современной электронной культуре, позволяющей и чрезвычайно обогатить интеллект, и крайне упростить его. Она становится фактором, способным определить дальнейшую судьбу цивилизации. Характерный для нее уровень производства и потребления информации может стать фундаментом качественного изменения существования людей, несущим освобождение от жестких рамок традиционно-культурного и биологического характера, но может и аннулировать преимущественное право человеческого рода моделировать будущее — упростить человека, если он не сумеет ответить на информационно-коммуникативный вызов.

Как видим, на глобально-эволюционном уровне информационная культура предстает не чем иным, как следующим (переходным к более совершенному) этапом развития способности нашего вида обрабатывать и порождать информацию.

На уровне отдельного индивида информационная культура выступает условием социализации личности и дает ей возможность эффективной коммуникации в киберпространстве. Отсюда сформированность информационной культуры личности становится ее базовой характеристикой, главным качеством человека в современной культурной ситуации. Информационная культура человека складывается из его умения организовывать свое коммуникативное пространство и из достигнутого им уровня

¹ Levy S. “Why You Will One Day Have a Chip in Your Brain | Backchannel”. *Wired*, Condé Nast, 10 July 2017, www.wired.com/story/why-you-will-one-day-have-a-chip-in-your-brain/ (accessed: 30.05.3018).

работы с информацией — навыков ее поиска, обработки, использования и создания. В литературе выделяются две составляющие информационной культуры: электронная (отражающая способность ориентироваться в электронных версиях всего и вся) и сетевая (культура контактов, носящих сетевой характер). К ним добавляется отмеченный выше серьезный вызов со стороны технологической возможности менять уровни восприятия и обработки информации индивидов путем снятия биологических ограничений. Этим обусловлена для современного человека насущная необходимость решения сложнейших задач:

1) обретения навыка понимания коммуникативной ситуации в зависимости от видов и способов коммуникации (Г. Бейтсон [6] указывает на необходимость умения различать виды коммуникации, переключаться с одного на другой, обосновывая это спецификой сетевой организации, в которой способы коммуникаций постоянно сменяют друг друга);

2) образовательной — связанной с нахождением путей сделать себя адекватным создателем и потребителем информации в условиях неприменимости прежних, сформированных в другой культурной среде способов организации информации и получения знаний;

3) выработки своей жизненной стратегии с учетом возможности переустройства организма с помощью технологий.

Итак, поскольку информационно-коммуникативные технологии кардинально изменили и продолжают менять культурный ландшафт, решение названных задач представляется нам единственной возможной для индивида адекватной линией поведения в сложившихся обстоятельствах.

Литература

1. Колин К. К., Урсул А. Д. Информационная культурология: предмет и задачи нового научного направления. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. 249 с. (LAP).
2. Дриkker А. С. «Энергетика» художественного воздействия // Человек. 2006. № 6. С. 21—34.
3. Дриkker А. С. Информационная матрица социокультурной эволюции // Человек. 2013. № 2. С. 32—47.
4. Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура: введение в информационную культурологию:

монография. М.: Стратегические приоритеты, 2015. 288 с.

5. Каку М. Будущее разума = Future of the mind / Пер. с англ.: Н. Лисова. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 502 с.

6. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии / Пер. с англ. и предисл. Д. Я. Федотова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: URSS: КомКнига, 2005. 245 с. (Культовый интеллектуальный бестселлер).

7. Дриkker А. С. Эволюция культуры: информационный отбор: монография. СПб.: Акад. проект, 2000. 180 с.

Поступила 10.05.2018

Попова Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, государства и права Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), *ms.popova.tatiana@mail.ru*

References

1. Kolin K. K., Ursul A. D. *Informatsionnaya kul'turologiya: predmet i zadachi novogo nauchnogo napravleniya* (Information Cultural Studies: Subject and Tasks of New Scientific Field), Saarbrücken, LAMBERT Academic Publishing, 2011, 249 p., LAP.
2. Drikker A. S. “Energetika” khudozhestvennogo vozdeistviya (The Energy Balance of the Art Impact), *Chelovek*, 2006, No. 6, pp. 21—34.
3. Drikker A. S. *Informatsionnaya matritsa sotsiokul'turnoi evolyutsii* (Information Matrix of Sociocultural Evolution), *Chelovek*, 2013, No. 2, pp. 32—47.
4. Kolin K. K., Ursul A. D. *Informatsiya i kul'tura: vvedenie v informatsionnyu kul'turologiyu* (Information and Culture: Introduction to Information Cultural Studies), monografiya, M., Strategicheskie prioritety, 2015, 288 p.
5. Kaku M. *Budushchee razuma* (The Future of the Mind), Per. s angl. N. Lisova, 2-е изд., M., Al'pina non-fikshn, 2017, 502 p.
6. Beitson G. (Bateson G.) *Shagi v napravlenii ekologii razuma: izbrannye stat'i po teorii evolyutsii i epistemologii* (Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology), Per. с angl. и предисл. D. Ya. Fedotova, Изд. 2-е, испр. и доп., M., URSS, KomKniga, 2005, 245 p., Kul'tovyi intellektual'nyi bestseller.
7. Drikker A. S. *Evolyutsiya kul'tury: informatsionnyi otbor* (Evolution of Culture: Informational Selection), monografiya, SPb., Akad. proekt, 2000, 180 p.

Submitted 10.05.2018

Popova Tatiana V., candidate of historical sciences, associate professor of Russian History, State and Law Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), *ms.popova.tatiana@mail.ru*

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ:
ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА
PEDAGOGICAL REFERENCE SYSTEM:
EDUCATION, UPBRINGING, PERSONAL GROWTH**

УДК 37.012.4:070(091) + 378

DOI: 10.24151/2409-1073-2018-2-147-153

**Глобализация: интеграция средств массовой информации
и коммуникации и потребности студентов**

Л. В. Мрочко¹, О. Г. Мрочко², Т. Г. Яковчук³

¹ *Московский гуманитарный университет, Москва, Россия*

² *Московская государственная академия водного транспорта — филиал
Государственного университета морского и речного флота им. адмирала
С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия*

³ *Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия*

dr.discussion@yandex.ru

Рассматриваются позиции ученых в понимании феномена глобализации. Анализируются основные социокультурные черты глобализации, определяющие связь глобализации с информатизацией. Раскрывается значимость информационно-коммуникационных технологий как инструментов развития цивилизации. Классифицируются социокультурные функции средств массовой информации и исследуются мотивы обращения студенческой молодежной аудитории к каналам массовой информации. Делается попытка ответить на вопрос, удовлетворяют ли средства массовой информации и коммуникации информационным запросам студентов.

Ключевые слова: глобализация; функции СМИ; средства массовой коммуникации; студенческая молодежь; информационные потребности.

Globalization: Mass-Media Communications and Students' Needs

L. V. Mrochko¹, O. G. Mrochko², T. G. Yakovchuk³

¹ *Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia*

² *Moscow State Academy of Water Transport, a branch of Admiral Makarov State University
of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russia*

³ *Moscow University of Industry and Finance (Synergy University), Moscow, Russia*

dr.discussion@yandex.ru

The authors consider various scientists' attitude towards understanding of the concept of globalization. They analyze the globalization's main sociocultural features determining its connection with the informatization. The authors have revealed the significance of information and communication technologies

as civilization development tools, have classified sociocultural functions of mass media and have investigated motives of student youth audience addressing to the mass media channels. They did attempt to find out whether mass-media communications satisfy the students' information requests.

Keywords: globalization; mass media functions; student youth; information needs and interests.

Глобализация конца XX в. затронула в той или иной степени все страны мира, иными словами, это явление получило мировой резонанс. Новое понятие глобализации распространилось в научной и политической литературе довольно широко. Появление термина «глобализация» связывается с именем американского социолога Р. Робертсона, который понимал под глобализацией возрастающее воздействие множества факторов, имеющих международное значение, на социальную жизнь каждой отдельно взятой страны. Отечественные и зарубежные ученые, представляющие различные области науки, пытаются найти объяснение феномену глобализации. Многие из них отмечают неопределенность термина «глобализация», поэтому до сих пор нет единого мнения по вопросу о том, является ли глобализация продолжением предшествующих этапов развития цивилизации или представляет собой новый этап, не имеющий аналогов в прошлом, т. е. полный разрыв с прошлым [1].

Предметом оживленных дебатов служат вопросы: 1) что такое глобализация? 2) когда она началась? 3) как она соотносится с политическими, экономическими, социальными, культурными и другими процессами? 4) каковы прогнозы относительно ее перспектив [2]? Как правило, ученые-историки рассматривают глобализацию как следующий этап развития постиндустриального общества; экономисты связывают глобализацию с деятельностью транснациональных корпораций; политологи указывают на дальнейшее развитие демократических институтов; культурологи объединяют появление глобализации с распространением массовой культуры [3]. Полагаем, что все эти позиции так или иначе отражают сущность глобализации: усиление взаимозависимости, взаимодействия, взаимопроникновения и взаимообусловленности

экономических, политических, правовых, идеологических, культурных компонентов мирового сообщества. Сегодня основополагающей характеристикой глобализации является тенденция возрастания процессов взаимосвязи и взаимообусловленности объектов и явлений, причем главное — в обусловленности этих процессов развитием информационно-коммуникационных технологий, становлением новой социальной формации — информационного общества. В этом плане интересное определение глобализации дает социологический словарь: «Глобализация — процесс интеграции человечества и сфер его деятельности в ходе эволюции в информационную эпоху» [4].

Со второй половины 1980-х гг. процессы глобализации в экономике, политике и культуре приобрели под воздействием информационных технологий и телекоммуникаций качественно новый характер. Значительные изменения произошли во всех сферах жизнедеятельности современного общества.

Проанализируем основные черты глобализации и рассмотрим глобализацию с социокультурной позиции. В условиях глобализации «противоречия, риски и проблемы нарастают, преобразовываются в неопределенных направлениях. В связи с этим изменяются экономические, политические, социальные и культурные основы общества» [5; 6]. Итак, глобализация представляет собой два взаимосвязанных явления: с одной стороны, интеграцию, универсализацию ценностей различных культур, с другой — дифференциацию, фрагментацию социокультурного пространства разных стран. Не подлежит никакому сомнению, что глобализация «связана с мировыми экономическими процессами, однако она в значительной мере затрагивает культурную сферу общества и ведет к кризису культуры» [7, с. 144]. Как точно определяет

С. А. Храпов, «процесс глобализации ведет к пересмотру традиционных ценностей и сложившихся норм, к так называемому “взламыванию” культурных систем, что ведет к целому ряду негативных последствий: потере ориентиров в историческом пространстве, утрате идеалов, смысла бытия, межличностным конфликтам, росту бесконечного потребления» [8, с. 754]. Будем придерживаться мнения, что глобализация является особым социокультурным феноменом и что факторы развития медиаструктуры, выделяемые сегодня учеными, способствуют возникновению этого феномена. Перечислим их: увеличение числа транснациональных медиакорпораций; медиаэкспансия со стороны развитых стран мира, грубое вторжение в более или менее самодостаточную, а порой и самоизолированную культуру народов «незападной» ориентации, а именно интеллектуальную и гуманитарную, и, как результат, противостояние цивилизаций.

Вместе с тем новейшие медиатехнологии дают возможность небольшим по численности творческим группам организовывать всемирные по масштабу проекты в таких сферах, как торговля, культура, искусство, образование. Несколько человек могут создать разветвленные сайты дистанционного обучения в сети Интернет, информационные банки данных, гигантские виртуальные энциклопедии. Появляются новые социокультурные возможности, благодаря которым «диалог культур» делается насыщенным и плодотворным. Таким образом формируется глобальное общество, в котором нет никаких географических и политических границ. Несомненно одно: глобализация в конце XX — начале XXI в. прямо связана с информатизацией — с разработкой и внедрением информационно-коммуникационных технологий, что обуславливает стремительное развитие информационного общества, а значит, и системы массовой коммуникации.

Раскроем смысл отдельных аспектов системы массовой коммуникации и расшифруем их аббревиатуру. В советский период в профессиональной журналистике вполне

объяснимым было употребление термина «средства массовой пропаганды». Затем появился термин «средства массовой информации» (СМИ), обозначающий печать, телевидение, радиовещание и впоследствии Интернет, и термин «средства массовой коммуникации» (СМК), а именно средства связи и общения. Оба термина существовали отдельно и как бы независимо друг от друга: СМИ — в теории массовой информации и журналистике, СМК — в теории массовой коммуникации.

Сегодня аббревиатурой СМК мы обозначаем систему массовой коммуникации, к которой могут быть отнесены: все СМИ; технические каналы создания и распространения массовой информации (ТСК), а именно проводная и мобильная связь, электронная почта и др.; средства массового воздействия (СМВ) — театр, литература, кино и др.; инструменты и формы публичной передачи информации — лекция, конференция, собрание, митинг и др. Таким образом, СМИ является подсистемой, структурным элементом СМК.

Рассуждения о том, что в условиях широкого распространения Интернета такие СМИ, как радио и печатная пресса (газеты, журналы), постепенно будут вымирать, нельзя воспринимать всерьез. Интересное мнение высказал главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» А. Венедиктов: «Радио, как и газеты, никогда не умрет, потому что радио — это наиболее доступное средство массовой информации... Но это не значит, что мы не приспосабливаемся к новым запросам аудитории. Медиа сегодня становятся все более индивидуальными — возьмите те же соцсети. *И радио как средство массовой информации постепенно, на мой взгляд, перетекает в средство массовой коммуникации*». Отметим, что не только радио, но и телевидение, на наш взгляд, также приобретает функцию средства массовой коммуникации [9]. Учитывая эту тенденцию, радиостанция «Эхо Москвы» запустила проекточных программ «Один». Ведущий программы соединяет людей в прямом эфире: с позвонившим

может поговорить каждый из слушателей. Принцип прост и основан на том, что радиослушателям нужна не столько информация (ее они получают в Интернете), сколько мнение, позиция уважаемых людей, а также возможность общаться с ними не выходя из квартиры. Программы для голосового общения идут в ногу со временем, поскольку в них участвует одновременно несколько сот тысяч человек.

Аналогичный принцип используется и в телевизионных программах. Телезрители могут задать вопрос, позвонить в студию, прислать SMS-сообщение и т. п. Это уже элементы прямой коммуникации. Поэтому предложим условно объединить две аббревиатуры СМИ и СМК, изначально обозначающие термины разных теорий, в одну аббревиатуру СМИиК (средства массовой информации и коммуникации) и назовем еще несколько причин слияния этих терминов.

Сегодня понятие «информация» расширилось до общенаучной категории, вошло в теоретическую базу всех отраслей науки, включая теории массовой коммуникации и массовой информации. Как известно, в основе функционирования любой коммуникации как вида связи между субъектом (источником) и объектом (потребителем) лежит информация. Коммуникация — это производство, распространение (передача) и потребление (восприятие) информации. Каждый тип коммуникации отличается спецификой информации, например, техническая, биологическая, генетическая информация. В теориях массовой коммуникации и массовой информации, в журналистике и других смежных дисциплинах это информация, адресованная массовой аудитории и переданная посредством СМИ. Информатизация технологий СМИ и средств массовой коммуникации не только разнообразила формы и приемы их связи с массовой аудиторией, но и привела к их слиянию с точки зрения функциональности. Считаем, что сегодня телевидение, радио и Интернет одновременно можно отнести и к средствам информации, и к средствам коммуникации (СМИиК).

Как сложный социальный объект система массовой коммуникации находится в постоянной взаимосвязи и взаимодействии с другими структурными элементами социальной системы. Но СМИиК не являются беспристрастным фиксатором социальных событий ни в политическом, ни в социальном, ни в духовном плане. В специальных СМИ отбирается наиболее актуальная и злободневная информация, отражающая основные тенденции современного развития социума. В научных СМИ любая сложившаяся в обществе ситуация подвергается анализу и научной оценке в соответствии с определенными, в том числе нравственными, требованиями.

В информационном обществе к функционированию системы массовой коммуникации предъявляются новые требования: интерактивность, т. е. установление прямой и обратной связи с аудиторией; коммуникация в пространстве и времени без ограничения; персонификация сообщений, т. е. индивидуализация и адресность; создание репутационного потенциала СМИиК, формирование доверия конкретной аудитории; технологичность, универсальность и наглядность информационного продукта; доступность и понятность информации и др.

Внедрение информационных технологий предопределило возрастание роли СМИиК, особенно Интернета и Всемирной паутины, в углублении социальных связей в обществе. Значительную часть современного социума по объему потребляемой информации и активности составляет студенческая аудитория. Определим ее информационные потребности и интересы.

Проведенные нами исследования показали, что студенты довольно много времени уделяют сети Интернет. На вопрос «каким интернет-контентам вы отдаете предпочтение?» получены следующие ответы: интересуются новостным контентом 48,7 % студентов; общаются в социальных сетях, на форумах, в чатах и мессенджерах 67,4 %; развлекательный контент (фильмы, музыка, чтение популярной литературы) привлекает внимание 66,9 %; виртуальная реальность

игрового контента поглощает разум 15,5 % студентов; другой контент (например товары) используют 13 %. Особо отметим, что предпочтение учебному контенту (учебным и научным материалам и литературе) отдают 30,1 % из числа участников опроса.

Представляют интерес мотивы обращения к СМИиК. Чем руководствуются студенты при выборе того или иного канала информации? Отрадно, что большинство студентов (63,2 %) стремятся получить новую информацию. Среди других мотивов — необходимость подтверждения своей компетентности в различных сферах жизни, в том числе в медиакультуре (12,9 %); желание компенсировать недостаток, например, живого общения в реальной жизни (8,3 %).

Удовлетворяют ли СМИиК информационным запросам студенческой аудитории? Прежде чем ответить на вопрос о рациональности и эффективности реализации функций СМИиК в молодежной среде, классифицируем функции СМИиК [10, с. 185—204]. Полагаем, что при классификации следует исходить, во-первых, из анализа форм и методов функционирования СМИиК в социуме («как работать»), во-вторых, из анализа целей и задач («для чего работать»). Не отрицая важности методов, отметим, однако, что в условиях информационной войны определяющими для России являются цели деятельности СМИиК.

В связи с этим предлагаем выделить несколько функций-целей СМИиК в современном информационном обществе: 1) информационно-идеологическую; 2) социально-политическую; 3) психолого-педагогическую; 4) культурно-рекреативную. Причем каждая из них должна решать задачи двух уровней. К примеру, первая функция-цель решает задачи информирования населения и формирования общественного сознания; вторая — задачи формирования общественного мнения (обеспечивает социальное общение) и контрпропаганды (способствует противодействию дезинформации); третья — задачи образования (помогает

распространению знаний) и воспитания (создает образец поведения), четвертая — задачи просвещения (формирует условия для духовного обогащения) и рекреации (обеспечивает отдых, досуг).

Информационно-идеологические функции предопределяют, с одной стороны, информационное содержание СМИиК, с другой — их идеологическую направленность в современную эпоху противостояния цивилизаций. Речь идет об информировании населения о событиях в стране и за рубежом, об активной контрпропаганде, нейтрализации клеветы западных СМИ, развязавших информационную войну против России, о формировании общественных взглядов, убеждений, установок, — общественного сознания в целом.

Социально-политические функции направлены на формирование общественно-го мнения, социально-политической ориентации людей, обеспечение социального общения, развитие демократии и требуют от СМИиК объективно-критического взгляда на деятельность политических и социальных институтов. В свою очередь, совокупность различных форм СМИ образует социальный институт журналистики, который называют «четвертой властью». Можно сказать, что он обладает возможностью управления и поэтому должен быть для граждан «народным трибуном».

Психолого-педагогические функции решают задачи становления многогранной личности и ее социализации, социальной адаптации в современном обществе, в сложных социально-экономических условиях; задачи гармоничного образования и всестороннего просвещения, морально-нравственного воспитания молодого поколения; задачи утверждения семейных и гражданских ценностей и др.

Культурно-рекреативные функции — это приобщение читателей, телезрителей и радиослушателей к произведениям литературы и искусства, распространение культурно-развлекательной информации по различным каналам СМИиК, в том числе медиасодержания для досуга и отдыха.

Классификация социокультурных функций СМИиК позволяет нам провести социологический опрос, чтобы понять, насколько эти функции реализуются в молодежной среде. Рассмотрим статистику ответов студентов на наиболее значимые вопросы, например: какой характер публикаций привлекает студентов в прессе? Ответы распределились таким образом: информационные жанры привлекают 46,8 % участников опроса; аналитические и публицистические статьи — 29,2 %; художественно-литературные произведения — 29,8 %. Как видно, информационные потребности в периодических изданиях довольно разнообразны. Игры, конкурсы, кроссворды интересны 8,2 %, а реклама — 10 % студентов. Не читают прессу — 19,3 %.

Далее обратим внимание на статистику актуальности радиопередач в среде студенческой молодежи. В первую очередь это, конечно, музыкальные передачи (42,7 %), затем информационные, новостные (22,2 %). Мало востребованы юмористические (15,2 %) и литературно-драматические (7,0 %) радиопостановки, а также аналитические и публицистические (5,8 %). Практически не популярны игры, конкурсы (2,9 %) и реклама (1,2 %). При этом 38 % участников опроса вообще не слушают радио.

Вопрос о наиболее привлекательных телевизионных программах дал более высокий процент актуальности. Литературно-драматические жанры (пьесы, фильмы, сериалы), реалити-шоу и другие развлекательные продукты кинематографа востребованы у 64,3 % студентов. Музыкальные программы предпочитают 19,3 %, информационно-новостные — 26,9 %, аналитические и публицистические — 8,2 %. Подобно статистике радиопередач, игры, конкурсы (5,3 %) и реклама (4,1 %) не популярны среди студентов. Не смотрят телевизор — 19,9 %.

Подводя итог исследованию, сделаем заключение, что средства массовой информации и коммуникации играют значимую роль в жизнедеятельности студенческой молодежи и представляют собой интегрированную

систему, которая обладает целостностью и выполняет ряд важнейших социальных функций.

Литература

1. *Борзых С. В.* Концепция глобализации: монография. М.: ИНФРА-М, 2013. 128 с.
2. *Чумаков А. Н., Иоселиани А. Д.* Философские проблемы глобализации. М.: Университетская книга, 2015. 172 с.
3. *Захарова О.* Глобальные проблемы современности. Тюмень: Тюменский гос. ун-т; М.: Проспект, 2017. 108 с.
4. *Ширшов Е. В.* Информация, образование, диадика, история, методы и технологии обучения: Словарь ключевых понятий и определений: [электронный ресурс]. М.: Академия естествознания, 2017 // Научная электронная библиотека / Российской академии естествознания. URL: <https://monographies.ru/en/book/section?id=13597> (дата обращения: 03.05.2018).
5. *Отющкий Г. П.* Информационно-антропологическое измерение постиндустриального общества // СОТИС — социальные технологии, исследования. 2014. № 1 (63). С. 64—81.
6. *Отющкий Г. П.* Глобализация: ценности культуры и духовная безопасность // Система ценностей современного общества. 2011. № 18. С. 251—255.
7. *Копылова С. В.* Глобализация как социокультурный процесс // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2 (30). С. 143—148.
8. *Храпов С. А.* Аксиодинамика общественного сознания постсоветской России: социокультурный анализ // Философия и культура. 2015. № 5. С. 752—761.
9. *Венедиктов А.* Эхо всех голосов // Аргументы и факты. 2016. № 41: 12—18 нояб. С. 20.
10. *Мрочко Л. В.* Теория и практика массовой информации. М.: Флинта: МПСИ, 2006. 238 с.

Поступила 26.12.2017

Мрочко Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, д. 5), dr.discussion@yandex.ru

Мрочко Ольга Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры физического воспитания Московской государственной академии водного транспорта — филиала Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Россия, 198035, Санкт-Петербург, ул. Двинская, д. 5/7), olga_mrochko@mail.ru

Яковчук Татьяна Геннадьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры корпоративной культуры Московского

финансово-промышленного университета «Синергия» (Россия, 125190, Москва, Ленинградский пр., 80, кор. Е),
yakovchuk-tg@yandex.ru

References

1. Borzykh S. V. Kontseptsiya globalizatsii (Conception of Globalization), monografiya, M., INFRA-M, 2013, 128 p.
2. Chumakov A. N., Ioseliani A. D. Filosofskie problemy globalizatsii (Philosophical Problems of Globalization), M., Universitetskaya kniga, 2015, 172 p.
3. Zakharova O. Global'nye problemy sovremennosti (Global Problems of Contemporaneity), Tyumen', Tyumen'skii gos. un-t, M., Prospekt, 2017, 108 p.
4. Shirshov E. V. "Informatsiya, obrazovanie, didaktika, istoriya, metody i tekhnologii obucheniya: Slovar' klyuchevykh ponyati i opredelenii" (Information, Education, Didactics, Learning History, Methods and Technologies: Dictionary of Key Concepts and Definitions), M., Akademiya estestvoznaniya, 2017. *Nauchnaya elektronnaya biblioteka. Rossiiskaya akademiya estestvoznaniya*, 2017. Web. 3 May 2018. <<https://monographies.ru/en/book/section?id=13597>>.
5. Otyutskii G. P. Informatsionno-antropologicheskoe izmerenie postindustrial'nogo obshchestva (Information-Anthropologic Dimension of Post-Industrial Society), *SOTIS — sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya*, 2014, No. 1 (63), pp. 64—81.
6. Otyutskii G. P. Globalizatsiya: tsennosti kul'tury i duchovnaya bezopasnost' (Globalization: Culture Values and Spiritual Security), *Sistema tsennostei sovremennoego obshchestva*, 2011, No. 18, pp. 251—255.

7. Kopylova S. V. Globalizatsiya kak sotsiokul'turnyi protsess (Globalization as a Socio-Cultural Process), *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2016, No. 2 (30), pp. 143—148.

8. Khrapov S. A. Aksiodinamika obshchestvennogo soznaniya postsovetskoi Rossii: sotsiokul'turnyi analiz (Axio-Dynamics of Public Conscience of Post-Soviet Russia: Sociocultural Analysis), *Filosofiya i kul'tura*, 2015, No. 5, pp. 752—761.

9. Venediktov A. Ekho vsekh golosov (Echo of all Voices), *Argumenty i fakty*, 2016, No. 41, 12—18 Nov., p. 20.

10. Mrochko L. V. Teoriya i praktika massovoi informatsii (Theory and Practice of Mass Information), M., Flinta, MPSI, 2006, 238 p.

Submitted 26.12.2017

Mrochko Leonid V., Doctor of Philosophy, professor, professor of Advertising and Mass Communications Theory Department, Moscow University for the Humanities (5, Yunost street, Moscow, 111395, Russia), dr.discussion@yandex.ru

Mrochko Olga G., Candidate of Historical Sciences, assistant professor of Physical Education Department at Moscow State Academy of Water Transport, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (5/7, Dvinskaya street, Saint-Petersburg, 198035, Russia), olga_mrochko@mail.ru

Yakovchuk Tatiana G., Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of Corporate Culture Department, Moscow University of Industry and Finance (Synergy University) (80E, Leningradskiy avenue, Moscow, 125190, Russia), yakovchuk-tg@yandex.ru

Развитие понятия *вектор* в задачах физики и его формализация в математике

A. I. Литвинов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

tahalus@rambler.ru

Показано, как возникло понятие *вектор* и как оно развивалось, превращаясь в многоцелевой инструмент, который эффективно используется в физике, и в геометрии, и в алгебре. Представленный в статье процесс развития понятия *вектор* выразительно иллюстрирует появление первичных (примитивных) штрихов понятия, которые направленно совершенствовались, так как оказались востребованными при решении задач физики. Применение свойственных математике приемов обобщений позволило расширить возможности понятия *вектор* до такой степени, что векторы приобрели свойства многоцелевого инструмента, продуктивно используемого для решения многих практических и теоретических задач.

Ключевые слова: интерактивный процесс обучения; первичный штрих вектора; направленный отрезок; вектор для физики; вектор для геометрии; вектор для алгебры.

Development of *Vector* Concept in Problems of Physics and its Formalization in Mathematics

A. I. Litvinov

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

tahalus@rambler.ru

The author shows the *vector* concept arising and development, its transformation into multi-purpose tool effectively used in physics, geometry and algebra. The *vector* concept development process presented in the paper illustrates the arising of elementary (primitive) traits of this concept that were improved directionally because of their relevance in physics problem solving. The appliance of extension methods proper to mathematics enabled to expand the capabilities of *vector* concept to the extent that vectors acquired the properties of versatile tool productively used for many practical and theoretical problems solving.

Keywords: interactive learning; vector's elementary trait; directed line segment; vector for physics; vector for geometry; vector for algebra.

Преимущества интерактивного процесса обучения давно признаны российской педагогикой. По нашему убеждению, процесс обучения становится интерактивным лишь тогда, когда его участники активно взаимодействуют и совместно творят знание [1, с. 140].

© Литвинов А. И.

Нами разработан сценарий лекции-беседы, в которой объектом изучения избран вектор.

Появление первичного штриха понятия *вектор*. Первичный штрих вектора проявился в сознании человека не в результате

специальных теоретических исследований, а как зрительный образ.

Представим себе сценку. Сидят два первобытных человека (пусть это Коля и Вася) у своей пещеры, не спеша и беззаботно беседуют. Вдруг Коля обращает взгляд в сторону растущего недалеко от пещеры дерева (акация, точка A) и произносит: «Кукушка прилетела, на ветку уселась и на нас поглядывает. Увидел?» Дальше беседа продолжилась. Через некоторое время Вася воскликнул: «Смотри, а кукушка уже на другом дереве (верба, точка B) пристроилась. Видишь?» — «Увидел!» После этого Коля слегка задумался и говорит: «Когда-нибудь физики назовут отрезок, исходящий из точки A в точку B , направленным отрезком AB и будут обозначать его \overrightarrow{AB} ».

Рис. 1. Направленный отрезок

Далее Коля продолжил: «Если кукушка вздумает перелететь на третье дерево (дуб, точка D), то весь путь ее полета можно назвать: $\overrightarrow{AB} + \overrightarrow{BD}$. После этого Вася пробормотал: «Значит, если кукушка с акации сразу полетит на дуб, то это будет \overrightarrow{AD} . Но тогда $\overrightarrow{AB} + \overrightarrow{BD} = \overrightarrow{AD}$. Разве это одно и то же?»

Развитие первичного штриха понятия вектор при наблюдении движения точки: задача кинематики. Для исследования движения точки физики выбрали на местности тропинку, часто посещаемую велосипедистами. Назвали тропинку траекторией движения точки (велосипедиста) и отметили на ней столбиками точки: M_1, M_2, \dots, M_n .

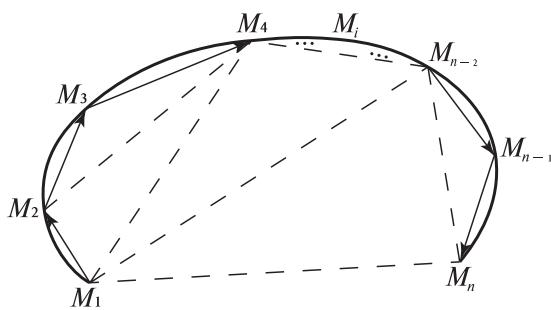

Рис. 2. Траектория движения точки

Совокупность точек траектории определяет совокупность направленных отрезков: $\overrightarrow{M_1 M_2}, \overrightarrow{M_2 M_3}, \dots, \overrightarrow{M_{n-1} M_n}$, которые физики называют перемещениями. Известно (аксиома геометрии), что каждый отрезок имеет определенную длину: однозначно определенное положительное число, если для измерения длины каждого отрезка выбрали одну и ту же единицу длины. Договорились длину направленного отрезка $\overrightarrow{M_i M_j}$ обозначать в виде: $|\overrightarrow{M_i M_j}|$ — абсолютная величина отрезка $\overrightarrow{M_i M_j}$. Из этого следует, что, имея выделенные на исследуемой траектории точки, можно измерить длины всех отрезков-перемещений: $|\overrightarrow{M_1 M_2}|, |\overrightarrow{M_2 M_3}|, \dots, |\overrightarrow{M_{n-1} M_n}|$. Как только велосипедист проезжает мимо столбика M_i , наблюдатель отмечает время проезда t_i и записывает его в журнал наблюдений. Ломаная линия, образованная цепочкой перемещений $|\overrightarrow{M_1 M_2}|, |\overrightarrow{M_2 M_3}|, \dots, |\overrightarrow{M_{n-1} M_n}|$, есть приближенное изображение истинной траектории движения тела. Используя совокупность перемещений, наблюдавшее движение велосипедиста для каждого перемещения $\overrightarrow{M_i M_{i+1}}$ оценивают величиной средней скорости:

$$v_i = \frac{|\overrightarrow{M_i M_{i+1}}|}{\Delta t_i},$$

где $\Delta t_i = t_{i+1} - t_i$ есть время, затраченное на перемещение $\overrightarrow{M_i M_{i+1}}$, $i = 1, 2, \dots, (n - 2)$. Направление средней скорости на перемещении $\overrightarrow{M_i M_{i+1}}$ совпадает с направлением этого перемещения. Это значит, что можно записать: $\overrightarrow{M_i M_j} = \overline{v_i} \cdot \Delta t_i$, где средняя скорость определена как направленный отрезок $\overline{v_i}$; верно также: $\overline{v_i} = \frac{1}{\Delta t_i} \cdot \overrightarrow{M_i M_{i+1}}$. В этих выражениях мы наблюдаем операцию умножения одного направленного отрезка на число для получения другого направленного отрезка.

Используя направленные отрезки, образуемые точками траектории, заметили их совокупное свойство: $\overrightarrow{M_1 M_{i+1}} + \overrightarrow{M_{i+1} M_{i+2}} = \overrightarrow{M_1 M_{i+2}}$ — для каждой пары соседних перемещений. Используя это свойство, запишем для первой пары: $\overrightarrow{M_1 M_2} + \overrightarrow{M_2 M_3} = \overrightarrow{M_1 M_3}$, а также для последней пары: $\overrightarrow{M_{n-2} M_{n-1}} + \overrightarrow{M_{n-1} M_n} = \overrightarrow{M_{n-2} M_n}$.

Если сложить все направленные отрезки, образуемые точками траектории, получим полную цепочку перемещений:

$\overline{M_1M_2} + \overline{M_2M_3} + \dots + \overline{M_{n-1}M_n} = \overline{M_1M_n}$. Нетрудно заметить, что из полной цепочки перемещений можно выделять частичные цепочки, в которых используются *только соседние* перемещения.

Итак, мы обнаружили определяющее свойство записи суммы перемещений: каждое слагаемое произвольной суммы перемещений, начиная со второго и заканчивая предпоследним, имеет слева и справа соседние перемещения траектории.

Рассмотрим первую пару перемещений. Равенство $\overline{M_1M_2} + \overline{M_2M_3} = \overline{M_1M_3}$ означает, что, имея начальную точку M_1 наблюдаемого движения, можно определить положение точки M_3 при помощи либо суммы перемещений $\overline{M_1M_2}$, $\overline{M_2M_3}$ либо перемещения $\overline{M_1M_3}$. Обозначим $\bar{a} = \overline{M_1M_2}$, $\bar{b} = \overline{M_2M_3}$, $\bar{c} = \overline{M_1M_3}$. Тогда равенство $\overline{M_1M_2} + \overline{M_2M_3} = \overline{M_1M_3}$, т. е. равенство $\bar{a} + \bar{b} = \bar{c}$, может быть отображено в виде треугольника (рис. 3). В соответствии с рисунком такое представление суммы перемещений \bar{a} и \bar{b} назвали *правилом треугольника*.

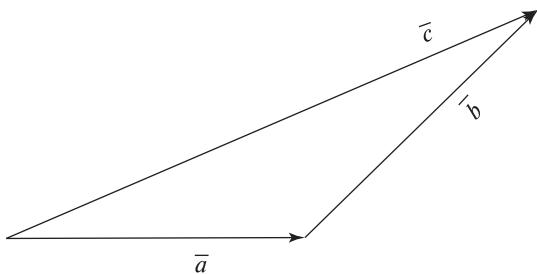

Рис. 3. Иллюстрация правила треугольника

Если вместо векторов \bar{a} , \bar{b} использовать вектор \bar{c} , то приближенная траектория движения наблюдаемой точки будет отличаться от истинной еще больше и оценка средней скорости на участке M_1M_3 будет более грубой. Для нас это неважно: первичное назначение перемещений — изображать точки траектории для наблюдаемого движения тела.

Рассмотрим первые три перемещения. Обозначим: $\bar{a} = \overline{M_1M_2}$, $\bar{b} = \overline{M_2M_3}$, $\bar{c} = \overline{M_3M_4}$, $\bar{n} = \overline{M_1M_3}$, $\bar{m} = \overline{M_2M_4}$. Запишем сумму: $\overline{M_1M_2} + \overline{M_2M_3} + \overline{M_3M_4} = \overline{M_1M_4}$, или (используя обозначения) в виде: $\bar{a} + \bar{b} + \bar{c} = \overline{M_1M_4}$. Представим эту сумму в виде рисунка. Нетрудно заметить, что для суммы перемещений выполняется *сочетательное* свойство (рис. 4).

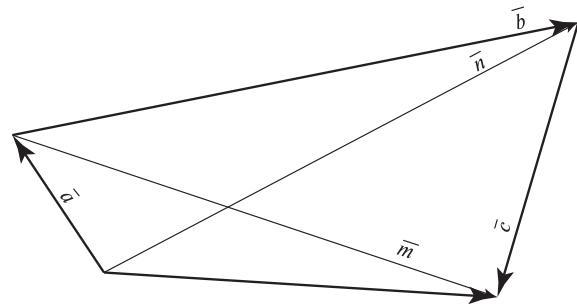

Рис. 4. Сочетательное свойство

Сделаем выводы.

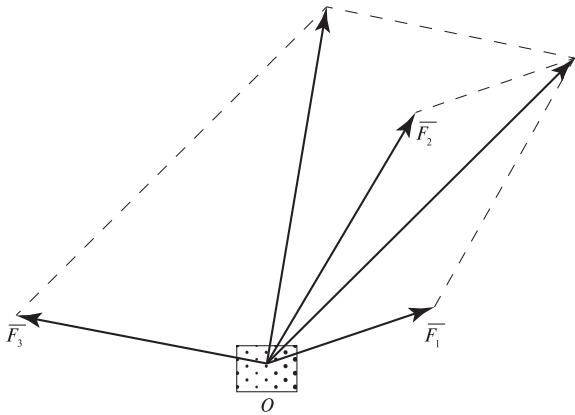
Во-первых, имея совокупность перемещений, отображающих наблюдаемую траекторию движения точки, при записи суммы перемещений следует учитывать ограничение: использовать только соседние перемещения.

Во-вторых, в рассмотренной задаче для нахождения суммы нескольких перемещений несколько раз применяют правило треугольника. Выполняется сочетательное свойство.

В-третьих, допускается операция умножения одного направленного отрезка на число для получения другого направленного отрезка.

Развитие первичного штриха понятия вектор при исследовании движения точки: задача динамики материальной точки. Пусть имеется некоторое тело массой m , размерами которого можно пренебречь. Такое тело называют материальной точкой, обозначим ее как O . Пусть к этой точке приложено несколько сил, в общем случае не принадлежащих одной плоскости. На рисунке 5 показаны три силы: \bar{F}_1 , \bar{F}_2 , \bar{F}_3 — направленные отрезки с общим началом в точке O . В результате многочисленных наблюдений физики установили: если для двух сил \bar{F}_1 , \bar{F}_2 построить параллелограмм с началом в точке O , то диагональ как направленный отрезок будет *равнодействующей* этих сил.

Обозначим ее как $\bar{R}_{1,2}$. Это значит, движение материальной точки одинаково и при воздействии сил \bar{F}_1 , \bar{F}_2 , и при воздействии их равнодействующей $\bar{R}_{1,2}$.

Рис. 5. Равнодействующая сил $\bar{F}_1, \bar{F}_2, \bar{F}_3$

Если построить параллелограмм, используя направленные отрезки \bar{F}_3 и $\bar{R}_{1,2}$, то получим равнодействующую трех сил $\bar{F}_1, \bar{F}_2, \bar{F}_3$. Обозначим ее как $\bar{R}_{1,2,3} = \bar{R}$ (на рисунке для простоты показан направленный отрезок без обозначения). Используя равнодействующую \bar{R} , можно записать формулу Ньютона в виде: $\bar{R} = \bar{a} \cdot m$, где \bar{a} — ускорение материальной точки, определено как направленный отрезок. Это значит, что верно также выражение: $\bar{a} = \frac{1}{m} \cdot \bar{R}$. Вновь мы наблюдаем операцию умножения одного направленного отрезка на число для получения другого направленного отрезка.

Итак, при исследовании динамики движения материальной точки под действием нескольких сил требуется вычисление равнодействующей этих сил. Для нахождения равнодействующей сил требуется применить правило сложения направленных отрезков. Это правило назвали *правилом параллелограмма*. Если на материальную точку действуют n сил, для нахождения равнодействующей потребуется построить $(n - 1)$ параллелограмм.

Обозначим (для удобства использования): $\bar{a} = \bar{F}_1, \bar{b} = \bar{F}_2, \bar{c} = \bar{R}_{1,2}$. Тогда равенство $\bar{F}_1 + \bar{F}_2 = \bar{R}_{1,2}$, т. е. равенство $\bar{a} + \bar{b} = \bar{c}$, может быть отображено в виде параллелограмма (рис. 6).

Из рисунка следует: сумма направленных отрезков \bar{a}, \bar{b} обладает переместительным свойством: $\bar{a} + \bar{b} = \bar{b} + \bar{a}$. Из рисунка следует также, что для нахождения равнодействующей сил \bar{F}_1 и \bar{F}_2 можно использовать

правило треугольника. Этих треугольников два: используем переместительное свойство суммы.

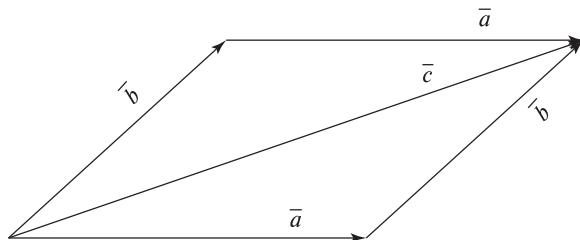

Рис. 6. Иллюстрация правила параллелограмма

Для построения каждого из треугольников требуется параллельный перенос или направленного отрезка \bar{F}_1 , или направленного отрезка \bar{F}_2 . В этом случае получаем одну и ту же равнодействующую $\bar{R}_{1,2}$ рассматриваемых сил, но разрушаем условие: все силы приложены к одной точке.

Сделаем выводы.

Во-первых, имея совокупность сил, действующих на материальную точку, обнаружили переместительное и сочетательное свойства суммы.

Во-вторых, использование правила треугольника для суммы двух сил нарушает физический смысл задачи, но не меняет равнодействующей.

В-третьих, применение правила параллелограмма для суммы двух перемещений, использующих точки наблюдаемой траектории движения, также возможно, но разрушает траекторию. Зато добавляет переместительное свойство суммы перемещений.

В-четвертых, допускается операция умножения одного направленного отрезка на число для получения другого направленного отрезка.

Развитие первичного штриха понятия вектор при исследовании движения свободного твердого тела. Обозначим центр масс твердого тела (размерами которого нельзя пренебречь) точкой O . Пусть на тело вдоль прямой линии l действует сила \bar{F} , точка приложения которой определена направленным отрезком \bar{r} (показан на рисунке 7). Пусть через точку O проходит прямая линия l_2 , параллельная l .

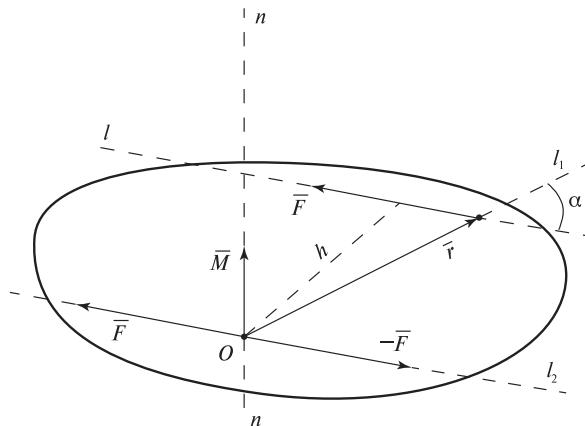

Рис. 7. Движение свободного твердого тела

Приложим к точке O две силы \bar{F} и $-\bar{F}$ (их равнодействующая равна нулю). Теперь можем рассматривать отдельно две задачи: а) движение центра масс тела под действием силы \bar{F} , б) вращение тела относительно центра масс под действием вращательного момента, создаваемого парой сил $(\bar{F}, -\bar{F})$: сила \bar{F} направлена вдоль прямой l , а сила $-\bar{F}$ вдоль прямой l_2 .

Известно, что *абсолютная величина* вращательного момента M пары сил $(\bar{F}, -\bar{F})$ равна произведению плеча пары сил (на рисунке обозначено как h) на абсолютную величину силы \bar{F} (т. е. на длину направленного отрезка \bar{F}). Вращательному моменту пары сил определили *направление*, т. е. изобразили в виде направленного отрезка \bar{M} . Отрезок \bar{M} перпендикулярен плоскости, определяемой точкой O и прямой линией l (на рисунке отмечено линией n), а направление его таково, что с его конца наблюдается вращение тела против движения часовой стрелки. Заметим, направленный отрезок \bar{F} порождает направленный отрезок \bar{M} , с учетом законов движения физики (механики).

Пусть на тело действует несколько сил: $\bar{F}_1, \bar{F}_2, \bar{F}_3$, причем их линии действия различны (и не принадлежат одной плоскости). Тогда их равнодействующая: $\bar{R} = \bar{F}_1 + \bar{F}_2 + \bar{F}_3$ приложена к точке O , т. е. действует на центр масс тела и определяет направление его движения. Каждая из этих сил порождает пару сил и соответствующие им моменты: $\bar{M}_1, \bar{M}_2, \bar{M}_3$. Равнодействующая \bar{M} этих моментов как направленный отрезок определяется суммой: $\bar{M} = \bar{M}_1 + \bar{M}_2 + \bar{M}_3$. Момент \bar{M} вращает

тело относительно точки O . Равнодействующие \bar{R} и \bar{M} находят, применяя правило параллелограмма.

Заметим особенность использования совокупности сил: $\bar{F}_1, \bar{F}_2, \dots, \bar{F}_n$ при исследовании движения свободного твердого тела. Для нахождения равнодействующей заданных сил \bar{R} применяем *параллельный перенос* направленных отрезков-сил, совмещая их начальные точки с точкой O . Сила \bar{R} определяет движение центра масс тела. Для сохранения физического смысла воздействия совокупности сил $\bar{F}_1, \bar{F}_2, \dots, \bar{F}_n$ на тело создаем совокупность направленных отрезков-моментов: $\bar{M}_1, \bar{M}_2, \dots, \bar{M}_n$ (с общим началом в точке O), равнодействующая которых (сумма) \bar{M} определяет вращательное движение тела вокруг точки O . При нахождении равнодействующих \bar{R} и \bar{M} применяем *правило параллелограмма*.

Сделаем выводы.

Во-первых, закон движения свободного твердого тела, на которое действует совокупность сил, определяет нахождение равнодействующих \bar{R} и \bar{M} как направленных отрезков применением правила параллелограмма.

Во-вторых, используемые суммы $\bar{F}_1 + \bar{F}_2 + \dots + \bar{F}_n$ и $\bar{M}_1 + \bar{M}_2 + \dots + \bar{M}_n$ обладают переместительным свойством. Сочетательное свойство этих сумм определяется законами физики.

В-третьих, использование правила треугольника для суммы двух сил нарушает физический смысл задачи, но результат нахождения равнодействующих \bar{R} и \bar{M} такой же, как и при использовании правила параллелограмма.

Учитывая рассмотренные примеры, использующие совокупность направленных отрезков, математики предложили обобщения, которые позволили создать универсальный инструмент.

Определение понятия геометрический вектор как обобщение рассмотренных в примерах свойств направленных отрезков. Первое обобщение. Пусть дано множество R , элементами которого являются направленные отрезки: $\bar{a}, \bar{b}, \bar{c}, \dots$ Элементы этого множества называются *векторами*,

а множество R — линейным векторным пространством, если для множества элементов R определены линейные операции сложения и умножения на действительное число. Математики предложили простой путь снятия противоречия между правилами треугольника и параллелограмма: считать, что вектор не меняется при параллельном переносе (является свободным), т. е. в определении вектора существенными остаются направление вектора и его длина. Это значит, что если векторы $\overline{AB} = \bar{a}$, $\overline{CD} = \bar{b}$ можно совместить параллельным переносом, то считаем их равными: $\bar{a} = \bar{b}$.

Операция сложения: каждой паре элементов $\bar{a}, \bar{b} \in R$ ставится в соответствие однозначно определенный элемент $(\bar{a} + \bar{b}) \in R$, называемый *суммой*. Сумма должна обладать некоторыми свойствами:

$$\bar{a} + \bar{b} = \bar{b} + \bar{a} \quad (1)$$

переместительное свойство: сложение *коммутативно*.

$$\bar{a} + \bar{b} + \bar{c} = (\bar{a} + \bar{b}) + \bar{c} = \bar{a} + (\bar{b} + \bar{c}) \quad (2)$$

сочетательное свойство: сложение *ассоциативно*.

Множество R содержит элемент $\overline{O} = 0$, обладающий свойством:

$$\bar{a} + 0 = \bar{a}, \quad (3)$$

где \bar{a} — любой элемент множества R . Этот элемент называют *нулевым*. Легко доказать единственность элемента 0.

Для каждого элемента \bar{a} множества R существует элемент $-\bar{a}$, удовлетворяющий условию:

$$\bar{a} + (-\bar{a}) = 0. \quad (4)$$

Говорят, что элемент $-\bar{a}$ — *противоположный* для элемента \bar{a} . Легко доказать единственность элемента $-\bar{a}$.

Используя аксиомы (1) \div (4), нетрудно определить *разность* векторов $\bar{a} - \bar{b} = \bar{c}$. Элемент \bar{c} обладает свойством: $\bar{b} + \bar{c} = \bar{a}$, что легко видеть на рисунке 8. Если вспомнить правило параллелограмма при сложении векторов, нетрудно заметить, что разность векторов определяет вторую диагональ параллелограмма, определяемого векторами \bar{a}, \bar{b} . Если для вектора \bar{b} определить вектор $-\bar{b}$,

то разность векторов можно заменить суммой: $\bar{a} + (-\bar{b}) = \bar{c}$, как показано на рисунке.

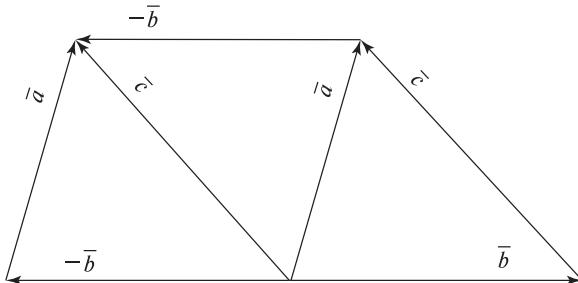

Рис. 8. Сложение векторов с использованием противоположного вектора

Операция умножения на действительное число λ : каждой паре элементов $\bar{a}, \lambda \in R$ ставится в соответствие однозначно определенный элемент $\bar{b} = \lambda \cdot (\bar{a}) \in R$. Операция умножения элемента множества R на число должна обладать свойствами:

$$\alpha \cdot (\bar{a} + \bar{b}) = \alpha \cdot \bar{a} + \alpha \cdot \bar{b}, \quad (5)$$

$$(\alpha + \beta) \cdot \bar{a} = \alpha \cdot \bar{a} + \beta \cdot \bar{a}, \quad (6)$$

$$(\alpha \cdot \beta) \cdot \bar{a} = \alpha \cdot (\beta \cdot \bar{a}), \quad (7)$$

$$1 \cdot \bar{a} = \bar{a}. \quad (8)$$

Из определения линейных операций с векторами следует, что для любого вектора \bar{c} векторного пространства R можно найти такие векторы \bar{a}, \bar{b} , что $\bar{c} = \bar{a} + \bar{b}$. Учитывая это замечание, построим *аналитическую модель* геометрического вектора в 3-мерном пространстве.

Пусть в прямоугольной системе координат $OXYZ$ задана точка A , ее координаты отметим скобкой (a_x, a_y, a_z) .

Определим также 3-мерное векторное пространство R , задав его базис единичными векторами i, j, k : вектор i отмечает направление оси OX , вектор j — направление оси OY , вектор k — направление оси OZ . На рисунке 9 векторы i, j, k имеют общее начало в точке O .

В пространстве R построим вектор \overline{OA} : его начальная точка — O , а конечная — A . Вектор \overline{OA} называют *радиус-вектором* точки A в заданном векторном пространстве R .

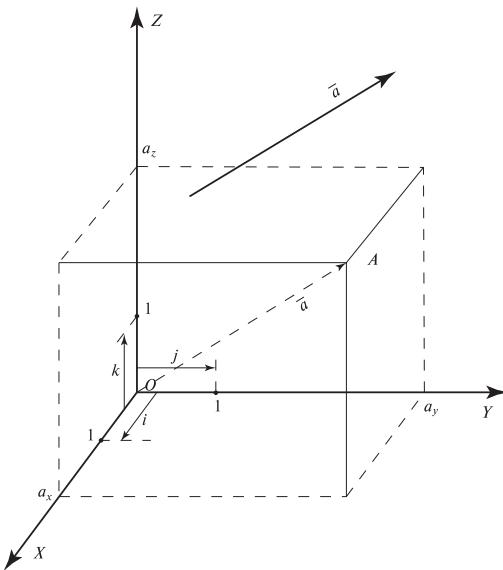

Рис. 9. Трехмерное пространство

Используя векторы i, j, k , запишем векторы: $\bar{a}_x = a_x \cdot i$, $\bar{a}_y = a_y \cdot j$, $\bar{a}_z = a_z \cdot k$. Тогда вектор OA можно записать в виде их линейной комбинации: $\overline{OA} = \bar{a}_x + \bar{a}_y + \bar{a}_z$, или в виде $\overline{OA} = a_x \cdot i + a_y \cdot j + a_z \cdot k$. Для удобства применяют также компактную запись $\overline{OA} = (a_x, a_y, a_z)$, или $\overline{OA} = A$.

В пространстве R найдется вектор \bar{a} , равный вектору \overline{OA} . Так как в векторном пространстве все векторы свободные, начало вектора \bar{a} совместим с точкой O системы координат $OXYZ$. Тогда можем записать: $\bar{a} = \overline{OA} = a_x \cdot i + a_y \cdot j + a_z \cdot k = (a_x, a_y, a_z) = A$.

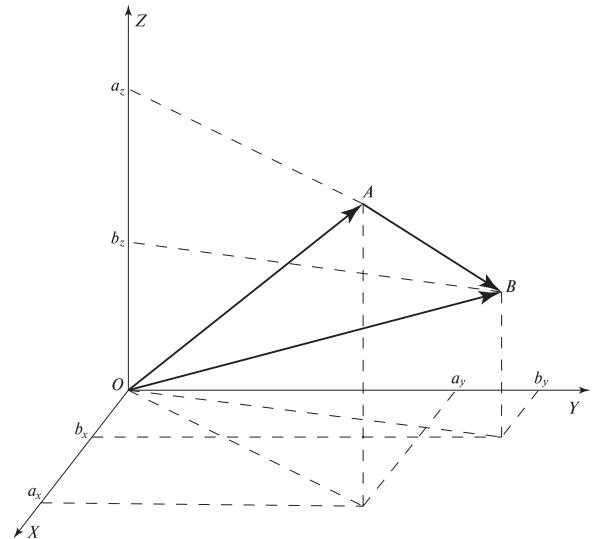
Пусть теперь вектор \bar{a} — произвольный вектор пространства R . Параллельным переносом совместим его начало с точкой O . Тогда конечная точка вектора \bar{a} будет определять некоторую точку пространства $OXYZ$, обозначим ее точкой A . В этом случае можем записать: $\overline{OA} = \bar{a} = a_x \cdot i + a_y \cdot j + a_z \cdot k = (a_x, a_y, a_z) = A$.

Итак, мы наблюдаем взаимно однозначное соответствие точек, заданных в системе координат $OXYZ$, и радиус-векторов векторного пространства R . Воспользуемся этим и (для удобства применения радиус-векторов) будем использовать равенство $\overline{OA} = A = (a_x, a_y, a_z)$.

Пусть в пространстве $OXYZ$ заданы точки: $A = (a_x, a_y, a_z)$, $B = (b_x, b_y, b_z)$. Это значит, что в пространстве R определены направленные отрезки:

$$\overline{OA} = \bar{a} = a_x \cdot i + a_y \cdot j + a_z \cdot k = (a_x, a_y, a_z);$$

$$\overline{OB} = \bar{b} = b_x \cdot i + b_y \cdot j + b_z \cdot k = (b_x, b_y, b_z).$$

 Рис. 10. Направленный отрезок \overline{AB}

Используя свойства суммы векторов пространства R , запишем:

$$\begin{aligned} \overline{OA} + \overline{OB} &= a_x \cdot i + a_y \cdot j + a_z \cdot k + \\ &\quad + b_x \cdot i + b_y \cdot j + b_z \cdot k = \\ &= (a_x + b_x) \cdot i + (a_y + b_y) \cdot j + \\ &\quad + (a_z + b_z) \cdot k = (a_x + b_x, a_y + b_y, a_z + b_z) = \\ &= A + B. \end{aligned} \quad (9)$$

Это значит, что для вычисления суммы радиус-векторов их координаты складываются, т. е. складываются скобки координат точек.

$$\begin{aligned} \alpha \cdot \overline{OA} + \beta \cdot \overline{OB} &= (\alpha \cdot a_x + \beta \cdot b_x) \cdot i + \\ &\quad + (\alpha \cdot a_y + \beta \cdot b_y) \cdot j + \\ &\quad + (\alpha \cdot a_z + \beta \cdot b_z) \cdot k = \\ &= ((\alpha \cdot a_x + \beta \cdot b_x), (\alpha \cdot a_y + \beta \cdot b_y), \\ &\quad (\alpha \cdot a_z + \beta \cdot b_z)) = \alpha \cdot A + \beta \cdot B. \end{aligned} \quad (10)$$

Это значит, что для совокупности радиус-векторов выполняется операция умножения на число. Из выражений (9) и (10) следует, что множество точек с определенными для них линейными операциями составляют линейное векторное пространство R .

$$\begin{aligned} \overline{OA} - \overline{OB} &= a_x \cdot i + a_y \cdot j + \\ &\quad + a_z \cdot k - b_x \cdot i - b_y \cdot j - b_z \cdot k = \\ &= (a_x - b_x) \cdot i + (a_y - b_y) \cdot j + (a_z - b_z) \cdot k = \\ &= (a_x - b_x, a_y - b_y, a_z - b_z) = A - B. \end{aligned} \quad (11)$$

Это значит, что для нахождения разности векторов \bar{a} и \bar{b} их координаты вычитаются.

Учитывая рисунок 10, запишем равенство: $\overline{OA} + \overline{AB} = \overline{OB}$. Из этого равенства следует: $\overline{AB} = \overline{OB} - \overline{OA}$. Учитывая взаимно однозначное соответствие точек, заданных в системе координат $OXYZ$, и радиус-векторов векторного пространства R , запишем: $\overline{AB} = B - A$, или в координатной форме:

$$\overline{AB} = (b_x - a_x; b_y - a_y; b_z - a_z).$$

Свойства рассмотренных нами множеств R направленных отрезков выполняются в любой аффинной системе координат. Мы будем применять только прямоугольные системы координат и на плоскости, и в пространстве. Тогда для вычисления длины направленного отрезка \overline{AB} используется формула:

$$l_{AB} = |\overline{AB}| = \sqrt{(b_x - a_x)^2 + (b_y - a_y)^2 + (b_z - a_z)^2}.$$

Сделаем выводы.

Во-первых, множество направленных отрезков радиус-векторов 3-мерного пространства $OXYZ$ является векторным пространством.

Во-вторых, полученные соотношения выделяют аналитические модели векторов 3-мерного пространства в виде скобок, использующих совокупность трех чисел. Для двумерного пространства скобки используют два числа, для одномерного пространства — одно число.

Определение понятия алгебраический вектор как обобщение понятия геометрический вектор. Рассматривая геометрический вектор на числовой оси OX , получили его числовую модель в виде скобки, содержащей одно число: (a_x) . На плоскости OXY числовая модель геометрического вектора — скобка, содержащая два числа (a_x, a_y) . В пространстве $OXYZ$ числовая модель геометрического вектора — скобка, содержащая три числа (a_x, a_y, a_z) .

Обобщая использование числовых скобок, полученных в качестве числовых моделей геометрических векторов, в алгебре определили в качестве векторов скобки (a_1, a_2, \dots, a_n) , содержащие n чисел. Для таких скобок определили линейные операции суммы и умножения на число.

Пространство, содержащее такие скобки, назвали n -мерным линейным векторным пространством R_n .

Максимально возможное обобщение понятия «вектор». Пусть дано множество R , элементами которого являются: a, b, c, \dots Элементы этого множества называются векторами, а множество R — линейным векторным пространством, если для множества элементов R определены линейные операции сложения и умножения на действительное число.

В этом случае в аксиомах (1) ÷ (8) достаточно заменить символы, обозначающие направленные отрезки: $\overline{a}, \overline{b}, \overline{c}, \dots$, символами: a, b, c, \dots

В качестве иллюстрации возможностей такого обобщения рассмотрим два примера определения линейного векторного пространства.

Пример 1. Пусть задано множество непрерывных на отрезке D (область определения) функций. Известно, что функция, полученная как сумма непрерывных функций, есть непрерывная функция. Функция, полученная умножением непрерывной функции на действительное число, есть непрерывная функция. Это значит, что заданное множество функций есть линейное векторное пространство.

Пример 2. Пусть задано множество матриц (прямоугольных таблиц чисел) размерностью (m, n) , т. е. имеющих m строк и n столбцов. Для матриц определены линейные операции сложения и умножения на число. В результате применения линейных операций получаем матрицу той же размерности (m, n) . Это значит, что заданное множество матриц есть линейное векторное пространство.

Таким образом, на протяжении лекции-беседы ее участники наблюдали, как понятие *вектор* появилось в сознании людей благодаря физикам, как математики применили к нему формализацию и обобщения, в результате чего был создан многоцелевой инструмент для исследователей-практиков. Использование этого инструмента в практике различных наук побуждает к дальнейшему развитию понятия *вектор*.

Литература

1. **Литвинов А. И.** Вектор — многоликий инструмент, раскрывающий изящества интерактивного изучения математики и любой науки // Вторые Всероссийские Декартовские чтения «Декартовский рационализм и современная наука»: мат-лы науч.-практ. конф. (Зеленоград, 17 апреля 2015 г.). М.: МИЭТ, 2015. С. 140—158.
2. **Литвинов А. И.** Вектор как инструмент интерактивного изучения любой науки // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 150—151.

Поступила 29.03.2018

Литвинов Александр Иванович — кандидат технических наук, доцент кафедры высшей математики № 2 Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), *tahalus@rambler.ru*

References

1. Litvinov A. I. Vektor — mnogolikii instrument, raskryvayushchii izyashchestva interaktivnogo izucheniya matematiki i lyuboi nauki (Vector is Many-Faced Tool Uncovering the Elegances of Interactive Learning of Mathematics and Any Science), *Vtorye Vserossiiskie Dekartovskie chteniya “Dekartovskii ratsionalizm i sovremenennaya nauka”, mat-ly nauch.-prakt. konf. (Zelenograd, 17 aprelya 2015 g.)*, M., MIET, 2015, pp. 140—158.
2. Litvinov A. I. Vektor kak instrument interaktivnogo izucheniya lyuboi nauki (Vector as Versatile Interactive Learning Tool), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2015, No. 2 (6), pp. 150—151.

Submitted 29.03.2018

Litvinov Aleksandr I., Candidate of Engineering Sciences, associate professor of Higher Mathematics Department No. 2, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin sq., Zelenograd, 124498, Moscow, Russia), *tahalus@rambler.ru*

Технологии самоконтроля качества личной работы менеджера

С. Д. Резник, И. С. Чемезов

*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза,
Россия*

chemezoff@list.ru

Отмечается, что в опубликованных работах по организации личной деятельности менеджеров основное внимание чаще всего сфокусировано на проблеме повышения эффективности личной деятельности, при этом вопросы качества работы рассматриваются значительно реже. По мнению авторов, очевидно, что необходимо находить тот оптимальный баланс, который позволял бы уравновесить качественные и количественные показатели личной работы. Подчеркивается значение и рассматриваются методы самоконтроля качества личной работы управленческих кадров, приводятся практические рекомендации.

Ключевые слова: менеджер; персональный менеджмент; личная работа; самоорганизация; деловые люди; самоконтроль качества; технологии самоконтроля.

Technologies of Self-Checking of Manager's Personal Work Quality

S. D. Reznik, I. S. Chemezov

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

chemezoff@list.ru

The authors note that published works on the organization of managers' personal activity most often concentrate on a problem of increase in efficiency of personal activity, while questions of work quality are considered quite rarely. In the authors' opinion, there is obvious need to find optimum balance that would allow the counterbalancing of qualitative and quantitative indices of personal work. The authors have emphasized the value and have considered the methods of senior executives' personal work quality self-checking, and have given practical advices.

Keywords: manager; personal management; personal work; self-organization; business people; quality self-checking; technologies of self-checking.

Регулярный контроль результатов собственной деятельности и качества выполняемых работ позволяет деловому человеку всю жизнь учиться на собственных,

а не на чужих ошибках, приобретать жизненный опыт, поддерживать свою конкурентоспособность и в конечном счете повышать личную эффективность.

Объектом самоконтроля в персональном менеджменте могут быть как результаты, так и качество личной работы. Рассмотрим методы самоконтроля качества личной деятельности.

Качество работы — это совокупность ее свойств и признаков, удовлетворяющих потребности и запросы людей и соответствующих ее назначению и предъявляемым требованиям [1, с. 145].

Деятельность руководителя в основном оценивают качеством работы подчиненных ему подразделений, а проблемы эффективности личной деятельности, не связанной с руководством, часто остаются в тени.

Большинство трудов по организации личной работы концентрируются на вопросах повышения эффективности, прежде всего количества выполненных дел. При этом вопросы качества часто не рассматриваются, поскольку повышение качества порой ведет к уменьшению количества. Очевидно, необходимо найти тот оптимальный баланс, который бы позволил уравновесить качественные и количественные показатели личной работы менеджера.

Джон Адайр, известный специалист по развитию лидерских, управлеченческих и коммуникативных навыков, справедливо отмечает, что качество времени важнее, чем его количество. Поэтому всё, что связано с контролем качества нашего времени и его использования, должно быть предметом нашего пристального внимания. Основной принцип такого подхода: наилучшим образом использовать наилучшее время [2, с. 108]. В понимании Адайра это означает отводить на выполнение самой высококвалифицированной работы время высшего качества (например, утренние часы). Это качество может определяться не только временем суток, но и обстановкой, и состоянием. Вспомним поговорку: «Лучше меньше, да лучше». При этом Адайр сетует на то, что наилучшее время часто используется для выполнения «второсортных» дел.

Другой известный в мире эксперт по оптимальному использованию времени Аллан Лакейн в качестве средства самоконтроля

использования времени предлагает «быстро действующее и надежное средство», которое сам называет «вопросом Лакейна». Этот вопрос звучит так: «Как мне лучше всего распорядиться своим временем в данный момент?» Он предлагает задаваться этим вопросом «всякий раз, когда вы не будете уверены в том, что используете свое время наиболее эффективным образом» [3, с. 108].

Каждый деловой человек, особенно менеджер, в течение дня выполняет десятки и сотни различных работ, порой создавая себе иллюзию занятости, того, что везде и во всем успевает. Однако анализ организации работы многих менеджеров свидетельствует о том, что они часто не дают себе сосредоточиться, глубоко проанализировать реальную действительность, в результате чего принимаемые ими решения нередко носят поверхностный характер. Многие руководители, особенно начинаящие, становятся заложниками срочных повседневных дел («текучки»), не имеют возможности уделять достаточного времени решению кардинальных проблем.

Необходимо постоянно анализировать причины потерь своего времени, например, с использованием известного списка из 30 наиболее существенных «поглотителей времени» [4]. Из него рекомендуется выделить несколько (например, пять) основных, справившихся с которыми можно добиться ощущимой экономии личного времени.

Среди технологий управления качеством в менеджменте широкое распространение получил метод *PDCA*, лежащий в основе непрерывных усовершенствований. Этот метод можно переложить и на сферу самоорганизации [5, с. 111–115].

В аббревиатуре *PDCA* заключены первые буквы английских слов, обозначающих последовательные этапы непрерывного улучшения процессов: планируй (*Plan*), делай (*Do*), проверяй (*Check*) и воздействуй (*Act*) [6].

Широкому распространению данной модели способствовал У. Э. Деминг, известный ученый и практик в области управления качеством (см. рис. 1).

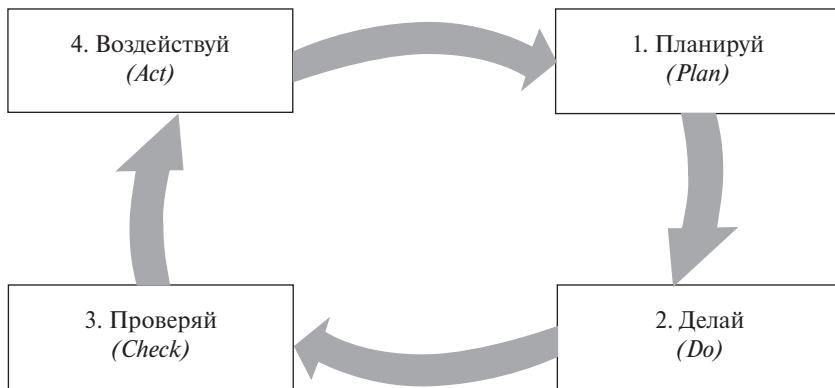

Рис. 1. Цикл непрерывного улучшения процессов PDCA

Цикл *PDCA* предусматривает четыре шага [7].

1. *Планирование*. Этот этап должен предшествовать самим действиям. Он включает анализ фактического состояния, сведения о потенциале улучшения, а также разработку предполагаемых действий.

2. *Осуществление (действие)* следует за планированием. Шаг *Do* («Делай») означает пробовать, тестиировать. Это не значит выполнять весь проект. На этом этапе должны быть сделаны осторожные шаги, которые покажут, правильный ли путь достижения цели выбран [8].

3. *Контроль (проверка)*. На этом этапе реализованный в небольшом масштабе результат контролируется и тщательно перепроверяется для дальнейшего широкого применения. То, что идет неправильно, должно быть исправлено; в этом случае необходимо снова вернуться на этап «Делай» и выполнить действия с учетом исправлений. Так происходит процесс обучения: ошибки вовремя обнаруживаются и исправляются. Возможно, предстоит несколько раз пройти стадии «Осуществление» — «Контроль» до получения удовлетворительного результата, после чего можно будет перейти к заключительной фазе цикла.

4. *Претворение в жизнь*. Полученный в результате предварительной проработки, пробного выполнения и учтенных на его основе ошибок порядок действий фиксируется (он может быть оформлен в качестве стандарта, инструкции, правила, перечня

действий), выполняется и повторяется многократно. При этом регулярно проверяется его соблюдение.

Дальнейшие улучшения снова начинаются с шага планирования. Однако возможно, что по итогам «пилотного» внедрения будет принято решение отклонить план. Если же цикл повторяется неоднократно, то процесс работы постоянно отлаживается и совершенствуется.

Казалось бы, модель улучшений *PDCA* известна многим менеджерам и не представляет собой чего-либо необыкновенного или сложного. Однако по нескольким причинам она редко используется руководителями в практике личной работы и при самоконтроле качества. Это находит выражение, в частности, в том¹, что, во-первых, работа начинает выполняться без предварительного планирования.

Здесь действует наполеоновский принцип: «сначала ввязнемся в бой, а потом разберемся». Как следствие, в процессе работы возникает множество трудностей и остановок, которые заранее можно было бы предвидеть. Так, планирование позволило бы лучше подготовить для выполнения работы материальную часть (все необходимые инструменты и материалы) и информацию. Если это не было сделано, приходится периодически отвлекаться на поиск и подготовку того, без чего невозможно продолжать работу.

¹ Тутунов К. «Колесо Деминга (Цикл Деминга, PDCA)». Живой журнал, 21.01.2008. URL: <http://tutunov.livejournal.com/1380.html>

Во-вторых, не проводится серьезного анализа по первым результатам выполнения работы. В итоге допущенные ошибки упускаются из виду и могут быть повторены в дальнейшем.

В-третьих, опускается 4-й этап, предполагающий корректировку первоначальных действий, тогда как именно здесь заложен основной потенциал повышения качества личной работы. Но даже если проверка позволила дать высокие оценки выполненному, можно: а) повысить целевые показатели; б) сделать успешные действия стандартом для себя и своих подчиненных.

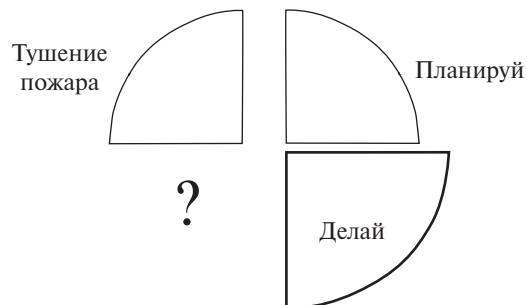

Рис. 2. Традиционный подход к деятельности, противоречащий циклу *PDCA*

Размышляя о причинах этого, Генри Нив справедливо отмечает: «Я думаю, что все потому, что мы были воспитаны в духе принципа “Делай”. Делание — “продуктивно”, тогда как Планирование, Проверка, Изучение “непродуктивны”. “Делая” что-либо, мы чувствуем продвижение куда-либо, тогда как при планировании, обдумывании, обсуждении, изучении — чувствуем, что как будто еще даже и не приступали к делу» [9, с. 145]. Вспоминается известная притча о том, как человек предпочитал пилить дерево тупой пилой, вместо того чтобы остановить работу и наточить ее, и ссылался при этом на недостаток времени. В подобной ситуации часто оказываемся и мы, когда не уделяем должного внимания самоконтролю качества работы, устранению непродуктивности и улучшениям.

Подведем итоги.

Прежде всего, менеджеры должны находить оптимальный баланс, который бы позволял уравновешивать качественные и количественные показатели их работы. С этой

Таким образом, последовательное выполнение всех этапов цикла улучшений становится принципиальным требованием.

Вторая проблема, помимо невыполнения этапов цикла, — их разделение между разными исполнителями (одни планируют, другие исполняют, трети проверяют и т. д.). Такая практика не позволяет в полной мере использовать потенциал возможных улучшений. Значительно лучше, когда все этапы выполняет один человек².

В результате несоблюдения принципов модели *PDCA* в практике личной деятельности менеджеров раз за разом повторяется ситуация, изображенная на рис. 2, а не на рис. 1.

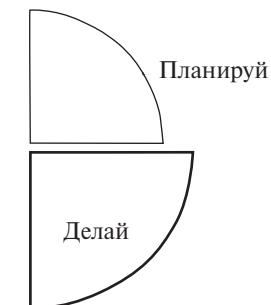

Рис. 2. Традиционный подход к деятельности, противоречащий циклу *PDCA*

целью необходимо наилучшим образом использовать наилучшее время; постоянно задаваться вопросом о том, как лучше всего распорядиться своим временем в каждый момент; использовать технологию *PDCA* для контроля и повышения качества своей личной работы.

Далее, важным принципом деятельности человека, желающего хорошо управлять самим собой, должно стать стремление делать всё наилучшим образом, т. е. так, чтобы не только получить ожидаемый результат, но и достичь большего. Такой подход требует овладения современными технологиями личной работы и их постоянного совершенствования.

Наконец, вопрос качества можно ставить отдельно применительно к каждому конкретному виду работы. В книге «Самоорганизация и личная эффективность: секреты и уроки жизни организованного человека» [10] об этом рассказано более подробно, вопросу качества отдельных

² Там же.

видов работ посвящена глава под названием «Каждую работу — наилучшим образом». В ней детально рассматриваются виды работ, которые можно считать актуальными для большинства начинающих менеджеров и предпринимателей: обустройство позволяющего думать рабочего места, планирование личной работы, технологии слушания собеседника, телефонного разговора, поездок, ведение записных книжек, личного и семейного архивов.

Таким образом, использование цикла *PDCA* представляет собой относительно простой, но эффективный способ решения проблем самоконтроля и повышения качества личной деятельности.

Литература

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2007. 480 с.
2. Адайр Дж. Эффективный тайм-менеджмент. М.: ЭКСМО, 2003. 251 с. (Гуру менеджмента).
3. Лэйкен А. Время — деньги. Как стать хозяином своего времени и жизни. Екатеринбург: Литур, 2001. 192 с.
4. Персональный менеджмент / С. Д. Резник и др. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2016. 592 с.
5. Резник С.Д., Черниковская М.В., Чемезов И.С. Управление изменениями. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2014. 384 с.: ил., табл.
6. Deming W. E. Out of the Crisis. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 507 p.
7. Гродзенский С. Я., Попов Д. А. Цикл Шухарта — Деминга и новейшие инструменты управления качеством // Вестник МГТУ МИРЭА: электрон. изд. 2014. № 2 (3). С. 230—234. URL: <https://rtj.mirea.ru/upload/medialibrary/afd/22-grozdenskii.pdf> (дата обращения: 29.04.2018).
8. Нив Г. Цикл Деминга // Организация как система: Принципы построения устойчивого бизнеса Эдвардса Деминга / Генри Нив. 3-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2014. С. 139—146.
9. Neave H. The Deming dimension. Knoxville, TN: SPC Press, 1990. 440 p.
10. Резник С.Д., Усов В.Р. Самоорганизация и личная эффективность: секреты и уроки жизни организованного человека. М.: ИНФРА-М, 2018. 283 с.: ил., табл.

Поступила после доработки 10.04.2018

Резник Семён Давыдович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Менеджмент» Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (Российская Федерация, 440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, д. 28), disser@bk.ru

Чемезов Игорь Станиславович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент» Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (Российская Федерация, 440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, д. 28), chemezoff@list.ru

References

1. Raizberg B. A., Lozovskii L. Sh., Starodubtseva E. B. Sovremennyi ekonomicheskii slovar' (Modern Economic Dictionary), 3-e izd., M., INFRA-M, 2007, 480 p.
2. Adair Dzh. (Adair J.) Effektivnyi taim-menedzhment (Effective Time Management), M., EKSMO, 2003, 251 p., Guru menedzhmenta.
3. Lekein A. (Lakein A.) Vremya — den'gi. Kak stat' khozyainom svoego vremeni i zhizni (Time is Money. How to Get Control of Your Time and Your Life), Ekaterinburg, Litur, 2001, 192 p.
4. Personal'nyi menedzhment (Personal Management), by S. D. Reznik et al., 5-e izd., pererab. i dop., M., INFRA-M, 2016, 592 p.
5. Reznik S. D., Chernikovskaya M. V., Chemezov I. S. Upravlenie izmeneniyami (Management of Changes), 2-e izd., pererab. i dop., M., INFRA-M, 2014, 384 p., il., tabl.
6. Deming W. E. Out of the Crisis. Cambridge, MA, MIT Press, 2000, 507 p.
7. Grodzenskii S. Ya., Popov D. A. “Tsikl Shukharta — Deminga i noveishie instrumenty upravleniya kachestvom” (Shewhart — Deming Cycle and Newest Quality Management Tools). Vestnik MGTU MIREA, vol. 2 (3), 2014, pp. 230—234. Web. 29 Apr. 2018. <rtj.mirea.ru/upload/medialibrary/afd/22-grozdenskii.pdf>.
8. Niv G. (Neave H.) Tsikl Deminga (Deming Cycle), Organizatsiya kak sistema: Printsipy postroeniya ustochivogo biznesa Edvardsa Deminga, by Genri Niv, 3-e izd., M., Al'pina Publisher, 2014, pp. 139—146.
9. Neave H. The Deming dimension. Knoxville, TN, SPC Press, 1990, 440 p.
10. Reznik S. D., Usov V. R. Samoorganizatsiya i lichnaya effektivnost': sekrety i uroki zhizni organizovannogo cheloveka (Self-Organization and Personal Efficiency: Organized Person's Secrets and Life Lessons), M., INFRA-M, 2018, 283 p., il., tabl.

Submitted after updating 10.04.2018

Reznik Semen D., Doctor of Economics (Ph.D.), professor, Head of the Management Department, Penza State University of Architecture and Construction (28, German Titov street, Penza, 440028, Russia), disser@bk.ru

Chemezov Igor S., Candidate of Economics, Associate Professor, associate professor of the Management Department, Penza State University of Architecture and Construction (28, German Titov street, Penza, 440028, Russia), chemezoff@list.ru

О подмене нравственных норм интеллектуальными в современном образовательном пространстве

O. V. Шангина¹, Ф. К. Романов²

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия

shanginao@yandex.ru

Рассматривается особенность образовательного пространства в современном обществе — отсутствие четкой модели духовно-нравственного воспитания молодого поколения. Проводится сравнительный анализ нравственных норм современной России и России периода существования Российской империи и СССР. Делается попытка найти и рассмотреть общий возможный компонент объединения и взаимообогащения образовательных процессов в Российской Федерации и в современной Европе.

Ключевые слова: воспитательная функция; духовно-нравственное воспитание; идеология; преемственность поколений; единое образовательное пространство.

About Substitution of Intellectual Standards for Ethical Norms in Modern Education Space

O. V. Shangina¹, F. K. Romanov²

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

shanginao@yandex.ru

The authors consider a peculiarity of education space in modern society: lack of unfussy model for young generation's spiritual and moral education. They undertake a comparative analysis of ethical standards in modern Russia as well as the ones that existed in Imperial Russia and the USSR. They did make an attempt to find and explore possible common components of unity and enrichment of the education processes in Russian Federation and modern Europe.

Keywords: educational function; spiritual and moral education; ideology; continuity of generations; common educational space.

Дискуссии, посвященные причинам и следствиям событий 1917 г. в России, показали, что несмотря на новые цифры и факты, подтверждаемые документально,

спорящие стороны не могут прийти к однозначному убеждению. Невозможность дать окончательную оценку судьбоносным для жизни России событиям

свидетельствует о том, что сегодня в нашей стране нет господства конкретной идеологии.

После раз渲ала СССР отсутствие идеологии привело к тому, что из образовательного процесса постепенно была исключена воспитательная функция. В сентябре 2009 г. Комитетом по образованию Государственной Думы РФ при обсуждении концепции духовно-нравственного воспитания и развития российских школьников была предпринята попытка решить проблему воспитания подрастающего поколения. «При этом законодатели не только одобрили проект, но и предложили в дальнейшем рассматривать его как идеологическую и методологическую основу для разработки федеральных государственных образовательных стандартов общего и профессионального педагогического, а также дополнительного образования» [1, с. 2]. Была обоснована необходимость концепции: «...еще в начале XX века были нарушены механизмы преемственности поколений, определения и трансляции духовных традиций России. Как следствие, сегодня мы наблюдаем рост национализма и ксенофобии, снижение ценности производительного труда, негативную демографическую ситуацию, снижение физического, социального и психологического здоровья населения и нарастание миграционных процессов» [1, с. 2].

Восстанавливая преемственность поколений, разработчики проекта взяли за основу исторический материал, изложенный в Книге для чтения в народных училищах «О должностях человека и гражданина», изданной в 1783 г. по указу Екатерины II. Книга использовалась для воспитания учащихся до 1819 г. В Российском гуманистичном энциклопедическом словаре, на который ссылаются разработчики, об этой книге говорится, что она состояла из четырех частей: «В первой давались понятия о душе, памяти, разуме, воле, добродетелях и пороках человека. Вторую часть составляли медицинские наставления. В третьей, основной части рассказывалось о разных

формах общественного устройства. В четвертой — давались сведения о домоводстве» [1, с. 3].

Авторство книги разделили Ф. И. Янкович, сербский и российский педагог, реформатор образования в Австрийской и Российской империях, и австрийский педагог И. И. Фельбигер, который будучи аббатом монастыря Августинского ордена в Загане (Силезия) открывал семинарии для подготовки учителей католических народных школ. Фельбигер разработал систему обучения, известную как саганская система организации школьного обучения. Поскольку опыт саганской системы «использован Ф. И. Янковичем при разработке школьного устава 1786 г. в России» [2, с. 251], можно говорить об общих принципах школьного обучения в Австрийской и Российской империях. Книга «О должностях человека и гражданина» представляет собой переложенные на русский язык Ф. И. Янковичем «Моральные наставления» И. И. Фельбигера.

Таким образом, попытка объединить системы образования стран Европы предпринята задолго до начала Болонского процесса. В 2003 г. Россия вступила в единое европейское учебное пространство, подписав Болонский договор. Однако движение по вектору, заданному Болонским процессом, не так уж безболезненно для отечественного образования. Основная особенность и вместе с тем недостаток этого движения в том, что оно не предусматривает воспитательной функции образовательного процесса.

В ноябре 2017 г. в Москве прошел бизнес-форум *Synergy Global Forum*. По мнению организаторов, это самый большой форум из тех, какие когда-либо проводились не только в России, но и в Европе. Выступающие отметили, что новые технологии изменяют не только экономику, бизнес и политику, но и психологию человека. В информационной эпохе от скорости принятия решений зависит успешность бизнеса. Статистика показывает, что в 2025 г. произойдет многократное увеличение объемов информации, которой будет оперировать

человечество. На форуме говорилось об искусственном интеллекте, необходимом для обработки такого массива информации.

Рост информационных объемов, обрабатываемых современным человеком, ставит перед системой образования совершенно иные задачи. Прежняя система образования зависела от экономических и политических внешних факторов и не имела такого объема информации, каким располагает современный педагог. С одной стороны, опыт системы образования Европы, которая раньше России встала на путь подготовки новых кадров под давлением экономической необходимости, возникшей в информационную эпоху, необходим. С другой стороны, человек в современном мире не должен превращаться в биоробота, обрабатывающего потоки информации в целях получения вещественных благ для обеспечения своих жизненных потребностей.

Перед системой образования в России встают совершенно иные задачи. Прежде школьники и студенты накапливали определенный багаж знаний и приобретали навыки применять эти знания. Сегодня постоянное обновление процесса обучения дает возможность использовать новые технологии обработки больших объемов информации. Вместе с тем современный образовательный процесс должен научить молодых людей приспосабливаться к изменению социального и культурного пространства.

С учетом вышесказанного, сегодня на первое место выходит обсуждение обществом целевого компонента воспитательного процесса (согласно классификации Т. И. Шамовой). Только определение педагогами и учащимися целей воспитания позволит выработать и содержательный, и операционно-деятельностный, и аналитико-результативный компоненты воспитательного процесса, которые составят новое образовательное пространство современной России.

Пространство европейской культуры эпохи Екатерины II определялось принадлежностью к христианству народов и России, и Австрийской империи, и других

европейских государств. Соответственно, книга «О должностях человека и гражданина» раскрывала содержательный компонент воспитания и образования того времени, цели и задачи которого объединяли всех граждан европейских государств. Сегодня, исходя из того что споры о положительных и отрицательных сторонах реформы системы образования в рамках Болонского процесса в России не затихают, можно сказать, что общего и объединяющего всех участников Болонского процесса целевого компонента воспитания пока нет. Поэтому странам Европы совместно с Россией предстоит поиск и доказательство безусловности этого компонента.

Стремительный материальный прогресс принес современному человеку не только блага, но и совершенно несвойственную предыдущим поколениям неопределенность, обусловленную возрастающими стрессами, социальным расслоением общества, нестабильностью работы и, прежде всего, отсутствием ответа на вопрос: для чего человек живет на этой земле, что является для него главным в жизни? Сегодня все чаще приходит понимание, что решить эти вопросы вне общей государственной системы воспитания невозможно. И в этой системе обязательно должно иметь место духовно-нравственное воспитание и развитие российских школьников, поэтому необходимо дать хотя бы общие представления о духовности и нравственности.

Именно отсутствие этих представлений в образовательном пространстве и вынудило авторов Российского гуманитарного энциклопедического словаря пересказать содержание части «Об образовании души» из упоминаемой нами книги [3, с. 5]. Однако перечисляя предметы, о которых идет речь в первой части книги, словарь не определяет ни понятия «душа», ни понятий «добродетель» и «порок». Вместе с тем в словаре есть определение понятию «душечка»: «Прозвище героини одноим. рассказа (1899) А. П. Чехова, бесхитростной и доброй женщины, полностью растворяющейся в предмете своей любви, живущей

целиком его заботами и мыслями; часто нарицательное назв. доверчивой, недалекой и несамостоятельной женщины (шире — человека вообще). Л. Толстой считал, что Чехов в этом рассказе, желая высказать насмешку, воспел истинное призвание женщины» [4]. Из этого определения молодым людям, которые рассказ не читали, трудно заключить, хорошо быть душечкой или нет. Нет в этом словаре и понятий «духовность» и «нравственность».

Когда религия, включающая свод моральных норм, находится в СССР под негласным запретом, даже в Советском энциклопедическом словаре нравственность раскрывается как «особая форма общественного сознания и вид общественных отношений (моральные отношения); один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм. В отличие от простого обычая или традиции нравственные нормы получают идеальное обоснование в виде идеалов добра и зла,енного, справедливости и т. п.» [5, с. 841].

В советском обществе мировоззрение строилось на материальном начале, обусловленном мощной идеологией. Если человека лишить ориентиров, которые позволят ему различать добро и зло, то такой человек не сможет приносить пользу ни обществу, ни семье, да и ему самому будет крайне трудно определить смысл своей жизни. Поэтому в СССР не могло не быть и понятия морали. «Коммунистическая мораль впитала в себя как общечеловеческие нравственные ценности, так и нормы поведения, рожденные народными массами в борьбе против эксплуатации, за свободу и социальное равенство, счастье и мир. Это мораль коллективистская, гуманистическая, деятельная; она органично сочетает общенародные, коллективные и личные интересы, утверждает отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, человеческое достоинство, доброжелательность, честность, простоту и скромность в личной и общественной жизни, побуждает человека к настойчивой борьбе за коммунистические идеалы» [5, с. 841—842].

В СССР понятия идеала и нравственности также прививались через труды советских психологов и философов. Так, С. Л. Рубинштейн писал: «идеалы формируются под непосредственным общественным влиянием. Они в значительной мере определяются идеологией, мировоззрением. Каждая историческая эпоха имеет свои идеалы — свой идеальный образ человека, в котором время и среда, дух эпохи воплощают наиболее значимые черты» [6, с. 532].

Современное российское общество сконкурировано в меньшей степени, чем европейское: многие ценности православной традиции преобладают и сегодня, например, ценность жертвенного служения. Неопределенность в духовно-нравственном развитии общества порождает споры о необходимости преподавания в вузах теологии. В 2015 г. теология становится научной специальностью, а создание кафедры теологии рассматривается вузами самостоятельно.

В 2017 г. на пленарном заседании Первой Всероссийской конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве» председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион подчеркнул, что «...с самого начала проект введения специальности “Теология” в светское образовательное пространство носил межрелигиозный характер. И не случайно сегодня в этом зале присутствуют представители традиционных конфессий России. Под эгидой ВАК был создан первый в истории России Объединенный докторандусский совет по специальности “Теология”. 1 июня сего года состоялась первая в современной российской истории защита докторантуры на соискание ученой степени кандидата теологии» [7].

Концепция духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения во многом зависит и от трактовки такого основополагающего понятия, как «духовность». В начале книги «О должностях человека и гражданина» говорится, что «не одно только тело, которое видим, составляет человека» [3, с. 9], и далее речь идет о душе. Очевидно, что духовность

в религиозно-философском смысле есть понятие, напрямую связанное с Богом. Можно говорить о когда-то едином и для католической Европы, и для православной Российской империи понимании пороков и добродетелей, можно говорить о христианских ценностях в XX в. как об абсолютном благе, но в современном обществе духовность часто трактуется как тяга людей к прекрасному, к сохранению и преумножению культурных ценностей и совершенствованию творческих способностей. При этом понятия «дух» и «душа» соединяют сознание с реальностью, становясь аспектами общественного и индивидуального. Будущее покажет, какая модель воспитания войдет в новую систему образования, но без целевого компонента процесса воспитания о духовном здоровье нашего общества говорить нельзя.

Неясность в трактовке духовно-нравственных понятий, характерная для большей части современной научно-познавательной литературы, приводит к неясности в понимании молодым поколением, что же представляет собою гармоничная личность, а также является одним из следствий неопределенности в формировании обществом задач развития личностных качеств. Об этом свидетельствует и такой парадокс, как наличие определения понятия «покаяние» в Российском гуманитарном энциклопедическом словаре [8] при отсутствии определений духовности, порока и добродетели. В декабре 2017 г. на первой Всероссийской конференции «Парадоксы информационной открытости» был представлен аналитический доклад с названием, указывающим на состояние современного образовательного пространства, — «Парадоксы информационной открытости системы образования: вакуум при разнообразии?..» Мы живем в очень непростое для молодого поколения время, когда при кажущемся разнообразии выбора жизненного пути существует опасность духовного вакуума, особенно в том случае, если при разработке модели воспитания основополагающим станет позиционирование интеллектуального умения быстрой обработки возрастающего объема информации.

Литература

1. Функция воспитания возвращается в школу // Аккредитация в образовании: информационно-аналитический журнал: [Электронный ресурс]. 2009. № 6 (33): 5 октября. С. 2–4. URL: http://www.akvobr.ru/funkcija_vospitanija_vozvrashaetsa_v_shkolu.html (дата обращения: 04.12.2017).
2. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 528 с.
3. *Фельбигер И. И.* О должностях человека и гражданина: кн. к чтению определенная в нар. гор. училищах Рос. Империи. 4-е тиснение. СПб.: [Тип. Брейткопфа], 1788. 180, [4] с.
4. Душечка // Российский Гуманитарный Словарь: [Электронный ресурс]. Онлайн-версия издания: Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. / [редкол.: П. А. Клубков и др.]. М.: Владос; СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002. URL: <http://2tq.ru/slovary/dushechka.html> (дата обращения: 22.05.2018).
5. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1989. 1632 с.: ил.
6. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999. 720 с.
7. *Иларion (Алфеев Г. В.; митрополит Волоколамский).* Теология в современной России: становление отрасли // Официальный сайт Московского Патриархата: [Электронный ресурс] / Русская православная церковь. 14.07.2017. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4934526.html> (дата обращения: 04.05.2018).
8. Покаяние // Российский Гуманитарный Словарь: [Электронный ресурс]. Онлайн-версия издания: Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. / [редкол.: П. А. Клубков и др.]. М.: Владос; СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002. URL: <http://2tq.ru/slovary/pokayanie.html> (дата обращения: 22.05.2018).

Поступила 19.02.2018

Шангина Ольга Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), shanginao@yandex.ru

Романов Федор Константинович — студент 2-го курса факультета экономической безопасности Института права и национальной безопасности (ИПНБ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, 119571, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82), romanov58@rambler.ru

References

1. “Funktsiya vospitanija vozvrashchaetsya v shkolu” (Education Function Comes Back to School). *Akkreditatsiya v obrazovanii: informatsionno-analiticheskii*

zhurnal 6.33 (2009), pp. 2–4. Web. 4 Dec. 2017. <http://www.akvobr.ru/funkcija_vospitanija_vozvrashaetsa_v_shkolu.html>.

2. Pedagogicheskii entsiklopedicheskii slovar' (Pedagogical Encyclopedic Dictionary), Gl. red. B. M. Bim-Bad, M., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2002, 528 p.

3. Fel'biger I. I. O dolzhnostyakh cheloveka i grazhdanina: kn. k chteniyu opredelennaya v nar. gor. uchilishchakh Ros. Imperii (On Positions Held by Human and Citizen: Book Designated for Reading in Municipal Primary Schools of the Russian Empire), 4-e tisnenie, SPb., Tip. Breitkopfa, 1788, 180, 4 p.

4. "Dushechka" (The Darling). *Rossiiskii Gumanitarnyi Slovar'*, Online version of: *Rossiiskii gumanitarnyi entsiklopedicheskii slovar'*, v 3 t. Redkol.: P. A. Klubkov i dr., M., Vlados, SPb., Filol. f-t SPbGU, 2002. Web. 22 May 2018. <<http://2tq.ru/slovary/dushechka.html>>.

5. Sovetskii entsiklopedicheskii slovar' (Soviet Encyclopedic Dictionary), Gl. red. A. M. Prokhorov, 4-e izd., ispr. i dop., M., Sovetskaya entsiklopediya, 1989, 1632 p., il.

6. Rubinshtein S. L. Osnovy obshchei psikhologii (General Psychology Basics), SPb., Piter, 1999, 720 p.

7. Ilarion (Alfeev G. V., mitropolit Volokolamskii). "Teologiya v sovremennoi Rossii: stanovlenie otrasi" (Theology in Modern Russia: Establishment of a Field).

Oftisial'nyi sait Moskovskogo Patriarkhata. Russkaya pravoslavnaya tserkov', 14 July 2017. Web. 22 May 2018. <<http://www.patriarchia.ru/db/text/4934526.html>>.

8. "Pokayanie" (Repentance). *Rossiiskii Gumanitarnyi Slovar'*, Online version of: *Rossiiskii gumanitarnyi entsiklopedicheskii slovar'*, v 3 t. Redkol.: P. A. Klubkov i dr., M., Vlados, SPb., Filol. f-t SPbGU, 2002. Web. 22 May 2018. <<http://2tq.ru/slovary/pokyanie.html>>.

Submitted 19.02.2018

Shangina Olga V., Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), shanginao@yandex.ru

Romanov Fedor K., 2nd grade student of Economic Security Faculty at Institute of Law and National Security, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, 119571, Moscow, Vernadskogo av., 82), romanov58@rambler.ru

**Институциональное воспроизведение парадемократического авторитаризма:
причины и последствия**

Ф. С. Антонов

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

aspirantura@mgou.ru

Анализируются реформы «рационализации» политической системы 2000—2012 гг. Отмечается ориентация реформ на построение модели управляемой демократии. Важнейшими шагами в направлении формирования такой модели названы те, что были связаны с созданием, наряду с демократическими институтами, дополнительных административных — парадемократических — структур, обеспечивающих административную поддержку полномочий и власти президента. Делается вывод, что в результате проводимой политики конкуренция для государственной администрации со стороны региональных элит была устранена, политический плюрализм и полицентризм постепенно вытеснены, политика элитизировалась, право принятия политических решений было приурочено государственной номенклатурой, оформилась система электорального авторитаризма. Сложившийся в России политический режим охарактеризован как парадемократия.

Ключевые слова: политический режим; демократия; авторитаризм; государство; гражданское общество; политические институты; президент; исполнительная власть.

**Institutional Reproduction of Parademocratic Authoritarianism:
Causes and Consequences**

F. S. Antonov

Moscow Region State University, Moscow, Russia

aspirantura@mgou.ru

The author analyzes the political system “rationalization” reforms of 2000—2012, noting that these reforms were aimed at building a model of managed democracy. He marks as the most important in the formation of this model the steps associated with creation, along with democratic institutions, of additional, paradigmatic administrative structures providing administrative support to the authority and power of the president. The author concludes that the results of this policy were the elimination of competition of the state administration from the regional elites, the gradual displacement of political pluralism and polycentrism, the elitization of politics, the assignment of the right of political decisions making to the state nomenclature, and the designing of the electoral system of authoritarianism. The author characterizes political regime formed in Russia as paradigm democracy.

Keywords: political regime; democracy; authoritarianism; state; civil society; political institutions; president; executive power.

Исходный тезис нашей статьи заключается в том, что в конце 1990-х гг. политическая система РФ находилась в состоянии глубокого кризиса, а демократические политические институты, сформированные к концу 1990-х гг., не могли эффективно разрешать усугублявшиеся противоречия. Наиболее острой была проблема преодоления сепаратизма. Нарастали центробежные тенденции, усиливалось влияние региональных элит, в национальных республиках «развивались массовые национальные движения, вожди которых могли вывести на улицы тысячи сторонников республиканского суверенитета. Энергию этих движений поначалу подчинили себе лидеры республик» [1, с. 41]. Региональные лидеры действительно пользовались большим доверием своих регионов, нежели федеральная власть: «Одни поддерживали их из-за постоянного протеста, другие — из искренней веры в преимущество полной независимости и желания возвысить своего регионального лидера, трети — из опасений не поддержать вовремя своего всемогущего “феодала”» [2, с. 118].

Эти факторы определяли необходимость оформления такой модели политической системы, в которой компетенции и полномочия власти были бы эффективно распределены между институтами региональной и центральной, исполнительной и законодательной власти в целях обеспечения политической стабилизации, формирования механизмов и процедур интеграции политических интересов элит различных уровней, обеспечения легитимности власти президента. Период 1990-х гг. стал смутой — главной причиной, но и поводом для переустройства власти. В смутные времена, как отмечает Т. В. Расти meshina, «все инструменты применяются для того, чтобы укрепить власть как “вещь в себе”, поэтому любая форма власти в России рано или поздно кренится на сторону абсолютизма» [3, с. 77].

Предшествующий кризис институтов власти достиг апогея в 1993 г. и был ликвидирован действовавшим Президентом РФ Б. Н. Ельциным: он устранил парламентскую оппозицию силовым (по оценке

многих, волюнтаристским и даже диктаторским) способом и инициировал конституционную реформу. Принятие конституции обозначило конец периода продемократического популизма власти и начало длительного периода политического pragmatizma: конституция кодифицировала перечень полномочий президента, которые распространяли его власть и на законодательную, и на судебную систему, максимизировали его полномочия в системе исполнительной власти. Реформа имела весомый политический эффект, зафиксировав начало восстановления вертикали власти.

Принятие Конституции РФ 1993 г. стало вехой, завершившей длительный период институционального противостояния законодательных органов власти и президента, поддерживаемого правительством. Конституция обозначила очевидный крен в распределении полномочий в пользу президента и исполнительной ветви власти. Основной закон зафиксировал и формулировку принципа разделения властей, и отдельное существование каждой из ветвей, с собственными функциями, полномочиями и компетенциями, однако не их самостоятельность, независимость и равенство перед законом, конституцией и гражданским обществом. Тем самым была заложена правовая основа для сосредоточения значительного объема власти в руках главы государства. Так, в тексте Конституции РФ 1993 г. содержатся прямые указания на возможность для президента создавать любые административные органы и структуры, способные послужить дополнительной административной опорой его полномочиям.

Вместе с тем не погашенный очаг сепаратизма в Чечне стал главным фактором последнего и наиболее значительного кризиса власти конца 1990-х гг. Сформированные к этому времени политические институты: президент, почти полностью подконтрольное ему правительство, законодательные органы власти — продемонстрировали бессилие в отношении разрешения конфликта в Чечне и последовательного продолжения либеральных

реформ. Накопившиеся кризисные явления косвенно указывали на несостоительность форсированных, но не завершенных демократических реформ, с одной стороны, и на краткосрочность положительных эффектов воспроизведения отношений демократического авторитаризма (без опоры на институциональные реформы), с другой.

Краткий опыт, путь проб и ошибок, проийденный Россией с 1993 до 1999 г., стал основой для институционального воспроизведения политического режима нового типа: гибридного режима парадемократии, находящегося на стыке авторитаризма и демократии, с опорой на ее институты и процедуры.

Основные идеологические конструкты программы будущего Президента РФ В. В. Путина были сформулированы в его статье «Россия на рубеже тысячелетий». Бывший президент точно и с опорой на неутешительную статистику констатировал, что «нашей страны нет сегодня в числе государств, олицетворяющих высшие рубежи экономического и социального развития современного мира, — во-первых. И наше Отечество стоит сейчас перед очень нелегкими экономическими и социальными проблемами — во-вторых» [4]. Программная часть статьи предваряется подпараграфом «Уроки для России». Одним из уроков В. В. Путин назвал исчерпанность лимита на революции, катастрофы и гражданские конфликты и необходимость ориентироваться на «стратегию возрождения и расцвета» [4], а также отметил бесперспективность искусственного переноса западных моделей демократии на российскую почву. Однако он никак не характеризовал ни такие, на наш взгляд, неоспоримые достижения институционализации демократии, как политический плюрализм, многопартийность, свободные выборы, свобода слова и печати и т. п., ни ее экономические эффекты: частную собственность, либерализацию экономики и финансов и др. Иными словами, акценты в статье будущего президента были расставлены так: период демократических реформ, в ее контексте, приводит не к становлению свободного демократического государства, отстаивающего

демократические ценности и базирующегося на развитии рыночной экономики, а к тяжелому системному кризису.

Программная часть статьи указывала на идеальные ориентиры будущей политики В. В. Путина: государствоцентризм (крепкое государство — источник и гарант порядка, «инициатор и главная движущая сила любых перемен»), восстановление «направляющей и регулирующей роли государства в той степени, в какой это необходимо, исходя из традиций и нынешнего положения страны» [4], социальная интеграция, патриотизм.

Подробный анализ программной статьи В. В. Путина показывает, что ориентиры и приоритеты его внутренней политики были сформулированы еще в 1999 г. и не претерпели существенных изменений. Последовавшие реформы «рационализации» политической системы были ориентированы на модель управляемой демократии, опирающейся на мощный государственный аппарат, усиленную властную вертикаль со «становым хребтом» исполнительной власти. Ключевая роль в восстановлении силы и славы России, с точки зрения В. В. Путина, должна была быть отведена государству, тогда как о роли гражданского общества и гражданских институтов в статье не упоминалось. Таким образом, в противостоянии идеологий свободы и модернизации, с одной стороны, и стабильности и порядка, с другой, в 1999 г. вторая одержала победу над умами элиты, и именно она остается доминирующей идеей дальнейшего развития общества и государства. Власть с целью усилить государство и общество стала на путь усиления самой себя. В своей программной статье В. В. Путин также презентовал себя в качестве сильного лидера и спасителя нации и государства от грядущих потрясений, опираясь на то, что российской политической культуре свойственны и близки «персонализация, сакрализация верховной власти, восприятие образа лидера сквозь призму представлений о спасителе, “отце-благодетеле”, “царе-батюшке” в сочетании с клиентелизмом, абсолютизацией роли личности, склонностью к авторитаризму» [5, с. 19].

Одним из ключевых направлений усиления государства стало укрепление центрального государственного аппарата наряду с ослаблением аппарата регионов. В 2000 г., согласно Указу Президента РФ «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе», были созданы семь федеральных округов и институт полномочных представителей президента. Этот дополнительный институт, в соответствии с документом, был введен в целях обеспечения «реализации Президентом Российской Федерации своих конституционных полномочий, повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля за исполнением их решений» [6]. Как отмечалось, Конституция РФ содержит указание на возможность президента административно усилить свою власть. Таким усилением и стал институт полномочных представителей. В отношении правовых оснований и политico-правовых последствий его введения единого мнения не сложилось. Большая часть правоведов отмечают, что создание этого института и конституционно, и оправдано с точки зрения задачи оптимизации государственного управления [7, с. 405; 8, с. 226], однако другие теоретики акцентируют внимание на следующем: субъекты Федерации лишились части свобод и полномочий, что свидетельствует об ослаблении федерализма и упрочении центризма [9]. Усилить влияние центра на политику регионов была призвана и реформа избирательной системы, которая будет рассмотрена далее. Кадровые решения по назначению первых полномочных представителей также подтверждают эти выводы: президент отдал предпочтение грамотным исполнителям своей воли, не обладавшим ни харизмой, опытом, самостоятельностью, ни тем более авторитетом в регионах, и соответственно не создававшим потенциальной угрозы задаче укрепления власти президента в регионах.

Институт полномочных представителей стал частью системы исполнительной власти, наделенной значительным числом

полномочий, объем которых стал еще шире после принятия в 2004 г. изменений в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Полномочные представители стали субъектами, представляющими Администрации Президента кандидатуры на должности глав субъектов РФ [10].

В 2005 г. произошло дальнейшее расширение функций и компетенции полномочных представителей президента: Президент РФ издал указ [11], во исполнение которого были сформированы Советы при полномочных представителях президента. Таким образом, *введение института полномочных представителей президента стало важнейшим шагом политики укрепления вертикали власти и перераспределения властных полномочий в системе «регионы — центр» в пользу центра, в системе «все ветви власти — исполнительная власть» в пользу исполнительной власти, в системе «политические институты — президент» в пользу президента и в системе «гражданское общество — государство» — в пользу государства.*

Следующим немаловажным шагом в направлении усиления исполнительной ветви федеральной власти, и в первую очередь президента, стали изменения порядка замещения должности руководителя субъекта Российской Федерации. До 2004 г. граждане регионов избирали их глав на основе равного прямого избирательного права. Отметим, что за время функционирования демократической процедуры выборов глав исполнительной власти на основе всеобщего прямого голосования в регионах четко оформилась тенденция к проявлению таких демократических эффектов, как нарастание давления гражданского общества и гражданских инициатив на деятельность глав регионов: контроль СМИ и других институтов гражданского общества за деятельностью губернаторов становился все более последовательным и всеохватным. В конечном счете это привело к увеличению

«коэффициента сменяемости» глав регионов, который к 2004 г. составил более 40 % [12]. Он является одним из признанных коэффициентов развитости демократических институтов и процедур, его рост также может свидетельствовать о наступлении третьего этапа демократической институционализации — закреплении демократических процедур в типовых стратегиях политического поведения граждан.

Выборность губернаторов и высокие показатели явки избирателей на выборы глав регионов свидетельствовали о неравнодушии граждан к их итогам. Авторитет выборных лиц также был относительно высок, поскольку прямые всеобщие выборы способствовали «привязке» кандидатов к региону: «Трудно предположить, что победить на региональных выборах мог человек, никак не связанный с конкретным субъектом Федерации — за исключением тех случаев, когда население региона полностью отчаялось в способности местных политических фигур вывести их территорию из депрессивного состояния» [13, с. 175]. Иначе говоря, главами исполнительной власти были не только законные и легитимные, но и наделенные неподдельным доверием земляков представители интересов конкретной территории. Другими словами, до 2004 г. Россия развивалась в направлении усовершенствования федеративной демократии и построения системы сдержек и противовесов «федеральный центр — регионы».

События сентября 2004 г. в Беслане выдвинули на повестку дня способность исполнительной власти регионов адекватно реагировать на угрозы сепаратизма и терроризма и стали поводом к принятию закона № 159-ФЗ от 11 декабря 2004 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”». Идеология этого решения была связана

с необходимостью «восстановленияластной вертикали, повышения ответственности региональных руководителей перед федеральным центром и эффективности системы государственного управления всех уровней» [14, с. 187].

С 2005 г. глав регионов избирали законодательные органы власти соответствующих субъектов РФ по представлению Президента РФ (причем неодобрение предложенной кандидатуры грозило законодательным собраниям роспуском). Соответственно и аналитики, и граждане стали называть действовавшую процедуру «назначением», что отражало ее фактический политический и правовой смысл. Действовавшая процедура подверглась обоснованной критике со стороны как оппозиционных политических сил, либеральной общественности, так и теоретиков, по мнению которых, если процедура не предполагает прямого волеизъявления граждан ни на одном из этапов выборов, ее нельзя считать демократической [15; 16].

Объективные последствия реализации процедуры «назначения» губернаторов с 2005 до 2012 г. были следующими: коэффициент сменяемости, являющийся, как отмечалось, одним из «коэффициентов демократии», по сравнению с 2004 г. вырос до 46,3 %.¹ Властными полномочиями были наделены 75 новых губернаторов из 162 произведенных назначений. Однако приведенные к власти губернаторы приобрели неофициальное прозвище — «варяги», отражавшее внешнее, федеральное, пришлое (извне-) происхождение должностных лиц, которые не имели прочных связей ни с избирателями, ни с политической или бизнес-элитой легислатуры. Исследователь Е. В. Реутов подчеркивает: «Инкорпорирование “варягов” в региональные элиты имело целью разрушение сложившихся в регионах клановых

¹ Здесь и далее данные Левада-центра: «Россияне о выборном законодательстве (губернаторы, парламент)» (<https://www.levada.ru/2010/02/14/rossiyane-o-vybornoem-zakonodatelstve-gubernatory-parlament/>), сайта Независимого института выборов (<http://www.vibory.ru/election.html>), а также официальных сайтов органов власти РФ и субъектов РФ.

(в том числе, коррупционных) связей. Однако оборотной стороной данного процесса стала неготовность значительной части назначенных губернаторов находить компромисс с местными элитами и, в принципе, рассматривать себя в качестве проводника региональных интересов, а не интенций федерального центра» [13, с. 179].

Ранее мы отмечали [17], что важнейший, самый длительный этап институционализации демократии (делающий эффекты демократического транзита неотъемлемой частью политической системы) связан с проникновением институциональных эффектов демократизации в ткань политического сознания и стратегий политического поведения граждан, с оформлением и присвоением ценности политическим традициям и с наделением политическим и аксиологическим весом демократических ценностей. К числу главных ценностей демократии относятся выборы. Однако фактический возврат политической системы к назначаемости руководителей регионов тем не менее не повлек за собой ни неприятия, ни тем более протестного возмущения граждан. В статье [17] нами отмечалась несформированность элементов гражданской культуры, политический абсентеизм граждан. На него указывали среди прочего опросы общественного мнения. В частности, согласно опросам Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), проведенным через год после введения системы назначения губернаторов, количество граждан, относящихся к назначаемости губернаторов положительно и отрицательно, в большинстве регионов России было одинаковым: 35 %. Более того, о значимости этого политического шага не задумывались столько же граждан. Эта статистика (причем далее она год от года оставалась фактически прежней) свидетельствует о безразличии значительной части избирателей (более 70 %) к избирательному праву, избирательному законодательству и отсутствии сформированного отношения к выборности и сменяемости власти как к значимой ценности [18].

Однако под давлением немногочисленных СМИ в общественном сознании медленно крепло отрицательное отношение к самому факту назначаемости. Если центры изучения общественного мнения (например, Левада-центр) формулировали вопрос о необходимости возвращения выборности губернаторов прямо, большинство опрошенных (54–59 %) давали положительный ответ². Опрос, проведенный ФОМ в январе 2012 г., также показал, что большая часть населения России (60 %) с оптимизмом отнеслась к возвращению принципа выборности губернаторов в российскую политику [19]. Аналитики отмечали, что «легитимность выборности губернаторов в общественном сознании не была обусловлена исключительно политическим моментом. На всем протяжении второй половины 2000-х годов население, скорее, поддерживало выборность губернаторов, чем их фактическое назначение» [13, с. 175–176]. Иными словами, максимальная доля сознательных и последовательных сторонников назначения губернаторов с 2004 до 2012 г. не превышала 30 %. Остальные россияне относились к этому факту пассивно, скорее отрицательно.

Сегодня глав регионов вновь избирает население субъектов РФ, кандидатов на указанную должность выдвигают политические партии, в свою очередь законодательство предусматривает, что Президент РФ может проводить консультации как с политическими партиями, так и с кандидатами-самовыдвиженцами (если самовыдвижение предусмотрено законом региона). Однако наличие в правовой норме самого понятия «консультация» (не имеющего четкого юридического и даже политического толкования), которое не раскрывается с точки зрения содержания и возможных юридических и политических последствий, дает исследователям, в частности А. В. Безрукову, некоторые основания предположить, что «такое положение закладывает

² Данные Левада-центра: «Россияне о расширении избирательных прав» (<https://www.levada.ru/2010/08/05/rossiyane-o-rasshireniyu-izbiratelnyh-prav/>).

возможности нарушения принципа равного избирательного права, поскольку в отношении одних кандидатов и избирательных объединений глава государства может таким правом воспользоваться, в отношении других нет» [20, с. 6]. Причем, как отмечает А. В. Безруков, «шансы победить при поддержке или проиграть на выборах при критической оценке Президента РФ у соответствующих кандидатов соответственно существенно возрастают» [21, с. 160]. Есть и другие конструктивные особенности, усложняющие процедуру выборов главы региона, особенно если сравнивать эти процедурные конструкции с прямыми всеобщими выборами. В частности, процедура сбора подписей самовыдвиженцами и так называемый *муниципальный барьер*.

Между тем для регионов была установлена и альтернативная всеобщим выборам процедура избрания главы (ее предпочли Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия, Крым и Севастополь). Главу региона может избирать парламент по представлению Президента РФ (который выделяет три кандидатуры из числа предложенных ему политическими партиями). В отношении этой модели теоретики проявляют беспокойство, причем основание для критики прежнее: формирование электорального авторитаризма, т. е. смещение возможности выбора от населения к Президенту РФ. Так, А. В. Безруков пишет: «Несмотря на то, что такой подход уже реализован на практике, следует обратить внимание на излишнее усиление в такой модели избрания главы региона роли политических партий и главы государства. Следует принять во внимание опасения ряда ученых относительно введения альтернативного порядка избрания главы региона парламентом субъекта РФ. Такой порядок ограничивает избирательные права граждан в некоторых субъектах РФ, причем не федеральным законом, что допускает ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а законом субъекта РФ» [21, с. 162].

Отличительной чертой институционализации российской модели демократии еще с начала 1990-х гг., т. е. в период

отправления президентских полномочий Б. Н. Ельциным, стало создание — наряду с демократическими институтами, существование которых было конституировано Основным законом, — и усиление дополнительных административных структур (в рамках системы исполнительной власти), обеспечивающих административную поддержку полномочий и власти президента. Одна из первых и наиболее мощных структур подобного рода — Администрация Президента РФ.

В первый период отправления В. В. Путиным президентских полномочий имели место попытки «закрепить» новые демократические институты в политическом сознании граждан, легитимировать их путем установления режима «диктатуры закона». В своем первом послании Федеральному собранию президент провозгласил, что «наступает период, когда власть обретает моральное право требовать соблюдения установленных государством норм» [22]. Однако в дальнейшем был взят курс на укрепление вертикали власти через устранение конкуренции государственной администрации со стороны региональных элит, постепенное вытеснение политического плюрализма, элитизацию политики, присвоение права принятия политических решений государственной номенклатурой и оформление системы электорального авторитаризма.

Тем не менее, несмотря на положительную социально-экономическую динамику, наблюдавшуюся в начале 2000-х гг., уровень доверия населения России к институтам оставался низким, как и в 1990-е гг., а рост показателей общественного блага граждане связывали лично с В. В. Путиным. Соответственно, он и его окружение в своих pragmatischen политических действиях последующего периода продемонстрировали, что искомая управляемость и сила государства может быть достигнута не путем развития и укрепления демократических институтов и реформирования институтов государственных, а посредством усиления личной власти и личного контроля, среди прочего за счет создания парадемократических

институциональных «подпорок» этой власти. Помимо уже названной Администрации Президента РФ и проанализированной системы полномочных представителей президента в федеральных округах, к ним относятся: Совет безопасности, Государственный совет и общественные палаты. Последние, как уже отмечалось, суть институты не только и не столько гражданского общества, сколько парадемократии. Все перечисленные институты создавались ради повышения управляемости и контролируемости всех ветвей и институтов власти со стороны президента.

Сегодня парадемократические институты влияют на ход экономического, политического и социального развития России существеннее, чем классические институты демократии, такие как парламент. При этом данные «структуры подрывают позиции государственных институтов, способствуют слиянию исполнительной и законодательной ветвей власти и доминированию исполнительной власти. Эти структуры оказываются более влиятельными с точки зрения политического реформирования, чем государственные институты» [23, с. 51]. Данные исследований общественного мнения свидетельствуют об уверенности более 70 % граждан в том, что Администрация Президента РФ является управляющим институтом по отношению к Государственной Думе и Совету Федерации³. Более того, большинство граждан воспринимают это (существующее в их сознании) положение вещей как нормальное и даже предпочтительное. С точки зрения большинства, «вертикаль власти» с одним центром принятия решения более привлекательна, чем модель децентрализованной плюралистической демократии [24].

Сформированная и поддержанная парадемократическими институтами моноцентрическая модель принятия всех политических и кадровых решений девальвировала результаты процессов развития независимого

правосудия, автономии парламента, федERALизма, свободы СМИ, политического плюрализма. Уже в начале 2000-х гг. имели место процессы сращения государственной бюрократии и крупного бизнеса. Были созданы мощнейшие естественные монополии и государственные корпорации: «Газпром», «Роснефть», «Внешэкономбанк», «Роснанотех», «Росатом», «Росавиа», «Ростехнологии» («Ростех»), ФСР ЖКХ, «Олимпстрой» и др. Несмотря на видимость децентрализации и выведения центра принятия решений в полунезависимые структуры, они тем не менее концентрируются вокруг Президента РФ.

Важнейшим шагом по пути укрепления вертикали власти, упрочения роли исполнительной власти в системе сдержек и противовесов и создания легального механизма влияния президента на систему законодательной власти также стали изменения принципов формирования Совета Федерации и Государственной Думы.

Укрепление вертикали власти еще в самом начале реформ сопровождалось усилением тех структур и подсистем, которые характерны для традиционно авторитарного государства: вооруженных сил, внутренних войск, бюрократии, института религии — и лично правителя. Так, упрочение позиций Русской православной церкви отмечает Т. В. Растищина: «...За счет использования информационного и символического потенциала традиционной религии политический режим символически “отмежевывается” от западного либерализма, повестка дня российской политической жизни дополняется национальной спецификой, создается образ истинно национальной власти, укрепляется фундамент легитимности» [25, с. 130]. При этом последовательно проводился курс на ослабление законодательной власти, партийной системы, гражданского общества, СМИ и других атрибутов открытого демократического общества. Политический режим, оформившийся в России в результате осуществления политики укрепления вертикали власти, можно охарактеризовать как гибридный режим парадемократии, находящийся на стыке

³ Пресс-выпуск Левада-центра «Россияне о независимости ветвей власти» (<https://www.levada.ru/2012/10/22/rossiyane-o-nezavisimosti-vetvej-vlasti/>).

авторитаризма и классической демократии, с опорой на демократические институты и процедуры.

Все эти процессы объективно препятствуют реализации второго этапа демократического транзита: укоренению демократических институтов в политической культуре, в политическом сознании граждан, в процедурных аспектах политической жизни; адаптации к устоям, традициям и ценностям общества. В ходе второго этапа каждый из институтов должен, с одной стороны, быть легитимирован своей политической и социальной эффективностью и, с другой, приобрести доверие граждан. Однако затормаживание институционализации демократии, тенденции к институциональному закреплению парадемократии на фоне возрастаания экономической стабильности приводят к положительной динамике роста авторитарных компонентов общественного сознания. В нем, как свидетельствуют опросы общественного мнения, доминирует персонализированное представление о власти, закрепляются персоналистический тип легитимности политической системы и недоверие к демократическим институтам, преобладает авторитарный синдром. Граждане, как правило, одобрительно оценивают само существование демократических институтов, таких как выборы, свободные СМИ, парламент, однако скептически оценивают их эффективность и институциональный потенциал в обеспечении экономического роста и политической стабильности общества и государства [26].

В России сегодня образовался своего рода «замкнутый круг»: демократические институты не пользуются доверием и поддержкой со стороны граждан, поскольку большинство граждан не верит в эффективность демократических институтов в обеспечении общественного блага. Вместе с тем приобрести это доверие и достаточную эффективность институты не могут, поскольку развиваются в направлении парадемократии. Соответственно количество россиян, рассматривающих демократические институты и демократические процедуры

в качестве важных инструментов организации социальной жизни, уменьшается при сокращении влияния самих институтов на социальную жизнь и одновременном росте значимости личности и парадемократических институтов.

Литература

1. *Паш Э.* Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность // Космополис. 2003. № 1. С. 39—58.
2. *Кодин М. И.* Россия в «сумерках» трансформаций: эволюция, революция или контрреволюция? М.: [Б. и.], 2001. 187 с. (Экономика).
3. *Растимешина Т. В.* Культурное наследие Церкви в презентации великодержавной модели истории и образа «народной монархии» в современной России // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2012. № 5 (17). С. 76—84.
4. *Путин В.* Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек. С. 1.
5. *Растимешина Т. В.* Культурное наследие и подданническая политическая культура российского общества // Власть. 2012. № 2. С. 18—21.
6. Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 20: 15 мая. Ст. 2112.
7. *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. 587 с.
8. *Ковешников Е. М.* Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия: монография. М.: Норма, 2001. 270 с.
9. *Медушевский А. Н.* Сравнительное конституционное право и политические институты: курс лекций. М.: ГУ ВШЭ, 2002. 511 с.
10. Указ Президента РФ «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» от 27 декабря 2004 г. № 1603 // Российская газета: Федеральный вып. 2004. № 3666: 29 дек.
11. Указ Президента РФ от 24 марта 2005 г. № 337 «О советах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 13. Ст. 1139.
12. *Туровский Р. Ф.* Региональные выборы как фактор эволюции элит в России // Pro nunc. Современные политические процессы. 2006. Т. 4 № 1. С. 101—110.
13. *Реутов Е. В.* «Назначение» губернаторов в России: итоги эксперимента // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, политология. 2012. Т. 23 № 13 (132). С. 174—180.
14. *Примова Э. Н.* Конституционно-правовые основы Российской Федерации: концептуальный аспект. М.: Логос, 2006. 222 с.

15. **Черепанов В. А.** Об изменениях в порядке замещения должности руководителя субъекта Российской Федерации // Федерализм. 2014. № 1. С. 115–128.

16. **Чертков А. Н.** Федерализм и обеспечение единства государственной власти: некоторые аспекты // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 98–110.

17. **Антонов Ф. С.** Специфические условия и этапы институционализации демократии в России 1990-х гг. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 1 (17). С. 171–179.

18. Российские губернаторы и механизм их селекции // База данных ФОМ: [Электронный ресурс] / Фонд «Общественное мнение». 16.06.2005. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/reg_pow/governor/tb052407 (дата обращения: 08.06.2018).

19. Прямые выборы губернаторов // База данных ФОМ: [Электронный ресурс] / Фонд «Общественное мнение». 19.01.2012. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1202/d120205/> (дата обращения: 24.03.2018).

20. **Безруков А. В.** Проблемы реализации конституционных преобразований при сохранении стабильности Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 3–7.

21. **Безруков А. В.** Современные конституционные преобразования российского федерализма: поиск оптимальных конструкций и перспективы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14 № 2. С. 156–169.

22. **Путин В. В.** Какую Россию мы строим: [Ежегод. послание Президента Федер. Собранию РФ 8 июля 2000 г.] // Российская газета. 2000. 11 июля.

23. **Григорьева Е. Б.** Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 46–54.

24. **Иванов М.** Страна победившей вертикали // Коммерсантъ. 2012. № 198: 22 окт. С. 3.

25. **Растимешина Т. В.** Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 128–135.

26. Готово ли российское общество к модернизации? / Ред. М. К. Горшков. М.: Весь мир, 2010. 344 с.: табл. (Российское общество в зеркале социологии).

Поступила 18.05.2018

Антонов Федор Сергеевич — аспирант Московского государственного областного университета (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10а), aspirantura@mgu.ru

References

1. Pain E. Federalizm i separatizm v Rossii: mify i real'nost' (Federalism and Separatism in Russia: Myths and Reality), *Kosmopolis*, 2003, No. 1, pp. 39–58.
2. Kodin M. I. Rossiya v "sumerkakh" transformatsii: evolyutsiya, revolyutsiya ili kontrrevolyutsiya? (Russia in the "Twilight" of Transformations: Evolution, Revolution or Counterrevolution?), M., S. l., 2001, 187 p., Ekonomika.
3. Rastimeshina T. V. Kul'turnoe nasledie Tserkvi v prezentatsii velikoderzhavnoi modeli istorii i obraza "narodnoi monarkhii" v sovremennoi Rossii (Cultural Heritage of the Church in Presentation of Major-Country Model of History and Image of "People's Monarchy" in Modern Russia), *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi akademii delovogo administrirovaniya. Seriya Filosofskie, sotsial'nye i estestvennye nauki*, 2012, No. 5 (17), pp. 76–84.
4. Putin V. Rossiya na rubezhe tysyacheletii (Russia on the Cusp of Millennia), *Nezavisimaya gazeta*, 1999, 30 Dec., p. 1.
5. Rastimeshina T. V. Kul'turnoe nasledie i poddannicheskaya politicheskaya kul'tura rossiiskogo obshchestva (Cultural Heritage and Homagerist Political Culture of Russian Society), *Vlast'*, 2012, No. 2, pp. 18–21.
6. Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 "О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе" (RF Presidential Decree from 13 May 2000 No. 849 "On Russian Federation Presidential Plenipotential Envoy to the Federal District", *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2000, No. 20, 15 May, Item 2112.
7. Kozlova E. I., Kutafin O. E. Konstitutsionnoe pravo Rossii (Constitutional Law of Russia), 3-е изд., перераб. и доп., М., Yurist', 2003, 587 p.
8. Koveshnikov E. M. Gosudarstvo i mestnoe samoupravlenie v Rossii: teoretiko-pravovye osnovy vzaimodeistviya (State and Local Governance in Russia: Theoretical and Legal Basics of Interaction), monografiya, M., Norma, 2001, 270 p.
9. Medushevskii A. N. Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo i politicheskie instituty (Comparative Constitutional Law and Political Institutions), kurs lektsii, M., GU VShE, 2002, 511 p.
10. Указ Президента RF "O poryadke rassmotreniya kandidatur na dolzhnost' vysshego dolzhnostnogo litsa (rukovoditelya vysshego ispolnitel'nogo organa gosudarstvennoi vlasti) sub"ekta Rossiiskoi Federatsii" от 27 декабря 2004 г. № 1603 (RF Presidential Decree "On the Order of Consideration of Candidacies for the Position of Principal Officer (Head of Highest Government Agency)" from 27 Dec. 2004 No. 1603), *Rossiiskaya gazeta*, Federal'nyi vyp., 2004, No. 3666, 29 Dec.
11. Указ Президента RF от 24 марта 2005 г. № 337 "O sovetakh pri polnomochnykh predstaviteleyakh Prezidenta Rossiiskoi Federatsii v federal'nykh okrugakh" (RF Presidential Decree from 24 Mar. 2005 No. 337 "On Councils of Russian Federation Presidential Plenipotential Envoys to the Federal Districts"), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2005, No. 13, Item 1139.
12. Turovskii R. F. Regional'nye vybory kak faktor evolyutsii elit v Rossii (Regional Elections as a Factor in the Evolution of the Elites in Russia), *Pro nunc. Sovremennoye politicheskie protsessy*, 2006, T. 4 No. 1, pp. 101–110.
13. Reutov E. V. "Naznachenie" gubernatorov v Rossii: itogi eksperimenta (Governors' "Designation" in Russia: End Results of Experiment), *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Isto-riya, politologiya*, 2012, T. 23 No. 13 (132), pp. 174–180.

14. Primova E. N. Konstitucionno-pravovye osnovy Rossiiskoi Federatsii: kontseptual'nyi aspect (Constitutional and Legal Basics of Russian Federation: Conceptual Aspect), M., Logos, 2006, 222 p.

15. Cherepanov V. A. Ob izmeneniyakh v poryadke zamescheniya dolzhnosti rukovoditelya sub"ekta Rossiiskoi Federatsii (On the Changes in the Order of Succession the Position of the Head of the Subject of the Russian Federation), *Federalizm*, 2014, No. 1, pp. 115–128.

16. Chertkov A. N. Federalizm i obespechenie edinstva gosudarstvennoi vlasti: nekotorye aspekty (Federalism and Ensuring of Unity of the Government: Certain Aspects), *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, 2012, No. 3, pp. 98–110.

17. Antonov F. S. Spetsificheskie usloviya i etapy institucionalizatsii demokratii v Rossii 1990-kh gg. (Specific Conditions and Stages of Democracy Institutionalization in Russia in the 1990s), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2018, No. 1 (17), pp. 171–179.

18. "Rossiiskie gubernatory i mekhanizm ikh selektsii" (Russian Govenors and Their Selection Mechanism). *Baza dannykh FOM*. Fond "Obshchestvennoe mnenie", 16 June 2005. Web. 8 June 2018. <http://bd.fom.ru/report/cat/reg_pow/governor/tb052407>.

19. "Pryamye vybory gubernatorov" (Direct Election of Governors). *Baza dannykh FOM*. Fond "Obshchestvennoe mnenie", 19 Jan. 2012. Web. 24 Mar. 2018. <<http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1202/d120205/>>.

20. Bezrukov A. V. Problemy realizatsii konstitutsionnykh preobrazovani pri sokhranenii stabil'nosti Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (Problems of Implementation of the Constitutional Reform while Maintaining the Stability of the Constitution of the Russian Federation), *Konstitutionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2014, No. 2, pp. 3–7.

21. Bezrukov A. V. Sovremennye konstitutsionnye preobrazovaniya rossiiskogo federalizma: poisk optimal'nykh konstruktii i perspektivy (Modern Constitutional Reforms of the Russian Federation: Search for Optimal Structures and Prospects), *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, 2014, T. 14 No. 2, pp. 156–169.

22. Putin V. V. Kakuyu Rossiyu my stroim: Ezhegod. Poslanie Prezidenta Feder. Sobraniyu RF 8 iyulya 2000 g. (What Russia Do We Build: Annual State-of-the-Nation Address to Federal Assembly, 8 July 2000), *Rossiiskaya gazeta*, 2000, 11 July.

23. Grigor'eva E. B. Politicheskie effekty avtoritarnogo sindroma v sovremenном politicheskem protsesse Rossii (The Political Effects of the Authoritarian Syndrome in the Modern Political Process in Russia), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 379, pp. 46–54.

24. Ivanov M. Strana pobedivshei vertikali (Country of Vertical that Won), *Kommersant*, 2012, No. 198, 22 Oct., p. 3.

25. Rastimeshina T. V. Vliyanie politiki kul'turnogo naslediya na politicheskuyu kul'turu sovremennoi rossiiskogo obshchestva (The Influence of the Cultural Heritage Policy on the Political Culture of the Modern Russian Society), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Istorija i politicheskie nauki*, 2012, No. 5, pp. 128–135.

26. Gotovo li rossiiskoe obshchestvo k modernizatsii? (Is Russian Society Ready for Modernization?), Red. M. K. Gorshkov, M., Ves' mir, 2010, 344 p., tabl., Rossiiskoe obshchestvo v zerkale sotsiologii.

Submitted 18.05.2018

Antonov Fedor S., PhD Candidate, Moscow Region State University (Russia, 105005, Moscow, Radio str., 10A),
aspirantura@mgou.ru

Проблема патриотизма в современном российском обществе

R. B. Загыртдинов

*Уфимский государственный нефтяной технический университет, филиал
в г. Стерлитамаке, Республика Башкортостан*

zagyrtdinov@inbox.ru

Рассматриваются теоретические и практические аспекты проблемы патриотизма в современном российском обществе. Анализируются различные подходы к изучению патриотизма. Обосновывается актуальность его исследования на постсоветском пространстве в интересах консолидации общества, повышения уровня национальной безопасности в условиях информационной войны. Констатируется повышенное внимание органов государственной власти к состоянию патриотического сознания россиян. Утверждается возможность выработки интегральной теории патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм; российская национальная идентичность; историческое сознание; постсоветское пространство.

Problem of Patriotism in Modern Russian Society

R. B. Zagirtdinov

Ufa State Oil Technical University Branch in Sterlitamak, Bashkortostan, Russia

zagyrtdinov@inbox.ru

The author considers theoretical and practical aspects of the problem of patriotism in modern Russian society, analyzing various approaches to the study of patriotism. He substantiates the topicality of this study in post-Soviet territory to the benefit of society consolidation and national security level heightening under conditions of information war. The author did state increased focus of government bodies on Russians' patriotic conscience. He has affirmed the possibility to elaborate an integrated theory of patriotism.

Keywords: patriotism; Russian national identity; conventional wisdom; post-Soviet territory.

Социологические опросы последних лет свидетельствуют о возрастании массового интереса к патриотическим идеям в современном российском обществе [1, с.125].

Актуализация темы патриотизма в современном обществе определяется несколькими обстоятельствами. Прежде всего, необходимостью выявления сущностных особенностей патриотизма, в соответствии с современной социально-политической

и духовной практикой, в контексте современного социально-философского дискурса, а также определения основных социальных и политических аспектов патриотизма. Органы государственной власти РФ рассматривают патриотизм как важнейшую ценность, как средство формирования общенациональной идентичности. Это находит подтверждение в том, что патриотизму отводится значительное место

в официальных документах, таких как Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [2]. Роль патриотизма определяется и подчеркивается в Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования, который содержит следующие требования: «...Воспитание российской гражданской идентичности: патриотизма, уважения к Отечеству, прошлому и настоящему многонационального народа России; осознание своей этнической принадлежности, знание истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России и человечества; усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества; воспитание чувства ответственности и долга перед Родиной» [3, п. 9].

Далее, проблема патриотизма является особенно актуальной в условиях трансформации общества и конструирования общенациональной гражданской идентичности, характерных для государств, проходящих стадию реформирования и политической модернизации (в частности для тех, что ранее входили в состав СССР). Лидеры, политические и интеллектуальные элиты государств постсоветского пространства пытаются найти социокультурные символы, способные консолидировать их граждан.

На начальном этапе процесса модернизации и трансформации политической системы России многие исследователи-теоретики и еще больше политиков-практиков не в полной мере осознавали значимость сохранения патриотизма как национальной идеи и ценностного основания процесса политических реформ. Некоторые политики предполагали, что с избавлением от коммунистической идеологии и советской политической системы реальная социальная практика сформирует новые идеологические ценности и стандарты. Деидеологизация и ценностный релятивизм привели к кризису патриотизма в российском обществе.

Сегодня воспитание патриотизма и поддержание на должном уровне патриотического сознания представляется первоочередной задачей государства и соответствующих социальных институтов. Социальная значимость исследования патриотизма дополняется его теоретической актуальностью, поскольку в рамках социальной философии ведутся дискуссии о сущности патриотизма и нет его единой, интегральной теории. На наш взгляд, современная отечественная философская мысль не уделяет должного внимания состоянию патриотизма в сложившихся условиях очевидного противоречия между потребностью общества в патриотах и отсутствием целостного представления о том, как увеличить их количество. В связи с этим проблема патриотизма в российском обществе требует целенаправленного научного исследования.

Носителями патриотического сознания являются как отдельные личности, так и социальные группы, и общество в целом. Как элемент общественного сознания патриотизм выступает одним из проявлений субъект-объектных отношений. Рассмотрение патриотизма сквозь призму системы общественных отношений позволяет полностью раскрыть его содержание и структуру, более эффективно в сравнении с другими методами выстроить понятийный аппарат исследования патриотизма, который позволит выявить основные его характеристики, соответствующие современному социальному контексту. Патриотическое сознание мы полагаем необходимым условием сохранения Родины, Отечества как единого целого. Многие исследователи роли патриотизма в общественной системе отводят ему связующую функцию между индивидом и этим единым целым. Отмечается также диалектическая природа патриотизма, которая проявляется в диалектическом единстве его интеграционной и дезинтеграционной функций в социуме: способствуя объединению граждан, патриотизм одновременно выступает фактором размежевания «своих» и «чужих». С позиций патриотизма, принадлежность к единому целому является для

индивидуа приоритетной. Особое место сторонники патриотизма отводят государству, полагая, что целенаправленное формирование патриотического сознания в обществе, а также создание благоприятных условий для его проявления должны взять на себя государственные институты в тесном сотрудничестве с общественными организациями.

Социально-философский подход к изучению патриотизма включает в себя *аксиологическую* составляющую, предполагающую, с одной стороны, рассмотрение тех или иных из его ценностных оснований в той или иной стране в определенный период ее истории. С другой стороны, сам патриотизм рассматривается как вневременная ценность. Так, В. И. Лутовинов формулирует свое определение с аксиологических позиций: «Патриотизм понимается как одна из значимых непреходящих ценностей, присущая всем сферам жизни общества и государства, которая является важнейшим духовным состоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активно-деятельностной самореализации на благо Отечества. Патриотизм олицетворяет любовь к своему Отечеству, сопричастность с его историей, культурой, достижениями, притягательными и неотделимыми в силу своей неповторимости и незаменимости, составляющими духовно-нравственную основу личности, формирующими ее гражданскую позицию и потребность в достойном, самоотверженном, вплоть до самопожертвования, служении Родине» [4, с. 205].

Профессор О. И. Елхова, анализируя российскую национальную идентичность, выделяет в качестве угрожающих ее устойчивости ряд проблем, связанных с виртуализацией реальности. Автор отмечает, что у субъекта, захваченного виртуальной средой на уровне ежедневного существования, ослабевает способность осознавать свою принадлежность к реальному государству, что может привести к утрате жизненных ориентиров [5, с. 552].

Патриотизм служит личности своего рода инструментом защиты, блокировки, нейтрализации различных угроз,

обеспечивающим ей невосприимчивость к внешним и внутренним воздействиям, которые постоянно испытывают ее на прочность.

Как известно, любые факторы, действующие на систему, могут влиять на нее положительно или отрицательно. Позитивные, конструктивные воздействия направлены на повышение стабильности, устойчивости системы, на сохранение и развитие ее сущностных параметров, деструктивные — на разрушение стабильного существования системы, на деформацию ее сущностных параметров, на погружение ее в состояние хаоса. Угроза для общественной системы характеризуется как деструктивный, отрицательный фактор. Однако угрозы существовали всегда, они — атрибут любой системы, и нередко трудно однозначно квалифицировать воздействие на систему только как позитивное или негативное, т. е. выявить угрозу не всегда удается, пока она не начнет разрушительное действие.

Вместе с тем в современном мире происходит неуклонное смещение проблемы безопасности в концептуально-смысловую сферу. Во многом это обусловлено главной особенностью современной социальной жизни — ее необычайным динанизмом.

Действительно, характерный признак нашего времени — тотальная изменчивость, подвижность происходящего. Состояние человека, пребывающего в пространстве подвижного, изменчивого социального бытия, можно охарактеризовать как экзистенциальный кризис. Еще Конфуций справедливо предостерегал: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен», тем самым давая вполне определенную упреждающую оценку тотального динанизма и последующего отношения человека к нему.

Термин «текущая современность» впервые употребил З. Бауман, вынеся его в название своей работы [6], в которой сопоставляются две реальности: твердая, соответствующая индустриальной эпохе, и текущая, легкая, соответствующая эпохе постмодерн. В такой реальности нет строго

фиксированного понимания событий, одной-единственной их интерпретации, равно как нет единственной истины.

В противовес текучей, устойчивая реальность характеризуется фундаментальным укоренением человека и результатов его деятельности в бытии. Однако в процессе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу социальная реальность словно размягчается, расплывается. Можно сказать, что текучая, легкая современность имеет онтологические, гносеологические, антропологические и психологические основания, которые тесно переплетены между собой и генерируют весьма причудливую картину реальной действительности.

Патриотизм в контексте меняющейся современности тоже претерпевает радикальную трансформацию, что требует поиска новых мировоззренческих и методологических подходов к проблеме его изучения.

Социально-философский подход дает возможность рассмотреть цивилизационно-региональные аспекты патриотизма.

В период существования СССР в рамках единой политической культуры и идеологии сохранялись и развивались национально-региональные социально-политические субкультуры.

На наш взгляд, органичной частью общероссийского патриотизма является башкирский (патриотизм многонационального народа Республики Башкортостан). Исторически сложилось так, что башкирский народ совместно с другими народами великой России выполнял важнейшие функции защиты ее рубежей. Особенно ярко это проявлялось в периоды войн. Так, в ходе Отечественной войны 1812 г. башкирская конница сыграла заметную роль в победе над Наполеоном [7; 8].

Патриотизм многонационального народа Башкортостана вдохновлял бойцов на подвиги и в годы Великой Отечественной войны. О героизме воинов 112-й кавалерийской дивизии написано много (см., напр., [9]) и, на наш взгляд, вполне заслуженно, учитывая количество Героев Советского

Союза в данном воинском подразделении. Объем и содержание публикаций дают основание говорить о сознательной официальной героизации солдат и офицеров легендарной дивизии.

К сожалению, в последнее время фальсификация истории становится инструментом реальной политики вероятных противников России. Сегодня ими уже разработаны и постоянно совершенствуются мощные технологии, дающие широкие возможности для трансформации образов российского прошлого и манипуляции историческим сознанием.

В содержательном плане они включают в себя активное внедрение искаженных образов в индивидуальное и общественное историческое сознание россиян, в их историческую память. Как известно, бытие человека складывается из осознания им своего прошлого, фиксации различия между прошлым и настоящим и формирования образа ожидаемого будущего. Таким образом, технологии фальсификации одновременно воздействуют на прошлое, настоящее и будущее. Российскому обществу жестко навязываются искаженные представления о прошлом, что неизбежно приводит к изменению представлений россиян о настоящем и как следствие — картины ожидаемого ими будущего. В обществе подрывается способность критически и рационально оценивать исторические события, целенаправленно формируется нерефлексивная позиция индивидов в отношении к историческому прошлому. Вслед за «распадом связи времен» разрывается единое историческое пространство, нарушается преемственность прошлого — настоящего — будущего. Более того, провоцируются и поощряются различные «фобии», связанные с событиями исторического прошлого, в результате чего оно начинает вызывать ненависть, настоящее — неприятие, а будущее — страх. Такие технологии способны значительно трансформировать духовную ситуацию в обществе, спровоцировать эмоциональные потрясения, вызвать ощущимый сдвиг в ценностной сфере: стереть границы между добром

и злом, нравственным и безнравственным. В ситуации социокультурной аномии (терминология Э. Дюркгейма) человек под влиянием мощного экзистенциального потрясения легко становится объектом манипулирования, безмолвной жертвой сомнительных социальных экспериментов.

Отметим, что в современных условиях информационного общества и разворачивания глобализационных процессов большинство развитых и развивающихся стран мира озабочены вопросом поддержания и повышения уровня национальной безопасности. В последние десятилетия в России также разрабатываются доктрины национальной безопасности, что несомненно важно для сохранения целостности и самодостаточности страны. Воспитание патриотизма является одной из задач, поставленных в правительственные программах.

Таким образом, обращаясь к столь сложному и многогранному явлению, как патриотизм, сторонники рассмотренных теоретических подходов к его изучению анализируют отдельные аспекты этого феномена, что препятствует целостному видению проблемы. Более того, некоторые авторы настаивают на том, что всесторонне исследовать сущность патриотизма невозможно и все попытки сформулировать его единое, точное, универсальное определение изначально обречены на неудачу. Мы полагаем, что это не так. На наш взгляд, социально-философский анализ патриотизма позволяет рассматривать отдельные его аспекты как своеобразные элементы мозаики, из которых может быть выстроено целостное представление об исследуемом явлении.

Литература

1. Покида А. Н. Специфика патриотических чувств россиян // Власть. 2010. № 12. С. 124–129.
2. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: утв. постановлением Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 // Правительство России [электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/all/105292/> (дата обращения: 06.06.2018).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.12.2010 № 1897 // Российское образование: федеральный портал: ФГАУ ГНИИ ИТТ «Информика». URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm1897-1.pdf (дата обращения: 06.06.2018).
4. Лутовинов В. И. В патриотизме молодежи — будущее России. М.: Фонд Андрея Первозванного, 1999. 206 с.
5. Ехова О. И. Сохранение российской национальной идентичности в информационном мире // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22 № 2. С. 551–554.
6. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
7. Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне (1812). Уфа: Китап, 2012. 140 с.
8. Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: 1812—2012: сб. документов и мат-лов. Уфа: Китап, 2012. 487 с.
9. Аюпов Р. С. Вклад Башкирской АССР в разгром немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2010. № 1. С. 46–52.

Поступила 11.05.2018

Загыртдинов Рафиль Борисович — старший преподаватель кафедры гуманитарных наук филиала Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке (Россия, 453118, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, Проспект Октября, 2), zagyrdinov@inbox.ru

References

1. Pokida A. N. Spetsifika patrioticheskikh chuvstv rossyian (Peculiarity of Russians' Patriotic Feelings), *Vlast'*, 2010, No. 12, pp. 124–129.
2. "Gosudarstvennaya programma 'Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2016–2020 gody', utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 30.12.2015 No. 1493" (State-Run Program "Patriotic Education of Russian Federation Citizens for the Years 2016 to 2020", Approved by RF Government Regulation from 30 Dec. 2015 No. 1493). *Pravitel'stvo Rossii*. Pravitel'stvo Rossiiskoi Federatsii, n. d. Web. 6 June 2018. <<http://government.ru/docs/all/105292/>>.
3. "Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart osnovnogo obshchego obrazovaniya, utv. prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii ot 17.12.2010 No. 1897" (Federal State Educational Standard of Basic General Education, Approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 17 Dec. 2010 No. 1897). *Rossiiskoe obrazovanie, federal'nyi portal*. FGau GNII ITT "Informika", n. d. Web. 6 June 2018. <http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm1897-1.pdf>.
4. Lutovinov V. I. V patriotizme molodezhi — budushchee Rossii (Future of Russia is in Young People's Patriotism), M., Fond Andreya Pervozvannogo, 1999, 206 p.

5. Elkhova O. I. Sokhranenie rossiiskoi natsional'noi identichnosti v informatsionnom mire (Protection of Russian National Identity in the Information World), *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2017, T. 22 No. 2, pp. 551—554.

6. Bauman Z. Tekuchaya sovremenność' (Liquid Modernity), Per. s angl. pod red. Yu. V. Asochakova, SPb., Piter, 2008, 240 p.

7. Usmanov A. N. Bashkirskii narod v Otechestvennoi voine (1812) (Bashkir People in Patriotic War (1812)), Ufa, Kitap, 2012, 140 p.

8. Vklad Bashkirii v pobedu Rossii v Otechestvennoi voine 1812 goda: 1812—2012 (Bashkiria's Contribution to the Victory of Russia in Patriotic War of 1812: 1812 to 2012), sb. dokumentov i mat-iov, Ufa, Kitap, 2012, 487 p.

9. Ayupov R. S. Vklad Bashkirskoi ASSR v razgrom nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 gg. (Contribution of Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic to German Nazi Invaders' Defeat in the Years of Great Patriotic War, 1941 to 1945), *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, 2010, No. 1, pp. 46—52.

Submitted 11.05.2018

Zagirtdinov Rafil B., senior lecturer of Humanities Department, Ufa State Oil Technical University Branch in Sterlitamak (Russia, 453118, Bashkortostan, Sterlitamak, October ave., 2), zagyrtdinov@inbox.ru

Оборотная сторона политического лидерства в системе власти

A. I. Пирогов, Т. В. Расти meshina

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

aipirogov2013@gmail.com

Показано, что политическое лидерство представляет собой сложный феномен, имеющий две стороны, одна из которых скрыта от восприятия основной массы людей. Подчеркивается, что лидерство — это всегда власть, осуществляемая конкретным лицом (группой лиц), с тем чтобы побудить своих сторонников и последователей к конкретным политическим действиям, выражающим в первую очередь его коренные интересы, отражающие оборотную сторону феномена политического лидерства.

Ключевые слова: политика; политическое лидерство; власть; властные устремления.

Reverse Side of Political Leadership in the System of Power

A. I. Pirogov, T. V. Rastimeshina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

aipirogov2013@gmail.com

The authors show that political leadership is a complex phenomenon with two sides, one of which is hidden from the perception of the bulk of people. They have emphasized that leadership is always the power exercised by a specific person (group of persons) in order to induce their adherents and followers to concrete political actions expressing, in the first place, the leader's fundamental interests that reflect the reverse side of the phenomenon of political leadership.

Keywords: politics; political leadership; power; power aspirations.

К сегодняшнему дню в политологическом научном сообществе исторически сложилась и утвердилась точка зрения, что политическое лидерство в своей функциональности есть активное проявление феномена политической власти. На это обращали внимание многие известные социологи и политологи. В частности, Ж. Блондель отмечал, что лидерство есть не что иное, как власть, поскольку в нем четко просматривается способность конкретного лица или группы лиц побуждать других действовать

в их интересах [1]. Эта же мысль утверждается в известном положении М. Вебера: «Кто занимается политикой, тот стремится к власти» [2, с. 254]. В интерпретации американского политолога Р. Такера, политическое лидерство предопределено спецификой самой власти. Иными словами, феномен лидерства в политике представляет собой форму взаимодействия официально признанных в обществе субъектов с участниками политической жизни при добровольном следовании последних их властной воле.

Более того, посредством профессиональной деятельности лидеров такая форма взаимодействия распространяется на отношения институтов государственной власти и общества, что дает основание утверждать, что через такие понятия, как «авторитет», «доверие», «власть», выявляется особенность политического лидерства сообразно к структурам государства и политico-властным отношениям. Остановимся на этом подробнее.

Авторитет, с одной стороны, традиционно трактуется как общественное признание, связанное с особой осведомленностью, профессиональной компетентностью, значимыми индивидуальными человеческими качествами. С другой стороны, он представляет собой ту грань социальных отношений, специфика возникновения, функционирования и развития которых связана с социальной практикой, требующей руководства и организации. Характерный индикатор авторитета — превосходство по определенным параметрам: официальному статусу, сопряженному с готовностью взять на себя ответственность, повести за собой и т. п.

Именно это превосходство предопределяет поведение масс в соответствии с политическими интересами и целями лидера и обеспечивает следование им там, где традиционные убеждения неэффективны. Такое влияние еще больше усиливается, если люди уверены, что лидер разделяет их социальные и политические ценности. Значимость такого признания исключительно велика, хотя и не всегда бесспорна. Так, нередко случается, когда сильный авторитет лидера нивелирует и тормозит социально-политическую активность его сторонников, последователей, обычных граждан, способствует некритическому отношению к деятельности власти, слепому следованию политическим интересам и установкам лидера. Не случайно Г. Гегель в этом отношении отмечал: «Собственному убеждению противостоит простая вера, основанная на *авторитете других*. Чтобы мой поступок имел моральную ценность, с ним должно быть связано мое убеждение. Поступок

должен быть в полном смысле слова моим. Если же я действую, полагаясь на авторитет других, то поступок не вполне мой: в этом случае во мне действует чужое убеждение» [3, с. 33].

Снижение политической активности масс нередко ведет к формированию негативных политических стереотипов по принципу: «Кто не с нами — тот против нас», а в отдельных случаях становится благодатной почвой для развития культа лидера: таких свидетельств в мировой и отечественной истории множество. Достаточно вспомнить «парад суверенитетов» бывших союзных республик, когда под флагом демократических преобразований (многопартийность, независимые средства массовой информации, демократические выборы и т. д.) устанавливались политические режимы, базовой несущей конструкцией которых служил «непрекаемый» авторитет их руководителей.

Тем не менее следует заметить, что далеко не всегда личностные качества лидера являются непременным условием его дальнейшего успеха. Так, исследование видного американского социолога Р. Стогдилла показало, что в зависимости от конкретной ситуации у лидера доминируют разные личные качества. Это позволило ему сделать вывод, что обладание определенным набором личных качеств еще не гарантирует завоевания лидерских позиций — для этого необходимо, чтобы они согласовывались с качествами, деятельность и задачами его сторонников [4]. Профессор Университета Огайо М. Херманн обращает внимание на различные комбинации властных устремлений людей, по-разному влияющие на их политическое поведение. Особо важную роль среди них, по ее мнению, играют три модели комбинаций:

1. Модель «мотивации создания личных анклавов». Смысл данной модели заключается в гибкой политике лидера, заинтересованного в достижении контроля над происходящим и одновременно установления дружественных взаимоотношений со своими сторонниками, последователями, в конечном итоге со всеми, над кем имеет власть.

В составе такого анклава могут быть высокопоставленные чиновники, политические деятели, крупные бизнесмены, которым выгодна подобного рода дружественная мотивация. Характеризуя такой тип политических лидеров, М. Херманн сравнивает их с «пионерами освоения Америки» [5], в случае явной опасности выстраивавшими из числа своих сторонников «защитный круг», внутри которого находиться безопасно.

2. Модель «имперской мотивации», когда властные устремления лидера доминируют над потребностью в формировании доверительных отношений (аффилиации). Специфика прихода к власти в данной модели состоит в явно демонстрируемом подчинении собственной воли воле политического окружения, нередко жертвуя собственными интересами в пользу интересов группы, согласно принципу: «Что выгодно группе — выгодно мне». Добившись таким образом убежденности со стороны последователей в безусловном следовании интересам группы, в случае наступления опасности лидер имеет реальную возможность мобилизовать их на крайние, в том числе насилистственные, действия, укрепляя тем самым свои собственные политические позиции.

3. Модель «мотивации конкистадора» может быть охарактеризована как модель «лихого героя». Как правило, это харизматические политические лидеры, умеющие добиваться поставленных целей, не останавливаясь перед необходимостью использования грубой силы. Маргарет Херманн сравнивает их с «феодалами», которые умеют контролировать ситуацию, абсолютно уверены в своих силах, четко знают, что в данный момент наиболее выгодно для группы, умело манипулируют последователями и сторонниками, рассматривая их как средство достижения собственных политических интересов.

Разумеется, в чистом виде эти модели реализуются крайне редко, но отдельные, наиболее важные, но скрытые от повседневного восприятия их элементы свойственны многим политическим лидерам.

Владимир Путин является лидером России и ее самой яркой политической фигурой уже 18 лет. Вместе с тем на его примере особенно ярко можно проиллюстрировать, что представляет собой обратная сторона политического лидерства.

Власть и влияние В. В. Путина как политического лидера современной России зиждется на следующих «трех китах»: институционализм, профессионализм и корпоративизм. *Институционализм* отражает тенденцию к ограничению каналов карьерного роста лидеров определенными институтами и структурами (политическая партия «Единая Россия», вооруженные силы, государственный аппарат, ФСБ). В определенном отношении институционализм оказывается фактором становления вождизма: и власть, и легитимность, и авторитет части политических лидеров России в значительной степени обусловлены властью, легитимностью, авторитетом и влиянием рекрутировавших и образовавших канал их карьерного роста институтов.

Профессионализм политических лидеров современной России — это отношение к своей политической деятельности как к работе. Этот подход подразумевает гарантированное и дополнительное вознаграждение, гарантированный отдых, привилегии, сохраняющиеся по окончании трудовой деятельности (своего рода «пенсию») и т. п. С этих позиций, современное политическое лидерство в значительной степени продолжает традиции номенклатуры. Льготы и привилегии стали неотъемлемой частью политической деятельности именно в советское время, причем «речь идет о льготах, с помощью которых создаются условия повышенной комфортности жизни для избранного круга “наиболее ответственных” лиц, выделенного по признаку их принадлежности либо приближенности к власть предержащим. В этом случае льготы не базируются на объективных основаниях и превращаются в обычные привилегии...» [6, с. 17]. В связи с этим представляется закономерностью то, что окружающая лидеров российского государства роскошь (костюмы,

часы, яхты, особняки и т. п.) отражается в массовом сознании не в категориях справедливости — несправедливости, а в категориях заслуженности — незаслуженности. Российское общество готово воспринимать излишества как естественное продолжение имиджа государства и, более того, как естественное и неотъемлемое дополнение к авторитету и лидерским качествам его представителей, в первую очередь главы государства. Благодаря закрепленным в сознании общества номенклатурным традициям, доверие и симпатия народа к политическому лидеру сопровождаются лояльным отношением к привилегиям и возможностям, открывающимся ему вместе с властными полномочиями.

Корпоративизм, в соответствии с определением Н. А. Баранова, представляет собой взаимодействие политических корпораций, «позволяет им поделить рынок власти, не допуская к нему представителей широких слоев населения. Между корпорациями действует механизм “увязки” и согласования интересов. <...> В их основе всегда лежит единство интересов. Политическая система современной России представляет собой пример взаимодействующих между собой корпораций» [7, с. 120]. Так, мощнейшей и остающейся самой влиятельной корпорацией в России является та, основу которой составляют институты государственной безопасности РФ: ФСБ, ФСО и др., на эффективность и традиции деятельности которых ориентирован глава российского государства. Корпоративизм как политическая теория и как практика государственного регулирования свойственен многим руководителям современных государств, и в этом отношении корпоративизм Президента РФ В. В. Путина не является исключением и составляет часть его политического имиджа. Связь спецслужб с идеями сильного государства, державностью позволяет ему посредством апеллирования к корпоративным компонентам имиджа акцентуировать и актуализировать патриотические продержавные архетипы общественного сознания. В этом отношении

О. Крыштановская справедливо отмечала, что авторитет и власть спецслужб в России «вдвойне устойчива, тем более что она скреплена идеологией патриотизма» [8, с. 284]. Отмечаемая связь не всегда носит непосредственный характер в выступлениях главного политического лидера страны — чаще всего отсылки осуществляются на уровне символов, ассоциаций, подтекстов, аллюзий и реминисценций. Вместе с тем в его высказываниях и действиях присутствуют и прямые указания на восприятие реализации полномочий Президента РФ как исполнения гражданского долга, служения Отечеству.

Лидерство В. В. Путина имеет необычайно сложную, дуалистическую и противоречивую природу. С одной стороны, в контексте настоящей статьи — лицевой, В. В. Путин является сложной и многогранной личностью и политической фигурой, до сих пор недораскрывшейся в публичной политической деятельности. Более того, его образ отражает незаурядность при внешней «обычности»¹, что позволяет вполне определенно утверждать: в течение всего периода публичной политической деятельности с 1999 г. лидерство В. В. Путина является феноменом, в котором зеркально отражаются наиболее актуальные проблемы экономики и политики, готовность их решать, а также политические и социальные запросы политической аудитории — всей страны. В этом смысле именно «обычность» является той стороной личности, которая позволяет ему как основному политическому лидеру государства быть «зеркалом» социальной и политической реальности.

Феномен стремительного взлета В. В. Путина на политический Олимп России объясняется весьма удачным соединением его личностных качеств (решительность, сдержанность, деловитость, компетентность и др.) с условиями их реализации — социально-политической

¹ По данным социологического исследования (до начала выборов), одним из достоинств В. В. Путина респонденты называли нормальность, обычность: «нормальный человек, вопрос даже не в том, чтобы быть выдающимся, а в том, чтобы быть хотя бы нормальным», «скорее нормальный» и др. [9, с. 96].

и экономической обстановкой в стране, создававшей острое социальное напряжение (неразрешенный сепаратистский конфликт в Чечне, масштабный социально-экономический кризис, незавершенные либеральные реформы, противостояние региональных и федеральных элит, олигархат), и ожиданиями народа по поводу позитивного результата политического дебюта нового лидера. Напряжение, в частности, выражалось в определенном безразличии масс к личностным характеристикам и политической ориентации лидера при артикуляции особенных требований к деловым качествам: «Так, в исследовании 1999 г. значимым требованием, предъявляемым к политическим лидерам, было наличие деловых, а не политических характеристик. Построение избирательной кампании политических лидеров общественно-политического движения «Единства» строилось с использованием именно такой модели» [10, с. 211]. Образ В. В. Путина явился идеальным отражением требований не слова, а действия, не размышления и согласования, а быстрых решений, адекватно отражающих вызовы текущей ситуации.

Важным элементом другой, оборотной стороны политического лидерства является популизм, который в определенной степени присущ В. В. Путину как «зеркальному» российскому лидеру. Однако его популистский стиль можно охарактеризовать как «популизм для большинства». Такого рода популизм проявляется не только и не столько в ориентации лидера на тот или иной сегмент политического рынка (избирателей), попытке ориентироваться на удовлетворение запросов и чаяний той или иной социальной группы, класса, сколько в поиске среди всего населения России той массы, которая ориентирована на воспроизведение отношений *руководитель — подчиненный, вождь — ведомые* и построение политической коммуникации с опорой на эту часть нации.

В отношении указанной аудитории (которая составляет, по разным оценкам, от 80 до 85 % — абсолютное большинство взрослого дееспособного населения современной

России) избраны и последовательно реализуются технологии и приемы создания и поддержания отношений вождя и ведомых, вне зависимости от изменений политического курса. Такая идеологическая доктрина требует гибкости: она изменялась согласно идеологическим ориентирам самого В. В. Путина и корректировалась сообразно вызовам времени и соответствующим изменениям политического запроса аудитории. Так, до 2001 г. основными политическими ценностями властного дискурса В. В. Путина были суверенитет и демократия; в 2001—2003 гг. — порядок и стабильность; в 2004—2005 — достоинство и высокое качество жизни; в 2005—2008 гг. — ускорение, модернизация и мобилизация. С 2012 г. (окончательно дискурс сменился в 2014 г.) был взят курс на консервативные ценности: порядок, институциональную целостность, сильное государство, державность и патриотизм.

Все элементы идеологического дискурса В. В. Путина (несмотря на синтетичность и ситуативность в некоторые периоды), как разноцветные элементы мозаики, последовательно и непротиворечиво «укладываются» в определенную схему, согласно которой особый, суверенный путь России детерминирован вызовами времени и спецификой исторического развития страны, но не предопределен этими факторами. Будущее страны нацелено на усиление внешнеполитической роли, геополитической значимости, державности России, подтверждение ее мессианско-цивилизационной значимости на евразийском пространстве и укрепление благосостояния ее народа, т. е. превращение России в ведущую державу мира на новом витке истории.

Как главный политический лидер современной России В. В. Путин предопределяет направление «особого» пути России, формирует в целом внешне- и внутриполитическую повестку дня, является автором особого политического языка и политического тезауруса на внутренней и международной арене. Вместе с тем его политика поступательна, релятивна, лишена спонтанности. В его политическом месседже

и политической миссии четко прослеживается обращение к символическому «зонтику», ткань которого составляют уже упомянутые понятия государственной безопасности и силы (противостоящие им понятия — опасность, угроза, вызов, враг), держава, государство (контекстуальные антонимы — беспорядок, анархия, беспредел), патриотизм (противоположное понятие — предательство, космополитизм, в ряде контекстов либерализм).

Все грани лидерского дискурса В. В. Путина однозначно показывают, что он владеет представлением о целях и задачах государственного, социального, экономического и политического будущетворения для всей нации и государства, что эти цели и задачи полностью отвечают запросам политической аудитории большинства. В сочетании с набором личностных качеств и психологических приемов это формирует образ лидера, который способен обеспечить экономическую и социально-политическую стабильность, порядок и продвижение России в направлении того будущего, которое соответствует чаяниям большинства: сильное государство и счастливый народ.

Таким образом, лидерство как концентрированное выражение групповых интересов и искусство достижения согласия находит свое выражение в деятельности политического лидера, для которого данный социальный статус становится эффективным инструментом достижения как групповых, так и личностных (как правило, сокрытых) целей. «Оборотная сторона» политического лидерства связана в основном с личностными характеристиками политического лидера, властные устремления которого находятся в описанном Н. Макиавелли диапазоне «льва» и «лисицы» и целенаправленно преследуют, с одной стороны, достижение расположения, одобрения и доверия со стороны других людей, с другой — использование этого доверия для удовлетворения своих политических интересов. Такая мотивация таит в себе возможность разочарования и утраты доверия сторонников, перехода лидера в статус нелегитимного

политического деятеля. Однако этот транзит находится за пределами внимания авторов в настоящей статье.

Литература

1. **Блондель Ж.** Политическое лидерство: путь к всеобъемлющему анализу. М.: [Б. и.], 1992. 135 с.
2. **Вебер М.** Политика как призвание и профессия // Власть и политика / М. Вебер. М.: РИПОЛ Классик, 2017. С. 252—326. (Философия власти с Александром Филипповым).
3. **Гегель Г. В. Ф.** Работы разных лет: в 2 т. / Сост., общ. ред. А. В. Гулыги. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 623 с.
4. **Stogdill R.** Personal factors associated with leadership: A survey of literature // Journal of Psychology. 1948. Vol. 25. P. 35—71.
5. **Херманн М.** Составные части лидерства // Политология вчера и сегодня. Вып. 2. М.: АОН при ЦК КПСС, 1990. С. 177—204.
6. **Поленина С. В.** Закон как средство реализации задач формирования правового государства // Теория права: Новые идеи. Вып. 3. М.: Ин-т государства и права РАН, 1993. С. 13—22.
7. **Исаев Б. А., Баранов Н. А.** Современная российская политика. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
8. **Крыштаповская О. В.** Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
9. **Несторова С. В.** Кого же на самом деле выбирают наши граждане? Соотношение идеальных прототипов и реальных лидеров в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2000. № 5. С. 93—96.
10. **Малаканова О. А.** Политическое лидерство // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2001. С. 191—212.

Поступила 10.01.2018

Пирогов Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), aipirogov2013@gmail.com

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), rast-v2012@yandex.ru

References

1. Blondel' Zh. (Blondel J.) Politicheskoe liderstvo: put' k vseob'emyushchemu analizu (Political Leadership: Towards a General Analysis), M., S. l., 1992, 135 p.

2. Veber M. (Weber M.) Politika kak prizvanie i professiya (Politics as a Vocation), *Vlast' i politika*, by M. Weber, M., RIPOL Klassik, 2017, pp. 252–326, Filosofiya vlasti s Aleksandrom Filippovym.

3. Gegel' G. V. F. (Hegel G. W. F.) Raboty raznykh let, v 2 t. (Works of Various Years, in 2 Vols.), Sost., obshch. red. A. V. Gulygi, T. 2, M., Mysl', 1971, 623 p.

4. Stogdill R. Personal factors associated with leadership: A survey of literature, *Journal of Psychology*, 1948, Vol. 25, pp. 35–71.

5. Khermann M. (Hermann M.) Sostavnye chasti liderstva (Leadership Trait Analysis), *Politologiya vchera i segodnya*, Vyp. 2, M., AON pri TsK KPSS, 1990, pp. 177–204.

6. Polenina S. V. Zakon kak sredstvo realizatsii zadach formirovaniya pravovogo gosudarstva (Law as Implementer of Law-Governed State Formation Tasks), *Teoriya prava: Novye idei*, Vyp. 3, M., In-t gosudarstva i prava RAN, 1993, pp. 13–22.

7. Isaev B. A., Baranov N. A. Sovremennaya rossiiskaya politika (Modern Russian Policy), SPb., Piter, 2012, 448 p.

8. Kryshtanovskaya O. V. Anatomiya rossiiskoi elity (Anatomy of Russian Elite), M., Zakharov, 2005, 384 p.

9. Nesterova S. V. Kogo zhe na samom dele vybirayut nashi grazhdane? Sootnoshenie ideal'nykh prototypov i real'nykh liderov v sovremennoi Rossii (Whom Do Our Citizens Really Choose? Ideal Prototypes' and Real Leaders' Ratio in Modern Russia), *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 12 Politicheskie nauki*, 2000, No. 5, pp. 93–96.

10. Malakanova O. A. Politicheskoe liderstvo (Political Leadership), *Politicheskii protsess: osnovnye aspekty i sposoby analiza*, Pod red. E. Yu. Meleshkinoi, M., Ves' mir, 2001, pp. 191–212.

Submitted 10.01.2018

Pirogov Aleksandr I., Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), *aipirogov2013@gmail.com*

Rastimeshina Tatiana V., Doctor of Political Sciences, Associate Professor, professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), *rast-v2012@yandex.ru*

ИНФОРМАЦИЯ INFORMATION

V Декартовские чтения — Международная научно-практическая конференция «Декартовский дуализм и современная картина мира»

5th Readings from Descartes — International Research and Practice Conference “Descartes’ Dualism and Contemporary World View”

Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»

Институт философии РАН

Философское общество «Диалектика и культура»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

Белорусский национальный технический университет

Университет Калабрии (Италия)

Информационное письмо

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие в **V Декартовских чтениях — Международной научно-практической конференции «Декартовский дуализм и современная картина мира»**, которая состоится в Национальном исследовательском университете «Московский институт электронной техники»

15—16 ноября 2018 г.

Конференция пройдет в очном и заочном форматах.

Проблематика докладов и выступлений

1. Научная, философская и религиозная картины мира.
2. Современная естественно-научная картина мира.
3. Картезианский дуализм в современной философии сознания.
4. Единство субъективности сознания и объективности мира.
5. Человек в современной научной картине мира (междисциплинарное направление).

Планируется издание сборника статей к началу работы конференции. Сборник войдет в систему РИНЦ. Заявки вместе со статьей принимаются **строго до 30 июля 2018 г.**

Организационный взнос — 2 тыс. руб (издание сборника, кофе-брейки, товарищеский ужин).

Банковские реквизиты

Получатель: МИЭТ

ИНН: 7735041133 КПП 773501001

Р /сч. 40503810738154006392 в ПАО СБЕРБАНК г. Москвы

БИК 044525225 ОКПО 02066552

К/с 30101810400000000225

(поле 104) КБК 07060000000000000130

(поле 105) ОКТМО 45927000

Оргвзнос за участие в международной конференции «Декартовский дуализм и современная картина мира»

Все материалы направлять по электронной почте: esgi.miet@yandex.ru с пометкой «Фамилия И.О. — Декартовские чтения».

Адрес: 124498, г. Москва, Зеленоград, площадь Шокина, д. 1, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники».

Требования к оформлению статей

— Объем — 5...20 тыс. знаков (0,2—0,5 п. л.), представить в **редакторе Microsoft Office Word 2003, 2007**.

— УДК.

— Название статьи (на русском и английском языках).

— ФИО полностью (на русском и английском языках).

— Ученая степень, должность, кафедра, вуз (или другое место работы / учебы) (на русском и английском языках).

— Контактный e-mail.

— Адрес и индекс вуза / организации (на русском и английском языках).

— Аннотация (50—100 слов) и ключевые слова (5—7 терминов) на русском и английском языках.

Текст: Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5. Выравнивание по ширине. Отступ 1,25. Поля по 2 см со всех сторон, сноски с указанием номера из списка литературы и страниц (листов) делаются в квадратных скобках внутри текста.

Список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Образец оформления статьи

УДК ...

НОВЫЙ ТИП НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Иванов Иван Иванович

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России, государства и права Национального
исследовательского университета «Московский институт электронной
техники»

ivanov@mail.ru

площадь Шокина, д. 1, 124498, г. Москва, Зеленоград, Российская Федерация

Аннотация. 50—100 слов на русском языке.

Ключевые слова: 5—7 терминов на русском языке.

A NEW TYPE OF SCIENTIFIC RATIONALITY AND TECHNOGENIC CIVILIZATION

Ivanov Ivan Ivanovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Professor of the Department of History of Russia, State and Law, National Research
University of Electronic Technology
ivanov@mail.ru

Shokin Square, 1, 124498, Moscow, Zelenograd, Russian Federation

Abstract. 50—100 слов на английском языке.

Keywords: 5—7 терминов на английском языке.

Список литературы

В заявке обязательно указываются:

- Ф. И. О. полностью;
- ученая степень и звание;
- должность;
- название организации или учебного заведения (полное и сокращенное);
- название доклада с краткой аннотацией (50—100 слов);
- необходимость оборудования для презентации доклада;
- необходимость бронирования гостиницы;
- формат участия (очное, заочное);
- контактные адрес, телефон, e-mail.

Образец оформления заявки

Заявка на участие в работе V Декартовских чтений — Международной научно-практической конференции «Декартовский дуализм и современная картина мира»

(Москва, Зеленоград, 15—16 ноября 2018 г.)

Ф. И. О.	Ученая степень и звание	Должность	Название организации или учебного заведения (полное и сокращенное)	Название доклада	Оборудование	Участие очное, заочное, online	Контактные адрес, телефон, e-mail

Название статьи (доклада)

Аннотация (50—100 слов)

Скачать квитанцию, образцы оформления заявки и статьи можно на сайте журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования»:

<http://esgi-miet.ru/images/App1Zayavka.doc>

<http://esgi-miet.ru/images/App2Statya.doc>

<http://esgi-miet.ru/images/App3Kvitancia.doc>

Файлы со статьей и заявкой должны называться по фамилии с инициалами автора (авторов) (например, Иванов А.А.-заявка.doc, Иванов А.А.-статья.doc). Статьи, оформленные не по требованиям и не по тематике, к печати не допускаются. После 30 июля 2018 г. заявки и статьи не принимаются.

Книжные новинки

New Books

Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / Под науч. ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 311 с. — ISBN 978-5-7598-1750-5. — doi: 10.17323/978-5-7598-1750-5.

Настоящая монография представляет собой первое в Российской Федерации комплексное исследование, посвященное защите конкуренции в цифровой экономике. В работе рассматриваются общие вопросы взаимосвязи инновационной и конкурентной политики государства, исследуются актуальные проблемы, связанные с определением доминирующего положения, оценкой экономической концентрации, выявлением и пресечением картелей в условиях цифровой экономики, стимулированием конкуренции в сфере интеллектуальной собственности. Особое внимание удалено российской и зарубежной практике правоприменения. Оцениваются перспективы дальнейшего развития и изменения антимонопольного законодательства.

Для практикующих юристов, научных работников, преподавателей и всех, кто интересуется теорией и практикой антимонопольного регулирования в цифровую эпоху.

Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Ред. Б. З. Мильнер. — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2018. — 624 с. — (Научная мысль). — ISBN 978-5-16-003649-6.

В коллективной монографии обосновывается необходимость и предлагаются реальные пути пересмотра целевых установок, механизмов и правил, имеющих отношение к созданию и распространению интеллектуальных ресурсов, привлечению инвестиций, использованию творческого потенциала кадров, формированию систем мотивации и стимулов для овладения знаниями и реального внедрения инноваций; раскрываются подходы к повышению эффективности

технологий управления знаниями с учетом механизма интеграции стратегического управления и инновационного развития. Особенностью данного исследования является то, что в нем применен комплексный подход, позволяющий рассматривать вопросы перехода к инновационной экономике с использованием возможностей и методов разных отраслей знания: экономики, управления, социологии, психологии, юриспруденции, информатики, компьютерного программирования и др.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических вузов, руководителей предприятий и государственных учреждений, предпринимателей, а также для всех интересующихся проблемами инновационного развития.

Мюллер Я.-В. Что такое популизм? / Ян-Вернер Мюллер; Пер. с англ. под науч. ред. А. Смирнова. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 144 с. — (Политическая теория). — ISBN 978-5-7598-1710-9 (print), 978-5-7598-1697-3 (online). — doi: 10.17323/978-5-7598-1710-9.

В своей новаторской работе Ян-Вернер Мюллер утверждает, что в основе популизма лежит отказ от плюрализма. Популисты всегда заявляют, что они и только они представляют истинные интересы народа. Мюллер показывает, что, вопреки распространенному мнению, популисты могут осуществлять правление на основании своих притязаний на исключительное моральное представительство от имени народа: если у популистов достаточно власти, они в конце концов создают авторитарное государство, в котором все, кто не принадлежит к «истинному народу», будут исключены из политического процесса.

В книге предлагается ряд конкретных стратегий, которые могли бы помочь либеральным демократам понять, что делать с популистами, в частности, как противостоять их притязаниям на исключительное представительство от имени «молчаливого большинства» или «истинного народа».

Издание адресовано широкому кругу читателей.

Памятные и знаменательные даты в апреле — июне 2018 г.

Memorable and Remarkable Dates, April to June 2018

1 апреля — 110 лет со дня рождения Абрахама Харольда Маслоу, американского психолога, одного из основоположников гуманистической психологии (1908—1970).

5 апреля — 430 лет со дня рождения Томаса Гоббса, английского философа (1588—1679).

10 апреля — 455 лет со времени открытия первой российской типографии Ивана Федорова и Петра Мстиславца в Москве (1563 г.).

12 апреля — День космонавтики (Международный день полета человека в космос).

15 апреля — Всемирный день науки.

27 апреля — День российского парламентаризма.

1 мая — День международной солидарности трудящихся (в Российской империи праздновался с 1890 г., в Российской Федерации отмечается как Праздник Весны и Труда).

3 мая — Всемирный день свободы печати (отмечается по решению ЮНЕСКО с 1991 г.).

5 мая — 200 лет со дня рождения Карла Маркса, немецкого мыслителя и общественного деятеля (1818—1883).

9 мая — День Победы Советского Союза над фашистской Германией в Великой Отечественной войне (1941—1945).

17 мая — Всемирный день электросвязи и информационного сообщества.

21 мая — Всемирный день культурного разнообразия во имя диалога и развития.

24 мая — День славянской письменности и культуры.

26 мая — 190 лет со дня рождения Б. Н. Чичерина, русского философа, социолога, историка и юриста (1828—1904).

6 июня — Пушкинский день России.

12 июня — День России: день принятия Декларации о государственном суверените-те Российской Федерации.

14 июня — 195 лет со дня рождения П. Л. Лаврова (1823—1900), русского социолога, философа, публициста, революционера, историка, одного из идеологов народни-чества.

19 июня — 395 лет со дня рождения Бле-за Паскаля, французского математика, фи-зики, религиозного философа и писателя (1623—1662).

22 июня — День памяти и скорби: день начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

30 июня — День экономиста.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «**Экономические и социально-гуманитарные исследования**» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат А4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата А4 с четким и ясным шрифтом;
- 2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);
- 3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);
- 4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 10 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — до 6 страниц текста и 2 рисунка.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Внимание! Редакция должна быть уверена, что ни представленная работа, ни ее части не были ранее опубликованы и не находятся на рассмотрении в других изданиях. Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат».

Аннотация (предоставляется *на русском и английском языках*) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой с запятой.

Текст печатается через полтора интервала с размером шрифта не менее стандартного машинописного (Times New Roman, кегль 13). Абзацы отделяются друг от друга одним маркером конца абзаца (применение этого символа в других целях не допускается), ширина отступа (1,25 см) устанавливается в меню Word *Формат → Абзац*; набор текста начинается с левого края; по правому краю текст не выравнивается; текст набирается без переносов. Все слова внутри абзаца разделяются только пробелом. Перед знаками препинания пробелы не ставятся, после них — один пробел. Не допускается применение разрядки, псевдографики, а также стилей.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черно-белыми, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Векторные рисунки предоставляются в форматах EPS или CDR (версии не выше Adobe Illustrator CS5, CorelDRAW X3). Текст и линии на рисунке должны быть редактируемыми (текст не «в кривых»).

Полутоновые рисунки (фотографии) принимаются только в градациях серого, могут быть предоставлены в формате TIFF (без компрессии) или в виде оттиска на матовой бумаге (предпочтительный формат 9 × 12). Использование MS Word не допускается.

Бумажные оттиски рисунков должны быть пронумерованы и подписаны (на обороте каждого рисунка разборчиво написать порядковый номер, фамилию и инициалы автора). На иллюстрациях, по внешнему виду которых трудно или невозможно определить их расположение, следует сделать пометки «верх» и «низ».

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (–), знак «минус» (–) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Пронумерованные формулы (нумеруются только те, на которые есть ссылки в тексте) выносятся отдельной строкой и располагаются по центру. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции \lim , \lg , \ln , \arg , const , \min , \max и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в порядке ссылок на нее по тексту. Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

— для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для *материалов конференций, школ, семинаров*: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;

— для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» в любом отделении Почты России